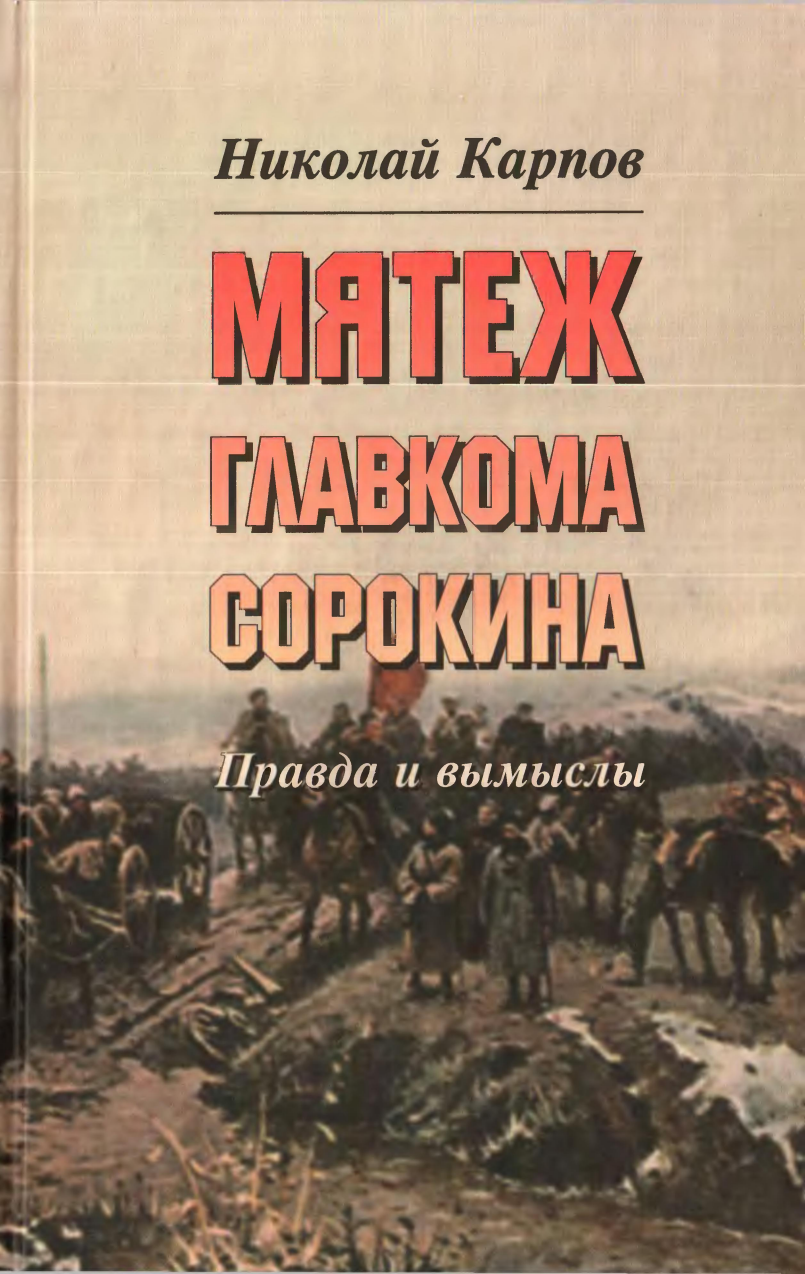
Николай Карпов

МЯТЕЖ ГЛАВКОМА СОРОКИНА

Правда и вымыслы



СЕРИЯ «СТРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»

Н. Д. Карпов

МЯТЕЖ ГЛАВКОМА СОРОКИНА

ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

Москва • РУССКАЯ ПАНОРАМА • 2006

ББК 66.3(2 Рос)6
К21

Серия «Страницы российской истории»

Карпов Н.Д.

К21 **Мятеж главкома Сорокина:** правда и вымыслы. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2006. – 415 с.: ил. – (Страницы российской истории).

ISBN 5-93165-152-7

В книге военного историка Карпова Н.Д. рассказывается о малоизвестных событиях начала Гражданской войны на Юге России. В то мятежнее время наряду с революционерами-профессионалами к руководству повсеместно формирующимися красногвардейскими отрядами пришли люди, которых захватила романтика вооруженной борьбы, стремление реализовать собственные представления о том, как улучшить жизнь простых людей.

В центре повествования – главнокомандующий Красной Армией Северного Кавказа И.Л.Сорокин – личность яркая, неординарная и противоречивая, с большими задатками талантливого полководца. Триумфом его военной деятельности явился разгром Добровольческой армии генерала Корнилова в апреле 1918 г., а также ряд других удачно проведенных боевых операций. Однако в историю советского периода он вошел как авантюрист, предатель революции и враг народа. Используя архивные и другие источники автор попытался доказать беспочвенность этих утверждений.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2 Рос)6

На переплете: фрагмент картины М.Грекова «На Кубань».

ISBN 5-93165-152-7

© Н.Д.Карпов, 2006
© Оформление. SPSL, 2006
© «Русская панорама», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4
Глава 1. Малая родина казачьего полководца 9
Глава 2. Годы молодые 23
Глава 3. В Первом Таманском 36
Глава 4. На Русско-японской войне 41
Глава 5. Военфельдшером на Кавказском фронте 53
Глава 6. Сорокин - офицер 79
Глава 7. В гуще революционных событий 126
Глава 8. Как все начиналось 149
Глава 9. Русско-русский фронт 174
Глава 10. Без Автономова 238
Глава 11. Во главе красных войск Северного Кавказа 263
Глава 12. Смерть Сорокина 328
Заключение 373
Примечания 378
Именной указатель 393

Посвящается моей супруге
Валерии Павловне

Введение

Наверное, нет на земле народа, в истории которого не было бы трагических страниц, связанных с массовой гибелью соотечественников. Если это случалось во время природных катаклизмов, без участия так называемого «человеческого фактора», то такие события, несмотря на масштабы несчастья, как правило, не оставляли в душах пострадавших, но оставшихся в живых, желания кому-то мстить. Ведь человеку со здоровой психикой вряд ли придет в голову наказывать воду, ветер, горы или огонь.

Однако есть другая категория причин гибели людей – это войны, при которых заранее планируются, готовятся и осуществляются убийства, причем всегда с использованием самых последних достижений науки и техники. Но и войны бывают разные. В большинстве из них есть две стороны – агрессор и жертва, и тут существует возможность воздействовать на агрессора, заставить его прекратить братоубийственную войну или, по крайней мере, хотя бы вести ее цивилизованными методами.

Но есть другой тип войн, где убивают друг друга граждане одной и той же страны. У каждого из них своя правда, свой резон, отличный от лозунгов вождей противоборствующей стороны, и стоит только пролиться первой крови, как начинается месть, переходящая в братоубийственную бойню. Зачастую в такой конфликт вовлекаются и другие страны, и не с целью потушить его, а чтобы помочь одной из сторон уничтожать другую, причем обязательно с выгодой для себя. Через такую войну в 1918–1921 гг. прошли народы, населявшие Россию.

Страна в то время разделилась на белых и красных, причем этот раздел прошел не только между какими-то социальными группами населения, но и через многие семьи. Это сегодня в мире созданы силы, обладающие полномочиями международного сообщества по разъединению противоборствующих сторон, да и то

им это удается далеко не всегда. А часто и наоборот, их «благое» вмешательство лишь усугубляет конфликтную ситуацию, приводя страну к гуманитарной катастрофе. Примеров тому, особенно в последние годы, становится все больше.

В разных регионах страны к общим, уже известным причинам возникновения Гражданской войны прибавлялись и свои, специфические. Так, к примеру, на Кубани, где давно уже тлели угли конфликта между казаками и иногородними[1], Октябрьский переворот раздул их в настоящий пожар, и в нем сгорели тысячи и тысячи и тех и других. Здесь на 1,4 млн казаков в результате проводившегося в XVIII–XIX вв. заселения этого региона крестьянами в основном из южных областей России скопилось 1,6 млн тех самых иногородних. По существовавшему тогда положению они не обладали правами казаков, пользовались гораздо меньшими наделами земли, а чаще вовсе не имели таковой, арендовали ее у казачьей общины.

Накануне революции иногородние, например, без согласия властей не имели права возводить для себя какие-либо новые постройки, и даже ремонтировать уже имеющиеся, не могли восстанавливать уничтоженный пожаром дом, а пользоваться общественным выгоном* разрешалось только в ограниченных размерах и за довольно-таки высокую плату. При взыскании с иногородних подводной[2] и постойной[3] повинностей станичные власти зачастую позволяли себе различные махинации, на этой почве нередко возникали споры, драки, а то и настоящие побоища. Казаки присваивали иногородним различные обидные имена. Например, казаки-черноморцы[4] за глаза, а нередко и в открытую называли иногороднего «бисова душа», «остропузая», «гамзеля», «городовык», а тот отвечал тем же, «величая» казака «циркулем», «каклуком», «пугачем» и т. д. Правда, иногородние не выполняли казачьих обязанностей – не несли многолетнюю воинскую службу, не должны были покупать и содержать за свой счет строевого коня, обмундирование и оружие. Но это в расчет особо не принималось. После Октябрьской революции 1917 года любой мало-мальски зажиточный казак согласно новой революционной «моде» получил от иногородних ярлык «буржуя».

Пожалуй, самые драматические события, ставшие следствием накопившихся противоречий политического и экономического

---

* Участок, с подножным кормом для выпаса домашнего скота.

характера, произошли на Юге России вообще и на Кубани в частности в первой половине 1918 года. Здесь после Октябрьского переворота призывы большевиков быстро усвоились бедняками и частично середняками, и советская власть была установлена сравнительно легко. Крестьяне иногородние и бедные казаки увидели в ней силу, которая могла помочь им занять достойное место под солнцем. Среди существенных факторов, дестабилизировавших в это время обстановку на Кубани, следует назвать появление отступивших туда с Украины под напором немцев красных отрядов, в том числе революционных черноморских моряков. Одни из них прибывали из Крыма, оккупированного немцами, через Керчь, Таманский полуостров и со стороны Ростова, другие из Новороссийска, где затопили свои корабли. Рассеявшись по Кубани, часть из них примкнула к Советам. Но среди них было немало анархистски настроенных, попросту разложившихся людей, которые тут же от имени Советской власти занялись экспроприацией продуктов, одежды, различных ценностей. Эти реквизиции ничем не отличались от обыкновенных грабежей, что очень сильно подорвало авторитет новой власти. Она провозгласила понятные и привлекательные для народа лозунги, а обеспечить их реализацию законными методами не могла.

В то мятежное время в станицах восставали то белые, то красные, и война, в конце концов, стала олицетворением беззакония. Она велась без каких-либо правил и законов, так как старые, царских времен, уже не действовали, а новых пока не создали. Конечно, видимость законности принимаемых мер все же иногда создавалась, но то была именно видимость. Имея силу и оружие, нечестные люди и просто негодяи получали возможность завладевать имуществом более зажиточных соседей, сводить счеты с реальными и мнимыми обидчиками. Политики, опиравшиеся на штыки, стали грубо убирать с дороги тех, чьи взгляды или действия их не устраивали, жертвами произвола в военной среде нередко становились люди более принципиальные, удачливые, более умные, наконец.

В результате боевых и других действий Россия тогда понесла огромные потери. В свое время их подсчетами занимался член-корреспондент АН СССР Ю.А. Поляков. Вместе с американскими учеными он сравнил потери США и России в двух Гражданских войнах. У американцев потери составили около 600 тысяч человек, но практически все они произошли за счет боевых дей-

ствий. Мы же потеряли свыше 12 миллионов. Если учесть, что осенью 1917 г. в России проживало более чем 147,6 млн человек, то несложные подсчеты показывают: погиб каждый 10-й житель нашей страны[5]. Если же считать по методике одного из крупнейших наших экономистов и статистиков академика С.Г. Струмилина, который предлагал считать не только тех, кто погиб, но и кто не родился у погибших жителей страны, то потери составили 21–25 млн человек[6].

Есть одна особенность, которую нужно иметь в виду. Подходить к оценке тогдашних действий революционеров и контрреволюционеров с юридическими мерками сегодняшнего дня – дело бесперспективное. И белые и красные считали себя борцами за счастье народа, но при этом, во имя провозглашенных высоких целей (одни в борьбе «За единую и не делимую Россию», другие «За счастье коммунизма»), творили насилия, грабили и бесчинствовали. На смену здравому смыслу и терпимости зачастую приходили сиюминутные эмоции и настроения, а когда появлялись первые жертвы этого беззакония на первый план выходила месть, она стала доминировать над здравым смыслом, использовалась как главный аргумент в наведении порядка, установления справедливости. Так как суд считался буржуазным предрассудком, довольно-таки распространенным явлением стало объявлять людей «вне закона». Эта практика была удобной для тех, кто ею пользовался. После того как кого-то объявляли «вне закона», можно было не мучиться угрызениями совести, так как взять грех на душу и убить этого человека мог теперь кто угодно. Так действовал Сорокин, так поступили и с ним.

Едва отгремели залпы Гражданской войны, на свет появилась еще одна изуверская формулировка. Когда органы правосудия пытались выяснить обстоятельства необоснованных репрессий и террора у тех, кто отдавал приказы об уничтожении конкретных людей, звучал ответ: «ввиду революционной целесообразности». Параметры этой «целесообразности» устанавливались произвольно, и лишить человека жизни можно было не особенно утруждая себя сбором доказательств его виновности; в результате летели невинные головы.

Все эти события были характерны для страны в целом, но на Кубани они стали более острыми и яркими, так как здесь на объективный ход их развития наложили свои отпечатки некоторые субъективные, очень важные для этого региона факторы.

Первый из них – особый состав населения. Исторически сложилось так, что его мужская часть всегда предназначалась в царской России для ведения войн, готовилась к ним. Нужен был только повод, чтобы война запылала здесь с необыкновенной силой и жестокостью. Второй фактор – опять-же чисто человеческий. Здесь к руководству многими красными вооруженными формированиями пришли люди с расплывчатыми политическими воззрениями, однако личности яркие, необыкновенно смелые, умевшие повести за собой массы войск одной только силой личного примера.

Среди них две ключевых фигуры, два главнокомандующих красными войсками – Александр Исидорович Автономов, возглавлявший Юго-Восточную революционную армию, и Иван Лукич Сорокин – главнокомандующий Красной Армией Северного Кавказа. Сейчас можно уже со всей определенностью сказать, что в силу причин, о которых будет сказано дальше, они были востребованы только на определенном этапе Гражданской войны, стали героями только определенного времени и не могли долго находиться у руководства всеми вооруженными силами Северного Кавказа. Их уход был предопределен, дело было только во времени и в стечении обстоятельств. Так оно и случилось, но если Автономов остался в истории Гражданской войны как человек ошибавшийся, но нашедший в себе силы признать свои ошибки, то Сорокину была уготована другая судьба.

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто оказал неоценимую помощь в создании книги и в первую очередь: кандидату исторических наук Н.С.Черушеву, доктору исторических наук профессору И.Я.Куценко, работникам станицы Петропавловской – главе ее администрации Н.И.Селиванову и начальнику военно-учетного стола Г.Е.Подомкиной, станичному ветерану И.Н.Горлову, писателям-кубанцам М.А.Сакке и П.И.Ткаченко, работникам Ставропольского краеведческого музея им Г.Н.Прозрителева и Праве.

Глава 1.

Малая родина казачьего полководца

Сорокин Иван Лукич – казак, сын и внук казака. Его детство проходило на благодатной кубанской земле, так богатой своей героической историей. Оно протекало также, как и у его сверстников-казачат, с той лишь может быть разницей, что у него очень рано обнаружились черты характера, сыгравшие впоследствие решающую роль в его непростой судьбе.

Родился Иван 4 декабря 1894 г. в станице Петропавловской, которую раньше да и сейчас еще нередко называют Петропавловкой. Наиболее полное представление о том, что собой представляла эта станица в то время, дает историческая справка, напечатанная в Екатеринодаре в Памятной книжке Кубанской области в 1875 г.

Из этой справки следует, что Петропавловская расположена в 83 верстах от уездного города и в 126 от областного центра, на левом берегу р. Чамлыка. Это одно из старейших казачьих поселений в Курганинском районе и на Кубани вообще. Она основана в 1845 г. переселенцами из 4-й бригады линейного казачьего войска, бывшими дезертирами из полков Кавказской армии в Персии, которых вернули в отечество. Первые поселенцы не случайно выбрали это место для своей будущей станицы. То был поистине сказочный уголок Закубанья. Вокруг простиралась земля, годная для выращивания хлеба и разведения садов. Зачаровывала чистота воды в реках, где купали свои ветви плакучие ивы, было полно всякой рыбы. Лес изобиловал дичью, а воздух степи был наполнен пьянящим запахом разнотравья, так что за корм лошадям и скоту можно было не беспокоиться.

Шла война с горцами, и чтобы обезопасить себя от их внезапного нападения, казаки сразу же обнесли территорию своей будущей станицы высокой оградой. Она представляла из себя зем-

ляной вал, а также две линии плетня из терновника и колючек. С наружной стороны вала были выкопаны широкие и глубокие рвы. По форме это казачье поселение, как, впрочем, и другие в то время, представляло собой четырехугольник, внутри которого образовывались улицы и переулки, а вдоль них соответственно создавались казачьи дворы. Каждый казак тянул жребий, и таким образом обзавелся местом своего проживания. В центре станицы оставили площадь для церкви. Вблизи нее построили общественные здания – станичное правление с двором и станичную конюшню для лошадей постоянного резерва в 30–40 голов. На них казаки должны были готовы в любую минуту встретить горцев и отразить их нападение.

Шли годы, население станицы пополнялось переходом в казачество нижних чинов Кавказской армии, а также крестьянами различных губерний. По имеющимся данным уже через 30 лет после основания станицы в ней числилось казачьего сословия 1782 человека мужчин и 1874 женщин. Из иногородних проживало 464 мужчины и 425 женщин. Всего, таким образом, насчитывалось 2246 лиц мужского и 2299 женского пола. Прирост населения станицы шел также за счет детской рождаемости, ежегодно на свет появлялось свыше 150 детей, заключалось до 70 браков. Семейные узы петропавловцев были крепкими, за 30 лет, с 1880 по 1910 г., в станице не случилось ни одного развода.

Население исповедовало в основном православную веру, но, как сказано в той же исторической справке, 121 мужчина и 148 женщин принадлежали к секте иудействующих, их еще называли субботниками*. В станице была построена приходская церковь во имя апостолов Петра и Павла. Все православные жители Петропавловской отличались большой набожностью, церковь посещали регулярно, приходскому священнику за счет Кубанского войска выплачивался солидный по тем временам оклад в сумме 200 рублей и 70 копеек.

Когда произошло замирение кавказских горцев, то вблизи станицы образовалось еще несколько хуторов, в том числе и по

---

* *Субботники* (иудействующие) – секта духовных христиан в России, близкая к секте молокан; члены этой религиозной группы не подчинялись церковной власти, а еженедельным духовным праздником считали субботу.

р. Лабе (Лабенку). Местные жители завели мельницы, сады и огороды вдоль рек Синюха и Чамлык. Неподалеку от станицы били ключи, и их водой наполнялось несколько небольших прудов, которые использовались для водопоя домашнего скота. Однако жаркими летами вода в них испарялась и портилась, в результате бывали болезни животных. В 1872 г., например, из-за недостатка проточной воды жители станицы потеряли 6000 голов скота. Эти обстоятельства побудили казаков и иногородних станицы принять участие в денежных расходах по проведению канала для обводнения р. Чамлыка.

Петропавловцы отличались изрядным трудолюбием, успешно занимались всеми видами земледелия, особенно хлебопашеством. В районе станицы было распахано для посевов озимых и яровых хлебов, льна, картофеля и подсолнечника всего около 33000 четвертей*. Благоприятные почвенные и климатические условия позволяли собирать большие урожаи хлеба, излишки которого пускались на продажу и так сельчане развивали свое хозяйство. На случай неурожая, стихийных бедствий и при увеличении требований по поставке хлеба на войну в станице был создан и постоянно поддерживался запас озимого и ярового зерна в количестве свыше 620 четвертей. Местные жители занимались и пчеловодством. Пчелиных семей в станице насчитывалось около 600, а их владельцы ежегодно получали до 60 пудов меду, 20 пудов воска, выручая от продажи их до 1000 рублей.

Как и везде на Кубани, жители станицы разводили домашний скот. В 1875 г. у них имелось 530 лошадей, 850 волов, 8010 коров и гулевого скота, 23000 овец и коз, 2200 свиней. Как видно из этих данных, количество лошадей по сравнению с численностью мужского населения было небольшим, что для такой большой станицы, казаки которой несли службу в строевых частях, было, в общем-то, не характерно. Объясняется это хозяйственной расчетливостью петропавловцев. Им выгоднее было держать значительное количество домашнего скота, который в случае необходимости можно было легко и быстро обменять в соседнем горском ауле на скакуна.

По линии населенных пунктов, расположенных вниз по течению р. Лабы, начиная от станицы Лабинской, передвижение

---

* *Четверть* – русская мера площади, равная ок. 0,6 га.

войск и этапов до революции было сравнительно небольшим, вследствие чего местные жители не были обременены ни подводной, ни постойной повинностями. Зато в их обязанности вменялось поддержание в исправности сети дорог, а также имевшихся мостов и бродов через близлежащие реки. В 7 верстах от Петропавловской существовала паромная переправа через р. Лабу. Она очень оживляла эту местность, так как от нее дорога вела в аул Ечрцхаевский и дальше в предгорные станицы Кубани. По этой дороге постоянно шло движение подвод, всадников, телег, запряженных волами. Кроме того, из Петропавловской еще три дороги вели на станицы Курганную, Михайловскую и Кавказскую.

Благословленная кубанская земля всегда притягивала к себе людей неординарных, навечно вошедших в историю края. В свое время неподалеку от Петропавловской в Тенгинском полку несли службу поручик-поэт М.Ю. Лермонтов и артиллерист-писатель Л.Н. Толстой. В самой станице начинал свою трудовую и научную деятельность агроном-селекционер, будущий ученый с мировым именем, академик сельскохозяйственных наук, дважды Герой Социалистического труда Василий Пустовойт.

Как уже подчеркивалось, казаки петропавловцы в большинстве своем были людьми зажиточными, вследствие чего и преступления в их среде были явлением крайне редким. В течение 1873 г., например, в пределах станичного юрта* было совершено 4 кражи со взломом и 2 грабежа, но в преступлениях этих жители станицы были скорее всего жертвами, чем преступниками. Такой порядок в станице порождал обстановку безопасности и благополучия. Войсковые власти относили это на счет большой требовательности и добросовестного отношения к своим обязанностям станичных атаманов, особенно урядника Булгакова, который атаманствовал в 70-е годы. В станице работала маслобойня, перерабатывавшая подсолнечные семена на масло, а также 11 расположенных по течению р. Чамлык водяных мельниц. Они полностью удовлетворяли запросы местных жителей по выработке муки, отрубей и различных отходов при помоле зерновых для кормления скота.

Прочное экономическое состояние казаков станицы не вызывало необходимости заниматься им отхожим промыслом, что в

---

* *Станичный юрт* – совокупность всех территорий, принадлежащих данной станице, включающая и относящиеся к ней хутора.

то время для других станиц было делом обычным. Лишь небольшая часть из них занималась чумачеством[7]. Станица, несмотря на ее внушительные размеры, своей ярмарки не имела. Она сама в значительной степени обеспечивала продукцией сельского хозяйства базары и ярмарки, находящиеся в соседних населенных пунктах: Лабинской, Прочноокопской и Воздвиженской. Но, выражаясь современным языком, торговых точек в станице было достаточно. В ней успешно работали 1 трактир, 10 лавок, 12 питейных заведений. Почти все они были собственностью иногородних. Большой умеренностью в употреблении крепких напитков казаки станицы не отличались. Есть данные, что в 1873 г. ими было куплено 2700 ведер водки и вина чихиря* 870 ведер. Это всерьез обеспокоило станичное правление, и оно приняло решение с 1875 г. закрыть все кабаки.

Станица не сильно зависела от города, она, по сути дела, сама обеспечивала себя почти всем необходимым для жизни. В ней имелось 2 производства - по выделке кож и скорняжное, велась переработка льна, изготовлялись пенька, холст, полотна, веревки валенки. Были свои шорники, которые делали подхомутники, полсти, потники для лошадей, имелись также сапожники, бондари, кузнецы и плотники. Своим трудом они снижали зависимость станичников от города.

В 1875 г. в станице было 5 общественных зданий и 884 частных дома. В станичной школе в 1881 г. обучалось до 80 казачат, а спустя 8 лет она стала именоваться Александровским 2-х классным училищем. Преподаватели имели хорошую педагогическую подготовку, велось даже обучение немецкому языку. Население станицы росло так быстро, что уже через десять лет после ее основания в ней проживало не две, а около шести тысяч человек, а через четверть века к ним прибавилось еще свыше семи тысяч. В 1916 г. население Петропавловской составляло уже более 17 тысяч жителей. В ней было 16 ветряных и водяных мельниц, 4 молокоперерабатывающих и 2 кожевенных завода, 5 кузниц, 9 мостов через реку Чамлык, 40 паромолотилок и более 300 сноповязалок.

Петропавловская, как и любая другая кубанская станица, в те годы была прочным историческим и бытовым фундаментом казачьего самоуправления. От нее во многом зависело воспитание

---

* *Чихирь* - легкое домашнее вино крепостью 6–8 градусов.

молодежи на Кубани, состояние многолетнего уклада жизни и быта, приверженность казачьим традициям, хозяйственное благополучие и самое главное – соблюдение кодекса казачьей чести. Станица была «питомником» казачества, важнейшим элементом его живой силы. Вот почему, когда на Кубани Советская власть активно взялась за разказачивание этой и других областей, то многие станицы вдруг стали называться селами.

Управлялась Петропавловская станичным сбором выборных казаков, таким своеобразным «станичным парламентом». В него избирался один казак от 10 дворов (хозяйств). При этом избираться мог любой казак-хозяин, достигший 25-летнего возраста и окончивший 4-х летний срок своей действительной службы. Избранный назывался «выборным стариком», хотя стариком в обычном понимании он и не был. Как исключение мог быть избран казак даже не служивший, но достигший требуемого возраста, и очень хорошо проявивший себя. Выбирались же обычно люди солидного возраста, опытные в ведении как своего хозяйства, так и в станичных делах, дабы быть примером другим. Избирался такой «парламент» сроком на один год. Собираясь потом на завалинках или на бревнах, которые всегда бывали перед каждым казачьим двором, обычно по вечерам, перед заходом солнца или в праздничные дни, соседи от 10 дворов обсуждали станичные дела и давали своему «выборному старику» наказ – какие вопросы поднимать на станичном сборе. Титул «старика» неизменно получал и отец Ивана Сорокина, Лука Илларионович.

Со временем, в связи с ростом населения, увеличивалось и число школ для станичной молодежи, и в 1905 г. появились еще 4 новых – 2 с трехлетним обучением, 1 с пятилетним, и 1 церковно-приходская; в 1910 г. начала работать школа Орлова (ныне средняя школа № 10). В церковно-приходской школе была открыта народная библиотека. В начале книг не хватало, особенно для детей, и их переписывали от руки. Для сравнения отметим, что сейчас в библиотеке станичного Дома культуры насчитывается 14 тысяч экземпляров книг. Ныне в станице имеется 3 средних школы. В них обучается свыше 1000 учеников. За полуторавековую историю станицы Петропавловской в ее школах получило начальное и среднее образование и не одно поколение Сорокиных. И что характерно, буквально все они, включая и ныне здравствующих 10 правнуков и правнучек Ивана Лукича Сорокина, отличались острым умом и жаждой к знаниям.

В 1904 г. в станице открыл двери для прихожан новый Свято-Дмитриевский храм. В 1909 г. в нем венчались Иван Лукич и Лидия Дмитриевна. Как и большинству церквей России, ему была уготована нелегкая судьба. После революции храм был закрыт; в годы немецкой оккупации фашисты устроили там конюшню. Когда окончилась Великая Отечественная война, его слегка подремонтировали и открыли в нем пионерский лагерь. Только к своему столетию храм был полностью отреставрирован. В 2004 г. жители станицы широко отметили его столетний юбилей.

В станице много улиц, в именах которых доминируют приметы советской эпохи, но сохранились и такие, которые свое название получили практически с основания станицы. Это Крайняя, Выгонная, Базарная, Садовая, Заводская и другие. В станице был большой ипподром, где казаки по праздникам показывали свое мастерство на конноспортивных соревнованиях в джигитовке, рубке лозы, проводились скачки. В эти дни доморощенные музыканты играли на народных музыкальных инструментах, звучал станичный казачий хор. К сожалению, сейчас ипподром не востребован, зарос бурьяном.

Казаки станицы очень гордились своей принадлежностью к «казачьему роду-племени». Не жалели денег на красивые черкески, бешметы, башлыки, папахи и сапоги, щеголяли друг перед другом дедовским холодным оружием и хорошими строевыми лошадьми. В большие религиозные праздники: на рождество, масленицу, пасху, спас, крещение и благовещение в станице устраивались народные гуляния. В эти дни очень нарядно одевались и казачки. Станица буквально расцветала от их шубок с красной окантовкой, лаковых сапожек, элегантных кофточек и юбочек с красивой разноцветной оторочкой.

В советские времена ношение казачьей формы властями не приветствовалось, да и стоила она дороговато, но тем не менее каждый казак стремился ее иметь. Один из старейших жителей станицы, бывший председатель колхоза, отслуживший 3 срока председателем сельсовета Иван Николаевич Уваров, с задорным блеском в немолодых уже глазах летом 2005 г. рассказал автору такой случай. Где-то в шестидесятых годах его однажды предупредили о том, что в станицу приезжает с проверкой высокое краевое начальство. Он собрал около полусотни казаков, у которых в хорошем состоянии была казачья форма, столько же лошадей из колхозного табуна и отрепетировал торжественную встречу

начальников. Как только машина их приблизилась к окраине станицы, к ней вдруг с гиком и свистом с двух сторон ринулась казачья лава. Затем, подскакав на небольшое расстояние к машине, казаки так же внезапно свернули лаву в колонну и торжественно с песней двинулись впереди начальства в станицу. Опешившие руководители долго не могли решить хвалить или ругать Уварова за такую инициативу и, наконец, все же решили похвалить, но предупредили, чтобы в систему такие встречи он не вводил.

Как образно сказал великий русский писатель Н.В. Гоголь: «Казачество – это искра, высеченная из груди русского народа ударами бед». Немало этих бед пришлось и на долю петропавловцев. Тяжелым бременем ложились на них все войны, на которые приходилось уходить чуть ли не каждому способному носить оружие мужчине станицы. Их предки прославили свою малую родину в Крымской войне 1854–1856 гг. Кавказский фронт стал их постоянным местом «прописки» во всех войнах, которые вела Россия с турками. В Первую мировую войну каждый третий казак станицы был награжден Георгиевским крестом, а Андрей Красников и Василий Петинов стали полными кавалерами этих высоких знаков боевого отличия. Высоких наград был удостоен и И.Л. Сорокин. Он имел медаль на Станиславской ленте и медаль «За поход», полученные в годы Русско-японской войны, два солдатских Георгиевских креста и орден Св. Анны 4-й степени за 1-ю Мировую войну.

Новые испытания жителей станицы ожидали в период братоубийственной Гражданской войны. Тогда из станицы ушло 14 больших и малых кавалерийских красных и белых отрядов, в общей сложности около 2000 казаков и иногородних крестьян. Большинство из них воевало в соединениях и частях под командованием легендарных красных полководцев Сорокина, Буденного, Кочубея. Другая, большая часть казаков, те, кто добровольно или по мобилизации вступили в белую Добровольческую армию и войска Кубанской Рады, воевала под знаменами генералов Покровского, Шкуро, Улагая, Морозова и др.

Не успели петропавловцы вздохнуть после Гражданской, как начались репрессии периода раскулачивания и разказачивания. И снова станица несла тяжелые потери в людях, все более скудной становилась ее хозяйственная жизнь. В конце 20-х – начале 30-х годов от голода, болезней, ссылок и репрессий в станице из 22000 ее жителей ушло из жизни 15000. Как написал в своем

хроникально-документальном сборнике «В станичный храм истории» кубанский писатель Михаил Александрович Сакке, в это невыносимо тяжелое время «...умирали по одному и целыми семьями. Скончался Синецкий Михаил Николаевич, его сын Коля, потом и Люба, Нина, Мария. Не стало семьи Конаревых – Василия Степановича и Василины Михайловны, их детей – Ивана, Григория, Ольги и Анны. Отвезены в большую яму семь трупов Прокоповых. Их, как и многих, кто умер от голода, соратники «отца народов» причислили к саботажникам. Это роковое слово острой болью отзывается в душах петропавловцев... Через шесть десятилетий на средства местных жителей на кургане, у подножия которого лежит прах тысяч станичников, был возведен семиметровый памятник – крест «Жертвам голода»[8]. В станице долго еще искали «врагов народа». Многим петропавловцам пришлось смывать этот позорный ярлык вдали от родных мест – на Урале, в Сибири и Ставропольском крае. Такая участь постигла многих, в том числе бригадира табаководов П.Ф. Вендина, станичников Я.В. Скляренко, Е.М. Щербакова и др. Лишь спустя десятки лет справедливость восторжествовала, и безвинно пострадавшим было возвращено их доброе имя. Многие в эти годы, боясь ссылки, тюрем и расстрела, просто бежали из станицы. Пришлось ее оставить и родным Сорокина. Долгое время в г. Сочи под другой фамилией скрывалась жена Ивана Лукича – Лидия Дмитриевна с сыном Леонидом. Добрые люди помогли ей устроиться на самую черновую работу. Она стала банщицей в Мацесте. Ее все-таки выследили, провели обыск и изъяли все, что хоть как-то напоминало об Иване Лукиче. Напоследок сказали: «Привлекать тебя к ответственности не будем. Ты и так наказана достойным образом – моешь спины рабочим и крестьянам». Бежала в г. Сочи сестра И.Л. Сорокина – Евгения Лукинична, она так и умерла в старости под чужой фамилией.

Когда в станицу пришла коллективизация, стали организовываться сельхозартели. В августе 1920 г. появилось первое такое хозяйство с названием «Общий труд». Его возглавил казак-фронтовик, сподвижник И.Л. Сорокина С.С. Петинов. Спустя еще два года пришла очередь и для коммун, потом образовались ТОЗы (товарищества по обработке земли. – *Н.К.*). В 1926 г. в Петропавловке был создан первый колхоз, его возглавил участник Первой мировой и Гражданской войн А.П. Астахов. Колхозу дали самое популярное тогда имя – «Сталина».

Другой коммуной стал руководить полный кавалер Георгиевских крестов и ордена Боевого Красного Знамени А.Г. Красников. Вскоре эта коммуна была преобразована в еще один колхоз под названием «Передовик». Неохотно шли петропавловцы в колхоз, и в станице до сих пор рассказывают о том, как Андрей Красников, пригласив на беседу наиболее упиравшихся казаков, припугнул их оригинальным способом. Он снял трубку телефона и попросил соединить его с товарищем Сталиным. Затем, сделав вид, что говорит с ним, стал рассказывать, как идет запись в колхоз и о том, что не все хотят вступать в него. По его словам товарищ Сталин приказал записать всех саботажников и вместе с детьми отправить их в Сибирь. После этого все казаки «дружно» потянулись в колхоз.

К началу Великой Отечественной войны Петропавловская и ее жители понемногу залечили душевные и телесные раны, подняли колхоз, в жизнь вступило новое поколение станичников. Однако вскоре их мирный труд был прерван войной. 3 200 петропавловцев ушли на фронт. Их списки бережно хранятся в станичном музее. Если у кого и были обиды на советский строй, они отступили перед необходимостью защищать страну от агрессора. Снова опустела станица. С фронта все чаще стали приходить похоронки. В одном из залов станичного музея значатся фамилии 1 200 петропавловцев, не вернувшихся с войны. Среди них и сын И.Л. Сорокина Леонид. Он добровольцем ушел на фронт и погиб за пулеметом, отражая атаку фашистов под г. Киевом. Как рассказала потом внуку Юрию и его жене Лидия Дмитриевна, уходя на фронт, сын сказал ей: «Буду воевать достойно, как отец, в плен мне нельзя попадать ни при каких обстоятельствах. Иначе потом у властей будет повод сказать, что яблоко от яблони недалеко падает. Этого удовольствия им я не доставлю».

Петропавловской пришлось пережить и гитлеровскую оккупацию. К тем, кто отдал жизнь в бою, на фронте, теперь прибавились и погибшие ее мирные жители в самой станице. Фашисты свирепствовали здесь с августа 1942 по февраль 1943-го. Гитлеровцами были расстреляны председатель колхоза им. Сталина Ф.С. Демченко, муж и жена Труфановы, а также станичники Болотов, Акулов, Азаренко. От рук врагов и предателя Мишкова погибла многодетная мать А.С. Дмитриева. В боях по освобождению Курганинского района и в том числе станицы Петропавловской погибло около 200 бойцов и командиров Красной Армии. Их прах

захоронен в станичном парке Победы. В годы войны петропавловцы служили и воевали во всех родах войск Красной Армии. Они обороняли Кавказ и Кубань, участвовали в Сталинградской битве, на Курской дуге, защищали Москву и Ленинград, громили гитлеровцев в Керчи, Севастополе, освобождали Украину, Белоруссию, Прибалтику, Молдавию. С честью пронесли свои боевые знамена по многим европейским странам. Свыше 200 из них воевали в партизанах. Около 30 томились в фашистских концлагерях. На три войны – Первую мировую, Великую Отечественную и Гражданскую станица Петропавловская отдала свыше 20 тысяч своих жителей, а вернулось в родные края их едва ли половина.

Храбрым из храбрейших жителем станицы называют петропавловцы своего земляка бывшего колхозника, командира стрелкового батальона Николая Куликова. За совершенный в годы Великой Отечественной войны подвиг он награжден Звездой Героя. На станичной площади перед Дворцом культуры на пьедесталах благодарные земляки воздвигли два дорогих своему сердцу бюста – командующему Красной Армией Северного Кавказа Ивану Лукичу Сорокину и Герою Советского Союза, командиру стрелкового батальона Николаю Ивановичу Куликову.

Сейчас станица перешагнула полуторавековой юбилей. В ней около 2600 дворов, проживает свыше 7000 жителей. Семьи не многочисленные, в среднем каждая из них состоит из 3-х человек. Большая часть станичников – бывшие колхозники, а ныне акционеры агрофирмы «Россия», а также работники птицефабрики «Курганинская», рабочие масло- и пенькозаводов. На пенькозаводе работал внук Ивана Лукича – Юрий Леонидович. В результате несчастного случая на производстве он лишился руки, затем от тяжелой болезни скончался. Сегодня династию Сорокиных продолжают пять правнуков Ивана Лукича по линии внука, Юрия Леонидовича, еще пять детей у внучки Ивана Лукича – Евгении Леонидовны, после замужества она носит фамилию Болдырева.

Несмотря на все трудности и неурядицы сегодняшних дней, петропавловцы не теряют оптимизма, пытаются идти в ногу со временем и строить свою жизнь в новых условиях. Почти все станичники имеют свое подворье, по традиции разводят всякую живность – коров, свиней, коз, овец, домашнюю птицу. Широко развито пчеловодство. В личном пользовании петропавловцев свыше ста лошадей, у каждого шестого есть легковая или грузовая машина, мотоцикл или трактор.

Молодежи в станице остается мало, большая ее часть стремится обосноваться в городе. Однако на выходные и праздники те, кто работают в районном центре – Курганинске и даже в Краснодаре стремятся приехать в родную станицу, и тогда на дискотеке во Дворце культуры становится тесно. Тон здесь задают «сорокинцы». Так их называют в соседних станицах и Курганинске. Молодые парни отличаются задиристостью и сплоченностью. Когда они появляются на дискотеках у соседей, то могут, естественно из-за девчат, поскандалить, а то и подраться с местными парнями, но с ними редко кто осмеливается связываться. К себе же в станицу на такие «мероприятия» путь соседям заказан, своих невест охраняют бдительно и всякие их контакты с «чужаками» пресекают.

Есть в станице и своя казачья община. Однако процесс возрождения казачества здесь идет вяло и трудно. На период лета 2005 г. в общине числилось менее сотни человек. На семь тысяч жителей это показатель, конечно, не высокий. Но спешить винить в этом петропавловцев не следует. В государственном масштабе еще не создано достаточно надежных условий для возрождения казачества. Тем, кто хотел бы участвовать в этом процессе, пока не ясно в каком виде и в каких объемах следует возрождать основы казачества: землепользование, военную организацию, культуру и традиции. Что касается культуры и традиций – всем более-менее понятно, а в отношении двух первых задач вопросов больше чем ответов. Безусловно одно, в том виде, как это было до 1917 г., казачьи порядки установить нереально, а какими они могут быть в новых условиях должны решить в центре.

Пока же казаки оказывают помощь милиционерам поддерживать порядок в станице, участвуют в богослужениях, бывают в школах, где знакомят ребят с историей кубанского казачества, своей малой родины. В свободное от работы время они помогают инвалидам, престарелым и одиноким в ремонте жилья. Это по инициативе казачьей общины к 150-летнему юбилею станицы на ее дворцовой площади были установлены скульптурные памятники И.Л.Сорокину и Н.И.Куликову. Станичное казачье правление расположилось рядом с дореволюционным зданием того же предназначения, на нем всегда развевается знамя Кубанского казачьего войска. Первым станичным атаманом стал А.Н.Курочкин. Анатолий Николаевич – техник по образованию, хлебороб по призванию. Его деды по отцовской и материнской линии – участники Первой мировой и Гражданской войн, передали атаману свои вос-

поминания о тех далеких событиях. Казачий атаман станицы один из немногих среди своих коллег награжден шестью знаками казачьего отличия и грамотами. По его предложению знатный земляк петропавловцев - академик Василий Степанович Пустовойт теперь числится почетным гражданином станицы. Недавно в Петропавловской избран новый атаман, им стал Вячеслав Михайлович Жидков.

Рассказ о сегодняшних днях малой родины И.Л.Сорокина будет не полным, если не сказать об историко-краеведческом музее станицы, как назвал его М.А.Сакке - «станичном храме истории». Многое из того, о чем шла речь в этой главе, написано по материалам его экспозиции. Еще недавно исторические памятники станицы и разных поколений ее жителей были скучены в здании средней школы № 10. За более чем четыре десятилетия их там накопилось столько, что три небольших комнаты оказались тес-ными. Стараниями местной администрации, возглавляемой Н.И.Селиверстовым, и колхозного руководства теперь музею отведена большая часть второго этажа Дворца культуры. Организатором музея и его директором на протяжении полувека был бывший участник Великой Отечественной войны В.П.Иваненко. В 1918-1920 гг. его отец Петр Филиппович служил бессменным коноводом у С.М.Буденного, был представлен к ордену. Во время Великой Отечественной войны ему уже шел шестой десяток лет и на фронт ушли его сыновья. Он многое знал об И.Л.Сорокине, при жизни оставил о нем свои воспоминания и сделал все возможное, чтобы материалы о казачьем полководце нашли достойное отражение в экспозиции музея.

В 1997 г. экспозиция музея пополнилась написанной маслом картиной «Полководец Иван Сорокин». Она отображает события февраля 1918 г. На ней автор - станичный художник-любитель А.Клевцов изобразил прощание Ивана Лукича с Лидией Дмитриевной. Сорокин, сидя на своем боевом коне, целует прильнувшую к седлу жену. Интересна история этой картины. Она была спрятана и целых полвека пролежала на пыльном чердаке хаты, где жил художник. Сорокин входил в число «врагов народа», и художник за свою картину мог сильно пострадать. Только когда новый хозяин этого жилья обнаружил полотно, он передал его учителю истории Н.Н.Ведерникову, а тот принес картину в музей. После небольшой реставрации это полотно было помещено в его экспозицию.

В музее множество экспонатов, отражающих более чем полуторавековую историю станицы, рассказывающие о судьбах ее жителей, тех, кто прославил боевыми и трудовыми подвигами свою малую родину. Здесь есть фотографии и рисунки, где изображены И.Л.Сорокин, его друзья и сослуживцы по Кавказскому фронту и Гражданской войне: В.С.Петинов, А.Г.Красников, В.Р.Смыков, А.А.Белоцерковский, П.И.Лобода, М.Ф.Коротыч, П.Ф.Вендин, Иосиф и Алексей Горловы, Г.С.Яковлев, Я.З.Ягодка и др.

Далеко не каждое село или станица России может похвастать своим музеем, таким количеством своих граждан, бережно хранящих историю своей малой родины. Иван Николаевич Уваров, например, всю свою сознательную жизнь собирал документы и фотографии по истории станицы, так как был уверен, что придет время, и она будет востребована молодыми поколениями петропавловцев. Он так много знает о Петропавловской и ее людях, что вместе со своей верной подругой жизни Петровной готов рассказывать бесконечно. Такими же хранителями истории станицы являются А.И.Николенко, Н.В.Маньшин, Н.И.Долженко и многие другие.

В музее множество предметов дореволюционного казачьего быта, невозможно пройти мимо картины-панорамы «Казачий круг» и воссозданного местными умельцами М.Ф.Жаглиным и А.И.Николенко макета усадьбы «Казачий двор». Там отображено жилое поместье казака таким, каким оно было сто лет назад у родителей И.Л. Сорокина и их соседей. На переднем плане гордость любого казака – его выездная лошадь, неподалеку за столом – большая семья. В центре казачьего поселения красуется церковь, очень напоминающая своим видом знаменитый храм Петропавловской крепости нынешнего Санкт-Петербурга. Тут же изображена больница, по форме напоминающая Георгиевский крест, почта, школа, атаманское правление, добротные жилые дома казаков.

Достойное отображение в музее нашли и другие периоды жизни станицы и ее жителей – Великая Отечественная война, послевоенные годы, участие молодых петропавловцев в освоении целинных и залежных земель и Афганской войне, жизнь нынешней казачьей общины и многое другое.

Глава 2.

Годы молодые

Итак, 4-го декабря 1884 г. в семье потомственных кубанских казаков Сорокиных Луки Илларионовича и Дарьи Федоровны родился первенец. Над тем, как назвать его, родители долго не думали, так как заранее решили дать ему простое русское имя – Иван.

По меркам того времени это была не бедная семья. Сорокины имели несколько гектаров земли, держали лошадей, коров, овец, много домашней птицы, мельницу. В станице еще и сегодня стоит добротный кирпичный дом, где появился на свет будущий казачий полководец. Подворье вместительное, когда пришло время, и Иван обзавелся собственной семьей, нашлось место, чтобы построить и ему собственный дом. Правда, выглядит он сейчас очень скромно, как и большинство казачьих домов того времени. Там же стоит еще один неказистый домишко, в котором в разное время проживали родственники Сорокиных. Все эти дома в станице так и называют – сорокинские.

Достаток семье давался нелегко. В урожайные годы Лука Илларионович не мог своими силами справиться со сбором урожая и нанимал себе в помощь до десятка иногородних крестьян. Кроме Ивана в семье подрастали еще один сын – младший, Григорий, и дочь Евгения.

У Ивана рано обнаружились способности к учебе, и еще до 6 лет, прежде чем поступить в училище, он мог свободно читать Библию. В школе Иван не выделялся ни ростом ни силой, но был при этом, как вспоминал потом его земляк П.С. Гуменный, «неистово честолюбив». В подтверждение он приводит такой случай из школьной жизни.

«С нами, — пишет Гуменный, — учился в школе горец Хубиев. Он был настолько силен, что правую руку привязывал к туловищу, а левой рукой борол любого из нашего класса. Все его боялись и считались с его физической силой. Сорокин в одну из

перемен перетаскивает стол к дверям и ожидает конца перемены. Когда заходит в класс Хубиев (горцы приходили в школу всегда переростками, и Хубиев был высокого роста), Сорокин прыгает на стол, а потом сзади бросается на шею Хубиева, обхватывает одной рукой его шею, а другой рукой клюет (так в тексте. – *Н.К.*) лицо Хубиева. И когда Хубиев крепко сжал Сорокина и положил его на пол, Сорокин выматюкнулся и произнес: «Ты всех побеждаешь, тебя все боятся, а вот я посидел на тебе, разбил тебе нос, значит, я сильнее тебя»[9].

По всем предметам Сорокин учился успешно, но особую склонность проявил к математике, быстрее всех в классе решал примеры и задачи, успевал помогать товарищам, и ему поэтому прочили в будущем карьеру учителя. Ваня Сорокин был разносторонне развитым мальчиком, увлекался военной историей, и все, что можно было найти в станице о великих русских полководцах Суворове и Кутузове, он быстро прочитал. Когда однажды в станицу приехали специалисты, чтобы наладить работу паровой молотилки, он научился у них игре в шахматы, и это занятие стало для него одним из самых любимых на всю жизнь. Вскоре он так хорошо играл, что его стали приглашать на соревнования в Армавир и Майкоп. Там он неизменно занимал призовые места, привозил домой полученные в награду грамоты, а однажды даже вручил родителям самовар. Такие же способности обнаружились и у брата Григория. Братья росли дружно, в обиду друг друга не давали.

Подрастая, они усердно трудились вместе с родителями в поле и на огороде, приобщаясь к нелегкому труду казака-хлебороба. Как только выдавалось свободное время, Иван и Григорий уходили со сверстниками на речку, купались, забавлялись нехитрыми детскими играми, рыбачили. В станице и до сих пор рассказывают о первом подвиге Ивана. Ранней зимой он вместе с маленьким еще Григорием пошел проверять свои рыболовные снасти, и вдруг ребята услышали крики о помощи. Почуяв неладное, Иван послал братишку звать взрослых, а сам бросился туда, откуда кричали. Неподалеку, за поворотом речного берега он увидел тонущего мальчишку. Это был его сосед Коля Новиков, он тоже рыбачил и провалился сквозь неокрепший лед. Иван, не раздумывая, сбросил с себя верхнюю одежду, пробрался по тонкому льду к Коле и вытащил утопающего на берег. Подбежавшим взрослым оставалось только доставить пострадавшего и его спасителя по домам.

О благородном и храбром поступке братьев тут же узнала вся станица. На следующий день староста сходил в училище и, приказав собрать всех учеников, рассказал им о смелом поступке Ивана.

Училище Иван Сорокин закончил с похвальным листом, и нужно было решать – куда поступать учиться дальше. Отец надеялся, что Иван будет офицером. Казалось бы, все данные у него для этого были, но сын решил стать военным медиком. Свой выбор он объяснил тем, что погоны у него будут все равно, зато он сможет лечить людей, оказывать помощь землякам в станице, а если потребуется, то и на фронте.

В сентябре 1897 г. тринадцатилетнего Ивана Сорокина его родители определили приходящим учеником в Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу. Это было специфическое полувоенное учебное заведение. За давностью лет о таких школах уже мало что осталось известно, поэтому об этом следует сказать более подробно.

Появление военно-фельдшерских школ имеет свою историю. Специальность военного фельдшера в армиях появилась еще в XVI в. При этом военные фельдшеры нередко были еще одновременно и парикмахерами. Ведь не случайно ставшее русским слово фельдшер образовано от двух немецких: *фельд* – поле, и *шер* – ножницы. Войны следовали одна за другой, и фельдшеры были всегда востребованы. Для увеличения их числа в войсках Суворов, например, в 1893 г. приказал готовить фельдшеров для каждой роты прямо в полках из числа грамотных солдат. Как писал великий полководец, отобранные для этих целей солдаты должны были «быстро усвоить самонужнейшие правила врачества», чтобы лечить раны и наружные болезни, «делать припарки и трения, кровь бросать»[10]. Однако вследствие недостаточной подготовки ротные фельдшеры были малоквалифицированными работниками, и с развитием вооруженных сил и военной медицины потребовалась их более основательная подготовка в специально созданных военно-медицинских школах.

В России такие школы появились в 1838 году. Они находились при крупных военных госпиталях: Петербургском, Московском, Варшавском, Киевском, Казанском и Тифлисском. В них тогда числилось всего около 800 учеников. Школы комплектовались подростками из числа воспитанников училищ военных кантонистов[11] в возрасте от 12 до 17 лет, умеющих читать и писать. Закончившим такую школу карьеры в будущем не предвиделось,

и перевод туда кантонистов рассматривался как карательная мера. Поэтому в такие школы сплошь и рядом попадали ленивые и испорченные мальчики.

Непосредственным начальником каждой из военно-фельдшерских школ тогда назначался врач ближайшего госпиталя, а один из ординаторов исполнял обязанности инспектора, он же являлся и преподавателем медицинских наук. Практические же фельдшерские занятия велись госпитальными фельдшерами под надзором врачей и аптекарей. Окончившие курс выпускались на службу в госпитали, лазареты и войска младшими военфельдшерами.

В 1869 г. была проведена серьезная реформа этих школ. Они стали совершенно отдельными учебными заведениями, со своей администрацией, бюджетом и канцелярией. К тому времени, как Иван Сорокин собрался поступать в военно-фельдшерскую школу, на территории России их насчитывалось шесть: Петербургская - на 300 воспитанников, Киевская - на 350, Херсонская - на 200, Московская - на 300, Тифлисская и Иркутская - на 200 мест каждая. Воспитанники были на полном государственном пансионе. Существовали и две школы казачьих войск, для Кубанского и Терского - в Екатеринодаре, а для Донского - в Новочеркасске. Каждая из них была рассчитана на 75 учеников.

Казачьи военно-фельдшерские школы от обычных отличались тем, что небольшая часть их воспитанников не была на государственном пансионе, а набиралась из числа детей зажиточных казаков. Они считались приходящими. Эти ученики платы за обучение не вносили и за полученное образование никаких обязательств перед Войском не имели. Лучшие из них, если появлялись вакансии, и обязательно по желанию, переводились потом в ходе учебы на казенное обеспечение, и тогда уже как и все остальные распределялись после выпуска непосредственно в казачьи части.

После проведенной реформы во главе каждой школы теперь стоял начальник, отобранный из числа штаб-офицеров, обративших на себя внимание своими хорошими педагогическими данными. По дисциплинарным и судебным вопросам ему присваивались права полкового командира. Вторым лицом в школе был инспектор классов, назначаемый из числа врачей. Занятия по Закону Божьему поручалось приходящему священнику, а специальные предметы, обучение практической госпитальной работе вели ординаторы и фармацевты за плату.

Военно-фельдшерские школы стали считаться престижными учебными заведениями у населения среднего класса. Для абитуриентов по праву поступления было установлено целых 8 разрядов, из которых первые два предназначалась для круглых военных сирот и тех, чьи отцы убиты на войне или умерли от ран, полученных в сражениях, а также от увечья, полученного на службе в мирное время. К 3-му разряду относились сироты вообще. Дальше шли: сыновья лиц, состоящих под покровительством Александрийского комитета о раненых, сыновья кавалеров ордена Святого Георгия и знаков отличия ордена, сыновья лиц, имеющих орден Святой Анны, сыновья прочих офицеров и классных чиновников военного ведомства, сверхсрочнослужащих и нижних чинов. К 8-му разряду принадлежали сыновья прочих чинов. При этом в каждом из названных разрядов преимущество отдавалось сыновьям чинов военно-медицинского ведомства.

Отдавая сына в военно-фельдшерскую школу, Лука Сорокин наверняка рассчитывал еще и на то, что поскольку тот будет приходящим учеником, то у него будут основания по окончании учебы получить должность фельдшера в родной станице. Это было бы и почетно и выгодно. Кроме официального твердого жалованья фельдшер имел бы неплохой и приработок. В станице сложилась традиция «благодарить» за оказанную медицинскую помощь и деньгами и продуктами. Были и другие возможности для получения «приработка». Например, для поступления в военное училище или в вольноопределяющиеся молодому казаку нужна была справка о состоянии здоровья. Врач отдела, на территории которого находилась данная станица, устанавливал по собственному усмотрению оплату за такую бумажку в размере до 3-х рублей. При этом, как правило, он даже не осматривал абитуриентов, так как не без оснований считал, что все они от природы обладают крепким здоровьем. Это были очень солидные деньги для простого казака. Для сравнения станичные девчата пололи бахчи и виноградники по 25 копеек в день; косари получали 1 рубль 50 копеек, вязальщицы снопов – 75 копеек – и все это за работу с восхода и до захода солнца. Конечно, фигура врача была гораздо солиднее, нежели фельдшера, и размеры вознаграждений последнему были, разумеется, значительно скромнее.

Был и еще один немаловажный факт, говоривший в пользу военно-фельдшерской школы. Казачество, пережив многие стадии своего становления, ко времени описываемых событий по

официальному Российскому государственному определению стало называться «Казачьим сословием» и поголовно подлежало несению военной службы своему Отечеству, на собственный счет выставляя строевые конные части. Каждое казачье семейство, отправляя своего сына на действительную службу, покупало ему коня, седло, холодное оружие, обмундирование и снаряжение, положенное по арматурному списку. Для многих бедных семейств это было нелегко материально, и большинство строевых лошадей приобретались казаками ценой больших лишений. Наличие строевого коня помимо всего прочего свидетельствовало и о состоятельности казака. Безлошадному прямой путь был только в пластуны. Кубанский казак из соседней станицы Ильинской, например, Гавриил Солодухин, оставил такое воспоминание. «Когда Гражданская война докатилась до моей станицы, я очень захотел попасть в корпус генерала Шкуро. Чтобы купить мне строевого коня мать продала 8 овец (из 15 имевшихся в хозяйстве), двух свиней, корову и несколько мешков пшеницы. Насобирала 500 рублей. Еще 100 рублей и шашку подарил брат матери. Но самый дешевый строевой конь стоил 750 рублей. Так и не собрав сына в кавалерию, – пишет Солодухин, – мать сказала мне:

— Милый мой сыночек! Войди в положение своей бедной матери. Ты сам видел, как я стараюсь тебя справить, снарядить в кавалерию. Все, что я смогла продать, все продала. Не могу же я продать последнюю корову... Прошу тебя, сынок, – пожалей свою мать... иди в пластуны»[12].

Родителям Сорокина тоже нужно было обеспечивать сына строевым конем, и семейный достаток позволял это. Но подрастал еще один сын, Григорий, его тоже нужно было готовить к службе должным образом. Они резонно предполагали, что в 21 год, когда сверстники Ивана пойдут на действительную службу, он уже закончит военно-фельдшерскую школу, и если будет служить в армии и дальше, то при его должности ни строевой конь, ни конское снаряжение не потребуются. Все это он получит от казны, что же касается экипировки по арматурному списку, то семье Сорокина обеспечить ее было вполне по силам.

При поступлении в школу Ивану Сорокину пришлось продемонстрировать знание главных молитв, 10 заповедей и символов Веры, умение писать и читать, считать, складывать и вычитать до 1000. Иван выдержал этот экзамен и был зачислен приходящим учеником. Жил и питался он у дальних родственников,

проживавших в Екатеринодаре. Впечатляет перечень предметов, которые ему предстояло изучить: Закон Божий, история, география, арифметика, геометрия, зоология, русский и латинский языки, чистописание, ботаника, физика, анатомия, физиология, фармация с фаркогнозией, фармакология с рецептурой, хирургия с десмургией и механургией, а также уход за ранеными, патология и терапия, учение о повязках, гигиена и оказание помощи при обмороках, уход за больными, практика дезинфекции и др. Военный курс включал изучение уставов, практические занятия в отделениях госпиталя, полевые занятия и гимнастику, стрельбу и действия в конном строю.

В военно-фельдшерской школе Иван Сорокин успевал по всем предметам хорошо и отлично, и у него оставалось еще время заниматься любимыми делами: шахматами, джигитовкой и стрельбой из боевого оружия – винтовки и маузера. Из винтовки он пятью выстрелами выбивал 48 очков, а из револьвера 10-ю патронами все 100. За отличную стрельбу Сорокин был удостоен высокой награды – золотыми часами. Кроме того, он был и отличным наездником. Каждый год в мае месяце в Екатеринодаре, как, впрочем, и во всех 11 полевых лагерях окружных полков, проводились соревнования по джигитовке как среди взрослых казаков, так и казачат-малолеток. Сначала между собой соревновались вахмистры, урядники и подхорунжие, отдельно казаки-льготники и отдельно казачата. Потом, уже более для показа, каждый полк отдела и военно-учебные заведения выставляли по 30 человек джигитов-охотников. Начиналось с рубки лозы и укола шара. Потом были вольная джигитовка (скачка на седельных подушках, вверх ногами, в отвалку, в пирамидах, прыжки и т. д. – *Н.К.*). Кроме того, каждый полк, тренируясь скрытно, где-то в ложбине, готовил еще какой-нибудь сюрприз – розыгрыш, «похищение невесты» и др. Джигитовка заканчивалась вручением призов, а потом было застолье с песнями и плясками. Линейцы отличались своей лезгинкой и танцем «на когтях» (на носках. – *Н.К.*), а черноморцы «навприсядку» и гопака.

На этот период Лука Илларионович приводил Ивану в Екатеринодар его любимого коня Баяна, и не было случая, чтобы молодой казак не завоевал какой-нибудь приз. Вскоре Сорокина включили в сборную Кубанского казачьего войска по конному спорту и пулевой стрельбе, а ведь ему еще не было и 17 лет. Руководство школы, увидев, какими задатками и способностями

обладает Иван, сочло нужным перевести его вскоре из числа приходящих учеников на казенный кошт*, то есть он стал полноправным учеником и по окончании училища должен был зачислиться на действительную службу.

То, что военно-фельдшерские школы давали неплохое по тому времени образование и воспитание, косвенно подтверждает и тот факт, что из их стен накануне 1-й Мировой войны вышло немало ставших впоследствии известными людей. Киевскую школу, например, окончили: герой Гражданской войны начальник 44-й стрелковой дивизии Н.А.Щорс, а также председатель Совета Народных Комиссаров Украинской Советской Республики П.П.Любченко и комендант Московского Кремля комдив Р.П.Ткалун. Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу, как и Сорокин, закончил Гуменный, ставший потом военным комиссаром штаба Юго-Восточной армии. И, наконец, фельдшерское образование в Гифлисе получил также один из самых известных советских партийных и военных деятелей Г.К.Орджоникидзе. Он сыграл особую роль в жизни И.Л.Сорокина. Некоторые исследователи революционных событий на юге России к числу окончивших вместе с Сорокиным военно-фельдшерскую школу причисляют и бывшего главкома Юго-Восточной армией А.И.Автономова, но ознакомление с архивными материалами об этом человеке не подтвердили такого утверждения.

Каждое лето Иван Сорокин приезжал на каникулы в родную станицу все более повзрослевшим, возмужавшим. Он становился видным, сильным, хорошо развитым физически казаком. Будущий военфельдшер приходил в станичный фельдшерский пункт, знал его работу, близко к сердцу принимал все заботы одностаничников, перенимал все, что касалось уклада казачьей жизни, любил и ценил ее традиции.

Все, что было до сих пор сказано об И.Л.Сорокине, подтверждается воспоминаниями старшего поколения его одностаничников и теми данными, которые есть в экспозиции и фондах Петропавловского музея. Однако в дальнейшем всеми, кто писал о нем, допущены серьезные неточности, из-за которых автор этой книги, поставивший перед собой цель подробно исследовать жизненный путь И.Л.Сорокина, длительное время шел по неверно-

* *Кошт* (польск.) - расходы на содержание, пропитание.

му пути, потратив напрасно много времени. Дело в том, что в военных энциклопедиях и справочниках разных изданий, указано, что все время до начала Гражданской войны И.Л.Сорокин прослужил в 1-м Лабинском полку. В Российском Государственном военно-историческом архиве имеется солидный фонд документов этого полка, но самое скрупулезное их исследование оказалось напрасным. Там не нашлось ни одного упоминания о Сорокине, не говоря уже о каких либо подробностях его службы в этом полку.

Как показало дальнейшее исследование, Иван Сорокин начинал свою военную службу в 1-м Таманском полку, а значительную часть ее, всю 1-ю Мировую войну, провел в 3-м Линейном полку. Выяснилось, что в архиве хранится послужной список прапорщика И.Л.Сорокина. Почти 90 лет он ни разу никому не выдавался.

Из него следует, что условно военную службу И.Л.Сорокин начал до окончания военно-фельдшерской школы, когда ему еще не исполнилось 18 лет, необходимых для приписки в подготовительный разряд. Для выпускников военно-фельдшерской школы уже получивших начальную военную подготовку делалось исключение. Поэтому приказом № 1 от 1.01.1901 г. он был приписан к 1-му Таманскому полку, в подготовительный разряд.

Оставшиеся до окончания военно-фельдшерской школы 5 месяцев пролетели быстро, и 31 мая 1901 г. Иван Сорокин успешно закончил ее. Потом были двухнедельные выпускные экзамены, которые закончились 14 июня, и военно-медицинским инспектором Кавказского округа Иван Сорокин был утвержден в звании младшего медицинского фельдшера. Нескольких человек его однокашников были аттестованы аптекарскими фельдшерами. После учебы полагался отпуск и прохождение практики медицинской работы в объеме полученной специальности. Поэтому уже через неделю по прибытии в родную станицу Иван Сорокин вел прием больных в станичном фельдшерском пункте.

Работал молодой фельдшер с большим желанием, но больных было мало, а если и были, то за помощью обращаться не спешили, работали до последней возможности, позабыв про свою хворь. У Сорокина была походная фельдшерская бричка, и он мог на ней выезжать на экстренные вызовы и для посещения больных на дому. Но чаще всего он ездил верхом, санитарная сумка с необходимым запасом средств оказания доврачебной помощи у него всегда была приторочена к седлу. Если фельдшера не было в мед-

пункте, люди знали, где искать его, он или косил, или пахал с отцом в 2-х километрах от станицы. Случалось принимать и роды, и «дежурить» во время праздников на кулачных боях, а иногда быть их непосредственным участником. Однажды за победу они с братом даже получили приз – ведро вина.

Заканчивалось время, отведенное для отпуска и практики в родной станице, и Ивану Сорокину нужно было принимать решение – работать и дальше станичным фельдшером или пойти в армию. Поскольку действительная служба у него должна была начинаться только в 21 год, а ему было всего 18, он мог быть зачислен только на правах вольноопределяющегося[13]. По истечении 3-х лет службы и при наличии вакансии он мог быть произведен в 1-й класс чиновника военного ведомства, а при отсутствии таковой переименовывался в кандидаты на классную должность. Данное повышение он и получил 3-го января 1906 г. Но это было уже после Русско-японской войны.

Иван всей душой стремился в армию и, несмотря на уговоры родителей, решил идти служить. По сложившейся традиции проводы в армию были красивым, трогательным и очень важным в жизни каждого молодого казака ритуалом. По приговору станичного сбора «стариков» молодых казаков направляли служить в свой территориальный полк, и это воспринималось как беспрекословная обязанность, словно он для того и рожден был. Ведь служил его отец, служили дед и прадед, служили братья, родственники, соседи, служили все казаки его станицы, поэтому и он должен служить, а почему – об этом мало кто задумывался. Призыв в первоочередные полки в то время непременно означал службу на далекой российской границе, где стояли Кубанские конные полки и пластунские батальоны. Они охраняли ее от нападений со стороны Турции, Персии и Афганистана. Проводы неизменно сопровождались многодневными весельем и гульбой всей родни уходящего казака.

В такие дни «гуляла» вся станица, она ежегодно отправляла на службу несколько десятков своих будущих воинов, достигших 21 года. Боевые песни, как главный элемент всякого казачьего застолья, – не смолкали. Старики, отцы и уже отслужившие казаки-родичи веселыми тостами бодрили новобранцев и наказывали заслужить «чин урядника». И только их жены да матери порою, скрывая от других, нет-нет, да и проливали слезы. Но чтобы пролил слезу сам уходящий на службу казак – этого не бывало.

Да и многие из уходящих в армию мечтали вернуться домой с серебряными галунами на погонах. Для семьи и родичей – это гордость и почет, а с годами могут избрать и станичным атаманом, а там новый почет и хорошее жалованье.

Проводы Ивана Сорокина на службу отличались только тем, что все ему желали дослужиться не до урядника, а до старшего медицинского фельдшера, а может быть и получить классный чин военного ведомства.

Простившись с друзьями, родными и близкими Иван Сорокин убыл в свой 1-й Таманский полк Кубанского Казачьего войска и был зачислен в него младшим медицинским фельдшером. (Приказ № 1436 от 12.02.1902 г. – *Н.К.*) К этому времени на основании полученного военного образования ему уже был засчитан год службы в этом полку.

Глава 3.

В Первом Таманском

Полк, в котором предстояло служить Ивану Сорокину, уже в течение почти 30 лет находился в Закаспийской области, и многие казаки успели послужить там. По их рассказам это была нелегкая служба в местности с очень непривычным климатом и своеобразным местным населением. Зима там длится 2–3 месяца, но по большей части в это время идут дожди, изредка бывают морозы, затем короткая весна, а за ней начинается длинное жаркое лето. Территория области примыкала к границе с Персией и Афганистаном и, собственно говоря, этим объясняется главная причина, по которой русское правительство держало в Закаспии достаточно сильный 2-й Туркестанский армейский корпус. Да и сама область, будучи образованной в 1881 г. и став составной частью Туркестанского края, находилась в то же время в ведении военного министерства. До этого она существовала как Закаспийский отдел Кавказского военного округа.

На службу казаков свой отпечаток накладывали и другие особенности Закаспийской области. Она представляла собой объединение туркменских и киргизских оазисов, соединенных между собой колесными дорогами, а по большей части караванными тропами, которые пересекали пустынную и полупустынную местность и тянулись от колодца к колодцу. Однако и сюда пришла цивилизация. В полк молодой новобранец Иван Сорокин в числе своих будущих однополчан был доставлен эшелоном. По Закаспийской Военной железной дороге они поездом прибыли в столицу области г. Ашхабад. Эту дорогу построили сравнительно недавно, в 1888 г., и шла она от Красноводска до Чарджоу.

Уже по пути в полк Сорокин получил от сопровождавшего эшелон офицера-коменданта и урядников подробный инструктаж о том, как нужно себя вести с местным населением и что оно из себя представляет. Молодой казак узнал, что эту область населяют

в основном туркмены, что есть там немного киргизов и пришлых – армян, персов, и закавказских татар. Русских переселенцев по переписи 1897 г. в Закаспийской области числилось немногим более 41 тысячи, они проживали в 27 деревнях, в основном вблизи русских военных гарнизонов.

Нужно сказать, что из станицы Петропавловской в Закаспийскую область казаки попадали служить лишь изредка. Они в основном призывались в полки и пластунские батальоны, формируемые Майкопским отделом, а затем отправлялись преимущественно в Закавказье. Сорокин же, как уже говорилось, попал служить не в свой территориальный, а в 1-й Таманский полк, формирующийся в Таманском отделе из казаков-черноморцев. Поэтому среди его одностаничников о службе в Закаспии ходило немало разных слухов и небылиц. Из поколения в поколение передавались рассказы о том, как происходило присоединение Туркестанского края к России, как нелегко приходилось казакам вести борьбу с бандами туркменов и киргизов, нападавших на приграничные русские селения, караваны и гарнизоны русских войск, охранять пути в сопредельные страны.

Туркестан всегда привлекал русских. Как только в начале XVIII века они достигли Каспийского моря, сразу стали стремиться к тому, чтобы обеспечить себе дорогу в Индию через эту территорию по кратчайшему пути. Доподлинно известно, что еще в 1717 г. князь Бекович, переплыв Каспийское море, сделал попытку во главе казачьего отряда достигнуть Хивы. Эта попытка стоила ему жизни. Хивинцы разбили этот небольшой отряд, самого Бековича схватили, содрали с него живого кожу и сделали из нее барабан. Потом еще в течение целого века русские цари не предпринимали сколько-нибудь серьезных шагов по колонизации этого края. Только когда Россия утвердилась в Грузии и стала господствовать на Каспийском море, она занялась вопросами дороги в Индию и Афганистан.

Для этого надо было в первую очередь прекратить разбойничьи набеги туркменов и киргизов на русские приграничные земли. Например, оренбургский губернатор для этого задумал даже отгородиться и возвести 100-километровую стену на самом уязвимом участке границы. В 1834 году, когда была основана крепость Ново-Александровск, началась и постройка оборонительной стены, но смогли возвести только около 20 километров. Однако разбойничьи набеги продолжались, туркмены и киргизы уводили

в плен ежегодно 200 и более русских. Иногда разбойники доходили до берегов Волги. В Петербурге даже образовалось благотворительное общество для выкупа пленных, и правительство выдавало ему 3000 рублей в год. Но тайно, чтобы хивинский хан не узнал об этом признании Империей собственного бессилия[14].

Потом был ряд успешных походов 1864–1865 гг. под командой Черняева и Веревкина, в 1873 г. Кауфмана, которые закончились текинской экспедицией Скобелева в 1880–1881 гг. В результате, как написано в «Курсе русской истории» Ключевского, «юго-восточные границы России дошли либо до могущественных естественных преград, либо до преград политических. Такими преградами являются: хребты Гинду-Куш, Тянь-Шань, Афганистан, Английская Индия и Китай»[15].

Впоследствии, как уже говорилось, на части территории Туркестана сначала был образован Закаспийский отдел Кавказского военного округа, а в 1881 г. - Закаспийская область в составе Туркестанского края.

В свой полк вольноопределяющийся Иван Сорокин прибыл 19 марта 1901. До Ашхабада его везли поездом, а оттуда до месторасположения полка – на подводе. В это время его часть дислоцировалась неподалеку от Ашхабада, в селении Каши. Организационно полк входил в Закаспийскую казачью бригаду. Командиром его был полковник Перепеловский. Эта часть имела богатую боевую историю. Днем формирования полка считалось 1-е июля 1842 г., когда было принято решение от Черноморского казачьего войска выставлять на войну двенадцать полков конной артиллерии и в их числе четыре от Таманского округа (1-й, 4-й, 7-й и 10-й). Потом, примерно через 30 лет, когда черноморцы окончательно утвердились на Кубани и в жизнь стали вступать все новые поколения молодых казаков, появилась возможность разделить полк на 3 очереди. Знаком отличия 1-го Таманского полка был Геогиевский полковой штандарт, пожалованный 4.07.1882 г. «За отличие в войне с Персией и Турцией в 1827, 1828 и 1829 годах и за штурм крепости Геок-Тепе 12-го января 1881 г.». Казаки и офицеры полка на папахах носили еще знак – «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году»[16]. Уже под конец службы Ивана Сорокина, 26 августа 1904 г., полк получил окончательное название – 1-й Таманский генерала Безкровного полк Кубанского казачьего войска.

Сорокин заменил ушедшего «на льготу» военфельдшера 3-й сотни и с первых же дней службы показал, что учеба в Екатеринодарской школе военных фельдшеров для него не прошла понапрасну. В разгаре было лето, казаки вволю ели арбузы и дыни, при случае не брезговали молодым виноградным вином местного производства. Поэтому сходу пришлось включиться в борьбу с дизентерией и пищевыми отравлениями. Кроме того, по приказу из штаба полка сотня периодически высылала офицерские разъезды в сторону афганской границы, и нужно было находиться почти в каждом из них. Необходимо было также контролировать соблюдение санитарных норм при приготовлении пищи, особенно при пользовании казаками единственным колодцем, пресекать всякие попытки использовать воду из арыков. Стычек с разбойниками было немного, поэтому раненными приходилось заниматься редко.

Первое, что бросилось в глаза Сорокину в полку таманцев, это то, что сотни у них были составлены не постанично, а по масти лошадей. От этого их строй внешне очень выигрывал, он был строго единообразен и наряден. В составе бригады был еще 1-й Кавказский полк, состоявший из казаков-линейцев. У них тоже были хорошие лошади, но у офицеров Таманского полка они были несравненно лучше. Весь командный состав ездил на полукровных английских или чисто текинских лошадях. Дело в том, что полк, где теперь служил Сорокин, находился поблизости от Ашхабада, губернского города Закаспийской области, где имелось скаковое поле и государственное отделение местного коневодства. По традиции им руководил офицер-кубанец. Поэтому у Таманского полка была возможность иметь отличных верховых лошадей; у личного состава 1-го Кавказского полка такой возможности не было, они ездили на разномастных и разнопородных лошадях.

Но особенно впечатлял Туркменский конный дивизион бригады. Он полностью состоял из добровольцев, текинских всадников на собственных лошадях. Вместо мундиров или черкесок они были одеты в халаты: красные, синие и зеленые. На головах – громадные курчавые папахи (тельпеки), надвинутые низко на глаза. Смуглые лица этих всадников поражали энергией, выражением решимости. Их вооружение тоже было собственным: кривая сабля (клыч), нож за длинным кушаком, обмотанным несколько раз вокруг талии. В полку им выдавали только погоны и винтовки. Такая форма одежды для текинцев была повседневной

и в быту, то есть как у кубанских и терских казаков. Все всадники этого дивизиона были только на жеребцах, строгих, злых и строптивых. Кобылиц они держали лишь для приплода, ставить их под седло, ездить на кобыле для текинца было верхом позора.

В это же время в Туркестане служил будущий командующий Добровольческой армией молодой офицер Л.Г.Корнилов. Он очень часто бывал в текинском дивизионе, выучил местный язык и выполнял разведывательные задания. В сопровождении подготовленных им же верных текинцев он объездил все уголки этого пустынного знойного края. Несколько раз, переодевшись дервишем и с риском для жизни, он отправлялся в Кашгар*, собирал нужные сведения о дислокации английских и афганских частей, наносил на карту караванные тропы, действующие колодцы, устанавливал связи с местными жителями. О том, что Сорокин в это время встречался с Корниловым, сведений нет, скорее всего, их и не было. Но видеть его он мог наверняка. Судьбе же угодно было распорядиться так, что в Гражданскую войну они оба стали командующими армиями, Л.Г.Корнилов – белой Добровольческой, а И.Л.Сорокин – красной Северокавказской. Армии этих талантливых полководцев насмерть схлестнулись в марте 1918 г. под Екатеринодаром, и победу одержал Сорокин, несмотря на то, что противником его были офицерские полки.

А весной 1901 г. главная задача Сорокина заключалась в том, чтобы следить за здоровьем казаков своей сотни. Полковой врач сразу обратил внимание на молодого младшего фельдшера, активно взявшегося за выполнение своих обязанностей. Его часто посылали сопровождать больных в бригадный и корпусной лазареты, расположенные в Ашхабаде, он бывал в губернском центре на складе медицинского имущества, где получал положенные для полка медикаменты.

В наследство от предыдущего фельдшера сотни Сорокину достался примитивный фельдшерский пункт. В нем было тесно, для санитаров помещение вовсе отсутствовало, на санитарных повозках брезент был изорван, скудный набор медикаментов для оказания доврачебной помощи хранился в пыли и на жаре. Первое, что сделал Сорокин, – он с помощью выделенных ему полковым врачом казаков и санитаров пристроил из самана к старому

---

* *Кашгар* – г. в Северо-Западном Китае, крупный торговый центр в Центральной Азии.

помещению еще две просторных комнаты для приема больных и для изолятора. Для медицинского имущества был вырыт погреб, где в сравнительной прохладе хранился запас свежей прохладной воды и медикаменты. Для лошадей был сделан навес, который потом превратили в небольшую конюшню, оборудовали новую коновязь.

Так месяц за месяцем без особых изменений проходила рутинная служба. Разнообразие вносили полковой праздник, соревнования по пулевой стрельбе, где Сорокин вскоре завоевал несколько призов, отличился он и в соревнованиях по шахматам. В этой игре не только в сотне, но и в полку ему не было равных, сказывался опыт, полученный в станице и в военно-фельдшерской школе. Пригодились приемы игры, которые передал ему в свое время проживавший в Петропавловской известный кубанский селекционер, будущий академик В.С. Пустовойт. Но особенно Сорокин отличался в джигитовке. Казалось бы, по роду службы от младшего военфельдшера не особенно требовалось виртуозное владение конем и оружием, но он так преуспел в этом почетном для каждого казака деле, что после одного из показательных выступлений полковой учебной команды ему от командования бригады вместо его, в общем-то, еще неплохого коня, вручили чистопородного текинца, с которым он не расставался потом в течение всей службы в полку.

Конечно, нелегко было молодому казаку оторваться от родного дома на столь продолжительное время, отпусков нижним чинам за четыре года срочной службы не полагалось. Изредка приходили письма. Писал их брат Григорий, подробно сообщал о домашних делах, об ухудшающемся здоровье отца, о друзьях детства, которых судьба разбросала служить кого на Кавказ, кого в центр России, а кого в далекую Польшу. Однако служба все же пришла к концу, и Иван Сорокин, прослужив, как и положено вольноопределяющемуся, два года, вернулся домой. Ему шел 21-й год. Он возмужал, прибавил в плечах и росте, бросалась в глаза его аккуратность в одежде, умение с шиком носить оружие, ставшие привычкой после службы в Закаспии.

Так для Ивана досрочно закончилась действительная военная служба, и 21 января 1904 г., уйдя «на льготу», он был перечислен во 2-ю очередь служивого состава. Можно было возвращаться в родную станицу, строить планы на дальнейшую личную жизнь.

Жениться, по традиции, молодым казакам можно было только в 23 года, и Сорокина это устраивало. Хотя невест в станице хватало, и он был женихом завидным во всех отношениях, но выбора своего он еще не сделал. Ему сразу же предложили продолжить службу фельдшером, он с радостью согласился и вскоре с головой ушел в работу. Младший брат Григорий засобирался в Армавир, хотел устроиться полицейским. Хозяйство Луки Илларионовича и Дарьи Федоровны по-прежнему было довольно-таки солидным, и помощь Ивана была очень кстати. Жизнь в запасе у Ивана Сорокина в этот период ничем особенно не примечательна. Она была такой же, как и у других, с той лишь разницей, что все его сверстники только ушли на действительную службу, а он с нее уже возвратился.

Глава 4.

На Русско-японской войне

Серьезным этапом в жизни И.Л. Сорокина стало его участие в Русско-японской войне. Как известно, она велась за господство в Северо-восточном Китае и Корее. В военном и экономическом отношении Япония была слабее России. Это питало иллюзии русского руководства о легкой победе над потенциальным противником. Японцев царь называл «макаками», а газеты, печатая материалы об их агрессивных устремлениях, убеждали обывателей, что у Японии допотопная боевая техника, и война для нее обернется полнейшим крахом. Проводя такую, не обеспеченную силами и средствами авантюристическую политику, царское правительство позволило застать себя врасплох.

Русское командование предполагало, что японская армия не скоро сможет начать наступление на суше. Поэтому перед войсками на Дальнем Востоке ставилась задача сдерживать противника до прибытия крупных сил из центра России. При этом никого особенно не смущал тот факт, что это могло произойти только через 7 месяцев с начала боевых действий. Не позволяла низкая пропускная способность железных дорог. Затем планировалось перейти в наступление, сбросить в море японские войска и высадить десант на их территорию. Флот в это время должен был вести борьбу за господство на море и воспрепятствовать высадке японских десантов.

Свои достаточно обоснованные планы были и у японского генерального штаба. Японские стратеги предусматривали сначала захватить господство на море и внезапным нападением уничтожить русскую эскадру в Порт-Артуре. Затем должны были последовать высадка войск в Корее и Южной Маньчжурии, захват Порт-Артура и разгром главных сил русской армии в районе

Ляояна*. В дальнейшем японское командование предполагало занять Маньчжурию, Уссурийский и Приморский края.

24 января (9 февраля н.ст.) 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а 28 января объявила ей войну. Основными ее событиями в 1904 г. стали: нападение японского флота на Порт-Артур, Порт-Артурская оборона, неудачные для России сражения на р. Ялу и Ляоянское на р. Шахэ. В следующем 1905 году русская армия потерпела крупное поражение при Мукдене, а в Цусимском морском сражении японцами была потоплена русская эскадра адмирала Рожественского. В целом эта война обернулась для России крупным поражением, но в ходе ее солдатами, казаками и офицерами было совершено немало подвигов. Свои боевые знамена прославили и казаки.

Когда война уже была в разгаре, на Кубани была проведена дополнительная мобилизация казаков, в том числе и приписанных ко 2-й Кубанской пластунской бригаде. Срочно нужно было укомплектовать ее медицинским персоналом, и военфельдшер Сорокин 29 ноября 1904 г. был призван в 10-й пластунский батальон этого соединения. Здесь он получил должность на ступень выше, стал старшим военфельдшером, но погоны по-прежнему носил вольноопределяющего. Через всю Россию он проследовал в воинском эшелоне на восток. Состав шел почти четыре недели, и уже в пути Сорокину пришлось заниматься своей фельдшерской работой. Казаки, зная, куда они едут, запаслись домашней снедью, а так как это были в основном скоропортящиеся продукты, то через неделю начались пищевые отравления, и хотя смертельных случаев избежать удалось, повозиться с заболевшими казаками пришлось порядочно. Так что красоты Урала и Сибири Сорокин как следует разглядеть не смог.

По прибытии на фронт пластуны получили свой участок обороны. Левый фланг батальона упирался в небольшую речушку, за ней были позиции пехотинцев, а справа располагались тоже пластуны, только забайкальские.

От Кубанского Казачьего войска в этой войне участвовали: 1-й Екатеринодарский и 1-й Уманьский полки, шесть пластунских

---

* *Ляоян* – Ляодунский п-ов, в составе китайской провинции Ляонин; в 1898 г. по конвенции был передан вместе с крепостью Порт-Артур и г. Дальний Российской империи, в составе которой пребывал до 1905 г., вплоть до оккупации Японией.

батальонов 2-й очереди, которые затем были сведены в две бригады, и 1-я Кубанская артиллерийская батарея.

Более успешно действовал отряд казаков кубанского генерала П.И. Мищенко. У него в подчинении были конные части, но в зависимости от решаемых задач периодически придавались и пластуны. Батальон, в котором находился старший военфельдшер Иван Сорокин, неоднократно принимал участие в боях, обеспечивая места для прорыва конницы Мищенко. Павел Иванович был настоящим героем той войны. Его подвиги на поле боя обеспечили ему быстрое продвижение по службе: он начал войну генерал-майром, а окончил ее генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, кавалером многих высших орденов, командиром кавалерийского корпуса. Началом успехов его казаков стала их смелая атака на стыке между Восточным и Западным отрядами русских войск. Здесь пластуны 10-го батальона провели разведку боем. Сорокин все время был на линии огня, руководил санитарами, выносившими раненных с поля боя, сам оказывал им первую помощь. В результате он получил свою первую боевую награду – медаль на Станиславской ленте. В том бою благодаря пластунам отряд Мищенко пробил дорогу 4-му Сибирскому, а затем обеспечивал левый фланг этого и 1-го Сибирского корпусов.

Но не все и далеко не всегда обстояло так хорошо. В декабре 1904 г. генерал Мищенко возглавил рейд к порту Инкоу на берегу Ляодунского полуострова. В нем приняли участие 72 сотни и эскадрона, 4 охотничьих команды и 22 орудия. Но в составе отряда находился громоздкий обоз, сильно сковывавший движение, и конники вынуждены были двигаться шагом. Казаки дошли до самого моря, но взять порт не смогли. Понеся потери, отряд Мищенко вернулся обратно с незначительными трофеями.

В зимнем наступлении в январе 1905 г. и в сражении под Сандепу конница сыграла немалую роль. В отряде генерал-адъютанта Мищенко насчитывалось тогда 38 сотен и 24 конных орудия. Конница действовала прекрасно. Казачьи полки, развернувшись в лаву, сходу пробились сквозь укрепленные пункты, смели с пути мелкие отряды противника, пытавшегося их остановить, оттянули на себя значительную часть подкреплений японцев, идущих к Сандепу на помощь к своим частям.

Для следующего периода войны характерен набег на Факумынь, где кавкорпус Мищенко уничтожил несколько транспортов противника, взял в плен 234 человека и захватил 2 пулемета.

В этом набеге казаки неоднократно атаковывали пехоту и сбивали ее с позиций. Затем было столкновение под Санвайзой 18 июня 1905 г., где кавкорпус вместе со 2-й Отдельной драгунской бригадой (Приморский и Черниговский полки) захватили неприятельские укрепления. За смелые действия здесь 2-й, 3-й и 6-й эскадроны Черниговского полка получили награды – знаки отличия на головные уборы с надписью «За дело 18 июня 1905 года под Санвайзой». Второй раз был награжден и старший военфельдшер И.Л.Сорокин, ему была вручена медаль «За поход».

На заключительном этапе Русско-японской войны Сорокину поручили другой участок. Приказом по 2-й Кубанской пластунской бригаде за № 150 от 12 мая 1905 г. он был переведен в санитарный обоз своего соединения. Здесь старший военфельдшер не раз пожалел, что пришлось уйти с передовой в тыл. Обоз принадлежал госпиталю, и, если учесть большие потери и накал боев, то станет ясно, почему он почти все время находился в движении. Сначала доставляли раненых с фронта, и это был самый тяжелый физический и моральный труд. Плечо подвоза* было от 40 до 75 км, поэтому обоз двигался двое и более суток. Дороги, как правило, были плохие, с большими ухабами, поэтому с санитарных повозок постоянно слышались стоны и крики вконец измученных болью людей. Кроме того, санитарам и фельдшерам приходилось по нескольку раз в день сгружать и возвращать на место тех, кто не мог без посторонней помощи обслуживать себя, разносить пищу. Но по прибытии в госпиталь отдохнуть тоже не удавалось. Нужно было отвозить послеоперационных солдат и офицеров в санитарные поезда на железной дороге для их дальнейшей эвакуации в глубокий тыл.

Здесь Сорокин воочию увидел, как по мере усложнения боевой обстановки менялись настроения людей, еще недавно торопившихся «выполнить свой воинский долг». Крупные поражения и потери, недостатки в снабжении, большой отрыв от родины очень дурно сказались на моральном состоянии войск, и армия вышла из войны с признаками явного разложения. Не редкостью стали случаи неповиновения солдат командирам, хищения военного имущества и продовольствия, дезертирства. Наконец, эта

---

* *Плечо подвоза* - расстояние от пункта сбора раненых до дивизионного госпиталя.

непопулярная ни в народе, ни в армии война закончилась. После того как 23 августа 1905 г. был заключен Портсмутский мирный договор* держать войска на востоке в таком состоянии было невозможно, но и быстро отправить назад такую их массу через всю Россию тоже было крайне трудно. В сутки уходило лишь три пары воинских эшелонов и это при том, что к концу войны группировка войск насчитывала около 1 млн. 200 тыс. человек. А тут еще подоспела революция 1905 г., и по всей линии Восточно-Сибирской, Сибирской и Уральской железных дорог рабочие образовали забастовочные комитеты, которые предъявляли различные требования местным и центральным властям, не пропуская эшелоны с войсками и техникой.

Именно здесь Сорокин получил первые представления о революционной стихии. И очевидно здесь он впервые понял, сколь многого можно добиться, если возглавить стихийный протест масс народа. Впереди его эшелона двигался состав с солдатами, побывавшими в японском плену. Все они воевали в дружине генерала Селиванова против японского десанта, высадившегося на Сахалин в 1904 г., где и были взяты в плен. В конце войны японцы решили избавиться от них оригинальным способом – их просто высадили на произвол судьбы на русский берег в районе г. Владивостока. Военные власти долго разбираться с ними не стали, привлекать к ответственности тоже. Бывших военнопленных амнистировали «за участие в обороне о. Сахалин» и, добавив к ним освободившихся из заключения уголовников и «политических», самостоятельно отправили по домам.

Шансов добраться в центр по одиночке у них было мало, поэтому они захватили состав, заменили сбежавшего машиниста

---

* Портсмутский договор завершил Русско-японскую войну 1904–1905 гг. По его условиям Россия уступала Японии права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД) от Порт-Артура до Чанчуня, южную половину Сахалина. Она признавала Корею сферой японского влияния, но при этом оговаривалось обязательство Японии не принимать мер, затрагивающих суверенитет Кореи. Россия соглашалась на заключение с Японией рыболовной конвенции. Обе стороны обязывались вывести войска из Маньчжурии, не препятствовать торговле там других стран. Предусматривалось не проводить мер, препятствующих свободе плавания в проливах Лаперуза и Татарском. Япония обязалась эксплуатировать ЮМЖД только в коммерческих целях, не возводить на Сахалине укреплений.

своим, и двигались теперь на Запад почти без задержек. Там, где забастовщики отказывались пропускать их эшелон, они отправляли к ним свою делегацию, которая, объяснив, кто они на самом деле, предъявляли рабочим и властям ультиматум – или те выделяют уголь, воду, продукты и открывают семафоры, или их железнодорожный поселок тут же будет сожжен. По линии впереди этого эшелона шла телеграмма, в которой железнодорожное начальство предупреждало всех о том, что в пути находится эшелон с беглыми заключенными и их паровоз управляется тоже каторжниками[17].

Еще более оригинально проблему беспрепятственного передвижения своего эшелона решил, ставший потом в годы Гражданской войны командующим 2-й Конной армией, а в то время командир сотни подъесаул Ф.К.Миронов. Когда в Уфу прибыли поезда с казаками, город бурлил, рабочим было не до работы. Поездов не давали, поездные бригады вместе с другими жителями города митинговали. Казаки очень спешили домой, поэтому поступило предложение – разгрузиться, оседлать коней и «взять забастовщиков в плети». Командир дивизии вызвал уже тогда прославленного подъесаула Миронова и приказал обеспечить порядок в городе и продвижение составов. Миронов откозырял, выгрузил из эшелона свою сотню и повел ее в город.

Прошло всего три-четыре часа, как железнодорожники выдали все необходимое, поездная бригада стала вдруг разжигать топку, паровоз дал свисток к отправлению. После, уже под Самарой, по вагонам стало известно от казаков мироновской сотни, что в оборот они брали не рабочих Уфы, а уфимскую тюрьму. Разоружили охрану, выпустили из камеры приговоренных к смерти и заключенного туда за революционную деятельность инженера Соколова, из-за чего, собственно, и начались беспорядки, созвали митинг и предложили прекратить забастовку. Рабочие согласились[18]. «Деморализация войск, – пишет в своих воспоминаниях об этих событиях, ставший во время Гражданской войны военным министром в Комитете Освобождения Черноморья, известный эсер Н.В. Воронович, – начавшаяся еще после Мукденского поражения, вскоре достигла своего апогея. Злоба, копившаяся месяцами, прорвалась наружу в самых уродливых формах. Не желая разбираться в том, кто является виновниками 20-месячной страды, запасные вымещали свою злобу на каждом, кто являлся каким-либо начальством или носил «ясные погоны». Начальство,

растерявшееся от этого неожиданного бунта, столь покорных и послушных до сего «землячков», не умело и не могло успокоить людей. Потребовались карательные поезда Ренненкампфа и Меллер-Закомельского, чтобы остановить этот поток, угрожавший залить Россию кровью и огнем пожаров. Все это повторилось в 1917 г.»[19].

Возвратившиеся с фронта домой казаки увидели вдруг, что те их части, которые не воевали против японцев, здесь занимаются «полицейской работой» – разгоняют нагайками рабочие демонстрации. Для этого царь привлек 16000 рот пехоты и 4000 эскадронов и сотен кавалерии[20]. Нашлось немало казаков, которым очень не понравилась эта «работа» и они отказались выполнять карательные функции. Ушли домой из Воронежской губернии, «по староказачьей традиции», обсудив на кругу свое решение, кубанские сотни 3-го сводного Лабинского полка, из Гурии таким же образом ушел полностью 2-й Лабинский полк, а 2-й Урупский полк вообще учинил вооруженный бунт. О нем следует сказать особо, так как это событие имеет непосредственное отношение к И.Л.Сорокину и к тому, что потом происходило на его родине.

2-й Урупский полк формировался из станиц Майкопского отдела, и в нем служило много земляков Ивана Лукича. Он в это время находился еще на пути с фронта и никакого участия в тех событиях не принимал, но вернувшись домой, стал свидетелем последствий выступления своих земляков. А сами события заслуживают того, чтобы о них сказать более подробно, тем более, что многие урупцы в годы Гражданской войны перешли на сторону революции, служили в армии Сорокина. Мятеж 2-го Урупского полка был первым на Кубани случаем прямого перехода боевой казачьей части на сторону революции и братания казаков с рабочими, их участия вместе с ними в демонстрациях. Кульминацией недовольства казаков 2-го Лабинского полка стало вооруженное выступление его личного состава против казачьей верхушки. Характерно то, что большевиков в этом полку не было, руководили восстанием люди, которым казаки доверили это опасное и, в общем-то, не свойственное им дело. В это время полк был поделен на две части: три сотни его находились в Новороссийске, а три в Екатеринодаре.

Начиналось все так. Кубанскому комитету РСДРП удалось распространить в полку листовки, которые назывались «К казакам» и «Казачья памятка». В них звучал призыв не становиться «убийцами и палачами» народа, а быть вместе с ним.

«Казаки, — говорилось в одной из листовок, — великое дело затеял русский народ и зовет вас к себе. Народ поднимается в городах и по всей стране, чтобы завоевать России свободу и политические права. Надо, прежде всего, свергнуть царя-палача и назначить народное правительство... Казаки, наберитесь мужества! Не дайте себе туманить головы. Отказывайтесь стрелять в народ. Если офицеры будут стрелять в народ, стреляйте в офицеров. Переходите на сторону народа, становитесь в его ряды...»[21]

Казаки стали ходить на рабочие митинги, некоторые побывали на квартирах организаторов митингов и получали разъяснение сути происходящих в стране событий. Нужно сказать, что у казаков полка были и свои причины недовольства - тяжелые условия казармы, издевательства офицеров, таких, например, как командир 4-й сотни подъесаул граф Салтыков. В результате революционной агитации 1-я сотня урупцев отказалась разгонять демонстрацию рабочих железнодорожников в Екатеринодаре, те вышли на улицы с красными флагами. Потом созрел смелый план: во время парада в честь «георгиевского кавалерского праздника» 26 ноября 1905 г. арестовать наказного атамана, затем объединиться с большевиками, которые лучше знают, как действовать дальше, и захватить власть в Кубанской столице. Однако этот замысел был сорван. Знаменный вахмистр Маковкин, который должен был руководить арестом атамана и его офицеров, в последний момент заколебался, ничего не предпринял, выступление отложили, но совсем не отменили.

Собравшись в ночь на 16 декабря в городском парке, представители от казачьих сотен полка приняли решение все-таки начать восстание. Там же был избран полковой комитет и делегация из 16 человек, которым поручалось убыть в Новороссийск и призвать остальные две сотни полка присоединиться к восстанию. Замысел удался, и вместе с этими делегатами из Новороссийска в Екатеринодар прибыл личный состав остальных - 4-й и 6-й сотен. На вокзале их торжественно встретили казаки во главе с К.В.Волкогоновым и В.М.Полуяном, отцом двух известнейших на Кубани братьев-революционеров. Один из них - Ян Васильевич в октябре 1918 г. стал председателем Реввоенсовета Красной Армии Северного Кавказа, главнокомандующим которой был И.Л.Сорокин.

Когда полк собрался вместе, то 18-го декабря было проведено общее собрание его казаков. Был избран командир полка - стар-

ший урядник А.С.Курганов из хутора Псебай, находящегося рядом со станицей Петропавловской. Его первым помощником избрали одностаничника Сорокина вахмистра И.В.Бычкова, а вторым помощником и председателем полкового комитета стал однокашник И.Сорокина по военно-фельдшерской школе, казак станицы Кужорской фельдшер Н.П.Шумаков. Урупцев пытались уговорить, советовали «одуматься» и наказной атаман Кубанского казачьего войска, и приславший им телеграмму председатель Совета Министров граф С.О.Витте. Тем не менее казаки «не одумались», наоборот, 23-го декабря они захватили знамя, денежный ящик полка и двинулись в г.Майкоп, туда, где полк формировался.

Прибыл полк в Майкоп 28 декабря. Встречать его вышло более двадцати тысяч горожан с хлебом-солью, хоругвями и священником (священника взяли насильно. – *Н.К.*). Власть в городе перешла к казакам. Буквально на следующий же день около 50 человек нижних чинов полка и примерно столько же горожан прибыли в городское полицейское управление и принудили исполняющего дела полицмейстера Ромащука разрешить им напечатать в местной типографии свое воззвание. Так появилась листовка в 540 экземпляров: «От 2-го Урупского казачьего полка. Ко всем гражданам России».

Это был очень интересный с позиций сегодняшнего дня документ. В нем видна вся непоследовательность действий восставших и отсутствие у них опыта революционных выступлений. С одной стороны, они подтверждали свою верность царю, а с другой, ругали правительство, которое якобы ввело царя в заблуждение, превратив казаков в насильников, и они били народ плетьми, разгоняли его прикладами, расстреливали безоружных граждан на улицах, топтали их конями и т.д.

Восстание 2-го Урупского полка длилось 53 дня, до 6 февраля 1906 г. Около месяца они находились в станице Гиагинской, в ней все это время проходили грандиозные митинги, на которые собирались казаки и иногородние из окрестных станиц. Бывали там и земляки Сорокина из станицы Петропавловской. Тем более, что, как уже говорилось, избранные руководители полка так или иначе были связаны с этой станицей, и их связь продолжилась и после Гражданской войны. Одностаничник Сорокина И.В.Бычков устанавливал потом Советскую власть в Петропавловской, боролся против белогвардейцев, работал председателем станичного сельхозтоварищества. Казак восставшего полка Я.А.Федоров ус-

танавливал революционную власть на хуторе Алексеевском Петропавловской станицы. Сам командир полка урядник А.С. Курганов работал в Петропавловском исполкоме.

Кубанское руководство сильно встревожилось выступлением казаков 2-го Урупского полка. Было опасение, что подобные восстания могут произойти и в других частях, особенно в пластунских батальонах, где служила в основном казачья беднота. Эти опасения имели реальную почву. Почти одновременно со 2-м Урупским полком открытое неповиновение командирам и властям выразили казаки 14-го, 15-го и 16-го пластунских батальонов. Потом восстал 252-й Анапский батальон. Когда урупцам стало известно, что казаков в Анапе собираются расстрелять из артиллерийских орудий, то предупредили батарейцев, что если те откроют огонь, они будут разгромлены восставшим полком.

С целью покончить с этим восстанием 2 января 1905 г. по Кубанскому войску был объявлен приказ, в котором всему личному составу 2-го Урупского полка делалось последнее предупреждение – им предлагалось срочно покинуть станицу Гиагинскую, вернуться в Екатеринодар в свои казармы и сложить оружие. Нужно сказать, что урупцы были вооружены в это время по штату военного времени – каждый казак имел боекомплект в 140 патронов[22].

Уговаривать полк прибыл сам атаман генерал Бабич М.П., прихватив с собой около 20 человек своей администрации. Но результат этих уговоров был более чем скромный. В Екатеринодар вернулись только 66 казаков. Подождав еще около 3-х недель, атаман и кубанские власти приняли решение действовать против восставшего полка силой. Для подавления урупцев был создан отряд из 2-х сотен 3-го Екатеринодарского казачьего полка, 2-х сотен 13-го пластунского батальона и 2-х орудий одной из казачьих артиллерийских батарей. Всю группу возглавил атаман Майкопского отдела генерал Косякин. Сконцентрировав свой отряд в районе Гиагинской, он 2 февраля приказал открыть артиллерийский огонь по станице. Гиагинская стала единственным казачьим населенным пунктом, подвергшимся в революцию 1905 г. расстрелу из орудий. Среди жителей станицы могли быть жертвы, и после первых выстрелов артиллерии мятежные казаки сложили оружие.

Сразу же началась расправа над участниками восстания: 39 человек были осуждены как зачинщики, остальные 387 наказаны в

административном порядке. Руководителей восстания: Курганова, Бычкова, Шумакова, Загуменного ждала многолетняя каторга.

Как уже говорилось, Иван Сорокин с фронта Русско-японской войны в составе своего батальона прибыл на Кубань, когда накал революционного брожения и выступлений там уже пошел на спад. Конечно, очень было бы заманчиво причислить молодого Сорокина к участию в революционных событиях на Кубани в то время. И такие попытки действительно имели место. В частности, в ряде публикаций говорится о том, что Сорокин, в то самое время, когда на самом деле он был на Русско-японской войне, жил в своей станице, неоднократно встречался с руководителями восстания 2-го Урупского полка. Под видом того, что ему нужно было помочь брату Григорию поступить в военное училище, он приезжал в Екатеринодар на конспиративные встречи с одним из руководителей восстания петропавловцем Иовом Бычковым и другими зачинщиками восстания, а потом в своем фельдшерском пункте просвещал одностаничников о политической обстановке на Кубани, подстрекал земляков поддержать восставших.

За эти действия Сорокин якобы сильно поплатился. Он был арестован, предан суду и ему грозило 15 лет тюремного заключения. Однако суд ограничил наказание 5 годами и отбывал он его на лесоразработках в уральской тайге. Там ему очень пригодились медицинские знания, его определили в лагерный лазарет, где он лечил не только заключенных, но и администрацию лагеря, и даже спас от смерти дочь его начальника. Утверждается также, что Сорокин много времени проводил за игрой в шахматы с начальником лагеря, что к нему приезжала туда красавица жена Лидия Дмитриевна и произвела на всех очень хорошее впечатление. В итоге всего этого, а также помощи брата Григория, служившего в жандармерии, Ивану Сорокину в два раза сократили срок заключения, и через два с половиной года он вернулся домой. Все это могло иметь место только в том случае, если бы послужной список составлялся со слов самого Сорокина, и он утаил свою причастность к событиям 1905 г., и в восстании 2-го Урупского полка, а также скрыл свою судимость.

Однако это маловероятно и не подтверждается архивными документами. Иван Сорокин, опять же согласно данным из его послужного списка, продолжал находиться на воинской службе до 2 апреля 1908 г. За это время он приказом по Главному военно-полевому медицинскому управлению (№ 3 от 03.01.1906 г.) по

выслуге лет был переведен в кандидаты на классную должность. В августе 1906 г. он был уволен в запас, но через год, 20 августа 1907 г., снова пришел на службу уже в качестве сверхсрочнослужащего 5-й Кубанской артиллерийской батареи. Только потом, «по прослужении одного года сверхсрочнослужащим, — говорится в документе, — уволен в войско на льготу, в распоряжение атамана Майкопского отдела Кубанской области. 2 апреля 1908 г. исключен из списков батареи»[23]. Однако все виденное им по пути домой, а потом и во время службы в 10-м пластунском батальоне и 5-й артиллерийской батарее произвело на него огромное впечатление, оно не прошло бесследно и сыграло не последнюю роль в том, что 9 лет спустя, уже будучи на другой войне – 1-й Мировой, он без колебаний встал на сторону революции.

А тогда, весной 1908 г., Сорокин прибыл в родную станицу, снова стал работать фельдшером. Через год он женился. Об этом важном событии в личной жизни будущего главкома Красной Армии Северного Кавказа, в уже упоминавшемся послужном списке, в соответствующей его графе тоже имеется запись: «Женат первым браком на девице Марии Дмитриевне Колесниковой из г. Ставрополя – православной»[24]. Через год у Сорокиных родился сын, его назвали Леонидом, а еще через год дочь Елена. И.Л. Сорокин стал жить своим подворьем, но продолжал по мере возможностей помогать родителям вести хозяйство, надежд на Григория у родителей было мало. Служба в полиции г. Армавира, сама городская жизнь все дальше отдаляла его и от брата, и от родителей. Неоднократные напоминания Луки Илларионовича и Дарьи Федоровны о том, что пора бы и ему обзавестись семьей ничего не давали. Григорий любил женщин, но обременять себя семейными узами не торопился. На упреки Дарьи Федоровны отшучивался, что его душа в станице ни к кому прикипеть не может, – слишком большой выбор, а в Армавире ему не до этого, служба в жандармском участке отнимает все время, к тому же она опасная и не располагает к семейной жизни.

Глава 5.

Военфельдшером на Кавказском фронте

Мирное развитие событий в жизни И.Л. Сорокина было прервано начавшейся 1-й Мировой войной. О том, что она вот-вот начнется, на Кубани знали все. Когда Австро-Венгрия 15 июля 1914 г. под давлением Германии объявила войну Сербии, уже ни у кого не оставалось сомнений, что очень скоро придется воевать и России. Поэтому, когда 21 июля Германия объявила войну России, это известие при всей его значимости сенсацией не было. Казаки стали готовиться к тому, что вслед за отправкой войск на немецкий фронт скоро последует приказ о призыве полков второй и третьей очереди на Кавказ. Так оно и произошло. Спустя месяц «по Высочайшему повелению» была объявлена мобилизация двум очередям 2-го Лабинского и 3-го Урупского (Линейного) полков[25].

Учитывая, что до сих пор архивные материалы об участии И.Л. Сорокина в боевых действиях на Кавказском фронте практически никем не исследовались и не публиковались, этому очень важному и интересному периоду жизни будущего казачьего полководца следует уделить особое внимание. Причем необходимо выделить его службу сначала военфельдшером, а потом и офицером.

Чтобы читателю было легче ориентироваться в конкретных событиях, связанных с Сорокиным, его сотней и полком, есть смысл давать их в каждом конкретном случае в контексте общей ситуации на Кавказском фронте, по возможности описывать и боевые действия несколько большего масштаба.

Как и было положено по мобилизационному плану, на третий день в г. Майкоп начали прибывать казаки из станиц. Все они уже отслужили в свое время действительную службу и были «на льготе». Прибывали казаки на собственных строевых лошадях, с хо-

лодным оружием, полным обмундированием и снаряжением, положенным по арматурному списку «на случай войны». Уже в полку они получали винтовки и другое огнестрельное оружие. Среди отмобилизованных казаков был и кандидат на классную должность И.Л. Сорокин. Согласно приписке, он влился в свой территориальный 3-й Линейный (Урупский) казачий полк. Формировал эту часть ее командир – войсковой старшина Степан Прохорович Кучеров. Он прокомандовал полком вплоть до февральской революции 1917 г., а потом тяжело заболел и уволился в запас. В 1918 г. был зарублен красноармейцами в своей родной станице.

К 30 июля его полк был полностью отмобилизован и в этот же день начал погрузку в эшелоны. Однако, уяснив, куда они двигаются, казаки поняли, что едут не на фронт. Так оно и было на самом деле. После передислокации (2-го августа. – *Н.К.*) штаб полка и 4-ю сотню переместили в г. Екатеринодар, 2-я сотня возвратилась в г. Майкоп, 3-я, в которую был зачислен Сорокин, прибыла в хутор Тихорецкий, 1-я – в станицу Кавказская, а 5-я и 6-я – в г. Ставрополь.

Такое размещение было не случайным. Полк получил ответственную задачу – охранять тыл Кубанской области и содействовать гражданским властям в дальнейшей работе по формированию и отправке на фронт других казачьих частей. Помощь эта заключалась в том, чтобы Наказной атаман[26] генерал Бабич и его управление могли в короткие сроки закончить отмобилизование и размещение на территории области свыше 9000 запасных нижних чинов. Потом, 18 августа, последовало уточнение задачи – штабу полка и 4-й сотне было приказано переместиться в станицу Усть-Лабинскую и расположиться в казармах уже убывшего на фронт 1-го Екатеринодарского полка.

Однако полк не долго занимался выполнением этих задач. Проходит еще всего 4 дня, и 22 августа следует новое распоряжение – полку в 4-х сотенном составе и со штабом выступить в г. Владикавказ в распоряжение Наказного атамана теперь уже Терского казачьего войска. Задача оставалась та же – содействие гражданским властям. Прибыв во Владикавказ, полк по требованию Наказного атамана стал выполнять указания полицмейстера и выделять в распоряжение коменданта наряды для охраны города. Каждый такой наряд состоял из 6 человек днем, а ночью его численность удваивалась. Наряды распределял дежурный пристав.

Такая, по сути дела полицейская служба, тяготила казаков, и на этой почве иногда происходили различные инциденты. В приказах по полку его командир войсковой старшина С.П. Кучеров предупреждал казаков о необходимости высокой дисциплины и требовал корректного отношения к чинам полиции, с которыми приходилось совместно нести службу. Но это не всегда исполнялось. Как сообщалось, например, в одном из таких приказов, казак Иван Ткачев нарушил это требование и на основании дознания военного прокурора был предан суду военного трибунала. По этому поводу командир полка в своем приказе указывал: «...казак вверенного мне полка Иван Ткачев виновен в том, что 18 августа на станции Кавказской, придя в раздражение от того, что жандармский унтер-офицер Уласенко воспрепятствовал ему бить человека, задержанного по подозрению в краже, нанес названному унтер-офицеру два удара кулаком в голову, что предусмотрено Л.В. 101 и 102 ст. СВ.В. постановления из 1869 г. 24 кн. Изд. 4 (так в документе. – *Н.К.*), а потому на основании 556 ст. Военно-Судебного устава казака Ивана Ткачева предаю суду Кавказского военно-окружного суда. О чем объявляю по полку». Сделавший эту запись адъютант штаба, конечно, не имел в виду, что казак бил по голове унтер-офицера именно так, как это было «предусмотрено» соответствующими статьями устава Службы Войск, речь, очевидно, идет о том, что эти статьи запрещали подобное поведение[27].

Весь полк с нетерпением ожидал отправки на фронт, и наконец этот день настал. По распоряжению начальника штаба Терского Казачьего войска, 3-й Линейный полк 9-го сентября 1914 г. в том же составе (штаб и 4 сотни. – *Н.К.*), был погружен в эшелоны и по железной дороге отправлен в Закавказье.

Как известно, боевые действия на Кавказском фронте начались на 4 месяца позже, чем на Германском. К этому времени, по решению Верховного Главнокомандования, кавказская группировка войск была значительно ослаблена. Из ее состава изъяли и перебросили на Северо-Западный фронт 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, 1-ю Кавказскую стрелковую бригаду и Кавказскую кавалерийскую дивизию. Оборонять этот регион от возможного нападения турок остались только 1-й Кавказский корпус генерала Берхмана, в составе 20-й и 39-й пехотной дивизий (именно эта дивизия сыграла потом ключевую роль в установлении Советской власти на Кубани), 2-я Кавказская стрелковая бригада и другие соединения и части.

Карта боевых действий на Кавказском фронте в декабре 1914 – январе 1915 гг.

Эти войска и составили остов Кавказской армии, подчинявшейся наместнику на Кавказе генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову. Затем, уже перед объявлением Россией войны Турции, группировка кавказских войск была несколько усилена переброской в ее состав 2-го Туркестанского корпуса, отряда генерала Абациева и Персидского отряда генерала Чернозубова. Все силы Кавказского фронта были растянуты на расстоянии более 600 километров от городов Поти и Батума на западной его части до Джульфы на востоке включительно, прикрывая главнейшие пути к столице края – Тифлису и центру нефтяных богатств – Баку.

В основу действий русских войск на Кавказе русский Генеральный штаб всегда вкладывал идею энергичного наступления и последующего за ним переноса боевых действий на турецкую территорию. Но тогда предполагалось, что российские войска будут более многочисленными, к войне подготовятся заблаговременно и упредят в развертывании турецкую армию. Однако теперь эти планы уже не соответствовали обстановке. Русская армия оказалась значительно ослабленной и не до конца сформированной, а Энвер-паша[28] уже длительное время готовил свои войска к боевым действиям.

Пока русские перебрасывались с одного фронта на другой, а те, что находились там раньше, занимали выжидательную позицию, турки имели возможность заблаговременно подтянуть к Эрзеруму довольно значительные силы, а именно взятие этого ключевого пункта было целью прежних планов для русской армии. При таких условиях русское командование вынуждено было ограничить первоначальное действие своих войск более скромными задачами. Они сводились к тому, чтобы прикрыть приграничные районы от вторжения и, по возможности, захватить находящуюся против центра русской обороны позицию турок Ардост-Делибаба.

Конечно, ни для кого не было секретом, что война вот-вот начнется и на этом фронте, дело только во времени.

Всего на Кавказский фронт Кубанское войско выставило 8 первоочередных и 10 третьеочередных полков. Казачий полк в то время состоял из шести сотен с обозами 1-го и 2-го разряда, а также разными командами и насчитывал до 900 казаков и 1000 лошадей. Три Кубанских пластунских бригады имели в своем составе 18 батальонов по 1000 штыков в каждом по штату военного времени. Кроме того, с началом боевых действий Кубань отпра-

вила на фронт 49 особых сотен. Из них 24 свели в 4 казачьих полка, и в начале января 1915 г. они образовали Сводную Кубанскую казачью дивизию. Остальные сотни были распределены в штабы корпусов для службы ординарческой и на постах летучей почты, а также по полкам ополченческих бригад. Сводно-Кубанская казачья дивизия первоначально была использована для поддержания порядка в тылу, а впоследствии ее включили в состав Персидского экспедиционного корпуса[29].

13-го сентября 1914 г. 3-й Линейный полк прибыл и сосредоточился в г. Карс. Во время русско-турецких войн XIX века Карскую крепость русские войска осаждали и занимали в 1828 и 1855 гг., а 6 ноября 1877 г. взяли ее штурмом, и с этого времени город и его крепость были в составе Российской империи. Прибывший полк временно расположился в казармах 1-го Уманьского полка Кубанского казачьего войска и был введен в состав действующей армии. После двухдневного отдыха 16 сентября полк Сорокина в том же сокращенном составе выступил походным порядком в населенный пункт Кагызман. Через сутки он прибыл к месту назначения и поступил в состав Кагызманского действующего отряда генерал-майора Пржевальского. Вскоре и две остальные сотни полка – 5-я и 6-я прибыли из Ставрополя и присоединились к своей части. После этого сотни полка были рассредоточены согласно плану боевого предназначения. Ежедневно одна сотня выступала на сутки к самой турецкой границе, а уже от нее на 12 часов высылались поочередно офицерские дозоры силою в один взвод казаков, с задачей – непрерывно курсировать по всем известным тропам.

Здесь, отрезанные горами, казаки особенно остро почувствовали отрыв от Родины. В этих местах по обе стороны границы располагались селения курдов. Их непривычные глазу черно-бурые громадные шатры привлекали глаз каждого, кто находился в разъезде. При приближении к жилищу почти всегда повторялась одна и та же картина: из шатра тут же высыпает все семейство, а глава его бежит навстречу казакам с барашком в руках. Подбежав почти вплотную к офицеру, он быстро кладет барашка перед его конем, выхватывает нож и через секунду несчастное животное уже лежит с перерезанным горлом. Так у курдов отдается дань глубокого уважения к гостям и высказывается свое гостеприимство. Пройдет совсем немного времени, и на турецкой территории казаки увидят других курдов, главным образом так называемых «гамидие». Это

была иррегулярная курдская кавалерия. Они были достойным противником, но, как потом показали боевые действия с ними, противостоять казакам могли далеко не всегда.

Турецкие посты пограничной стражи, как правило, были хорошо видны, но казаков от них отделяло приличное расстояние. Как только разведчики приближались к самой границе, турки начинали махать своими фесками, предупреждали, чтобы казаки отошли подальше на свою территорию. Сорокин, пока не было боевых действий, а значит и раненых, иногда принимал участие в дозорах и разъездах. Обычно всю ночь разъезд двигался из ущелья в ущелье по камням и валунам, охраняя и границу, и свою сотню. Лишь ненадолго командир полусотни или сам сотенный подъесаул Аверин разрешали остановиться где-нибудь под каменной глыбой и спешивали казаков. Прислоняясь буркой к скале, продолжая бороться с холодом и сном, командир разъезда тревожно вслушивался в ночную тишину. Турки рядом, они хорошо знают местность, а их союзники курды, проживающие и на русской и на турецкой сторонах границы, всегда были готовы выступить хоть в роли проводника, хоть шпиона. Казаки же, получив передышку, тут же сваливались с лошадей, перекидывали поводья через голову коня и, намотав их на руку, засыпали. Подобная служба продолжалась почти полтора месяца. Отношение казаков к противнику можно охарактеризовать как настороженное любопытство. Уже не одну войну их отцы и деды сражались с южными соседями, и в такие минуты в памяти у казаков особенно ярко всплывали рассказы об этом сильном, жестоком и храбром противнике.

Очень скоро казаки уяснили существенные отличия между противниками: курдами и турками. Например, курдов начальник штаба Кавказского фронта генерал Масловский в своих воспоминаниях охарактеризовал так: «Курды – народ примитивный, дикий, стоящий на очень низкой степени культуры. Они кочевники, хищники и не обладают рыцарскими чертами. Упорного боя они не принимают, действуют в конном и пешем строю. Если они в большинстве, то делаются смелыми. Пленных не берут и раненых добивают, предварительно изуродовав»[30].

Что касается турков, то Масловский и им дает очень объективную оценку. «Турки-османлисты, — пишет он, — как боевой материал, были высокого качества: смелые, храбрые, чрезвычайно выносливые и скромные, и в тоже время – дисциплинированные.

Вообще, по своей природе, они были настоящими воинами, обладая и отличающим истинного воина – благородством. Они храбро дрались, почти всегда принимали штыковой удар, хорошо применялись к местности, хорошо шли в атаку, отлично оборонялись»[31].

Вскоре в полку была получена инструкция из штаба армии. В ней говорилось:

«Мелкие грабежи курдов не принимать за начало военных действий со стороны турок и действовать против курдов как против разбойников. С нашей стороны избегать активных выступлений, могущих подать повод туркам к началу военных действий против нас. В случае нападения турок на отряд действовать самым решительным образом, но границу не переходить до объявления войны. Отряду действовать скрытно, но вести разведку»[32].

По линии соприкосновения 3-го Линейного полка с турками в этом районе все было спокойно до 1 октября. В тот день случилась первая перестрелка казаков с противником. Однако ввиду дальности расстояния она никому урона не нанесла. По всему чувствовалось приближение военных действий; и вот наконец войска получили приказ Главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Он гласил:

«Турки вероломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморского флота. Высочайше повелено считать, что Россия в войне с Турцией. Войскам вверенной мне армии перейти границу и атаковать турок»[33].

В связи с этим, полковой адъютант в журнале военных действий полка 18 октября 1914 г. записал: «Высочайше было повелено считать Россию в войне с Турцией»[34]. Сотни полка в это время встречали прибывающую артиллерию и сопровождали батареи к месту их расположения. От разведки поступили сведения о том, что курды на сопредельной стороне приграничной полосы вокруг своих селений начали строить оборонительные сооружения, а в некоторых местах турками в горах закладываются фугасы. В разведсводке также сообщалось:

«[...] идет усиленное формирование шаек «чапа», во главе которых стоит Наджи-бей и несколько главарей из Персии, среди которых находится бывший помощник Тавризского губернатора, хромой (имя его не сообщено). К участию в этих шайках приглашены все прежние разбойники-курды и беки, которые до сих пор были в бегах. Они получают оружие, лошадь и 9 лир в месяц жалованья»[35].

19-го октября командир 3-го Линейного полка войсковой старшина С.П. Кучеров получил задачу – сотнями своей части прочно занять Ахтинский перевал и господствующие высоты в районе селений Сары-Булах, Верхние Ахты и др. Третья сотня, в которой служил Сорокин, вместе с подразделениями 6-го Кубанского пластунского батальона под общим командованием подъесаула Бибера сначала находились на левом фланге полка, потом ей последовал приказ начальника штаба Кагызманского отряда выступить в селение Ново-Николаевское в распоряжение начальника Ахтинского отряда. Сорокин был предупрежден старшим врачом полка коллежским асессором Цациковым, что перевязочный пункт полка во главе с ним будет находиться в селении Сары-Булах, куда и нужно доставлять в случае необходимости раненых, а в скором времени будет открыт перевязочный пункт непосредственно и в селении Ново-Николаевское, ближайшем к сотне Сорокина российском населенном пункте.

Командир Кагызманского отряда генерал М.А. Пржевальский в это время получил задачу – силами своей 1-й пластунской бригады и при поддержке конных казаков захватить находящееся в богатой Алашкертской долине с. Кара-Килиса (русское название: Черная церковь. – *Н.К.*). Но когда отряд находился уже в одном переходе от этого населенного пункта, от командира корпуса вдруг последовал приказ – оттянуться назад в район Кагызмана, чтобы двигаться в Пассинскую долину на помощь войскам генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова. Полк Кучерова был поделен таким образом, что 1, 2 и 4-я сотни двинулись с пластунами бригады Пржевальского, а 3-я сотня подъесаула Аверина, в которой был Сорокин, и 5-я сотня подъесаула Майбороды остались прикрывать Ахтинский перевал.

С 21 по 23 октября по всему фронту Ахтинской началось наступление турок и курдов силами одного эскадрона конницы и батальона пехоты. Против них были выставлены все наличные силы обоих сотен. Казаки действовали как пехотонцы в окопах. Началась ожесточенная перестрелка. Ввиду явного преимущества противника старший над обеими сотнями командир 5-й сотни подъесаул Майборода запросил подкрепления. Оно несколько запоздало, и казакам пришлось отступить. С прибытием подкрепления турки были отброшены, и казаки вернули свою позицию. В этом бою в обеих сотнях появились первые потери. Были убиты 5 казаков, один пропал без вести и 8 человек ранено. Помощь ра-

неным оказывали на оборудованном теперь уже непосредственно в Ново-Николаевском перевязочном пункте, в его составе был и Сорокин. Он умело оказывал доврачебную помощь раненым, грамотно распределил санитарные повозки, на месте учил санитаров и ездовых работе в боевой обстановке. Опыт его участия в Русско-японской войне оказался очень кстати.

Еще некоторое время Кагызманский отряд, в составе которого находился 3-й Линейный полк, должен был держать оборону от нападений турок в основном в пределах приграничной полосы. А так как у противника в ряде мест находились очень выгодные в боевом отношении высоты и перевалы, то турки этим безнаказанно пользовались. Поэтому, как только разрешили пересекать границу, было решено перенести боевые действия в глубь турецкой территории. Для этого требовалось предварительно провести разведку боем.

Эту задачу поручили войсковому старшине С.П. Кучерову. 27 октября его полк в трехсотенном составе и во главе с ним самим выступил в направлении села Кара-Килиса. В этом наступлении участвовали 2-я сотня под командованием подъесаула Черняева, 3-я (Сорокинская) под командованием хорунжего Аверина и 5-я сотня подъесаула Майбороды. В дальнейшем полк должен был встретиться с отрядом 1-го Запорожского полка, которым командовал полковник Кравченко, и ждать дальнейших указаний. Рейд оказался неимоверно трудным, так как дорога для передвижения войск оказалась почти непроходимой. Тем не менее, задача была выполнена успешно, полк занял Кара-Килису. Последние 40 верст было пройдено по местности, где кроме верховых смогли пройти и прибыть в место назначения отряда еще только кухня и двуколка командира полка, которые местами проходилось переносить на руках. Как казаки ни берегли лошадей, но несколько их сорвались в пропасть. А ведь это были свои родные кони, и каждый молодой казак потом думал, что же говорить по возвращении домой, отец ведь строго спросит. Многие казаки в клочья изорвали свои красивые черкески, получили вывихи ног. В журнале военных действий полка потом были перечислены участники проведенной рекогносцировки и среди них названы два медицинских работника – старший врач полка лекарь Селянинов и кандидат на классную должность 3-ей сотни Сорокин[36].

Здесь казаки на себе почувствовали всю сложность не только местных дорог, но и погоды. Сотни прибыли без палаток, все вре-

мя шел мокрый снег, и медикам работы хватало: кроме ушибов и вывихов, полученных казаками на скользких скалах, прибавились простуженные и обмороженные.

Первая половина задачи полком была выполнена, и 28 октября Кучеров, сняв сторожевое охранение, выступил для установления связи с отрядом 1-го Запорожского полка полковника Кравченко, который предположительно должен был находиться в г. Алашкерте. В 3 часа дня сотни полка прибыли в этот турецкий населенный пункт и заняли его без боя. Однако связь с отрядом полковника Кравченко установить не удалось, так как не было известно, где он находится. Но вскоре обстановка прояснилась. В Алашкерт прибыл разъезд от 3-го Волжского полка, который имел все сведения о расположении своих и неприятельских войск. Оказалось, полковник Кравченко накануне получил новую задачу и находился в это время на марше. Отправив донесение в Кыгызманский отряд о выполнении задания, Кучеров дал команду на отдых. Так как армянское и курдское население города встречало казаков хлебом-солью, было решено расположиться в Алашкерте квартиро-бивачным способом, т. е. частью на квартирах, частью в полевых условиях, приняв соответствующие меры боевого охранении; разведка доложила, что противник находился в 12 верстах.

Оставив 5-ю сотню для организации летучей почты между Кара-Килисой и Сары-Булахом, Кучеров с остальными вернулся в Кагызман. В итоге за весь этот рейд сотни полка преодолели около 300 верст нелегкого пути. Полк снова занял свое месторасположение в с. Ново-Николаевском, и опять был подчинен начальнику Кагызманского отряда.

Данные разведки, проведенной 3-м Линейным полком, послужили основанием для успешного выполнения задачи Эриванским отрядом, в составе которого были две остальные сотни 3-го Линейного полка. Перейдя накануне границу, он опрокинул турок и стал теснить их, спускаясь в Баязетскую долину. Войдя в нее, 2-я пластунская бригада под командованием бывшего атамана Кавказского отдела генерала Гулыги выдвинула вперед к крепости Баязет передовой отряд, и турки, опасаясь полного окружения, оставили крепость. Небезынтересно отметить, что авангардным 9-м пластунским батальоном этой бригады командовал принц Аманула Мирза, наследник персидского престола, а ему были приданы две сотни полка войскового старшины Кучерова. 24 октября эта группировка двинулась на Кара-Килису, но уже с другого

направления. Отряд занял с. Диадин, 25-го – с. Ташлычан-Суфа, а 27-го весь Эриванский отряд достиг Кара-Килисы и взял под контроль казачьих разъездов все прилегающие к русской границе долины – Баязетскую, Диадинскую и Алашкертскую. Кроме того, 3-й Линейный полк мелкими дозорами стал вести разведку на левом фланге отряда в направлении г. Муш.

После трехдневного отдыха сотня, в которой служил Сорокин, получила новую задачу – охранять участок реки Аракс от Кагызмана до с. Зарабханы и поддерживать связь с отрядом генерала Абациева, который в это время находился в рейде по турецким тылам.

Началась настоящая зима, и в горах приходилось особенно трудно. Командир соседней сотни подъесаул Майборода сообщал в полк:

> «Был направлен на турецкую территорию для возобновления связи с генералом Абациевым (отрядом его) в Кара-Килиса. 10-го и 11-го ноября была страшная метель. Сообщения с Ахтами никакого не было. Сообщений летучей почты не мог получить. Снег глубокий сверху примерз, а внизу грязь. Лошади проваливаются, грузнут. [...] В Ахтинской долине заблудились и пробыли там до 3-х часов, почему вернулся обратно в Ахты. [...] Был бой с курдами, у которых были пулеметы. Сам получил обморожение носа и обеих щек, левое ухо и пальцы обеих ног»[37].

Зима действительно внесла серьезные помехи в боевую деятельность войск. Теперь главным было сохранить людей от замерзаний и обморожений. Особенно доставалось пластунским батальонам и пехоте. Теплых вещей не хватало. О прибытии очередного транспорта с шубами, валенками и башлыками весть молнией облетала части, и каждый командир стремился получить хоть что-то и обеспечить своих подчиненных зимними вещами. Сильнейшие ветры со снегом не щадили никого. Ветхие палатки срывало и без следа уносило в пропасти, дров для походных печей, да и самих печей не хватало. У офицеров хоть были походные кровати, а казаки ложились на снег, завернувшись в бурку, соломы даже на подстилку не было, ее всю отдавали на корм лошадям.

Увеличилось число заболевших офицеров, и командование Кагызманского отряда стало строго требовать, чтобы каждый случай заболевания расследовался, проводились медицинские освидетельствования выбывших из строя по болезни. Об этом свидетельствует такой пример. Командир 4-й пограничной Карской сотни подполковник Старк на имя прибывшего из Тифлиса на-

чальника штаба Кавказской армии полковника Юденича[38] доложил, что он заболел и «службы Его Императорского Величества нести не может», а уже на следующий день состоялся приказ по Кагызманскому отряду, в котором его начальник полковник Иванов для освидетельствования здоровья подполковника Старка назначил комиссию под председательством старшего врача Кагызманского военного лазарета коллежского советника Соловьева. Освидетельствование должно было производиться в личном присутствии начальника гарнизона. Подобные комиссии были образованы и в полках для освидетельствования нижних чинов. В одной из них принимал участие и кандидат на классную должность И.Л.Сорокин, она собиралась регулярно один раз в месяц.

Размышления над сказанным приводят к двум возможным выводам: или высшее командование Кавказской армии заподозрило офицеров в симуляции, или, наоборот, таким образом проявляло заботу о здоровье подчиненных.

Тяжело было не только людям, но и лошадям. Казаки использовали любую возможность, чтобы добыть для них корм. Специально высылались разъезды от сотен в курдские населенные пункты, и те везли оттуда все, что могло служить фуражом – тюки сена и соломы: их связывали вьючками и перекидывали через луку седла. Изредка находили замаскированные курдами ямы с зерном. Это было настоящее, редкое лакомство для лошадей и его делили пригоршнями. В долинах расчищали от снега площадки с сохранившейся прошлогодней травой и косили ее шашками. Очень везло тем, кто находил несжатое хлебное поле. И все-таки от недоедания среди лошадей начался падеж, участились случаи заболевания сапом, вывихов ног, все чаще стали появляться животные с упадком сил и проч. Особенно страдали никогда не видавшие снега лошади текинской породы в соседней Закаспийской бригаде. Для расследования причин этих явлений и принятия решения по каждому случаю так же была образована полковая комиссия, в которую вошел и Сорокин.

В ходе первых боев выяснилась одна досадная деталь: русские войска стали нести ничем не оправданные потери в офицерском составе. А виной всему было пренебрежение к правилам маскировки. На фоне нижних чинов офицеры были очень заметны своим внешним видом, погонами, бурками, плечевыми ремнями и т.д. Поэтому командир Кагызманского отряда приказал устранить из формы одежды офицеров все отличия от нижних чи-

нов, как то: металлические погоны, плечевые ремни, шашки в пехоте было приказано заменить винтовками.

Как уже говорилось в начале, действия 1-го армейского корпуса сопровождались их довольно значительным успехом. Передовые части турок были опрокинуты и вынуждены отступить. 6-го ноября после ожесточенного боя была взята сильная позиция турок у Кепри-Кей, прикрывавшая путь к Эрзеруму. К этому же времени русскими практически без боя была взята знаменитая крепость Баязет. Стабилизировав здесь обстановку, командование корпуса тем не менее понимало, что силы Эриванского отряда ничтожны, а им нужно удерживать фронт протяженностью в 200 верст. Поэтому сюда были переброшены остальные 2 сотни 3-го Линейного полка, 4-й Екатеринодарский казачий полк кубанцев и 55-й полк донских казаков. Эти части вместе с 593-й пешей Кубанской дружиной составили Закаспийскую бригаду под командованием полковника Николаева.

Однако дальнейшие события показали, что некоторые успехи 1-го армейского корпуса носили локальный характер и на общую стратегическую обстановку особого влияния не оказывали. Было совершенно очевидно, что турки еще не ввели в действие свои основные силы, используют только части прикрытия собственной границы и одновременно готовят крупное наступление, скорее всего на эрзерумском направлении. Разведка докладывала о продолжающемся сосредоточении крупных сил в этом районе. Русская армия, ослабленная отправкой двух своих мощных корпусов на германский фронт, проводить крупные наступательные действия позволить себе не могла, и та операция, которую начал командующий 1-м армейским корпусом генерал Берхман могла окончиться плачевно. К тому же вскоре появились огромные трудности, вызванные большой нехваткой средств ведения войны в горах, особенно вьючного транспорта, а также теплых вещей, главным образом шуб и валенок. Вскоре начал ощущаться и недостаток в боеприпасах.

Наступление корпуса было приостановлено все возрастающим сопротивлением турецких войск, а на направлении Ольтинского отряда турки сами начали наступление. Вводя в бой все новые силы, они стремились окружить вырвавшуюся вперед эту группировку, обойдя ее с флангов. Командовавший отрядом генерал Истомин вынужден был отойти, выставив в аръергард части под общим командованием полковника Кутателадзе. Но его отряд был

окружен у самой русской границы. Частью он попал в плен, но большинство солдат и офицеров все же смогли пробиться к своим, несмотря на то, что Кутателадзе приказал всем сложить оружие и сдался сам. Этими событиями начиналась вошедшая во все учебники истории войны на Кавказском фронте знаменитая Саракамышская операция.

Штаб фронта все это время еще находился в Тифлисе. Это очень сильно мешало управлению войсками. Сам командующий фронтом Воронцов-Дашков настолько тяжело был болен, что даже не всегда мог принимать доклады. Эрзерумское же направление для обеих воюющих сторон становилось главным, туда, по сведениям разведки, выехал и сам Энвер-паша – генералиссимус всех турецких войск, заместитель султана, фактический повелитель Турции. Вслед за ним в Эрзерум прибыл начальник турецкого Генерального штаба Бронсар-Шелендорф (полковник немецкой армии. – *Н.К.*). Численность турецких войск на Эрзерумском направлении была доведена до 150 000 человек.

Постепенно, таким образом, стало выясняться, что 3-я турецкая армия, в составе 9, 10, и 11-го корпусов (свыше 80 батальонов, не считая курдов и запасных частей), имела своей целью провести главный удар в тыл русских войск – на их передовую базу Саракамыш. В частности, 11-й корпус должен был сдерживать русских на Эрзерумском направлении, а 9-й и 10-й корпуса были направлены в обход их правого фланга, по так называемому «тон-иолу» (турецкая дорога для пушек. – *Н.К.*), т. е. по дороге, идущей по горным хребтам между Эрзерумской дорогой и долиною Севричая. Эта дорога вела на Бардусский перевал, который русское командование ошибочно считало недоступным зимой для передвижения больших воинских масс. Движение по горной дороге, занесенной глубоким снегом, действительно стоило туркам больших усилий и потерь. Целые подразделения их срывались в пропасти, было много обмороженных и замерзших. Но, тем не менее, в 20-х числах декабря 1914 г. турецкие колонны стали постепенно спускаться с Бардусского перевала и повели ряд настойчивых атак в направлении на Саракамыш, где находились в то время лишь несколько слабых запасных частей Кавказской армии.

Подразделения 3-го Линейного полка в это время получили новые задания. Как уже говорилось, сотне, в которой служил Сорокин, поручили охрану берега р. Аракс в местах, где противник мог его преодолеть, в районе бродов и мостов. Здесь нужна была

особая бдительность, так как противник, имея прекрасных проводников в лице местных курдов, очень часто предпринимал попытки переправиться через реку и выйти в тыл русским войскам. Сотня успешно справилась с задачей, но в ней опять появились обмороженные. Находясь постоянно у воды, казаки, кто по неосторожности, кто при отражении нападений противника, попадали в воду, а на морозе это нередко оканчивалось тяжелыми простудами и обморожением конечностей. Командование Кагызманского отряда, конечно, понимало все это, и как только пришла партия теплых вещей, в первую очередь выделило, как было сказано в разнарядке «по линии Аракса 150 комплектов бушлатов, валенок и башлыков»[39].

Разумеется, на весь личный состав подразделений, несущих охранную службу вдоль Аракса, этого не хватило, но все же было существенной помощью обороняющимся.

Положение войск в районе Саракамыша было очень трудным. С фронта на них наседал 11-й турецкий корпус, а с правого фланга вот-вот должны были появиться части двух других корпусов 3-й турецкой армии. В случае отхода русских к самому Саракамышу стратегическое окружение грозило перейти уже в тактическое.

Однако командующий русским 1-м Кавказским корпусом генерал Берхман не придал значения усилившейся угрозе Саракамышу, а это был не простой населенный пункт. Он являлся головной станцией единственной железной дороги, питающей весь фронт, через него осуществлялась связь всей группы войск с глубоким тылом. Наконец, там были фронтовые запасы продовольствия, оружия, боеприпасов, находились все основные госпитали. Турецкое командование было прекрасно осведомлено о слабости Саракамышского гарнизона. Эти сведения им регулярно поставляли шпионы-черкесы, проживавшие в приграничной зоне. Кстати, потом, после поражения турецких войск, они сами и их семьи, боясь расплаты за свою подрывную деятельность, бежали в глубь Турции.

Начальник штаба армии генерал Н.Н.Юденич и помощник главнокомандующего генерал Мышляевский срочно выехали из Тифлиса в штаб корпуса генерала Берхмана. Казачьи разъезды в это время стали докладывать о массовом передвижении турецких войск к границе. Но неожиданно генерал Берхман начал наступление двух корпусов, своего и подчиненного ему 2-го Туркестанского. Сопровождавшие Юденича и Мышляевского генералы и офицеры, уяснив складывающуюся обстановку, стали советовать

возглавить эти корпуса им самим, чтобы ликвидировать грозящую Саракамышу угрозу. В итоге Юденич дал команду Берхману прекратить наступление, а 11 декабря принял на себя командование соседним 2-м Туркестанским корпусом. Турки в это время, уже не маскируясь, колоннами выдвигались к границе. Русские войска стали отходить и занимать более выгодные в оборонительном отношении рубежи. В это же время Юденичу донесли, что турки обходными путями приближаются к Саракамышу.

Сам город был практически беззащитен. Там были только две ополченческие дружины, охранявшие многочисленные склады, причем обе еще до конца не сосредоточились в городе, да и вооружены ополченцы были лишь старыми берданками. Офицеры бригад были призваны из запаса, но и их не хватало. Начальником штаба Саракамышского отряда был капитан Генерального штаба Караулов – родной брат будущего войскового атамана Терского казачьего войска, убитого 8 января 1918 г. в Пятигорске на вокзале солдатами 39-й пехотной дивизии.

К счастью в это время в Саракамыш прибыло несколько взводов и мелких артиллерийских подразделений. Они должны были грузиться на станции и двигаться в Тифлис, чтобы стать там основой новых формируемых частей. Их срочно объединил с ротами, созданными из обозных команд, штабс-капитан Игнатович и создал полк. Под именем 23-го стрелкового Туркестанского он потом доблестно сражался в течение всех боев за Саракамыш, затем как регулярная часть Кавказского корпуса оставался до конца войны в его составе.

Позитивную роль в обороне Саракамыша сыграл и будущий Войсковой атаман Кубанского казачьего войска, а на время описываемых событий начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады, ставший в конце Гражданской войны войсковым атаманом Кубанского казачьего войска, полковник Букретов. Он возвращался из отпуска и в разгар этого тревожного времени оказался в Саракамыше. Букретов присоединил складские и обозные команды к личному составу батальона 18-го Туркестанского стрелкового полка, который Юденич на подводах срочно перебросил в Саракамыш для усиления его гарнизона. В это же время состоялся выпуск Тифлисского военного училища и около 100 молодых офицеров прибыли на станцию Саракамыш, чтобы следовать в штабы войск армии для распределения по частям. Букретов своим решением расставил их во главе различных мелких тыловых

подразделений. Совершенно неожиданно эта мододежь оказалась в такой сложной боевой обстановке. Многие из них вскоре погибли и были похоронены неопознанными.

Однако плохо сколоченные, почти безоружные все эти подразделения были вскоре сбиты турками и оказались в 5–6 верстах от Саракамыша. В этих условиях Юденич продолжал настаивать, чтобы войска на других участках фронта продолжали удерживать свои позиции, и одновременно направил к Сарыкамышу некоторые свободные резервы. Затем он обратился к Главнокомандующему Кавказской армией графу Воронцову-Дашкову с телеграммой, в которой просил наместника о спешном направлении на помощь Сарыкамышскому гарнизону формировавшуюся в тылу 3-ю Кавказскую стрелковую бригаду. Его просьба была удовлетворена. Стремясь укрепить Саракамыш, не снимая при этом с фронта боевые части, Юденич решил спешно направить туда также и кадры для предстоявшего развертывания двухбатальонных полков 2-го корпуса в трехбатальонные. Эти части тоже составили ядро обороны Сарыкамыша от турецкого нападения.

Все это время 3-й Линейный полк, в котором служил И.Л. Сорокин, разделившись на полусотни и создав несколько офицерских разъездов, вел усиленную разведку, прочесывал местность перед фронтом на флангах корпуса и в тылу его. В конном строю действовать было почти невозможно. В этом отношении курды были в более выгодном положении. На своих маленьких прытких лошадях без вьюка, копыта которых были подкованы сплошным «пятаком» железа, они свободно могли скакать полным карьером по любой каменистой поверхности. Работа в разведке была изнурительная и опасная, но необходимая, и выполнить ее могли только казаки. Вскоре Кучеров донес Юденичу, что в связи с приближением к русской границе основных сил 3-й турецкой армии разведчики его полка получили сведения о готовящемся восстании курдов. Несколько их селений, находящихся на русской стороне, готовили вооруженное выступление и планировали начать его, как только основная турецкая группировка войдет в соприкосновение с войсками 1-го армейского и 2-го Туркестанского корпусов. Были приняты решительные меры по локализации курдских селений, и эту роль тоже отвели в основном казакам, и прежде всего 3-му линейному полку.

Между тем командование турецкого авангарда, не встретив серьезного сопротивления русских ополченцев и наспех склочен-

ных подразделений, решило не ожидать подхода своих основных сил и одним мощным ударом сходу овладеть городом. Не получилось. У самой городской черты его защитники хладнокровно встретили противника. Орудия были поставлены прямо на площади около православной церкви. По турецким данным, полученным от шпионов, у русских не было никакой артиллерии, но эти сведения устарели, и орудия, прежде чем все они были уничтожены турками, нанесли войскам противника ощутимый урон. Решив, что в Саракамыш незаметно были переброшены регулярные войска 1-го армейского корпуса, турки остановились и решили больше не атаковать, дожидаясь подхода главных сил.

13-го декабря на Саракамыш была брошена подошедшая 29-я турецкая дивизия. Бой был неравный, и русские, уничтожив большое количество живой силы противника, все-таки вынуждены были оставить верхнюю часть города. Но в этот же день наконец-то к Саракамышу стали подтягиваться части, направленные помощником главнокомандующего Кавказской армии генералом Мышляевским. Вначале прибыл 1-й Запорожский полк. Он стал оборонять железнодорожный вокзал. Из Харасана подходил 80-й Кабардинский полк и несколько батальонов; их отправили на Бардусский перевал в 5–6 километрах от города, обладание которым не давало возможность туркам атаковать его с фронта.

Со стороны правого берега Аракса форсированным маршем на помощь спешил со своей пластунской бригадой генерал Пржевальский. Почти все атаки турок были отбиты, но они все же смогли на 600 метров продвинуться к вокзалу, захватили господствующие над ним высоты, лесистый хребет и вплотную подошли к шоссе, отрезав тем самым Саракамыш от войск Кавказской армии. Первым, как это не удивительно, дрогнул помощник Наместника на Кавказе генерал Мышляевский. Хотя он не был непосредственно в Саракамыше, но, получив эти данные, решил, что дальше оборонять город нет никакой возможности и нужно срочно убыть в Тифлис, чтобы принять меры к созданию новой базы и новой армии для Кавказского фронта.

В это же самое время к Кагызману наконец подошла бригада генерала Пржевальского, которую сопровождал батальон пограничников. Его Мышляевский забрал для своей личной охраны, а всем остальным войскам, находящимся в Алашкертской и Диадинской долинах приказал отступать, как только турки усилят давление. Начальник штаба армии Юденич, добровольно взяв-

ший на себя командование 2-м Туркестанским корпусом, даже не был проинформирован Мышляевским. Мало того, Мышляевский дал телеграмму командиру 1-го армейского Кавказского корпуса генералу Берхману, в которой говорилось, что теперь ему подчинены оба корпуса – его собственный и 2-й Туркестанский. Однако Юденич видел всю гибельность отданных Мышляевским приказаний. Отход зимой, по снегам, без дорог мог погубить еще вполне способную к сопротивлению армию. Он решил не выполнять приказ генерала Мышляевского, а стоять до конца, хотя в это время армейские интенданты уже начали уничтожать запасы, портить продукты, чтобы они не достались противнику.

Между тем Энвер-паша решил отложить атаки на Саракамыш с флангов и дождаться подхода несколько запоздавшего 10-го корпуса. Защитники же города получили небольшую передышку и продолжили укреплять оборону. 15-го декабря к ним подошли 3-й драгунский полк и пятибатальонная пластунская бригада генерала Пржевальского. В командование Саракамышским гарнизоном вступил генерал Пржевальский. Теперь у него в подчинении находилось 15 батальонов, 6 казачьих сотен, 2 ополченческие дружины и несколько случайных формирований, о которых уже говорилось ранее. У турков же был 51 пехотный батальон, не считая артиллерии.

3-я сотня, в которой служил Сорокин, в полной мере испытала на себе всю тяжесть этих боев. Она не принимала непосредственного участия в обороне Саракамыша, но, находясь на левом фланге группировки, спешащей на помощь защитникам города, и прежде всего 1-й пластунской бригады генерала Пржевальского, она в течение 3-х суток почти не выходила из боев, одновременно воюя с восставшими курдами и обеспечивая войска необходимыми сведениями о противнике. Сорокин в это время делал все возможное, чтобы не допустить обморожения казаков своей сотни. В других частях уже были случаи, когда нескольким пластунам пришлось ампутировать конечности прямо на перевязочном пункте. Когда приходилось заходить в курдское селение, то он первым делом искал у местных жителей гусей, их жир служил по сути дела единственным средством спасения от обморожений.

По понятным причинам Сорокин не оставил никаких воспоминаний о своей службе военфельдшером, о том, как обстояли дела с организацией медицинской помощи раненным и обмороженным солдатам и офицерам. Но есть замечательные воспоминания медицинской сестры Христины Дмитриевны Семиной. Она

была женой врача саракамышского хирургического госпиталя коллежского асессора А.Семина. Оставив в г. Баку свой богато обставленный дом и прислугу, Семина приехала в Саракамыш и на добровольных началах стала работать сестрой милосердия. За рубежом в 1963 г. она опубликовала книгу своих воспоминаний, и, благодаря ей, сегодня мы имеем возможность представить себе весь ужас тех событий.

Вот как она описывет эвакуацию раненых с прифронтовой полосы, когда турки рвались к Саракамышу:

> [...] «При вывозе медицинским конным транспортом много раненых замерзало в санитарных повозках, многие обмораживали конечности. Те, кто был без сознания, не могли пошевелиться и, естественно, погибали чаще других. Каждого раненого укрывали тоненьким одеялом, но в 40-градусный мороз оно не спасало, снимали попоны с лошадей, но они были такими же. В движении санитары все время обращались к врачам за помощью, говоря, что их раненые плачут, говорят, что замерзают. Здоровому человеку, не то, что раненому, потерявшему много крови, переносить такие холода, страшную тряску было не в моготу. Вывозили из Киприкея, Кара-Ургана. В каждом транспорте были кухни, путь занимал до 2-х и более суток. Гнать лошадей было нельзя, раненые начинали кричать от боли и плакать, а ехать медленно тоже нельзя, это была верная смерть от мороза. Место для остановок приходилось выбирать трудно, все продувалось ветром, редко когда попадались курдские сакли, тогда в них посреди помещения разводили костер и кое-как отогревались. Прибыв в госпиталь, иногда треть раненых сразу несли в сараи и складывали штабелем. Живыми они не доехали. Иногда мертвых было больше, чем живых. Такие обозы называли «обозами смерти»[40].

Но не только ранеными, больными и обмороженными занимался военфельдшер Сорокин. В одном из своих донесений новый командир 3-й сотни хорунжий Игнатенко докладывал, что во время очередной стычки с курдами разъезд, который он возглавлял сам, оказался в сложной ситуации. Курды одновременно наступали с 3-х сторон, а казаки разъезда из-за гористой местности оказались разобщенными, и руководить обороной было очень трудно. В этот момент, совершенно пренебргая опасностью, к командиру сотни пробился Сорокин. Он стал вести очень меткий огонь из винтовки, уничтожил нескольких курдов и одновременно докладывал Игнатенко о том, что происходит на обратном скате возвы-

шенности, где отстреливались остальные казаки. Благодаря этому командир сотни смог правильно сманеврировать силами разъезда и вырваться без потерь из казалось бы безвыходного положения. За этот бой командир сотни представил Сорокина к награждению Георгиевским крестом 4-й степени, а после получения этой награды, в соответствии с существовавшим тогда положением, ему автоматически было присвоено воинское звание младший урядник[41].

Будучи непосредственным участником событий, связанных с обороной Саракамыша, Сорокин был свидетелем множества примеров героизма, который проявили казаки, солдаты и офицеры Кавказской армии. Все это соответствовало его собственным представлениям о воинской доблести, солдатском долге, офицерской чести, и не могло пройти бесследно. Очевидно также, что все увиденное и пережитое сыграло далеко не последнюю роль в том, что вскоре после этих событий он изъявил желание воспользоваться представившейся возможностью стать офицером.

На заключительном этапе сражения за Саракамыш, до начала очередного наступления турок, Пржевальский успел по-новому построить оборону города, особое внимание обратив на фланги. Именно туда 16 декабря противник и стал наносить сильные удары. Вскоре геройски погиб защищавший вокзал командир 1-го Запорожского полка полковник Кравченко. Русские части вынуждены были медленно отступать, и противник начал занимать окраины города, захватил казармы 156-го полка, а затем и сам вокзал. Создалась критическая ситуация. Пржевальский уже израсходовал все свои небольшие резервы, оставались только две сотни его 6-го пластунского батальона.

Вечером 16 декабря повсюду шли уже штыковые бои, боеприпасов почти не оставалось. В это время Пржевальский получает донесение, что левый фланг прорван турками, и он бросает туда две свои последние сотни. Командовал ими полковник Термен. Он приказал идти в атаку без выстрелов, и казаки дрались штыками уже в темноте. Турки не выдержали и бежали. Ободренные этим известием и на правом фланге русские перешли в контратаку, вернули вокзал и высоты над ним.

Наконец наступил перелом. Турки прекратили атаки на Саракамыш, но ненадолго. 17-го декабря они снова атаковали, теперь уже в центре русской обороны, но все их четыре атаки были отбиты. Положение Пржевальского становилось все устойчивей, но связи у него ни с кем не было. Единственная радиостанция полу-

чила повреждение еще 12 декабря, и ее смогли восстановить только 17-го. Сразу же Юденич послал в Тифлис сообщение о действительном положении дел в войсках, о том, что создалась такая обстановка, при которой турки больше не могут наступать и уже можно разрабатывать свою наступательную операцию. Когда ему сообщили, что из под Варшавы снята и перебрасывается на Кавказ кавалерийская дивизия, он заявил, что кавалерии «работы нет», и отказался от нее. Он прекрасно понимал, что в тех условиях кавалерию можно было напрасно погубить.

Свое наступление Юденич и Пржевальский начали 19 декабря. Вскоре полковник Букретов вернул Бардусский перевал, а на следующий день продолжил наступление и, заняв все дороги, отрезал основные пути отступления турецким войскам. Из частей были выделены лучшие стрелки, метким огнем они не подпускали противника к перевалу. Энвер-паша понял, что проиграл сражение за Саракамыш, рассчитывая взять его обходом справа своими 9-м и 10-м корпусами. Он принял новый план – решил наступать с фронта свежими силами своего 11-го корпуса. Теперь уже и Берхман стал предлагать Юденичу помощь в отражении нового натиска турок, но тот посоветовал ему заняться теми их силами, которые остались на флангах Саракамыша. Генерал Берхман активно взялся за выполнение этой задачи. К этому времени около Саракамыша скопилось уже более 27 батальонов и 14 сотен русских войск. 21-го декабря они перешли в наступление на фланговые турецкие корпуса.

Погода не благоприятствовала наступлению. Сильно мешал туман. Прибывшие, наконец, артиллеристы ничего не видели, конница была вынуждена все время держаться возле пехоты, наступление шло вяло. 22-го началась небывалая даже для этих мест метель, но наступление русских войск продолжалось. Юденич и Берхман справедливо рассудили, что противника, пока он деморализован, даже в этих условиях добить будет все же легче. И действительно, части 10-го турецкого корпуса начали сдаваться, хотя главные его силы все же вышли из-под удара. На левом фланге дела тоже пошли хорошо. В плен попал сам командир 9-го турецкого корпуса Исхан-паша со всем своим штабом, затем сдались и все части этого корпуса, три начальника дивизий и тоже со своими штабами. Богатой была и захваченная у турок добыча.

Атаки с фронта силами 11-го турецкого корпуса продолжались, но успеха они не имели. В многодневных боях, по 5 января вклю-

чительно, русские войска спасли Кавказ. Измотанные тяжелым походом по снежным хребтам, голодные и полузамерзшие, турки не могли овладеть Саракамышем; отступление же, как всегда случается в подобных случаях, было равносильно гибели. Отброшенные турецкие части по преимуществу рассеялись; большинство замерзли в занесенных снегом балках и оврагах, остальные были взяты в плен. В одном только районе Сарыкамыша за эту зиму было обнаружено свыше 30 000 замерзших турецких трупов.

Когда в Саракамыш из Карса стали возвращаться спешно эвакуировавшиеся туда по приказу Мышляевского тыловые части и госпитали, то при приближении к городу из окон поезда им представились страшные последствия, разыгравшегося здесь накануне сражения. Вот как об этом пишет Х.Д. Семина:

«Тут я опять увидела турок! Около каждой сосны, прижавшись спиной к стволу дерева, обхватив ружье руками крест-накрест, а кисти рук спрятав под мышки, стояли турки!

— Турки! Турки! Смотрите, турки! — закричала я. Но мои спутники не посоветовали ложиться на пол. И сами не легли. Они прильнули к окну и смотрели...

— Замерзли! Все замерзли... Присмотритесь внимательно, — говорит чиновник. — Вон один присел в снег, только голову и ружье видно.

Теперь и я ясно вижу! Их всех занесло снегом.

— Снег ровный, не примятый. Так около живого человека не бывает.

Мы перешли на другую сторону вагона... И всюду, куда только проникал сквозь лесную гущу глаз, стояли эти мертвые часовые!.. Все замерзли; никто не ушел?.. Потом я узнала, что такими мертвыми часовыми был полон весь лес — до самого Сарыкамыша... Многие пробрались на окраину города. Некоторые дошли до самых домов и тут замерзли. Других убили наши солдаты. [...] Дальше идти было нельзя. На рельсах лежали груды трупов. Целые горы их всюду по обе стороны пути. Но больше всего вдоль шоссе, там, где срезанная гора тянется далеко за вокзал. Почти до самого верха откоса навалены эти трупы: босые, окровавленные, смерзшиеся друг с другом. [...] Вороты у рубах и пояса штанов были расстегнуты, карманы вывернуты... Ни на одном трупе не было верхней одежды...»[42]

Завершает Семина свой рассказ о том, что они увидели с денщиком ее мужа, подъезжая на поезде к вокзалу, описанием еще одной невероятно страшной картины:

«Вдруг увидела, — пишет она, — что-то страшное и дикое! Около самого вокзала была сложена большая красная пирамида из тел в самых разнообразных позах...

– Клюкин! Посмотри! В такой-то мороз, а они в одних рубахах! Кто это?

Но, не успел он ответить мне, как мы уже подъехали ближе, и я увидела, что это были не живые люди! Огромная группа на уровне вокзальной крыши была из... трупов турецких солдат. Они были во всевозможных позах: нижние, как подставка, лежали наваленные, как попало. Но выше некоторые сидели в разных позах. Другие стояли по нескольку трупов вместе, обнявшись. А на самом верху стоял труп с вытянутой вперед рукой, с лицом повернутым к Сарыкамышу и с оскаленными в страшной улыбке зубами. Издали они казались живыми, и я их приняла за живых людей. Такие им были приданы естественные позы... Вблизи эта группа мертвецов была страшна! Страшным видом своим и смыслом... как бы издевательства над жертвами подвига самопожертвования...

– Это казаки сделали! Пущай смотрют на Сарыкамыш, если взять его не смогли и наших голов порубить не сумели... – сказал Клюкин»[43].

В полк Кучерова в эти дни из штаба корпуса пришла телеграмма, в которой говорилось:

«...Весь турецкий корпус во главе с командиром корпуса, тремя командирами дивизий сдался в плен. 10-й корпус разбит и преследуется генералом Баратовым»[44].

В этой же телеграмме командир корпуса дал оценку действий командования войск Кагызманского отряда:

«...Ваши действия нахожу правильными, благодарю за своевременную присылку Ваших ценных сведений о восстании курдов в селениях Казан и Булахлы»[45].

Находясь все время в боевой обстановке, Сорокин не забывал о своих прямых обязанностях. Не один десяток раненых казаков спас он от неминуемой гибели. Для раненого на морозе, когда кровь почти не сворачивается, если быстро не сделать перевязку прямо на месте боя означало верную смерть. Поэтому кандидат на классную должность Сорокин, несмотря на смертельную опасность, всегда был вовремя там, где в нем больше всего нуждались, и спасал людей. Вскоре он получил следующую высокую награду – Гергиевский крест 3-й степени.

Победа под Саракамышем была достигнута высокой ценой и для русской армии. Она потеряла убитыми и раненными свыше 20000 своих солдат, казаков и офицеров, тысячи были обморожены и серьезно простужены. Работы медикам значительно прибавилось. Сорокин и его коллеги сутками напролет занимались ранеными, заболевшими и обмороженными. Полковые медицинские пункты и госпитали не вмещали тех, кто нуждался в срочной помощи.

Победы под Ардаганом и Саракамышем вывели русскую Кавказскую армию из очень трудного положения. Но для полного поражения турок и более длительного обеспечения Кавказа от их нашествия необходимо было разгромить оставшийся еще боеспособным 11-й турецкий корпус. Он продолжал действовать на Эрзерумском направлении и пытался, хотя и безуспешно, теснить русские части к Саракамышу. После того как были разгромлены турецкие колонны, пытавшиеся действовать обходными путями, этот корпус развил свою активность в районе Караургана. Видимо его командование стремилось отвлечь на себя силы русских войск и тем прикрыть отход своих разгромленных соседей.

Произведя перегруппировку своих войск, русское командование, несмотря на продолжавшиеся сильные метели и снежные заносы, начало наступление. После упорных боев с 8 по 16 января 1915 г. турки были сбиты с сильной Зивинской позиции. Противник быстро покатился назад, сбрасывая свою артиллерию в пропасти и оставляя по пути своего отступления раненых и боеприпасы. Столь сильный натиск русских войск окончательно вывел из строя 11-й корпус противника, а вместе с этим была надолго сломлена боеспособность всей турецкой армии, находившейся под руководством смелого и энергичного Энвер-паши. Таким образом, Кавказ надолго был обеспечен от новых нападений турецкой армии. Получив передышку, командование Кавказской армией немедленно начало перегруппировку своих войск и восполнение понесенных потерь. Нижние чины прибывали более-менее исправно, а вот младших офицеров катастрофически не хватало. Они, как и положено, постоянно находились вместе с солдатами на линии огня, и их потери были наибольшими. Из центра ожидать присылки младших офицеров на замещение должностей было нереально, поэтому командование фронта большие надежды возлагало на подготовку их в открытых специально школах прапорщиков, и прежде всего в г. Тифлисе.

Глава 6.

Сорокин – офицер

Как уже говорилось ранее, непродолжительное время пребывания на фронте И.Л.Сорокин проявил себя с наилучшей стороны. По своим обязанностям он мог бы иногда и не принимать участия в атаках, в разведке или в боевом охранении, но тем не менее всегда рвался туда, где опасно, показывая исключительную смелость, находчивость и особую казачью лихость. Эти качества кандидата на классную должность, военфельдшера 3-й сотни 3-го Линейного полка Ивана Сорокина не могли быть не замечены его начальниками. Его хладнокровие в бою, умение действовать в сложной обстановке, стремление прийти на помощь командиру, а если надо, то и заменить его, сыграли свою роль. По своим знаниям и опыту службы он, конечно, был гораздо выше той должности, которую занимал. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Сорокин в числе других был отобран и 18 января 1915 г. направлен для поступления в 1-ю Тифлисскую школу подготовки прапорщиков.

Звание прапорщик было самым младшим офицерским чином. Оно было упразднено в армии еще при Александре II и сохранилось лишь для вольноопределяющихся 1-го разряда, которые производились в него после окончания призыва и лагерного сбора. Они именовались «прапорщиками запаса». Потом, в случае войны, каждый прапорщик обязан был пройти еще не менее двух лагерных сборов, чтобы вступить в строй в качестве младшего офицера. Все прапорщики запаса с началом 1-й Мировой войны были призваны в войска и в течение 1914–1915 гг. многие из них погибли в боях. (См.: «Часовой» № 561 март 1973, с. 12.) Теперь недостаток младших офицеров заставил военное руководство империи открыть ряд школ прапорщиков, причем срок их обучения был сокращен до 3-х месяцев. Одной из них, как уже говорилось, и стала 1-я Тифлисская школа подготовки прапорщиков.

Начальником ее был в то время генерал-майор А.Е.Гутор. До недавнего времени он руководил штабом корпуса на Кавказском фронте, хорошо знал театр военных действий, и такой человек мог по-настоящему организовать подготовку младших офицеров в сжатые сроки. Курсовым офицером у Сорокина стал подпоручик Левицкий. По возрасту, он был моложе многих слушателей (Сорокину уже шел 31-й год), но показал себя достаточно грамотным и умным воспитателе.

Срок обучения в школе был небольшой, всего 3 месяца, поэтому за столь короткое время нужно было дать хотя бы минимум знаний, которые были необходимы младшему офицеру на войне, причем именно в условиях Кавказского фронта и с учетом особенностей противника. Главное внимание уделялось тактике действий взвода и роты в горах, при обороне и наступлении, днем и ночью. Проводились также занятия по службе связи, ведению разведки, организации наблюдения за противником, умению читать карту и наносить на нее обстановку, управлять огнем и боевым порядком своего подразделения, ведению штыкового боя и т. д. Большинство занятий проводилось на местности, в горах и в любое время суток.

Учеба легко давалась Сорокину, и, как одного из самых старших по возрасту и опыту военной службы, его назначили помощником командира учебного взвода, а буквально за 8 дней до выпуска он был произведен в старшие урядники. Вместе с Сорокиным учились такие же как он слушатели – казаки, получившие до призыва в войска определенное образование. В их числе были кубанцы, земляки Сорокина из станицы Григориопольской: Орловский П.Т., Филимонов Д.А. и Ступников А.Т. Первый окончил Кубанскую учительскую семинарию, второй – курс юридического факультета в Московском университете, а третий – 5 классов Ростовской гимназии.

Три месяца напряженной учебы пролетели быстро. Сорокин успешно окончил школу, и 15 мая 1915 г. ему было присвоено воинское звание «прапорщик». Он, как и все его товарищи по школе, был выпущен в войска с правами младшего офицера. Предстояла служба в новом качестве, а учитывая военное время, можно было подумать и о дальнейшей офицерской карьере. Дело в том, что в мирное время прапорщик не мог воспользоваться правом прозводства в следующий чин, такого закона не было. Нужно было сначала сдать офицерский экзамен при Николаев-

ском инженерном училище. В военное же время, на основании царского указа № 368, прапорщику могли присвоить следующее воинское звание за боевые отличия. А именно, в случае получения им ордена Святого Георгия 4-й степени, награждения Георгиевским оружием или при получении двух любых боевых наград. Сорокин уже имел эти награды, объективно оценивал свои потенциальные возможности и вполне мог рассчитывать на скорое продвижение по службе.

На примере прапорщика Сорокина можно судить о том, что государство в то время неплохо заботилось о молодых офицерах. Сорокин, как и все, кто с ним учился, по окончании школы получил 300 рублей на приобретение обмундирования и обзаведение вещами, которые были ему необходимы для походной жизни. Кроме того, ему выдали 100 рублей «подъемных», и как семейному – единовременное пособие (по военному времени) в размере 4-х месячного должностного оклада. Для проезда к месту службы полагались так называемые «прогонные». По прибытии в часть, которая находилась в боевой обстановке, Сорокину был установлен усиленный оклад – 61 рубль в месяц. Помимо этого ему было положено 10 рублей «добавочных» за особые условия службы, 2 рубля 50 коп. в день «порционных», а также деньги на дрова, для уплаты за приготовление ему пищи и др. Как принявшему в подчинение полусотню ему полагалась еще надбавка – 30 рублей в месяц, и строевая лошадь. Ее предоставлял полк, а на приобретение седла и конского снаряжения было отпущено 120 рублей. Семье Сорокина из его денежного содержания ежемесячно вычиталась одна треть, но выдавались средства для оплаты жилья и по 10 рублей в месяц на наем прислуги.

По окончании школы прапорщиков Иван Сорокин получил краткосрочный отпуск на родину. Его приезд в Петропавловскую не был неожиданным. Жена, родители и дети знали из его писем, что он скоро станет офицером, получит краткосрочный отпуск. В станице многое изменилось после его ухода на войну, не осталось казаков-одногодков, все воевали, многих уже не было в живых. Пробыв отпущенные 10 дней дома, Сорокин отправился в свою часть.

Как и было положено правилами военного этикета, прибывший в часть для прохождения службы офицер должен был явиться на квартиру к командиру части для представления, но поскольку

ку уже шли боевые действия, то можно было это делать и в штабе. Сорокин выполнил это требования, а затем представился офицерам полка. После соответствующего угощения своих сослуживцев Сорокин легко вошел в офицерский коллектив полка. Да иначе и быть не могло, он всех знал, и его знали все казаки и офицеры, причем с самой лучшей стороны. Многие же ему были попросту обязаны своим выздоровлением, а некоторые и жизнью. Назначение прапорщик Сорокин получил в свою родную 3-ю сотню младшим офицером, командиром сотни был хорунжий Игнатенко.

Шел май 1915 г. и на фронте сложилась более или менее спокойная обстановка. После разгрома русскими войсками 3-й турецкой армии, многие части 1-го армейского корпуса, воевавшего почти без резервов, были отведены в тыл на отдых и пополняли понесенные потери. 3-й Линейный полк в это время продолжал выполнять ту же задачу, что и до отъезда Сорокина на учебу в школу прапорщиков. Три его сотни в составе западной группы тыла Эриванского отряда обеспечивали порядок в Алашкертской долине. Командовал отрядом по-прежнему начальник 593-й пешей Кубанской дружины полковник Иванов, а во главе выделенных ему от 3-го Линейного полка трех сотен стоял подъесаул Больдт. Основные силы отряда Иванова занимали селения Челканы и Хошиан, сотни казаков расположились в селении Зейдекен. Основная задача для казаков заключалась в том, чтобы вести разведку местности к северу и югу, поддерживать постами летучей почты связь с командованием и частями 1-го армейского корпуса, а главное, охранять Клыч-Гядугский перевал.

Каждая из находившихся в Алашкертской долине трех сотен полка войскового старшины Кучерова ежедневно трижды в день высылала офицерские разъезды по разным направлениям. Особое внимание обращалось на поведение курдов-гамидийцев. Многие их отряды после поражения на этом фронте турецкой армии потеряли волю к сопротивлению и при столкновениях с казаками предпочитали сдаваться. Существовало указание штаба армии – сдающихся в плен солдат разоружать и выпроваживать с семьями на территорию, занятую турецкой армией. При этом весь их скот и фураж конфисковывался для нужд армии. Пленных турок тоже разоружали, но отправляли в тыл Кавказской амии в с. Аралых. До всех войск, находившихся на фронте, было доведено требование – не допускать турок в Диадинскую и Алашкертскую долины.

На освобожденной от противника территории находилось много армянских населенных пунктов, которые поддерживали русские войска и терпели за это частые нападения турок. Теперь армяне начали мстить курдам и туркам, разбирали их дома, отрывали ямы с припрятанным зерном. Казаки должны были не допускать таких действий, пресекать случаи расправ армян с курдами.

Армянских дружин на фронте появлялось все больше. Казакам было даже завидно, как они были экипированы. Носили защитного цвета длинные кители с большими карманами, брюки. Все это добротного качества. Говорилось, что доставлено прямо из Америки. Вооружены дружинники были русскими винтовками, а очень многие имели еще длинные револьверы системы «Маузер» с деревянными кобурами-футлярами к ним. Кобура применялась как ложа винтовки для стрельбы на дальнюю дистанцию.

Целая броня перекрестных патронташей на груди и поясе придавала армянским дружинникам очень воинственный вид. Головными уборами их были черные кавказские, почти сплошь каракулевые папахи, что сближало их с казаками.

Во главе дружин стояли, как правило, известные политические деятели, авторитетные люди армянского народа. Одеты и вооружены они были так же, как и их подчиненные, но только без винтовок. Все дружинники вступили в армию добровольно, ходили без погон, но их дисциплине, построенной на добровольческих началах и глубочайшем национальном энтузиазме, могла позавидовать любая армия. Главной своей целью они ставили освобождение Армении от турок. Они были очень ценными помощниками казакам. Дрались фанатично, турок в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно.

О том, как вели себя по отношению друг к другу армяне и турки в тех событиях, четкое яркое представление дает еще одно воспоминание уже упоминавшейся сестры милосердия Х.Д.Семиной. Читаем у нее:

«Турецкий офицер заявил, что сопровождавшие партию пленных армянские солдаты по дороге изрубили около четырехсот человек турецких солдат и офицеров. В живых остались только эти двадцать человек. Он так был взволнован, когда рассказывал это, что руки у него тряслись. Чтобы скрыть свое волнение он держал полы своей шинели и бессознательно перебирал пальцами.

— Мы так с пленными не поступаем. Обезоруженный враг — солдат, становится нашим другом! А нас обезоружили и по дороге

перебили. Мы просим виновных наказать за эту бессмысленную жестокость.

Когда он кончил говорить, руки у него еще больше дрожали, в глазах стоял пережитый ужас. Несмотря на голод (четыре дня их вели до Карса), никто из них не дотронулся до еды, которую им принесли из госпитальной кухни.

— Это ужасно! Обезоруженных пленных порубили! — сказала с возмущением сестра, стоящая рядом со мной.

Вдруг один из стоящих недалеко офицеров обернулся к нам.

— А вы посмотрели бы, что они сделали с армянскими жителями, которых они застали в Ардагане, и с теми беженцами, которых они догнали при наступлении! Все дома полны трупов! Женщин, детей — никого не щадили. Дороги усеяны их трупами! Ни один человек от них не спасся! Всех порубили! Я поручил армянской дружине сопровождать их потому, что у меня других людей не было! — закончил молодой офицер, тоже взволнованный не меньше чем турецкий офицер. — Конечно, гуманности от армянских дружинников ждать не приходится. Когда у каждого из них только что, может быть, убиты отец, мать, или жена и дети.

Сестра совсем сконфузилась, почувствовала свою несправедливость по отношению к русским солдатам. Сколько она видела их, искалеченных вот такими же турками! И ее симпатии к туркам быстро меняются.

[...]

Возвращаясь в госпиталь, она уже с возмущением говорит:

— Ах, какие жестокие, перебили женщин, детей! А мы должны еще их кормить?»[46]

Прибыв в родной полк, Сорокин сразу же окунулся в боевую обстановку, занялся обустройством казаков на новом месте, возглавлял офицерские разъезды от своей сотни. Офицеров не хватало, поэтому приходилось тяжело. Возвратившись из 12-ти часового рейда, нужно было получать тут же новое распоряжение, и уже с другим взводом или полусотней снова уходить на задание. Не один раз приходилось атаковать противника и обороняться от него. 20-го июня командир сотни хорунжий Игнатенко докладывал командиру полка:

«Доношу, что был отрезан, окружен турками с 3-х сторон, не мог удержаться. В 10 час. 15 мин. ночи ушел со своим гарнизоном, состоящем из дружинников и 20 казаков»[47].

Два дня спустя новое донесение:

«...отступил к северу ...благополучно, кроме ранения лошадей, в том числе прапорщика Сорокина. Прошу разрешения взять в мое распоряжение из 6-й сотни 20 чел[овек]. Затруднено питание»[48].

Наверное, Сорокин очень переживал за свою лошадь. Однако, судя по всему, ранение было не серьезное, и она вскоре была поставлена в строй, так как в сохранившихся актах на выбраковку лошадей полка конь прапорщика Сорокина не числится.

Начальник Эриванского отряда все время требовал от казаков подробных и точных сведений о противнике и настаивал на активизации действий офицерских разъездов, ссылаясь на недовольство Юденича их работой. По этому поводу начальник Севикской группы от 3-го Линейного полка подъесаул Больдт 27 июня раздраженно писал полковнику Иванову.

«Прошу доложить полковнику Юденичу, что мною доносится исключительно все, что я получаю от разъездов и постов. Представляю их собственные донесения, не входя в разбирательство их. В полевой записке № 140 я донес только о том, что разведка вышла, и указал час выхода; в записке № 141 доносил, когда разведка вернулась и что донесла. Считаю долгом доложить, что во вверенном мне отряде три прапорщика и один подхорунжий. В ежедневный наряд по вашему приказанию выходят три офицера: один на Даяр, один утром на перевал, один на ночь туда же. Прошу разрешения высылать на Даяр и один разъезд на перевал под командой вахмистров. Представляю при этом донесение прапорщика Сорокина, вернувшегося с перевала в 11 часов ночи»[49].

Прапорщик Сорокин докладывая о результатах действий своего разъезда, не стесняясь в выражениях, писал, что нахождение на перевале, несмотря на летнее время, особенно ночью, сопряжено с большими трудностями. Там постоянно дует пронизывающий ветер, а укрыться негде, так как нет палаток. Он предлагал подумать о том, чтобы дать на перевал телефонную линию, установить небольшой пост и не мучить зря людей. Кроме того, писал он, тогда бы информацию можно было получить в любую минуту, а не два раза в день, гоняя туда-сюда измученных вконец людей.

Нужно сказать, что в этом донесении, как и во многих других, очевидна забота бывшего военфельдшера о людях, об их здоровье

и настроениях. Это, с одной стороны, не могло не поднимать авторитет молодого офицера среди рядовых казаков, но с другой, вызывало раздражение у начальников.

Тем не менее, донесение Сорокина возымело действие. Телефон для установки на Севикском перевале выделили, но палатки все же не нашлось, и теперь уже подъесаул Больдт сообщал полковнику Иванову:

> «Доношу, что при всем своем желании найти место для установки телефона не могу, прошу не отказать выслать для телефона палатку»[50].

29-го июня турки напали на заставу, возглавляемую Сорокиным, уже на другом, Миргимирском перевале и отрезали ее от остального отряда. Подъесаул Больдт, своевременно получивший донесение об этом, направил на перевал полуроту солдат под командованием прапорщика Лисевицкого, и нападение противника было отбито. Одновременно казаками и пехотинцами была снята турецкая застава, при этом несколько аскеров (турецких солдат. – *Н.К.*) убито, один офицер взят в плен. В донесении по этому поводу подъесаул Больдт сообщал также, что особенно отличился подчиненный прапорщика Сорокина казак Илья Ларионов[51].

На левом фланге 3-го Линейного полка в это время происходили события, о которых турецкая Главная квартира сообщала так:

> «Столкновение в горном районе вблизи границы на Кавказском фронте закончилось в нашу пользу. Во время последних боев на нашем правом крыле неприятель оставил на поле битвы 600 убитых, в том числе 7 офицеров; нами взято в плен 2 офицера, в том числе командир батальона и много солдат»[52].

22-го июня последовало новое сообщение, в котором говорилось, что на Кавказском фронте 3 кавалерийских полка, которые вблизи границы пытались атаковать с тыла правое крыло русских войск, были отброшены в этом же направлении после боя с конницей.

Сутки спустя, 23 июня, Главная турецкая квартира уже сообщала, что турецкая конница энергично преследует казаков.

Эти сообщения могут служить примером того, как турецкая пропаганда в ходе войны фальсифицировала ее ход и особенно успехи своих войск. Здесь речь шла о столкновениях, которые действительно имели место в районе с. Алхата, на северо-западном берегу озера Ван. В указанные турками дни из Адиль-Джваз-Кала русское командование выдвинуло разведывательный отряд

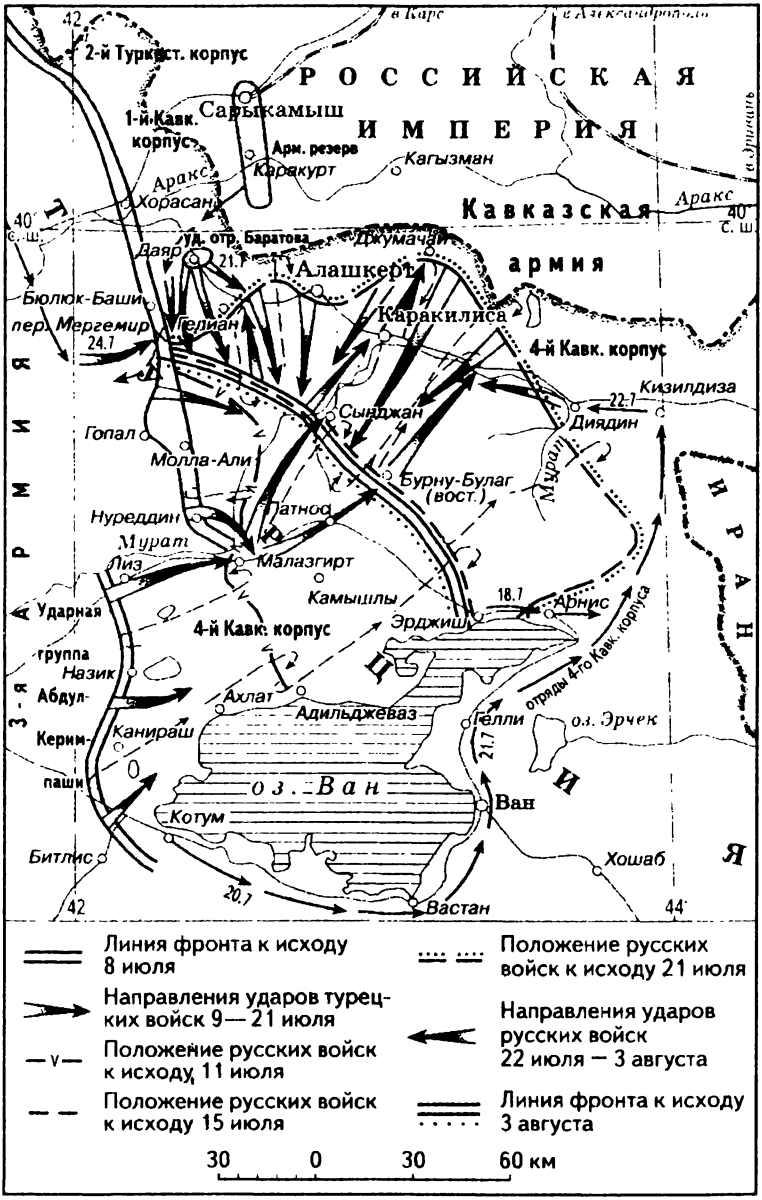
из нескольких казачьих сотен и небольшую часть пехоты. Они имели целью выяснить, не ведет ли противник подготовку к наступлению в данном районе. Этот небольшой отряд, войдя в соприкосновение с противником к востоку от Алхата, не ограничился собранными здесь сведениями о противнике, а лихим быстрым натиском сбил передовые части неприятеля и, погнав его впереди себя, ворвался в Алхат, где получил еще более полные сведения о турках и их сосредоточении на этом участке.

После того, как этот отряд успешно выполнил поставленную задачу, он вернулся на свое место. Сообщение о 600 убитых, в том числе семерых офицеров, а также о множестве пленных, были плодом фантазий турецких средств массовой информации. Простой подсчет показывает, что при 600 убитых по законам войны раненых должно было бы быть не меньше, а в 2–3 раза больше, – такова печальная аксиома войны. А между тем отряд, проводивший разведку боем, по численности не превышал 1000 человек. На самом деле потери были, но они составили около 100 человек убитыми и ранеными.

Воспользовавшись данными своего разведотряда, командование русских войск на этом участке 16-го июня из Адиль-Джеваз-Кала двинуло на Алхат конный отряд, поддержанный небольшими частями пехоты. В тот же день, сбив упорно сопротивлявшихся турок с их позиций к востоку от Алхата, они заняли последний. Бой в районе Ханик-Кулик продолжался и на следующий день, но уже с меньшим напряжением. В результате этого боя турки с большими для них потерями были отброшены на фронт селений Кормундж-Прхус, где и остались, не решаясь больше на ответные действия.

Как следовало потом из сведений штаба Верховного Главнокомандующего и штаба Кавказской армии, помещенных в очередном номере «Летописи войны» (18-го июля 1915 г. № 48):

> [...] «...что извещение турецкой Главной квартиры о каких-то успехах их на своем правом фланге совершенно не соответствует происходящему в этом районе, а в связи с общими фразами, эти сообщения показывают, что вызваны необходимостью хотя бы временами преподносить населению известия о победах, чтобы поддерживать в нем уверенность в возможности успеха. Еще более характерным являются указания во всех, приведенных выше, трех сообщениях турецкой Главной квартиры на район действий. В них говорится, что действия происходили вблизи границы.



Кавказский фронт. Летнее наступление 1915 г.

Между тем правый фланг турок рядом предыдущих действий оттеснен далеко вглубь турецкой территории. Между бывшей турецкой государственной границей и фронтом правого фланга турецкой армии находится Баязетский и часть Мушского санджака и Ванский вилайет, а указанные в турецких сообщениях боевые действия происходили в 140–160 верстах от нашей государственной границы.

Таким образом ясно, настолько неправдоподобны сообщения турецкой Главной квартиры, как они стремятся затемнить смысл происходящих событий, и с какой осторожностью необходимо относиться к публикуемым Главной турецкой квартирой сведениях о своих якобы победах»[53].

В августе штаб 3-го Линейного полка переместился в с. Дутах. Задачи полка не изменились. Судя по распоряжениям и приказам войскового старшины Кучерова, он добился того, чтобы в месте дислокации каждой сотни были размещены также пехотные или пластунские подразделения. Он требовал от командиров сотен, ставших начальниками сравнительно небольших гарнизонов, улучшения их взаимодействия с артиллерией. Когда командир 2-й сотни подъесаул Черняев попросил разрешения сменить расположение своего отряда, так как он «сидит в яме, а перед ним гора», Кучеров ответил ему, что остальные сотни находятся еще в худших условиях, посоветовал ему главное внимание обратить на взаимодействие с соседями и связь с артиллеристами. Командир полка требовал также не распылять сотни посылкой мелких разъездов, постоянно «держать крепкий кулак на всякий непредвиденный случай».

Турки усилили разведку высылкой в район расположения полка разведчиков, с которыми случались частые стычки и перестрелки. Возле 5-й сотни подъесаула Майбороды у с. Купикан был пойман шпион, который вел скрытое наблюдение за передвижениями казачьих разъездов. Участились попытки турецких разведчиков взять в плен одиночных казаков для получения разведывательных сведений. 16-го августа подъесаул Майборода сообщал в донесении Кучерову, что у него пропал отставший от разъезда казак. Командир полка приказал выйти на поиски пропавшего всей сотней, а если нужно, то и дивизионом, однако поиски никакого положительного результата не дали. Нашлась только лошадь казака, она сама пришла в расположение сотни.

В середине августа в сотни выдали пулеметы, но без обойм для патронов. За ними нужно было посылать офицера с несколь-

кими казаками в Тифлис. Кучеров принял решение отправить туда самого молодого командира сотни, хорунжего Игнатенко. Вместо него в течение недели командовать 3-й сотней остался прапорщик Сорокин. Ничего существенного в течение этой недели не произошло, если не считать, что третью сотню, охраняющую важный в стратегическом отношении Миргемирский перевал, усилили 3-й ротой 583-й Кубанской пешей дружины. Это было вызвано тем, что в 6–7 верстах на территории противника появилось около двух полков пехоты. Учитывая возможное наступление турок на этот перевал, со штаба полка на перевал дали телефонную линию.

Оставшийся за командира 3-й сотни прапорщик Сорокин высылал разъезды, которые периодически объезжали мелкие курдские населенные пункты, чтобы выяснить, не заняли ли их турки. Почти каждый день случались перестрелки с постами и разъездами противника, но в серьезные столкновения они не перерастали. У Сорокина был приказ – основное внимание обращать на тщательную разведку, чтобы не прозевать сосредоточение турок для наступления. Однако многое говорило о том, что они готовятся к обороне, а не к наступлению, так как разъезды курдской конницы «оседлали» все дороги, ведущие в сторону Эрзерума, и начали готовить окопы и блиндажи. На этом участке местность была гористая, и окопы не рыли, а просто сооружали из камней укрытия для пехоты по одному на взвод, а по углам строили башни для пулеметов. Взять такие укрепления не только в конном, но и в пешем строю было нелегко, обязательно требовалась помощь артиллерии. После того как прапорщик Сорокин доложил об этом в штаб полка, над позицией турок появился российский самолет, и казаки стали свидетелями того, как он бомбил укрепления противника. Для многих применение авиации на фронте было большой диковинкой. Здесь же казаки впервые увидели работу турецкого гелиографа, который был установлен на одной из господствующих гор и посылал в солнечную погоду какие-то сигналы.

В это же время из штаба полка просочились слухи о том, что войскового старшину Кучерова скоро переводят куда-то к новому месту службы. Командир полка пользовался большим авторитетом у казаков и офицеров, и в своем кругу они высказывали сожаление в связи с предстоящей сменой командира. Но все оказалось не совсем так. Дело в том, что на Кавказском фронте прапорщиком Сиверского полка служил сын Кучерова, который тяжело заболел. Полк на это время был введен в состав конного отряда

генерала Шарпиньи, и Кучеров-старший написал рапорт на имя начальника штаба отряда, полковника Гончарова, с просьбой разрешить ему выезд в Александропольский госпиталь, чтобы навестить сына. Рапорт был удовлетворен, и после отъезда Кучерова с 19 августа полком временно стал командовать есаул Черняев.

Полк продолжал выполнять ранее полученные задачи, а вскоре после возвращения Кучерова сотням пришлось действовать совместно с частями усиления. 22-го октября утром через боевые порядки полка выступил дивизион Кавказского полка в селение Кара-Кая, а оттуда вместе с артиллерией и пехотной частью он проследовал в глубокую разведку к селению Ахлагян. Сорокин с полусотней казаков сопровождал их и в случае серьезного боя должен был вызвать подкрепление от своего полка. Но в этот день был очень сильный туман, и его помощь не потребовалась, зато на обратном пути полусотня, попытавшись разведать вершину горы Али-Кули, наскочила на засаду. Турки встретили казаков залповым огнем. Первыми же выстрелами был убит урядник Саморядов. Только совместно с подошедшим подкреплением турок удалось сбить с вершины.

Турки тоже делали попытки предпринять глубокую разведку. 15-го ноября казачий пост заметил и своевременно упредил штаб полка о том, что две сотни турецкой кавалерии выдвинулись из с. Хора и двигаются в направлении границы. Кучеров лично с двумя своими сотнями выступил навстречу противнику, занял господствующие высоты и открыл губительный огонь из пулеметов. Понеся значительные потери, турки отступили. После этого боя, согласно приказанию начальника конного отряда генерала Амассинского, первые четыре сотни полка выступили из Шейханы в Дутах, а 5-я сотня через Кагызман была отправлена на Кара-Килису. Кучеров стал начальником гарнизона Дутах.

Сменив район выполнения задачи своим полком, войсковой старшина Кучеров произвел небольшую перестановку подразделений, о чем доносил начальнику штаба корпуса генералу Мдивани: «...полторы сотни в селе Севик, одна сотня в селе Зейдекан, одна сотня на постах от Кара-Килисы до Диадина, полусотня в Кара-Килисе. Одна сотня на постах от Сары-Булаха до Кара-Килисы и одна сотня держит посты от села Казан до Новониколаевки». Штаб полка разместился в с. Дутах[54].

В это время по ранению выбыл командир 6-й сотни, и Сорокина назначают временно командовать ею. Обстановка на фронте

полка резко осложнилась. Полковой адъютант хорунжий Бондаренко в полковом журнале военных действий 22 ноября 1915 г. сделал такую запись:

«В 10 утра неприятель в количестве 2-х эскадронов конницы и одной роты пехоты, выйдя из села Астмусар, разбился на три партии и по 45–50 человек двинулся по трем направлениям. Остальные остались на месте у с. Али-Кулик за горами. Южная часть неприятеля, идущая по направлению к Моязи-Кули, была встречена прапорщиком Пулиным, занявшим к этому времени удачно высоту западнее Карич, и остановлены залповым огнем. Те, что шли на запад на с. Карич, были встречены высланными 25 казаками под командованием подхорунжего Кузнецова. На высотах юго-западнее с. Корич, с остальными людьми 6-й сотни с имеющимся ручным пулеметом под командой временно командующего 6-й сотней прапорщиком Сорокиным расположились около 50 человек. Встреченный пулеметным огнем и стрельбой казаков из засад противник спешно отступил к своему биваку»[55].

Проходит неделя, и в журнале военных действий полка за 29 ноября 1915 г. появляется следующая запись полкового адъютанта. Она характеризует прапорщика Сорокина как исключительно инициативного и хорошо подготовленного в военном отношении офицера:

«Турецкая застава, – расположенная на одной из возвышенностей юго-западнее с. Аллу-Дусар, господствовала над окружающей местностью и великолепно служила как наблюдательный пост, заставляла обращать на себя серьезное внимание и вполне считаться с ее превосходством, почему временно командующий 6-й сотней прапорщик Сорокин вчера решил снять ее»[56].

Дальше следует донесение самого Сорокина:

«Вызвав охотников, в 3 часа ночи командировал их для достижения намеченной цели. В 5 часов утра охотники в числе 19 чел. под командой подхорунжего Сидоренко заняли возвышенность, место расположения турецкой заставы. Для прикрытия охотников, на случай преследования их, высоту, что северо-восточнее с. Асгудмсар, занял взводом казаков прапорщик Пулин, а высоту у с. Карич занял разъездами по 20 чел[овек] подхорунжий Кузнецов.

Сам командир сотни с 10 казаками и пулеметом занял долину по дороге на с. Асгудмсар. В 10 утра показалась турецкая за-

става в 30 коней и, выслав дозорных, стала окружать возвышенность, занятую охотниками. Подхорунжий Сидоренко, допустив на действительный ружейный выстрел, открыл заставой огонь и убил 4-х дозорных. В это время часть охотников выбежала из засады, чтобы поймать лошадей убитых и взять оружие, но турки, разбившись на две части, открыли убийственный огонь. Подхорунжий Сидоренко все же поймал двух лошадей и заметил, что на выстрелы к неприятельской заставе спешит еще подкрепление около взвода и, будучи ранен, вынужден был отойти со своей командой к своему месту расположения.

Попав под огонь пулемета группы казаков, турки потеряли большую часть убитыми и раненными, преследовать наших охотников не решились и отошли в д. Туракаш. В этой стычке ранен подхорунжий Сидоренко в указательный палец левой руки с раздроблением костей, а медицинский фельдшер Шрамко легко контужен. Снятая турецкая застава находилась от сторожевого участка верстах в 8–10»[57].

Приближались холода, и нужно было устраиваться так, чтобы их могли переносить и люди, и лошади. Кучеров, зная, какая зима ожидает его полк, своевременно начал беспокоить вышестоящий штаб и интендантов. Еще 29-го октября 1915 г. он шлет телеграмму начальнику штаба отряда генералу Амасинскому. В ней он докладывал:

«Для людей во всех сотнях сложены землянки, а конюшни только в Шейханы и Дали-Баба. Укрытий для трех сотен нельзя устроить потому, что весь лес, который был в окрестных селениях, использован на устройство землянок для Кавказского дивизиона и роты разведчиков. Корпусной инженер заявляет, что леса нет, и неизвестно когда прибудет»[58].

В конце октября Кучерову, почти постоянно находившемуся в с. Хора, откуда было легче и оперативней управлять подразделениями полка, стало известно, что от него в штаб Кавказской армии настойчиво требуют какие-то сведения о прапорщиках Мальцеве и Сорокине. При этом ссылались на то, что суть требуемых сведений уже излагалась в телеграмме ранее. Это вызвало серьезное раздражение Кучерова и он передал в Дутах оставшемуся за него есаулу Черняеву:

«Генерал Веселовзоров из штаба Кавказской армии приказывает дать сведения о прапорщиках Мальцеве и Сорокине, требуемые приказанием по армии за № 213. Его телеграмма за

№ 3189. Отвечайте на нее за моей подписью, а потом сообщите мне, какие сведения требовались»[59].

Можно было предположить что угодно, почему штаб армии вдруг заинтересовался выпускниками 1-й Тифлисской школы прапорщиков, однако виной всему была неразбериха, царящая в штабах военного времени. 3-го октября 1915 г. есаул Черняев не менее раздраженно отвечал Кучерову: «В приказании по Кавказской армии № 213 объявляется об утверждении положения Военного совета о дополнении статьи 5 положения об ускоренной подготовке офицеров в военное время в Школах при запасных пехотных бригадах следующим примечанием:

«Из лиц, указанных в настоящей статье, нижние чины и молодые люди со стороны, не имеющие образовательного ценза, равного требованиям для поступления в войска вольноопределяющимися бывшего 2-го разряда, и не имеющих права в первый [...] (в документе не ясно. – *Н.К.*) чин без экзамена, могут приниматься в школы лишь при условии наличности свободных вакансий после приема всех желающих и удостоенных начальствующими лицами, обладающих образовательным цензом»[60].

Приведя это путаное требование телеграммы штаба Кавказской армии, есаул Черняев дальше пишет Кучерову:

«Какие же ему дать сведения? Может сообщить ему какие имели права Сорокин и Мальцев для поступления в Школу?»[61].

С наступлением холодов и началом метелей снабжение войск резко ухудшилось. Продукты и фураж силами корпуса доставляли только до дивизионного магазина, дальше этим должны были заниматься дивизии и полки. Во второй и третьей сотнях, находящихся дальше всех, было особенно трудно, и Кучеров приказал есаулу Черняеву доставить им сено во что бы то ни стало. Сам командир полка ничем не мог помочь подчиненным, поэтому слал в штаб корпуса телеграмму за телеграммой. В одной из них, от 1 октября Кучеров писал дивизионному интенданту 66-й дивизии, на фуражном довольствии у которой стоял 3-й Линейный полк:

«2-я сотня находится в Шейханы. Нет зерна для лошадей, сена на 3 дня. Все завалено снегом. На отпущенных мне [...] (в тексте неразборчиво. – *Н.К.*) не могу обеспечить сотни и в других местах. Прошу увеличить перевозочных средств для сотни в Шейханы. Выпал снег, дороги невозможно грязны, доставка возможна только вьючными животными»[62].

На следующий день он писал уже корпусному интенданту полковнику Барановскому:

«В полку сена нет, приходится кормить лошадей камышом, которого скоро тоже не будет. Прошу распорядиться о доставке сена в Шейханы, Дели-Али и в Харо»[63].

В начале декабря есаул Черняев доложил Кучерову из Дутаха, что лошадям скормили 500 пудов ячменя из последних полковых запасов. Вьючных лошадей не хватало, а быки и ишаки по обледеневшим дорогам и тропам двигаться не могли. Наконец было найдено приемлемое решение. Кучеров воспользовался изобретением своих казаков и приказал подковать всех быков. Для этого ему пришлось отправить в Тифлис хорунжего Бондарева, поселить его в гостинице «Бомонд», с поручением – закупить дополнительное количество подков. Только после этого удалось прекратить падеж лошадей от бескормицы.

7-го ноября Кучеров обратился в штаб корпуса с новой просьбой предоставить ему отпуск по семейным обстоятельствам теперь уже с выездом в г. Таганрог. Его рапорт был удовлетворен, и есаул Черняев опять остался за командира полка. В течение ноября Сорокин, оставаясь за командира 6-й сотни, не раз попадал со своими подчиненными в различные переделки, но неизменно выходил из них достойно. Наиболее значительными были боевые действия по пресечению попытки турецкого отряда пройти в тыл 3-го Линейного полка и нанести ему серьезный урон или разгромить вовсе. Пользуясь плохой видимостью из-за сильной метели, турки быстро продвигались в направлении с. Каригет, намереваясь занять выгодные позиции и нанести внезапный удар по расположению трех сотен полка одновременно. Замысел противника был разгадан, и есаул Черняев приказал Сорокину зайти со своей сотней во фланг турецкому отряду в том месте, где казаки могли сосредоточиться незаметно и одновременной атакой с фронта и фланга погнать турок в направлении, где их уже поджидали основные силы полка и пехотинцы. Операция была проведена блестяще. Сорокин со своей сотней смог не только направить противника в нужном направлении, но и лично возглавил потом преследование отступавшего в панике неприятеля.

Вообще с наступлением зимы активность турок и курдов снизилась лишь незначительно. Продолжалось взаимное наблюдение противников за постами и разъездами, перестрелки. Сведения о неприятеле добывать было все труднее, а командование, несмотря

на неимоверные трудности, продолжало настойчиво требовать от казаков вести все более глубокую разведку местности и противника. Казаки и сами были не прочь против выходов на территорию турок и курдов, так как при прочесывании их населенных пунктов можно было купить или конфисковать фураж и продукты. Боковые и фронтальные разъезды высылались численностью в 10–15 казаков на расстояние до 25 километров. Возвращаться нужно было обязательно другой дорогой, чтобы иметь более полную картину обследованного района на территории противника и не попасть в засаду.

В декабре сотня Сорокина находилась в сторожевом охранении, и он обязан был не реже одного раза в день информировать командира полка и вышестоящее командование обо всем замеченном на территории противника и о положении дел в своем подразделении. Анализ этих донесений показывает, что они отличаются конкретностью, лаконичностью и умением их автора ухватить самую суть происходящего. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать сохранившуюся в Военно-историческом архиве РФ его полевую книжку. Вот лишь некоторые из его донесений.

6.12.1915 г. Генералу Назарбекову. С. Харо.

«В сторожевом охранении без перемен. Посты противника на прежних местах. В 12 ч. 30 мин. д<ня> со стороны с. Екмак отчетливо слышна была залповая стрельба. По счету произведено было около 60-ти, каждый силою приблизительно в 25 ружей. В 2 ч. залпы прекратились.

Временно командующий 6-й сотней прапорщик Сорокин.

День солнечный, ясный, теплый».

7.12.1915 г. генералу Назарбекову. С. Харо. 6 ч.

«В сторожевом охранении сотни без перемен. Посты противника на прежних местах. В 12 час. дн<евного> вр<емени> у сел. Миркехим, находящемся в тылу моего участка, проходила команда разведчиков от 7-го Кавказского стрелкового полка в количестве 130 чел. пехоты. В 1 ч. дня команда вернулась обратно в направлении на село Бикирч.

Временно командующий 6-й сотней прапорщик Сорокин».

7.12.1915 г. Командующ. 3 Лин. полком. С. Харо. 7 ч. 20 м.

Для людей вверенной мне сотни остался только хлеб, посему, если найдете возможным, прошу распорядиться о доставке продуктов.

Временно командующий 6-й сотней прапорщик Сорокин»[64].

Просьбы Сорокина об обеспечении сотни продуктами довольно часто встречаются на страницах его полевой книжки. Он пишет о том, что «...для людей вверенной мне сотни на завтра не будет и хлеба...», в другой раз объясняет что «хлеба должно было хватить, но у людей не было ничего, кроме хлеба, почему аппетит утолялся только им»[65].

Все это говорит еще и о том, что Сорокин был заботливым командиром. Он очень тщательно вел сотенное хозяйство, скрупулезно подсчитывал, что можно из продуктов дополнительно приобрести для казаков на отпускаемые, в общем-то, скудные средства. Был случай, когда офицер соседнего полка есаул Лобов взамен полученных из сотни Сорокина каких-то материалов прислал для оплаты их расписку, подписанную только каптенармусом и к тому же без печати. Сорокин тут же отправил ему письмо, в котором писал:

> «...Серьезно относясь ко всему, а тем более к хозяйственной части, за выяснением возникшего вопроса я лично хотел бы обратиться к Вам или командующему полком, так как на каждый счет командующим сотней должна выдаваться квитанция за его подписью и с приложением сотенной печати»[66].

У Сорокина не было случаев пропажи без вести хотя бы одного казака, какой бы сложной ни была обстановка. Когда на смену постам от 6-й сотни прибывали казаки из других сотен, он ни на один лишний час не оставлял своих людей в полевых условиях и старался при первой же возможности давать отдохнуть и людям и лошадям хоть в каком-то укрытии. Когда 8 декабря его предупредили о том, что через два дня ему придется сдавать свой участок другому подразделению, он согласовал с командованием такой маршрут возвращения своей сотни, чтобы людям в пути не пришлось продолжать голодать, хотя предложенный им путь и был гораздо длиннее.

10-го декабря Сорокин доложил командиру полка, что он сдал участок сторожевого охранения своей сотни командующему 6-й сотней 1-го Лабинского полка прапорщику Чащевому и выбыл в с. Дутах. Уже на следующий день по прибытии из сторожевого охранения Сорокин с сотней убыл в направлении Кеш-Кельды, на маршрут по которому должны были следовать его разъезды.

Четыре дня спустя в 6-ю сотню вернулся ее штатный командир - подъесаул Стражев, и 14 декабря Сорокин сдал ему сотню, чтобы возвратиться в свою родную 3-ю. Правда, вернулся

он в новом качестве – временно командующим сотней. На следующий день 3-й Линейный полк был отведен в тыл на двухнедельный отдых.

Под Новый год пришло два приятных известия. Во-первых, в полк на большинство казаков выдали новые сапоги и частично валенки. Своя старая обувь, в которой казаки прибыли в полк еще по мобилизации, за почти полтора года боевых действий в горах пришла в негодность, и новая была очень кстати. Во-вторых, в связи с приближением новогодних и рождественских праздников в полк поступили подарки, по 35 штук на сотню. Было также получено разрешение направить в Тифлис по нескольку человек от каждой сотни для закупки угощения к праздничному столу. Впрочем, как потом выяснилось, это решение было принято совсем по другим причинам.

* * *

Наступал 1916 год. На Кавказском фронте он отмечен прежде всего тем, что русскими войскам штурмом была взята считавшаяся неприступной турецкая крепость Эрзерум. Но это событие столь значительно, что о нем, несколько позже, стоит рассказать особо.

В конце 1915 г. в связи со значительной разрядкой военной обстановки на фронте, воевавшие почти без перерывов войска Кавказской армии нуждались в передышке и большая их часть была отведена вглубь своей территории. Из многочисленной конницы, действовавшей на фронте, в обоих корпусах непосредственно на фронте была оставлена только Закаспийская казачья бригада в составе 18 сотен и переименованная в Сводную казачью дивизию. Вскоре ее переместили в состав 1-го армейского корпуса, сменив название.

Однако анализ возможного развития событий на Кавказском фронте давал основание полагать, что здесь еще возможны очень серьезные наступательные действия турецкой армии. Дело в том, что союзники России в 1-й Мировой войне – Англия и Франция потерпели ряд неудач на Галлиполийском фронте, и турки имели возможность безболезненно перебросить оттуда на Кавказ большие военные силы. В то же время, Кавказская армия ни на какое усиление рассчитывать не могла. Русская армия на Западном фронте терпела поражения и неудачи в боях с немцами и их союзниками.

Вернувшийся на свою должность начальник штаба Кавказской армии генерал Юденич решил, не ожидая подхода к туркам новых сил, начать наступление, хотя армия как следует не оправилась еще от недавних боев, к тому же в свои права вступила новая, еще более жестокая зима. По расчетам генерала Юденича прибытие подкреплений к туркам следовало ожидать не раньше марта 1916 г. Поэтому логика рассуждений приводила к однозначному выводу о том, что подготовка к наступлению должна быть завершена к середине декабря 1915 г. Начать операцию предполагалось на праздники, в дни Рождества Христова, перед Новым годом. Турки, хорошо знавшие, как в России отмечают эти праздники, будут уверены, что никакого наступления в это время русские войска не предпримут.

В предыдущих боях Сорокину пришлось быть свидетелем и участником событий, в ходе которых русские солдаты, казаки и офицеры проявили необыкновенную стойкость, дали массу примеров героизма и самопожертвования. Среди генералов и офицеров Кавказской армии выросли талантливые военачальники, благодаря которым удалось окончательно сломить сопротивление турецкой армии, изменить ход войны в пользу русского оружия. Это не их вина, что, выступая тогда одним фронтом против общего врага, им вскоре пришлось разделиться на два непримиримых лагеря и проливать кровь друг друга. Рассматривая службу прапорщика Сорокина на фоне боевых действий его полка и армии, мы позволили себе в некоторой степени осветить незаслуженно забытые страницы нашей героической военной истории.

Прорыв обороны турок Юденич наметил в самом центре турецкой армии, из-за стыка двух своих корпусов – 2-го Туркестанского и 1-го Кавказского. Это место находится между хребтом, окаймляющим Пассинскую долину с севера, и горой Джиллигель. Нужно подчеркнуть, что местность эта неудобна для маневрирования силами, сильно пересеченная, а потому была слабо занята противником. Это было ее преимущество и, в случае умелого использования его на первом этапе операции, появлялся серьезный шанс на успех. Обогнув затем склоны массива Джиллигель, можно было выйти к Киприкейскому мосту, – единственной мостовой переправе в Пассинской долине, у которой сходились почти все пути от правого и левого берегов Аракса.

Наступление русских войск наметили на 27 декабря 1916 г. Первыми в движение переходили войска 2-го Туркестанского кор-

пуса, а два дня спустя – 1-го армейского Кавказского. По замыслу генерала Юденича 1-й корпус должен был своим поведением все время показывать, что его действия носят отвлекающий характер, что это только демонстрация силы, а главный удар на самом деле наносится войсками 2-го Туркестанского корпуса. Прорывали оборону турецкой армии 4-я Кавказская стрелковая дивизия, усиленная 1-м Кавказским мортирным дивизионом, а также Сибирская казачья бригада и 66-я пехотная дивизия. Недавно сформированная 5-я Кавказская казачья дивизия включала в себя 1-й Таманский, 1-й Кавказский, 3-й Екатеринодарский, 3-й Линейный, 55-й Донской полки и 4-ю Кубанскую казачью батарею.

Нужно отметить, что в период подготовки войск к наступлению была проделана огромная работа по их обеспечению всем необходимым для ведения боевых действий в условиях суровой зимы. Как свидетельствует командир 66-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Савицкий:

> «Несмотря на жестокие морозы и необходимость на многих ночлегах располагаться биваком, дивизия совершила этот форсированный марш в полном порядке и без обмороженных. Объясняется это, во-первых, тем, что солдаты были отлично снабжены зимней одеждой: каждый солдат имел пару кожаных сапог и теплые портянки и пару валенок, которые он надевал на ночлеге, нес на походе за плечами; короткий до колен полушубок, не стесняющий движения, стеганые на вате шаровары, папаху с отворачивающимся надзатыльником, теплые варежки и шинель, на походе скатанную; а, во-вторых, заботливо заготовленные армией дрова на ночлегах (дрова подвозили на верблюжьих транспортах). Кроме того, на всех участников операции были заготовлены коленкоровые белые балахоны, почти незаметные на фоне снега»[67].

Пунктом, куда командующий армией должен был переехать перед началом операции, был назначен г. Караурган. Туда нужно было обеспечить надежную телефонную и телеграфную связь. Многие линии пришлось заменить, многие провести заново. За организацию связи отвечали начальники служб сообщений. Вся работа делалась в большой тайне, в основном в темное время суток.

Ночью же происходило передвижение войск к фронту. Чтобы усыпить бдительность шпионов, в Тифлис, как уже говорилось, были направлены от каждой части команды солдат и казаков во главе с урядниками и офицерами для закупки к Новому году по-

дарков и елочных украшений. Интересен и другой факт. На фронт ко многим офицерам прибыли жены и родственники. С целью конспирации их приезду не препятствовали, но всех потом задержали в Карсе и дальше не пустили, никакие мольбы жен отпустить для встречи с мужьями не действовали. Все офицеры в это время уже выехали на фронт.

Турок удалось перехитрить, о чем косвенно говорит тот факт, что накануне Нового года командующий 3-й турецкой армией Махмуд Киамиль паша и его начальник штаба майор германской армии Гюзе на праздники уехали в Константинополь.

С рассветом 29 декабря 1915 г. в наступление пошли пехотные полки и пластуны 2-го Туркестанского корпуса, а в ночь на 30-е – 1-й Кавказский корпус. Атаки продолжались по всему фронту весь день 31-го декабря. Основное напряжение возникло на фронте наступления 39-й пехотной дивизии, которая должна была двигаться непосредственно в направлении на Эрзерум по кратчайшему пути. Именно против нее противник бросил все свои резервы. В двухдневных боях части 1-го Кавказского корпуса и особенно его 39-я пехотная дивизия понесли огромные потери, но притянули к себе основную группировку турецких войск. Только Бакинский полк дивизии потерял половину своих офицеров и свыше 2000 нижних чинов.

Русские части таяли быстро, но еще быстрее таяли части 3-й турецкой армии. Турецкое командование не сомневалось в том, что именно 1-й Кавказский корпус действует на главном направлении, и бросали против его частей все, что было под рукой. К вечеру 31 декабря разведчики доложили генералу Юденичу, что все известные резервы турок введены в бой на участке 1-го Кавказского корпуса.

Только тогда Юденич приказал наступать 2-му Туркестанскому корпусу. В этот день начался сильный снег, метель. Но части в эту новогоднюю ночь хоть и медленно, но стали продвигаться вперед. Сопротивление турок еще в течение трех дней не ослабевало. Лишь к вечеру 2 января наступившего 1916 года был сделан прорыв турецкого фронта. Это сделала 66-я пехотная дивизия, она сломила сопротивление турок на своем участке и стала быстро продвигаться вперед.

У турок началась паника. Только теперь они поняли, где на самом деле находится острие главного удара Кавказской армии, но прикрыть образовавшуюся брешь им было нечем. В турецком

тылу оказалась мощная русская группировка, и войска противника побежали к Эрзеруму, чтобы избежать окружения. Теперь уже можно было вводить и казачьи полки, для которых преследование противника, действия в прорыве было делом привычным. Казаки Сибирской бригады и сорокинского 3-го Линейного полка перехватили огромную группу отступающих турок, большую часть их зарубили шашками, а более 1 000 взяли в плен. 6-го января была взята Гассан-Кала. Турецкие части перемешались и потеряли волю к сопротивлению. Все были уверены, что к русским подошли огромные свежие резервы.

Несмотря на большую усталость войск, Юденич все же решил, не останавливая их, идти на Эрзерум. Это было очень рискованно, но оправдывалось складывающейся обстановкой. В предыдущих боях артиллерийские боеприпасы русская армия израсходовала почти полностью, а нужно было брать хорошо защищенную крепость, где были установлены сотни орудий. Ожидать подвоза артиллерии из глубины России было нереально. Оставалось одно – израсходовать стратегические запасы патронов и снарядов, имевшихся на складах в г. Карсе. Однако, когда Юденич обратился с этой просьбой к новому Командующему Кавказским фронтом Великому князю Николаю Николаевичу, то неожиданно получил категорический отказ. Юденичу посоветовали ограничиться достигнутыми успехами и ожидать весну. Было приказано Эрзерум не трогать, войска отвести в места, удобные для их зимовки.

Чтобы проконтролировать выполнение решения штаба Кавказской армии в войска выехал начальник оперативного отдела полковник Масловский в сопровождении подполковника Штейфона. Прибыв на фронт, они были поражены результатами проведенного наступления. В русский тыл шли бесконечные колонны пленных турок, все выгодные в оперативном отношении высоты на пути к Эрзеруму находились в руках русских, а наступательный порыв войск, несмотря на большую усталость, был очень высоким. Вернувшись в штаб, полковник Масловский доложил об увиденном и высказался в поддержку решения генерала Юденича брать Эрзерум. Получив такую своевременную и ценную поддержку, Юденич снова обратился к Великому князю за разрешением начать новое наступление. Потом было еще одно совместное обращение Юденича и Масловского, и, наконец, наместник царя на Кавказе дал разрешение продолжить наступление, используя для этого стратегические запасы боеприпасов из крепости Карс.

Полк войскового старшины Кучерова после выполнения задач вместе с другими частями 5-й Кавказской казачьей дивизии был снова отведен в тыл и в полном составе сосредоточился в г. Сарыкамыш. Об этом командир полка 5-го января доложил командиру дивизии. В дальнейшем почти в течение целого месяца полк находился без движения. Временно командующий 3-й сотней прапорщик Сорокин следил за тем, чтобы казаки его подразделения приводили в порядок свой внешний вид, пополняли запасы боеприпасов и чинили конское снаряжение. Полковые кузнецы меняли лошадям быстро изнашивавшиеся в горах подковы лошадей. Казаки были размещены в казармах, лошади в основном по конюшням и лишь небольшая часть из них – по коновязям. Условия для размещения были вполне сносные, и казаки перед решающими событиями хорошо отдохнули. Такая же работа велась во всех войсках, их активно и тщательно готовили к штурму Эрзерума. Скрыть эту подготовку было уже невозможно, да в этом и не было прежней необходимости.

Чтобы оценить то, что сделали войска Кавказской армии, взяв в конечном итоге крепость Эрзерум, нужно хотя бы приблизительно представлять, какой она была в январе 1916-го года.

Эрзерум расположился у одного из истоков Ефрата – реки Карасу, в расширении долины, достигающей в этом месте 15 км. С севера и юга долина ограничена высокими, труднодоступными, дикими кряжами. По представлениям турок преодолеть их могли только одиночки. Эти кряжи у русской границы образуют Пассинскую долину, в которой находятся лучшие и кратчайшие пути к крепости. Сама крепость Эрзерум служила основой и олицетворением военной мощи Турции. Весь город опоясывала крепостная стена с многочисленными казематами и складами боеприпасов. В стене было четверо ворот. Кроме того, крепость окружала система фортов, существовавших еще с 1877–1878 гг., 4 из них были в долине и 2 в горах. К востоку от Эрзерума на пути от русской границы в 10–12 км находится естественная перемычка – горный гребень, на котором была расположена хорошо укрепленная позиция Деве-Бойна. Слева и справа ее неприступность обеспечивали 2 форта, построенные под руководством немецких специалистов. В середине позиции находились еще одна система фортов, которые сооружались при помощи английских инженеров в 1877 г. Всего в ней насчитывалось 6 фортов в 1-й линии и 5 – во второй.

После поражения турецкой армии под Саракамышем, оборона Эрзерума постоянно совершенствовалась, для чего из Германии специально был приглашен немецкий полковник фон Поссельт. С группой своих инженеров он построил много позиций для артиллерийских батарей, были отрыты и укреплены соединительные траншеи, проведены дороги между фортами, оборудованы проволочные заграждения. Таким образом, кроме мощной крепостной стены, Эрзерум был еще окружен тремя линиями фортов. По существовавшим у русского Генерального штаба сведениям в крепости было установлено более 700 орудий разных калибров и образцов. Однако позже выяснилось, что часть крепостной артиллерии была в 1914 г. вывезена на Галлиполийский фронт. Тем не менее на оборонительных возможностях Эрзерума это почти не отразилось.

Несмотря на общее нетерпение поскорее начать новое наступление русское командование отдавало себе отчет в серьезности предстоящих задач и возможных катастрофических последствиях в случае своего поражения. Поэтому были приняты все меры к тому, чтобы провести существенную, но быструю перестановку войск. Нужно было поставить на свои места перемещавшиеся в ходе предыдущего наступления части; некоторые отставшие войска Туркестанского корпуса нужно было выдвинуть вперед, коекого оттянуть назад, существенно пополнить боезапас, особенно для артиллерии. Начало штурма командующий армией генерал Юденич наметил на конец января. Откладывать на более поздний срок было бы опасно, к туркам могло подойти многочисленное подкрепление.

Рассматривая план предстоящей операции, руководство Кавказской армии приняло решение наступать на укрепление Деве-Бойну не с фронта, а нанести удар 2-м Туркестанским корпусом с севера. Полкам 39-й пехотной дивизии было приказано наступать на левый фланг противника в стык двух его фортов. 1-му Кавказскому корпусу предстояло как можно быстрее занять оставленный по оплошности турками горный массив Карабазар.

Завершалась работа по доставке из Карской крепости патронов, снарядов и осадных орудий, в части вливались пополнения из запасных батальонов. Против Деве-Бойну была сосредоточена мощная артиллерийская группировка. Все делалось в быстром темпе, но, тем не менее, последние орудия и снаряды прибыли на фронт только в день начала наступления.

Для обеспечения надежного управления войсками армии генерал Юденич приказал срочно создать необходимую телефонную и телеграфную сеть, которая связала бы его штаб, находящийся в Гассан-Кале, со всеми частями. Делать это было неимоверно трудно, линии приходилось проводить по непроходимым горам в глубоком снегу, когда вражеские лазутчики по ночам вырезали целые километры только что проложенных проводов. Тем не менее, к 19-му января 1916 г. штаб армии был обеспечен надежной связью.

Командование 1-го армейского корпуса запоздало с занятием Карабазара, и получилось так, что только 11 января 1-й батальон 16-го Кавказского стрелкового полка взошел на это плато, в то время, когда и турки, поняв свою ошибку, тоже решили занять его. Они отправили на Карабазар свои части, но все же не успели. На этот массив с русской стороны вели только две тропы, начинаясь с Пассинской долины. Подъем на него занимал 4–5 часов. В это время стояли сильные морозы, поэтому спать, даже при наличии зимних вещей, на продуваемых со всех сторон пронизывающим ветром площадках было невозможно. Людям нужно было находиться все время в движении.

Чтобы взбираться на плато, во льду вырубали большие ступени и по ним карабкались потом роты и батальоны, втаскивали легкие орудия. По сути дела на руках туда была доставлена вся артиллерия 4-й Кавказской стрелковой дивизии. Потом на плато доставили палатки и юрты, но больше 3-х дней полки не выдерживали, их приходилось поочередно менять. Почти не прекращались сильнейшие метели. Палатки и проделанные в снегу ходы сообщения быстро заметало, и их не успевали откапывать. Особенно тяжело было часовым. Ночью их невозможно было найти, и к утру нередко окапывали уже замерзшие трупы. У одного из них в стволе винтовки нашли записку: «Кричал, звал на помощь и стрелял. Никто ко мне не пришел. Умираю как настоящий часовой». Палатки срывало ветром и уносило бесследно в пропасти, туда же попадали иногда и целые подразделения; таким образом был потерян целый пластунский батальон. За одну ночь половина батальона была обморожена. Однако, несмотря ни на какие трудности, Карабазар нужно было удерживать. Если бы его заняли турки, они могли перекрыть все пути движения по Пассинской долине и легко сорвали бы наступление русских войск.

Здесь русские войска впервые пытались активно использовать авиацию. Отряд самолетов был доставлен из Сибири, но в разре-

женном горном воздухе они не могли набрать нужную высоту, чтобы преодолеть горы. Справлялись только летчики нескольких «ньюпоров», эти самолеты были самыми легкими. Но и они могли летать только очень низко, буквально над самыми головами противника и обстреливались из винтовок и пулеметов. Были случаи, когда в фюзеляже самолета после очередного вылета на разведку приходилось по 16 пулевых пробоин.

Казаков снова оставили в резерве. Всего их насчитывалась 21 сотня; они находились в ближайшем тылу войск с задачей – быть в готовности действовать для развития успеха, проведения обходов и охватов противника. Но эффективность действий конницы из-за глубокого снега не могла быть достаточной, поэтому на нее особых надежд на этот раз не возлагали.

3-й Линейный полк в это время получил конкретную задачу. Его 1-я и 2-я сотни в 8 часов утра выступили в направлении селений Кара-Урган, Азалкан и Хасан-Кала. Обе сотни поступали в распоряжение командования перечисленных гарнизонов для охраны телеграфной и телефонной линий. Еще три сотни: 4-я, 5-я и 6-я вместе с командой связи и во главе с командиром полка выступили по направлению к Эрзеруму и вошли в состав тех 21 сотен, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях по овладению этой крепостью.

Сотня прапорщика Сорокина получила задачу сопровождать транспорты и обозы, которые подвозили военные грузы из Карса и Саракамыша войскам, готовящимся к наступлению на Эрзерум. Действовать приходилось в отрыве от полка, поэтому командиру сотни нужно было предусмотреть все, чтобы и задачу выполнить, и людей обеспечить всем необходимым. 6-го января 1916 г. он отдает распоряжение командиру полусотни прапорщику Гербиеву:

> «Полусотне быть готовой к выступлению в 9 часов утра завтра. К этому времени людям приготовить обед и раздать боеприпасы. Чинов полусотни удовлетворить провиантом, а также выдать фураж на три дня, весь же могущий иметься запас сдать местной администрации. Лошадей подковать и иметь в запасе по три таковых. Ожидать меня с полусотней.
>
> Временно командующий сотней прапорщик Сорокин»[68].

Почти непрерывное сопровождение транспортов в условиях суровой зимы в горах сильно изматывало людей и лошадей. Закончив сопровождение одного транспорта, нужно было как можно быстрее возвращаться назад, чтобы принять следующий. По-

прежнему большой проблемой оставалось своевременное обеспечение людей продовольствием, а лошадей фуражом. 18-го января, когда сложилась особенно тяжелая обстановка, Сорокин вынужден был обратиться к начальнику штаба 39-й пехотной дивизии, для которой его сотня обеспечивала безопасное прибытие транспортов с боеприпасами и продовольствием.

«Убедительно прошу Вас, — писал он, — не отказать отпуск из имеющегося при вашем складе фуража для моих лошадей сена и ячменя, хотя бы по десять пудов. Лошади всю ночь простояли голодными, завтра предстоит мне сделать 70 верст, чтобы догнать дивизию без всяких этапов по пути. Если Вы не откажете мне в любезности, сейчас же пришлю чековое требование»[69].

Первым днем штурма Эрзерума, вернее, дальних подступов к нему, стало 29 января 1916 г. В этот день Бакинский полк 39-й дивизии под командованием полковника Пирумова ценой больших потерь взял форт Далангез. Защищавшие его турки, кто не успел сдаться или бежать, были перебиты. На другой день та же участь постигла форт Кара-чюбек. В самый напряженный момент его штурма внутри него вдруг раздался сильный взрыв порохового погреба. Точная причина взрыва установлена не была. Но так как вероятность попадания в него русского артиллерийского снаряда была крайне низкой, то предположили, что прежде чем бежать под натиском противника, турки взорвали его сами.

До наших дней дошло мало сведений о героизме русских солдат, проявленном при штурме Эрзерума, хотя примеров таких, конечно, было во множестве. Вот только один из них.

Турецкое командование, не смирившись с потерей форта № 1 и скопив внушительные силы, провело контратаку. Форт обстреливало до сотни орудий противника. Пять атак провели аскеры, на шестой раз они бросились в штыковую, но Кубинский полк все атаки отбил и выстоял. Форт был окружен со всех сторон, у подчиненных Даниэля Пирумова уже не осталось ни одного патрона, а пробиться к ним на помощь никто не мог. Тем не менее полк выдержал еще седьмую и восьмую атаки и все их отбивал в рукопашных схватках. Ночью один смельчак все-таки пробрался в форт, доставив на ослике винтовочные патроны. На следующий день турки атаковали еще дважды, и оба раза безуспешно. Наступил третий день, в цепь легли все живые и раненые и отбили еще одну атаку. Подступы к обороне полка и его позиции были завалены телами погибших русских и турок. Из 1 400 солдат и офицеров

в полку оставалось меньше 300, и все они были ранены. Но турки больше не рискнули наступать и сняли осаду форта. Путь к Эрзеруму был открыт.

Русские летчики все это время наблюдали за тем, что происходило на земле, и информировали лично Юденича. И вот 2 февраля вернувшийся из очередного полета на подбитом самолете летчик поручик Мейер доложил командующему армией, что в крепости начинается паника, улицы Эрзерума запружены транспортом, а на юг движутся большие тыловые колонны и войска. После этого Юденич дал команду всем частям армии одновременно перейти в наступление по всему фронту и идти на штурм крепости. Турки еще ожесточенно сопротивлялись, но надлом в их стойкости был уже очевиден. К вечеру 2 февраля русскими войсками были захвачены 7 фортов, находившиеся на позиции Деве-Бойну.

Наступление продолжалось и всю ночь 3 февраля. Здесь уже нашлась «работа» и для казаков 5-й Кавказской казачьей дивизии. Внезапными налетами они сеяли панику в рядах отступавших, брали их в плен; тех, кто не сдавался, – уничтожали. Каждое подразделение стремилось захватить орудия противника. За это полагался Георгиевский крест. Правда, однажды вышла заминка с таким награждением. Когда казаки сотни Сорокина захватили два орудия, то начальник штаба 5-й Казачьей дивизии генерал Певнев вернул представление с припиской, в которой говорилось, что орудия турок в это время огня по русским войскам не вели, так как были на вьюках. Только после вмешательства командира полка представление все же прошло, и казаки получили заслуженные награды.

На рассвете части стали подходить к окраинам Эрзерума. Первой в крепость ворвалась сотня под командованием есаула Медведева. В городе горели дома, взрывались склады с боеприпасами. Верхом вместе с казаками в числе первых в город въехал и командующий Кавказской армией генерал Юденич. Целых домов почти не осталось, и он временно воспользовался помещением, которое предложил ему один английский миссионер.

В этот же день от Наместника на Кавказе Великого князя Николая Николаевича царю ушла телеграмма:

«Господь Бог оказал сверхдоблестным войскам Кавказской армии столь великую помощь, что Эрзерум после пятидневного беспримерного штурма взят.

Неизреченно счастлив донести о сей победе Вашему Императорскому Величеству.

Николай»[70].

В тот же день от Николая II последовал ответ:

«Поздравляю Ваше Императорское Высочество и Кавказскую армию со взятием Эрзерума. Прошу передать высокодоблестным войскам Мою горячую благодарность за их геройский подвиг и за радость, доставленную России удачным штурмом турецкой твердыни»[71].

Части Кавказской армии продолжали успешное наступление в течение всего февраля 1916 г. и 2 марта овладели г. Маматхатун. Однако турки еще в течение нескольких дней вели ожесточенные бои за возврат этого населенного пункта, но, не добившись успеха здесь, тем не менее, в начале апреля возобновили наступательные действия на других участках фронта.

Полк войскового старшины Кучерова в первые же дни после взятия Эрзерума сосредоточился в крепости. Прапорщик Сорокин стал временно исполнять обязанности полкового адъютанта. Объем и характер новых задач не очень соответствовал его возможностям, но он добросовестно исполнял их. После того, как полк сменил место дислокации, казаки и офицеры полка потеряли переписку с родными и близкими. Первое, что сделал Сорокин на новой должности, он написал 18 февраля рапорт начальнику почтовой конторы следующего содержания:

«По личному приказанию командующего 3-м Линейным полком прошу всю корреспонденцию, как гг. офицеров, а также нижних чинов вверенного ему полка направлять в г. Эрзерум, по месту нахождения полка, о чем поставить в известность и контору, функционирующую в м. Саракамыш. Если в настоящее время при вверенной Вам конторе имеется корреспонденция полку, прошу не отказать в выдаче последней подателю сего»[72].

Однако долго сотням полка отдыхать не пришлось. Уже 22 февраля 1916 г. из штаба 1-го армейского корпуса Кучерову поступает приказ – со своими 4-мя сотнями, телефонной командой, Екатеринодарским батальоном и двумя конными пулеметами 1-го Таманского полка выступить из Эрзерума в направлении селений Сакли-Кисек, Гидари, Ахмет-Абдурахман-Кули в с. Каурма-Чукуд, где сменить сотню Сунженцев и вступить в состав боевого отряда полковника Дубенцова. Это был командир 55-го

Донского полка, который со своей частью находился в с. Яви. Противник был рядом. Силою до одного батальона турки занимали соседнее с. Четверанд. На отряд Кучерова была возложена задача: более точно выяснить силы и состав отряда турок в прифронтовых селениях, возможное их дальнейшее распространение на восток, так как это бы угрожало флангу русских войск, находящихся у с. Ашкалы.

Кучеров 23 февраля со штабом полка и 1-й сотней прибыл к месту назначения, и от него сразу же последовало донесение в штаб корпуса:

> «Вошел в состав отряда полковника Дубенцова. 1-я сотня выступила на Каурма-Чукурт, оттуда был выслан разъезд силою в 10 чел<овек> на сел<ение> Апи-Калу для связи с 5-й Кавказской казачьей дивизией»[73].

Остальные 4 сотни, кроме сорокинской, поочередно подошли в этот же день и получили задачу - расположиться по близлежащим населенным пунктам, где уже находились пехотные части. Там вместе с ними они образовывали гарнизоны, выставили совместные полевые караулы.

Уже первые донесения с мест показали, что перед фронтом 3-го Линейного и 55-го Донского полков плотность турецких войск гораздо выше, чем предполагалось.

Сорокин со своей сотней прибыл к месту своего назначения 24 февраля и после небольшого отдыха выставил два поста полевого караула. На следующий день он выслал в направлении с. Даркей разъезд в 20 человек под командой прапорщика Пулина, который, пройдя с северной стороны этот населенный пункт, вынужден был вернуться обратно. Сорокин объяснял потом командиру полка причины возвращения разъезда так:

> «Люди и лошади совершенно стали, выбившись из сил. Глубокий снег и метель мешают наблюдению за противником»[74].

Наконец к туркам на Кавказский фронт стали прибывать войска, снятые с Галлиполийского полуострова, и новые части, сформированные в результате проведенной очередной мобилизации. Командование турецкой армии решило вернуть утраченные территории, и главным образом Эрзерум. Плотность турецких войск перед фронтом полка Кучерова и находящихся вместе с ним пехотных частей все возрастала, и редкий рейд казачьих разъездов проходил без столкновений с противником. Жестокая зима по-

прежнему путала все расчеты командования, разъезды все чаще вынуждены были возвращаться, не выполнив задач.

Давление противника не снижалось, ежедневные обстрелы полевых караулов и постов стали обычным делом. Боевая активность разъездов сотни прапорщика Сорокина все увеличивалась. Только за один день 25 февраля он трижды докладывал об этом командиру полка.

«25.02.16. 9 ч. 30 мин.

[...] Занял с. Кызыл-Туран. Неприятеля в нем не обнаружил. Селение состоит из 36 домов с хорошим запасом фуража. По показаниям жителей турки покинули их селение два дня тому назад, уйдя в с. Четверан и с. Кайдал-Кули. Для точного выявления сил противника препровождаю к Вам муллу селения.

25.02.16 12 ч. 30 мин.

В 12 ч. дня сел. Гюль-Веран занято моим разъездом. Идя в лоб и сбив передовые посты противника и выбив его из села и прилегающих к нему [...] (в документе неразборчиво. – *Н.К.*), я обнаружил отступление его на с. Четверан и г. Кара-Килису. Справа работают разъезды хор<унжего> Кравцова и прап<орщика> Вакулина. Одновременно продвигаемся вместе.

25.02.16 3 час. Высота у села Гюль-Веран.

В селе Гюль-Веран было 2 взвода кавалерии, взвод пехоты и сторожевое охранение. Помимо вышеуказанного, впереди села замечено около 50 чел. противника и, преследуя его, не давал закрепиться на высоте у села, я в тоже время выбил находившихся в с. Гюль-Веран в 12 ч. дня и занял его. Ровно в 2 ч. 1-я сотня сообщила мне о вашем отходе назад и просьбу прикрыть ее. При отходе 1-й сотни левый фланг моего направления оголяется, почему прикрывая 1-ю сотню, я повел людей моего разъезда назад и оставил селение. Турки, получившие около 40 чел<овек> пехоты, открыли убийственный огонь, ранили подхорунжего Калюжина и приказного Чернобаева.

Из переданного от жителей: два дня назад в Гюль-Веране было 200 чел. [...] (дальше текст утрачен. – *Н.К.*) которая ушла в Кара-Килису и Чатверан. На высотах Юго-Западнее Чатверана замечен профиль батареи, а гамидие заявили – там пушки.

Начальник разъезда прапорщик Сорокин»[75].

Судя по записям в журнале военных действий 3-го Линейного полка, прапорщик Сорокин был на хорошем счету у командо-

вания, и ему поручались наиболее ответственные задачи. Уже на следующий день после описанных выше событий, Сорокин, согласно полученному приказу, выделил полусотню в помощь 3-му батальону Дербентского полка, который возглавлял полковник Соломко. Этот батальон должен был выдвинуться на территорию, занятую турецкими войсками, завязать бой и, притянув к себе значительные силы противника, нанести ему максимальный урон, заставив его таким образом снизить свою боевую активность на этом участке фронта. Впереди своей колонны полковник Соломко поставил приданную ему полусотню казаков, и те двигались в конном строю, ведя тщательную разведку. Когда у с. Калиса-Кума казаки были встречены огнем противника, то не растерялись, не дожидаясь подхода главных сил, быстро спешились и выбили турок из населенного пункта. Своими дерзкими действиями казаки Сорокина дали возможность батальону вовремя развернуться, захватить инициативу в ведении наступательных действий и в течение всего дня разгромить несколько сильных гарнизонов противника.

В 11 часов ночи Сорокин от этой же полусотни выслал 6 казаков под командой урядника Сапельникова выяснить, занято ли с. Аркелд-Кули. Ночь, туман и метель дали казакам возможность подойти на 20 шагов к посту противника, открыть по нему огонь и не останавливаясь взять село столь малыми силами. Потери полусотни за эти сутки составили три раненных лошади. Вторую половину сотни, за исключением одного взвода, назначенного в резерв, Сорокин выделил для охраны штаба отряда, ее казаки бессменно находилась на постах, так как вероятность нападения турок оставалась достаточно высокой.

Накопив силы, турецкое командование в эти дни при малейшей возможности стремилось брать под свой контроль населенные пункты, и казакам приходилось контратаковать, чтобы восстановить положение. 26 февраля Кучеров приказал двум разъездам от 2-й сотни под командованием хорунжего Кравцова и подхорунжего Малова занять селение Каудмат-Чукур. Но турки сами перешли в наступление, и подхорунжий Малов донес, что занимаемые им высоты удержать не может, так как противник обошел его с юга и ведет перекрестный огонь. У турок было около сотни кавалерии и 3 роты пехоты. Кучеров выслал на помощь разъездам свой резерв – взвод сотни Сорокина, – и только после того, как тот лихо налетел на фланг противника, турки приоста-

новили свое наступление, а казаки Малова смогли отойти на занимаемые позиции.

В дальнейшем командир полка приказал сотням не предпринимать никаких наступательных действий. Создавалось впечатление, что турки делают частые разведки боем перед крупным наступлением, и, во избежание всяких неожиданностей, Кучеров приказал всему полку оставить биваки и выйти на позицию. В эти же дни задержанные жители окрестных сел сообщили, что в с. Четверат турецкие части вошли два дня назад и их численность составляет свыше 4-х тысяч, а в Кара-Килисе около двух тысяч при 140 орудиях и множестве пулеметов.

По всему фронту шли ожесточенные бои, турецкое командование искало слабое место в обороне русских войск и не находило его. Если же противнику удавалось хотя бы незначительно продвинуться в глубь русской обороны, в дело вступали казаки. Они отсекали прорвавшегося неприятеля от основных его сил и громили его по частям. Давление турок начало ослабевать, а вскоре русские части сразу в нескольких местах перешли в наступление и отбросили противника с занимаемых им рубежей. В этих боях 1 марта 1916 г. вновь отличилась сотня, которой временно командовал прапорщик Сорокин. Три ее взвода под командованием прапорщика Георгиева Сорокин назначил вести разведку отступающего противника, двигаясь как обычно впереди колонны русских войск. Во время этого преследования Георгиев, как говорится в журнале военных действий 3-го Линейного полка:

> «[...] с 10 казаками бросился в атаку на арьергард отступающей турецкой части. Он захватил 24 пленных турок, в том числе одного офицера, 6 человек зарубил. Сами казаки тоже понесли потери – 2 казака были убиты: Волобуев и Захарьин, ранены были две лошади, в том числе самого Георгиева. В 11 час. вечера полусотня в полном составе вошла в Мема-Хатун первой»[76].

Это было небольшое село, скорее хутор, расположенный в маленькой котловине. Напротив него с запада поднимался кряж с выпирающими из него двумя пиками. Очевидно, отсюда и произошло название села. Слово Мема-Хатун на русский язык переводилось как «женская грудь». Сотня заняла сторожевое охранение в 3-х верстах от него, а в село вошли казаки 1-го Кавказского полка. От второй полусотни Сорокин назначил 10 казаков сопровождать колонну пленных в 208 человек.

В этот же день Сорокин докладывал в полк:

«Дополнительно к полевым моим запискам начальнику Кавурма-Чукурского отряда за № 102 и 103 доношу, что при взятии мною с. Гюль-Веран показали полнейшее бесстрашие, служа примером храбрости, следующие нижние чины вверенного мне разъезда – раненые: подхорунжий Калюжный и приказной Чернобаев; первыми ворвавшиеся в селение, мл. урядники: Павел Терек, Аким Кузнецов, Семен Еськов, Александр Жидков, приказные: Никита Журавлев, Иван Пащенко, Петр Бублик и казак Андрей Рыбников, которых ввожу в ходатайство о награждении»[77].

В последующие дни сотня прапорщика Сорокина обеспечивала летучую связь с отрядом полковника Мигузова и в тоже время двигалась на с. Кетур с задачей успеть перехватить там отступающие от Мема-Хатун разрозненные части турок. Сорокин успешно выполнил и эту задачу, а потом получил приказ вернуться в Мема-Хатун. В боевых действиях наступила небольшая пауза, и некоторым офицерам и казакам дали отпуска. Сорокин отпуска не получил, но с женой все же увиделся. Она сама приехала к нему на фронт. По смелости и предприимчивости Лидия Дмитриевна была под стать мужу, задумала нелегально съездить в Саракамыш. Дальше женщине проехать было бы невозможно. Потомки Сорокина до сих пор хранят в памяти рассказ Лидии Дмитриевны о том, как она оказалась на фронте.

Она уговорила казаков, прибывших на побывку в Петропавловскую, помочь ей осуществить задуманное, и те согласились. Это была целая «операция». Лидия Дмитриевна переоделась в офицерскую форму Ивана Лукича, которая хранилась дома, для солидности пришила погоны есаула и вместе с возвращающимися из отпуска одностаничниками, приехала во Владикавказ. Там в ночное время ее провели в общий вагон, и она спряталась на верхней полке. Однако эта затея чуть было не сорвалась в самом начале. Перед отходом поезда в вагон пришли жандармы и стали проверять документы у тех, кто ехал в Саракамыш. Но казаки не растерялись. Они укрыли ее буркой с головой, а на видном месте повесили черкеску с погонами есаула. Жандармам же сказали, что есаул сильно пьян, и лучше его не трогать, а то достанется всем. Это помогло и «есаула» будить не стали. Из Саракамыша Сорокину по телефону знакомые связисты сообщили о приезде жены.

Однако приехать к ней было очень не просто. Во-первых, нужно получить на это разрешение, а, во-вторых, следовало торопиться и как можно скорее прибыть в Саракамыш, пока Лидию Дмитриевну «не разоблачили». Но все окончилось благополучно, командир полка вошел в положение Сорокина и изыскал повод, чтобы отправить его с заданием в тыл. Прежде чем доскакать до Саракамыша, Сорокину пришлось почти четыре дня не вылезать из седла. Сначала проехать 90 км до Эрзерума, потом столько же до Гассан-Калы и еще столько же до Саракамыша. Но все обошлось благополучно, и короткая встреча Сорокиных состоялась.

Тем же, кто получил тогда отпуска официально, дали на это по 28 суток. Это было сделано впервые за всю войну, и можно было представить, как счастливы были те, кто наконец поехал домой, хотя из отпущенных 28 дней казак мог находиться на побывке не больше 10. Как уже говорилось, 4 дня уходило на то чтобы добраться до Саракамыша, 3 дня на поездку по железной дороге и обратно столько же. Отпуска предоставили двум офицерам и двум казакам на сотню. Повезло и вестовым. Они должны были сопровождать своих командиров до Саракамыша и там ожидать с лошадьми их возвращения.

В эти же дни началась сильная оттепель. Обильное таяние снега привело к тому, что по горным дорогам двигаться практически было невозможно. В ночные морозы они обледеневали, а на равнине снег превратился в сплошное месиво, которое даже лошади преодолевали с трудом. Тем не менее, задачи 3-му Линейному полку и его сотням по-прежнему следовали одна за другой. Казаки обеспечивали посты летучей почты на линии Мема-Хатун, Иблалон, Консар, Гергер-Шейх; 1-я сотня вернулась в Эрзерум для проведения восстановительных работ в крепости, остальные подразделения продолжали участвовать в боевых действиях. Однако вскоре всю 5-ю Кавказскую казачью дивизию отвели на отдых в район крепости Карс. 3-й Линейный полк расположился севернее крепости.

* * *

Почти все время работы над этой главой у автора не раз возникало опасение: а о том ли прапорщике Сорокине идет речь в архивных документах? В то время почему-то было принято в донесениях, приказах, сообщениях у офицеров называть только звание

и фамилию, а у нижних чинов звание, фамилию и имя. Могло ведь случиться так, что существовал однофамилец Ивана Лукича, и тогда получилось бы так, что весь труд был напрасным, так как исследование с самого начала пошло по неверному пути. К счастью, опасения не оправдались. Подтверждение потом все же было найдено в архивных документах, но еще раньше оно неожиданно было получено в другом месте.

Бывший в годы Гражданской войны командиром 2-й Кубанской казачьей дивизии полковник Ф.И. Елисеев в эмиграции опубликовал несколько тетрадей своих воспоминаний о Кавказском фронте периода 1-й Мировой войны. Он служил тогда полковым адъютантом 1-го Кавказского полка и описал свою случайную встречу с прапорщиком Сорокиным в г. Карсе. Его воспоминание приводится здесь полностью. Вот оно:

«Вечером небольшая группа молодых офицеров на извозчиках проехала в единственную здесь гостиницу, довольно приличную, и за хорошим, вкусным ужином провела час-другой.

Уже заканчивали наш ужин с вином, когда вошли два прапорщика в черкесках. Первый из них немного походил на офицера, но второй выглядел простым казаком «со льготы». Небывалый случай среди офицеров — они не отдали нам чести, заняли столик и заказали пиво. Мы невольно посмотрели на них. Первый важно расселся на стуле, бросив на нас, как мне показалось, презрительный взгляд. Второй был скромен и будто стеснялся, что зашел сюда, или боялся первого

У первого, на «газах» черкески столбиком нашиты две георгиевские ленты. Корнет Чумаков, прибывший к нам в полк из запаса месяца два тому назад, возмущается этим и говорит, что этот прапорщик не имеет права нашивать две ленточки, а должен, как положено всем георгиевским кавалерам, символически носить только одну. Он хочет встать, подойти к этому прапорщику и сказать ему об этом. Мы его успокаиваем, но он сердится, быстро встает, подходит к ним и резко говорит об этом. Поясняет, что «он, корнет Чумаков, будучи вольноопределяющимся, в осажденном Порт-Артуре за многие вылазки награжден всеми четырьмя Георгиевскими крестами, семнадцать раз ранен и носит только одну ленточку». И добавляет, что «он, этот прапорщик, не имеет права носить две». Оба прапорщика не встали, и первый негодующе отвечает Чумакову, что он «заслужил два Георгиевских креста кровью и носит их так, как он хочет». Объяснения их начинают принимать резкую форму. Я прошу старшего среди нас, сотника

Дьячевского, встать и прекратить это. Но Диамид Дьячевский, добрый человек, не любящий дисциплину, отвечает:

— Ты адъютант, ты сам пойди и сделай так, как надо.

Чумаков — компанейский офицер, могущий выпить и поскандалить. Я быстро подхожу, беру его под руку и прошу вернуться за свой стол. Когда я подошел, оба прапорщика встали.

— Кто вы таков? — обращаюсь к первому.

— Я командир сотни 3-го Линейного полка прапорщик Сорокин, — с натянутым достоинством произнес он и добавил, что пришел со своим младшим офицером посидеть здесь в хорошей обстановке, а этот офицер, судя по тому, как он одет в черкеску и как висит на нем оружие, видимо, не казак, и еще стал его учить.

Инцидент был исчерпан. Этот прапорщик Сорокин в 1918 году стал Главнокомандующим Северо-Кавказской Красной армией»[78].

В свою сотню прапорщик Сорокин после встречи с женой вернулся не скоро. В начале марта 1916 г. в его военной биографии наступил период, когда ему пришлось заниматься выполнением, в общем-то, не свойственных ему задач. В начале года в войска стали поступать искровые радиостанции, и командованием Кавказской армии было принято решение открыть в г. Александрополе полугодичные курсы по подготовке специалистов службы связи. От каждого полка туда были направлены по одному офицеру и солдату или казаку. Офицер осваивал обязанности начальника службы связи полка, а казак учился работе на искровой станции. Выбор командования 3-го Линейного полка пал на Сорокина. Посчитали, что уровень образования и прирожденная сметка позволят ему быстро освоить новую специальность. И действительно, вместо отведенного полугода прапорщик Сорокин в течение месяца успешно освоил программу этих курсов, и в 20-х числах марта прибыл в полк, где был назначен начальником его службы связи.

Это была очень ответственная служба, и вряд ли нужно говорить о том, что кому попало ее не поручали. Всей предшествующей боевой работой И.Л.Сорокин доказал, что может самостоятельно принимать решения и выполнять ответственные задачи, что он умеет быстро сходиться с людьми и ему не потребуется много времени, чтобы завоевать их авторитет, что его интеллектуальный уровень позволит ему быстро освоить совершенно новое для него дело. Так что командир полка, когда ему предложили кандидатуру прапорщика Сорокина для назначения его на новую

должность, ничем особенно не рисковал, поручая ему этот ответственный участок. Уже 26 марта Сорокин доносил командиру полка:

> «Согласно предписания Вашего от 25-го марта с. г. за № 1049 сего числа для принятия команды связи вверенного Вам полка в Мема-Хатун выбыл»[79].

По численности подчиненная ему команда была небольшой, всего чуть более 20 человек. Во главе каждого из двух отделений ее стояли урядники Алексей Диденко и Андрей Веретельников. Правой рукой Сорокина стал вахмистр Василий Федосеев. Если судить по рапортам и донесениям нового начальника команды связи, то забот у него хватало. Полк часто менял место расположения, и нужно было ежечасно знать, где какая сотня находится. Сорокин обязан был своевременно составлять и представлять на утверждение командиру схему связи полка, быстро обеспечивать прокладку телефонных линий от штаба к подразделениям, следить за исправностью телефонных аппаратов, полкового коммутатора и искровой станции. Нужно было так же иметь резерв средств связи на случай внезапно возникающих задач, знать, какие линии вышестоящих штабов и соседей проходят через район расположения полка и не допускать их порчи.

Большие требования предъявлялись к личному составу команды. Ее казаки должны были в любое время суток и в любую погоду уметь ориентироваться на местности, иметь хорошую физическую подготовку, быть в постоянной готовности к встрече с противником.

При установке телефонного аппарата оборудовалось укрытие для него. Чаще всего это была землянка, палатка или на худой конец прикрытое камнями, хворостом и плащ-палаткой углубление в складках местности. Телефонист вынужден был безотлучно находиться с телефонной трубкой у уха без движения, что в холодное время года было особенно тяжело. Были случаи, когда зимой находили замерзших ночью телефонистов с примерзшей к уху трубкой. Телефонные аппараты были далеки от совершенства, порошок в телефонном капсюле смерзался или слипался, слышимость становилась плохой, и начальство во всем винило связистов.

Большие проблемы у Сорокина возникали с организацией питания своих подчиненных. Далеко не всегда можно было обеспечить их горячей пищей, и они по большей части питались кон-

сервами. В быстро меняющейся обстановке нужно было успевать ставить казаков на довольствие при тех сотнях, где они несли службу, и наоборот, своевременно переводить на котловое довольствие в другие подразделения и части, если полку или сотне приходилось внезапно передавать свои зоны ответственности другим войскам.

Прапорщик Сорокин с присущей ему заботливостью занимался всеми этими вопросами. В его полевой книжке осталось много обращений к командованию Мами-Хатунского гарнизона, 5-й Кавказской дивизии, к начальникам соседних отрядов и боевых участков с просьбами о выделении его команде хлеба, сахара, консервов, чая и других продуктов. Нередко боевые действия вдруг разворачивались прямо в месте расположения команды связи или там, где были установлены телефонные линии и пункты установки телефонных аппаратов. Тогда случались потери среди казаков-связистов, терялось имущество связи. 18 мая 1916 г. Сорокин докладывал полковнику Каминкову и подъесаулу Бабаеву, в отряд которых в то время были приданы некоторые подразделения 3-го Линейного полка:

> «Доношу, что во время боя во вверенной мне команде ранена лошадь приказного Придтина, артиллерийским снарядом контужен легко приказной Негодяев и захвачена неприятелем его лошадь, 15 верст кабеля ввиду обстрела артиллерийского и ружейного снять не было возможности»[80].

В тот же день от Сорокина поступило еще одно, дополнительное донесение об этом случае:

> «Дополнительно к моей полевой записке № 119 доношу, что на поле боя 19 мая оставлены: сумка с инструментами, ящики с запасными частями, телефонная трубка, запасный шнур для аппарата, 4 капсюля, 4 мембраны, прерыватель и 2 версты кабеля»[81].

Казак по происхождению и складу характера И.Л.Сорокин, конечно, хотел, чтобы и звание у него было не общевойсковое – прапорщик, а соответствующее ему казачье. Поэтому он очень обрадовался, когда вскоре после описанных выше событий, ему присвоили это звание, и с 18 мая 1916 г. он начинает подписывать свои рапорты и донесения – «хорунжий Сорокин». В этот же день он получил задачу из штаба 5-й Кавказской дивизии следовать с частью своей команды в распоряжение отряда полковника Петраша.

Команда связи во главе с ним в течение всей ночи двигалась в указанный горный район. Кстати сказать, доклады хорунжего Сорокина для командира полка были очень ценными, так как тот считал своим долгом не только информировать о выполнении задач, поставленных его подразделению, но и сообщал о том, что происходит на той местности, где он в это время находился.

В этот раз – 20 мая в 3 часа утра Сорокин докладывал:

«[...] прибыл в отряд полковника Петраша, последний со своим отрядом отступил на вновь указанные ему позиции протяженностью по фронту верст 25, в пересеченной местности. Явившись к полковнику Петрашу с данной мне задачей, он заявил (так в тексте. – *Н.К.*), что начальником отряда состоит полковник Джандиего, почему проехав по фронту [...] (дальше текст частично утрачен. – *Н.К.*) [...] от начальника штаба я узнал, что в силу прорыва между отрядом бывшего полковника Петраша и генерала Коробнева в 20 верст. [...] Дабы сократить таковой и обеспечить фланг 4-й дивизии полковник Джандиего с 2-мя дружинами и 2-мя орудиями занял высоту 2610, куда за выяснением своего положения следую и я. Телефонная линия, ведущая на высоту 2610 средствами отряда еще не работает. Между высотой 2610 и 2660.

Хорунжий Сорокин»[82].

Этими событиям на Эрзерумском направлении Кавказского фронта снова начались ожесточенные бои. Они шли с переменным успехом, и генерал Юденич принял меры к усилению этого участка фронта новыми формированиями. В районе Саракамыша была наспех сформирована 7-я Кавказская стрелковая диви-зия, но надежд она не оправдала. В ее полках, среди солдат особенно, постепенно стали проявляться признаки недовольства затянувшейся войной, тяжелейшими условиями, в которых она протекала, начиналось разложение в среде прибывающего пополнения. В результате в этой дивизии произошли беспорядки, которые вылились в избиения офицеров, грабежи войскового имущества, захват денежных ящиков. Для усмирения бунтовщиков командованию армией пришлось принимать крутые меры, но негативный пример уже имел место, и о нем на фронте и в тылу узнали все.

Между тем угроза наступления турок на Эрзерум оставалась, и командование Кавказской армии приняло соответствующие меры. Вскоре после взятия этой крепости в ней начались работы по восстановлению оборонительных сооружений. Прежние рубе-

жи обороны не соответствовали возможным направлениям боевых действий, так как противника теперь нужно было ожидать с запада. Из Карса через Саракамыш на воловьем транспорте переправлялась артиллерия. Пригодных пушек, оставленных турками было 393, и к ним решили добавить еще 328 орудий. Направленное в свое время турками подкрепление для своей 3-й армии, как уже говорилось, не успело к началу наступления русских войск, и теперь турецкий Генеральный штаб решил из них и остатков разгромленной 3-й армии создать новую группировку.

Для этого на Кавказский фронт на Эрзерумское направление турецкое командование перебросило еще 10 дивизий из 2-й армии. Командующим этой группировкой был назначен маршал Ахмет-Изет, бывший военный министр. Во главе 3-й армии, вместо не справившегося с возложенными на него задачами Махмуда Киамиля, был поставлен Вахиб-паша. Попытка начать наступление в апреле желаемых результатов не дала, так как 2-я армия была перебазирована только к июлю 1916 г.

Тем не менее, этими силами турки начали наступление, и 16 мая Мемн-Хатун был оставлен русскими войсками, а турки пошли на Эрзерум. Однако Юденич предусмотрел такое развитие событий. 39-я пехотная дивизия, ее Дербентский и Кубинский полки были наготове, чтобы ударить туркам во фланг. В наступление с этого направления кроме них пошли еще 4-я пластунская Кубанская бригада и 1-я бригада 5-й Кавказской дивизии полковника Колесникова.

Чтобы продолжить операцию турецкое командование в стык русских войск на узком участке бросило свою регулярную конницу. Это была первая за все время русско-турецкой войны попытка турецкого командования использовать массированный удар своей конницы. Казаки и пехотинцы тогда оказались в сложном положении. Вызвать помощь они не могли, так как связи с основными силами у них не было, турецкая разведка вырезала более 100 м телефонного провода. Однако благодаря грамотным действиям русские устояли. Они сомкнули ряды и открыли с близкого расстояния залповую стрельбу из винтовок и вели огонь двух пулеметов. Турки были отброшены. Оставив на поле боя около 900 человек убитыми и ранеными, они повернули назад и скрылись в складках местности.

Юденич, учитывая численное превосходство турецких войск на этом участке фронта, не стал бросать личный состав в наступ-

ление, что бы вернуть Меми-Хатун, тем более, что удержать его потом было бы очень трудно. Дело в том, что этот населенный пункт оказался на выступе русской обороны, и турки могли легко отсечь находившиеся там войска.

Было принято решение в оборонительных боях измотать наступающего противника и, выбрав удобный момент, перейти в контрнаступление. Почти месяц 1-й армейский корпус оборонялся, турки бросали в бой все новые резервы, но вперед почти не продвинулись. Наконец, посчитав, что турки начали выдыхаться, русские войска сразу в нескольких направлениях начали контратаковать, а потом перешли в наступление.

Более успешно оно стало развиваться западнее Эрзерума. Штаб Верховного Главнокомандования 29 июня сообщал:

> «К западу от меридиана г. Эрзерума наши войска значительно продвинулись вперед, захватив вновь ряд укрепленных позиций. Снова отличилась Н-ская часть, успешно действовавшая в феврале при штурме Эрзерумской крепости. Пленные продолжают прибывать. С 19 по 25 июня на фронте армии взято в плен 107 турецких офицеров и 1684 аскера, захвачено 30 орудий, 10 пулеметов, 4 бомбомета. Отступая, турки бросают много оружия и боеприпасов»[83].

Однако и оборонительные бои, и наступление дорого дались Кавказской армии. За 2 месяца ее потери составили не менее 20 тысяч убитыми и ранеными.

Почти после каждого крупного боя казакам приходилось хоронить своих боевых товарищей. Чтобы понять, настолько это было скорбное и тяжелое в морально-психологическом отношении дело, нужно помнить принцип комплектования казачьих частей. В каждой сотне служили по 15 и более человек, которые были из одной станицы, просто соседями, вместе росли и знали всю родню друг друга. Хоронили, как правило, прямо на биваке завернув погибшего в бурку и поставив на одиночной или братской могиле примитивный крест из веток. Таких могил на турецкой земле осталось великое множество. Лошадь убитого переходила в собственность полка, и ее отдавали безлошадному казаку. Семье погибшего за нее из полковой казны высылалось 200 рублей, хотя порой это был очень хороший, дорогой строевой конь и стоил он гораздо дороже.

Когда сотня находилась на отдыхе, проводилась распродажа нехитрого имущества погибшего казака. Из его переметных сум

извлекали давно не стиранное, полуистлевшее белье, а также запасное и далеко не новое обмундирование, фуражку или папа-ху, снаряжение. В назначенное время всех приглашали подойти и купить что-нибудь. На первый взгляд это может показаться кощунственным и жестоким ритуалом, но в этом был свой, понятный каждому казаку смысл. Такие торги устраивались с единственной целью, чтобы выручить хоть какие-то гроши и выслать эти деньги жене, детям, родителям погибшего. Урядники ходили между казаками и буквально уговаривали купить что-нибудь, чтобы выручить от продажи какую-то сумму. Все, что не удавалось продать, сотенный каптенармус тут же сжигал на костре.

Но самое большое испытание оставшихся в живых одностаничников ожидало во время их приезда в отпуск по ранению или в награду за успешную службу. Нужно было посетить родителей, жену и детей друга детства погибшего боевого товарища. В семье его поднимался долго не стихающий плач, а потом начинались вопросы о службе – сына, мужа или отца, при каких обстоятельствах он погиб, как похоронили, что при этом говорили, отпевал ли священник, кому достался конь, седло?

Бывший хорунжий Ф.И. Елисеев, попав в такую ситуацию, описал потом свою такую встречу с родителями погибшего товарища. В бою тот проявил неосторожность и был убит наповал свинцовой турецкой пулей в голову. Смерть была мгновенной, похороны скорыми, а так как дело было в горах, то и место захоронения через некоторое время вряд ли можно было отыскать. Встретившись во время отпуска с семьей погибшего, чтобы хоть как-то их утешить, ему пришлось рассказывать и о том, чего на самом деле не было. Говорил о том, что погибший еще некоторое время был жив, успел попрощаться с друзьями, исповедаться у священника, вспоминал об отце, матери, жене и детях, просил кланяться им и простить его[84].

В тех боях турецкая армия опять потерпела поражение и отступала по всему фронту. Мема-Хатун снова был отбит. Части 1-го армейского корпуса все время находились в преследовании. Они двигались уже в батальонных колоннах. Из Мема-Хатуна вглубь Турции имелась только одна колесная дорога и, двигаясь по ней, войска наконец спустились в покрытую садами Эрзиджанскую долину турецкой части Армении. Впереди двигались обескровленные полки 39-й пехотной дивизии. В некоторых ее ротах не насчитывалось и 30 человек. Оба противника были

настолько измотаны в боях, что продолжать активные действия больше не могли и остановились.

* * *

Наступил сентябрь 1916 года. Зная плачевное состояние противника, русское командование могло себе позволить оставить на фронте лишь небольшие части, а основную массу войск отвело назад. Предстояла новая борьба с суровой природой, третья жестокая зима. 13-го сентября уже выпал первый снег, а в 20-х числах октября им были занесены все позиции. Еще в более глубокий тыл отвели свои части и русское, и турецкое командования. Войска строили землянки, поддерживали проходимость дорог, устанавливали проволочные заграждения, оборудовали «волчьи» ямы. Основная масса войск находилась на высоте 2400–2600 м.

Казаки обустраивались основательно, прекрасно зная, что их ожидает совсем скоро. На топливо были разобраны брошенные турками деревни. И все равно трудностей избежать не удалось. Продукты и боеприпасы доставляли только на вьюках до ближайшей ровной площадки, в специально установленные юрты, а дальше все переносилось на руках. Много таким способом доставить, конечно, было невозможно, и с наступлением сильных холодов начался настоящий голод. В некоторых пехотных частях за зиму съели всех ишаков, кошек и собак. Даже варили хвосты павших лошадей. Голодные лошади отъедали друг у друга хвосты и гривы[85].

Казаки 3-го Линейного полка были в лучшем положении, так как их часть была отведена в Эрзерум и близлежащие к нему населенные пункты. В конце зимы хорунжего Сорокина, успешно справившигося с обязанностями начальника службы связи, назначили на освободившуюся должность командира 4-й сотни. Еще раньше на него в штаб 5-й Кавказской дивизии ушло представление о награждении его орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а вслед за ним ходатайство о присвоении очередного воинского звания – сотник. Боевая деятельность И.Л.Сорокина была таковой, что у командования 3-го Линейного полка и 5-й Кавказской казачьей дивизии не было сомнений, что оба представления будут удовлетворены. Так и случилось, в рукописных списках по старшинству обер-офицеров за 1900–1917 гг. есть запись: «Хорунжий Иван Сорокин награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Награждение состоялось 10 января 1917 г.[86]

Это была награда, о которой мечтали все молодые офицеры. Сам орден был учрежден еще в 1815 г. Награждались им только офицеры. Он представлял собой красный эмалевый крест на золотом поле, окруженный красным ободком, над крестом – золотая корона. В диаметре он был всего 2,5 см и предназначался для прикрепления к эфесу холодного оружия. С 1828 г. к оружию, на котором был знак Анны 4-й степени, полагался еще и темляк из орденской ленты. На армейском жаргоне этот знак называли «клюквой», а само оружие – «Аннинским». Это был самый массовый боевой офицерский орден, его важность подчеркивалась еще тем, что он не снимался при награждении боевыми орденами Святой Анны более высоких степеней[87].

Нет нужды говорить о том, как рад был Сорокин, получив эту заслуженную награду. По счету она уже была пятой – две медали за участие в Русско-японской войне, два солдатских Георгиевских креста на Кавказском фронте и вот теперь – Аннинское оружие.

Дела и должность начальника службы связи И.Л.Сорокин передал бывшему адъютанту полка хорунжему Троценко, а того 1-го мая сменил хорунжий Сафаров. Троценко вернулся на свою прежнюю должность. Сотню Сорокина отвели на отдых в Гассан-Калу. Командир полка войсковой старшина Кучеров тяжело заболел, на его должность опять временно назначили войскового старшину Черняева.

* * *

Заканчивалась зима 1917 г. В центре России, в Москве и Петрограде вызревала февральская буржуазно-демократическая революция. Она сильно повлияла на судьбу русской армии вообще и на войска Кавказского фронта особенно. Эта революция явилась поворотным пунктом и в жизни сотника Сорокина.

Глава 7.

В гуще революционных событий

Февральская революция 1917 г. застала сотню Сорокина в Гассан-Кале, где, как уже говорилось, она находилась на отдыхе. Сведения о событиях в центре России на Кавказский фронт приходили с большим запозданием. Основным источником информирования стали сами казаки. В это время им начали предоставлять отпуска, и они из дому все чаще стали привозить тревожные новости. Иногда таких «информаторов» в день прибывало по нескольку человек, и казаки жадно слушали их сообщения. Возвращались из отпусков не все, некоторые дезертировали, хотя поначалу это были единичные случаи. Потом стали появляться листовки, издаваемые большевиками и эсерами, в частях работали их агитаторы. Одни призывали закончить войну и разъехаться по домам, другие, наоборот, звали воевать до победного конца, но провести в армии демократические преобразования. Однако главные претензии к командованию и теперь уже новому правительству у тех и других были одинаковые – плохое снабжение войск вещевым имуществом и продовольствием. Голодная зима сильно подорвала дух армии.

Вскоре казакам дали почувствовать, что их претензии обоснованны и вроде бы находят поддержку. 9-го марта 1917 г. Сорокин зачитал своей сотне приказ по полку, где излагалось обращение Центрального Исполнительного Совета рабочих и солдатских депутатов за № 48 «Ко всем гражданам в тылу и на фронте». В нем говорилось:

«Старое правительство, вследствие полной своей бездарности, не сумело наладить дело заготовки продовольственных продуктов и передвижения грузов и оставило стране такое наследство в виде почти опустошенных магазинов с очень небольшим запасом провианта. Поскольку Временное правительство стре-

мится на деле осуществить организацию продовольствия страны, Совет рабочих и солдатских депутатов считает необходимым поддержать это право в его борьбе с дальнейшим затруднением в деле снабжения всего населения продовольствием»[88].

Вначале текст Обращения обнадежил казаков, они ожидали, что дальше последуют конкретные решения новой власти, и она решит, наконец, продовольственный вопрос, однако неожиданно дальше в этом документе прозвучал призыв еще туже затянуть поясные ремни. Там говорилось:

«...Временное правительство вводит ограниченную выдачу продуктов по одинаковой норме для всех классов населения и призывает к временному сокращению рациона все население страны, равно гражданское, как и военное, равно войска, стоящие на фронте, как и находящиеся в тылу. Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, обсудив положение страны в области продовольствия, доводит до сведения всех граждан страны в тылу и на фронте, что эта мера временного сокращения рационов является при настоящем положении необходимой и призывает к возможной бережливости.

Обращение подписали: за Председателя Исполнительного Комитета – Скобелев и секретарь Гвоздев»[89].

Безусловно, совершившаяся буржуазно-демократическая революция большинству офицерства была не по душе. Но, поскольку она все же произошла, нужно было что-то делать дальше. Противится ей или, признав как факт, искать ее позитивные стороны, попытаться использовать их в своих личных целях и делах службы? Большинство выбрало второй путь. Теперь многие из тех, кто никогда раньше политикой вообще не интересовались, пытались составить собственное мнение о происходящх событиях, дать им оценки, пытаться представить, чем все это кончится для армии вообще и конкретно для себя в частности. Стали вспоминать, какие виды государственного устройства существовали в это время в разных странах, и какой путь для России был бы предпочтительней. Большинство все же считало, что при царской власти было бы лучше, необходимо только ограничить ее некоторыми демократическими институтами. Идеалом же для других, хотя они были и в меньшинстве, служила Швейцарская республика с ее строем, меморандумом и поощрением народной инициативы.

Среди рядовых казаков ситуация в корне отличалась. Об этом говорит следующий пример. В некоторых полках наиболее про-

грессивно мыслящие офицеры по собственной инициативе провели беседы среди казаков, а потом организовали голосование записками по вопросу: «Какое государственное устройство желательно для России?». Поскольку рядовые казаки и солдаты уже знали об отречении царя, передаче им престола своему брату Михаилу, последующем отречении самого Михаила и существовании Временного правительства, присягу которому недавно принесли, их симпатии к царизму практически сошли на нет. Это убедительно подтверждают результаты голосования, которое провел в своем 32 казачьем полку будущий командующий 2-й Конной армии, а в то время войсковой старшина Ф.К. Миронов.

Из 55–60 записок получился единогласный ответ – демократическая республика. Когда же такое голосование Миронов провел среди офицеров полка, то из 16 записок более чем в половине содержался ответ: конституционная монархия. Так в самом начале революции пути рядовых казаков и офицеров стали расходиться, и последующие события это убедительно подтвердили[90].

К этому времени и в войсках Кавказской армии начали стихийно создаваться комитеты казачьих и солдатских депутатов. По началу некоторые из них стали претендовать на неограниченные права по руководству не только общественной, хозяйственной, но и боевой деятельностью своих частей. Отрекшийся от власти царь отказался от должности Верховного Главнокомандующего; занявший его место генерал от инфантерии Алексеев решил положить конец солдатской демократии. 18-го марта он издал приказ № 10, который сотник Сорокин также зачитал перед своей сотней под неодобрительные голоса подчиненных. В приказе говорилось:

«По доходящим до меня сведениям весьма существенной причиной препятствующей спокойному отношению воинских частей к переживаемым событиям и серьезным обстоятельствам, препятствующей поддержанию в армии на должной высоте дисциплины, сохранение которой столь необходимо для доведения войны до победного конца, является распространение в войсках слухов о допущении в частях действующей армии выборного начальства.

Считаю необходимым внушить всей армии, что приказа, или распоряжения, по которому подчиненные могли выбирать каких-либо для себя начальников командного состава в отношении воинских частей армии, ни от Временного правительства, ни от Верховного Главнокомандующего до настоящего времени не исходило»[91].

Однако приказ этот не возымел действия, уже созданные комитеты никто распускать не собирался, наоборот, они появлялись там, где их еще не было.

Существует неоднократно опробованный на практике прием: если власть не может противостоять политическому течению, ей следует возглавить его и увести в нужную для себя сторону. Напуганное Временное правительство попыталось действовать таким же способом – возглавить процессы, происходящие в армии, утвердить в ней задним числом те демократические структуры, которые уже появились стихийно, но поставить при этом под свой контроль их деятельность в будущем, ограничить ее различными положениями и инструкциями. Поэтому армию объявили народной, а 16 апреля военное ведомство издало приказ № 213, в котором приводилось обращение к войскам военного министра А.И. Гучкова. В нем, уже как решение военного ведомства, вводились комитеты солдатских депутатов и разъяснялись их функции.

«Переустройство народной армии и флота требует установления новых начал как в самой организации войск, так и во внутреннем быте и взаимоотношениях начальников и подчиненных. Сознавая всю трудность и неотложность этой задачи, выполняемой в условиях непосредственной близости к врагу, я обращаюсь ко всем офицерам, солдатам и матросам с требованием приложить все свои силы к скорейшему проведению в жизнь нового порядка с полным спокойствием и не нарушая ни на одно мгновение боевой мощи вооруженных сил страны. Оставляя незыблемыми основы боевой подготовки и боевой деятельности войск, требую точного и беспрекословного исполнения приказов начальников, новое устройство вооруженных сил вводит систему выборных войсковых организаций, обеспечивающих каждому воину осуществление его гражданских, политических прав. Такими организациями являются:

1. Комитеты: ротные, полковые, армейские.
2. Дисциплинарные суды»[92].

Далее следовал перечень задач, которые военный министр определил для новых выборных органов в армии. В частности, на Комитеты солдатских депутатов возлагалось:

1. Сплочение всей русской армии в единую организацию;
2. Наблюдение за поддержанием дисциплины и порядка в своих частях;
3. Контроль за хозяйственной деятельностью своей части;

4. Принятие законных мер против злоупотребления и превышения власти со стороны должностных лиц своей части;
5. Решение вопросов, касающихся внутреннего быта части;
6. Улаживание недоразумений между солдатами и офицерами;
7. Содействие просвещению и развитию спорта среди солдат и матросов своей части.
8. Подготовка к выборам учредительного собрания[93].

Большой интерес сегодня представляют те документы Временного правительства, которые показывают, какие отчаянные усилия оно предпринимало, чтобы в это время не потерять власть над армией. Одна за другой следовали уступки демократического характера. Они доводились до войск в форме военных приказов. В частности, именно таким образом была предложена структура новых органов управления армейской жизнью – комитеты всех уровней.

В ротах они должны были состоять из 6 членов, избранных общим голосованием (по одному от взвода). Из своей среды ротный комитет избирал затем председателя и секретаря, а список членов комитета объявлялся приказом по части. Что касается полкового комитета, то его члены тоже избирались на общем собрании рот, независимо от того, в каком они взводе служили. От каждого из 8 подразделений полка избиралось по 2 члена комитета с добавлением к ним избранных офицеров. Первый состав комитета избирался на 3, а последующие – на 6 месяцев. По этому положению полковой комитет из своего состава избирал своих: председателя, товарища председателя и секретаря. Члены полкового комитета освобождались от нарядов на службу, кроме боевых предназначений. Они рассматривали увольнение солдат в отпуска, но в пределах нормы, установленной штабом полка; осуществляли контроль за работой каптенармусов*, артельщиков и других хозяйствующих лиц роты, могли ходатайствовать об их смещении с должности или преданию суду.

Этим же приказом регламентировалось и присутствие в войсках представителей различных партий. Однако для ведения политической работы они обязаны были предъявить документ, под-

* *Каптенармус* – должностное лицо в армейском подразделении, отвечающее за учет и хранение оружия и имущества.

утверждающий их членство в той или иной партии и направление от вышестоящего штаба, но не ниже дивизионного.

Что касается дисциплинарных судов, то представители партий никаких предложений на этот счет не вносили, это было изобретением военного ведомства, и оно имело вполне определенную цель – хотя бы частично переложить ответственность за наведение порядка в войсках на армейскую общественность. В качестве основных на дисциплинарные суды возглавлялись следующие задачи:

1. Поддержание дисциплины в частях.

2. Разрешение ссор, недоразумений, возникающих в солдатской и матросской среде.

Дальше шло пояснение:

«Все эти организации выборные на основах всеобщего прямого, равного и тайного голосования. Права и обязанности их точно определены положениями, при сем объявляемыми. Незаконные действия этих организаций и отдельных их чинов ведаются в общем военно-полевом порядке. Общие собрания войсковых частей не должны мешать боевой и учебной работе. Объявляемые положения ввести в действие немедленно по получении этих приказов. В тех частях, где комитеты и суды уже избраны, общим собраниям предоставляется право продолжить их полномочия до истечения трехмесячного срока со дня их выборов, с тем, чтобы в деятельности своей они руководствовались исключительно настоящими положениями.

Положение о войсковых Комитетах и дисциплинарных судах приняты особой комиссией с участием представителей действующей армии и флота и делегатов от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского совещания Совета рабочих и солдатских депутатов»[94].

Была разработана также и сама структура дисциплинарных судов. Такой суд ротного масштаба должен был состоять из одного офицера и 2-х солдат. Избирались они на общем собрании роты на 6 месяцев. В частях, ведущих боевые действия, предусматривалось избрание еще до 12 человек запасных членов судов.

Ротные суды были наделены полномочиями по наложению взысканий. В приказе они были прописаны так:

«1. Воспрещать отлучки из казармы или со двора на 1 месяц.

2. Назначать не в очередь на службу и на работы.

3. Подвергать простому аресту с исполнением и без исполнения служебных обязанностей до 15 суток, и строгому аресту до 5 суток, и усиленному до 2-х суток»[95].

Наказанные офицеры на работы не назначались. Решение суда считалось окончательным, жалобы на него не принимались.

У полкового суда полномочия были более солидными. Простой арест они могли налагать сроком на 1 месяц, строгий до 20 дней и усиленный до 8 суток. Они имели также право смещать военнослужащих на низшие должности, уменьшать их должностной оклад, лишать ефрейторского и унтер-офицерского званий, не удостаивать к производству в офицеры.

Как уже говорилось, Исполкомы солдатских и казачьих депутатов в Кавказской армии стали создаваться до появления указаний сверху. Так было и в 3-м Линейном полку. Основная его часть и штаб в это время находились в Эрзеруме, а сотня Сорокина в Гассан-Кале. В этом турецком населенном пункте, находящемся в 90 км от Эрзерума, был довольно-таки внушительный гарнизон, имелась телефонная и телеграфная связь с Тифлисом, и оторванным от внешнего мира назвать его было нельзя. Поэтому здесь одним из первых на Кавказском фронте появился Исполком совета солдатских и казачьих депутатов. На фронте Сорокин сжился со своими казаками, пользовался у них большим авторитетом, поэтому был почти одновременно избран: кандидатом в товарищи председателя полкового комитета, председателем комитета казачьих депутатов своей сотни и членом президиума Исполкома Гассан-Калинского округа. Потом, несколько позже, 26 мая 1917 г. он был утвержден на этих общественных постах полковым приказом уже в Майкопе, когда полк перебазировался туда, чтобы следовать на Северный фронт. (приказ № 141. – *Н.К.*) Этим же приказом утверждались: председателем полкового комитета и товарищем председателя бывшие подчиненные Сорокина, его боевые друзья – хорунжие Пулин и Вакулин.

Сорокину была больше по душе программа социалистов-революционеров, так как она наиболее полно отвечала его представлениям о том, как дать счастливую безбедную жизнь трудовому крестьянству. Хорошо владея словом, он сразу завоевал симпатии Исполкома окружного съезда заявлением о том, что и он сам и вся его сотня целиком и полностью поддерживают программу социализации земли, и предложения по изъятию из армии монархически настроенных офицеров и генералов. Когда командование Гассан-Калинского гарнизона решило разогнать съезд, Сорокин окружил своей сотней здание, где он проходил, и под

угрозой применения оружия разогнал те подразделения, которые по приказу сверху намеревались парализовать «разрушительную» работу Исполкома.

Исполнительный комитет в Гассан-Кале был под полным влиянием меньшевиков, в том числе и прибывших из центра, и они уверенно вели за собой основную массу казаков и солдат. Тем не менее Сорокин часто становился в оппозицию меньшевикам, по многим вопросам высказывал свое мнение, обнаружил хорошее знание обстановки в войсках и запросов тех, кто избирал его депутатом. Он зарекомендовал себя последовательным противником многих порядков в старой армии и предлагал радикальные решения по их устранению. Однако были и другие мнения о Сорокине. Один из участников заседаний Гасанкалинского Исполкома, офицер 133-го пехотного полка Шаповал, вспоминая об этих днях, так охарактеризовал Сорокина: «Это не человек, а порох! Ни за что может застрелить человека. Революция ему лафа. Человек храбрости необычайной». Якобы в разговоре с ним Сорокин высказался так: «Либо голову сломаю, либо на всю Россию дел натворю»[96].

Как бы там не было, но популярность Сорокина росла не только в Гассан-Калинском гарнизоне, но и в других частях.

Вскоре командованию полка стало известно о поведении Сорокина и его подчиненных. Сразу же последовала команда приостановить отдых и прибыть с сотней в расположение части в Эрзерум. Получив эту телеграмму, Сорокин с ней прибыл на очередное заседание президиума Исполкома, но получил приказание продолжать охрану работы съезда и остался. Это было прямое неповиновение, и как только Сорокин по окончании работы съезда прибыл в Эрзерум, он был арестован, но его тут же освободили взбунтовавшиеся казаки. Несмотря на все эти явления, основная масса казачьих войск Кавказской армии оставалась политически инертной и особого беспокойства у командования пока не вызывала.

Как уже говорилось ранее, 3-й Линейный полк входил в состав 5-й Кавказской казачьей дивизии. В начале апреля верховное командование приняло решение – эту дивизию как одну из самых боеспособных и надежных в политическом отношении перебросить на север России. Временное правительство рассчитывало использовать ее не столько для борьбы на германском

фронте, сколько для поддержания порядка на линии железной дороги, идущей от Мурманска на Петроград.

Однако для начала 3-й Линейный полк получил задачу переместиться на Кубань, в место своего формирования, в г. Майкоп. В Эрзеруме казаки спешно сдавали полковое имущество, сани, дуги, неисправные хозяйственные двуколки и т. д., а в период с 12 по 16 апреля сотни полка стали прибывать в Саракамыш для погрузки в эшелоны. 26-го апреля 1917 г. приказом по армии и флоту командир полка войсковой старшина Кучеров в связи с тяжелым заболеванием был отчислен в распоряжение Кубанского Войскового атамана. Вместо него командиром полка стал полковник 3-го Полтавского полка Штригель. Его помощником был назначен войсковой старшина Толмачев, а на должность помощника командира полка по строевой части прибыл войсковой старшина Люлька. Конечно, все они хотели как можно быстрее заработать авторитет у подчиненных, прежде всего офицеров. Вскоре штаб полка стал ходатайствовать перед штабом дивизии о присвоении новых воинских званий офицерам, проявившим героизм в боях на Кавказском фронте. Так И.Л.Сорокин стал подъесаулом.

Из Саракамыша сотни полка по железной дороге были отправлены на Кубань и к 1 мая сосредоточились в Майкопе. Сотня Сорокина двигалась последней. Казаки, перенесшие большие тяготы и лишения на войне, стремились домой. Как раз вовсю шла посевная страда, мужских рук не хватало, и командование полка по настоянию полкового комитета максимально возможному количеству нижних чинов давало краткосрочные отпуска. К тем, кто не мог побывать дома, на выходные дни приезжали жены и родители.

Это вносило приятное разнообразие в казарменную и лагерную жизнь казаков. Целыми таборами располагались они в отдалении, расстилали на свежей траве холсты и повсти (коврики из грубообработанной шерсти. – *Н.К.*), натягивали над ними полог от солнца и пировали привезенной из станиц снедью, выпивали, ходили в гости к соседям, кумовьям, сватам или просто друзьям. Несмотря на некоторые перемены, произошедшие во взаимоотношениях рядовых казаков и офицеров на фронте, с прибытием на родину все вернулось в обычное русло. Офицеров почтительно приглашали отведать «что Бог послал». К Сорокину тоже приезжали жена – Лидия Дмитриевна с детьми, сыном Леонидом и дочкой Леночкой. Управлял подводой отец – Лука Илларионо-

вич. Это была последняя встреча Ивана Лукича со своей семьей в полном составе. Вскоре после отъезда дочь Сорокина погибла. По неосторожности она опрокинула на себя самовар с кипящей водой и умерла от ожогов.

К некоторым родственники приезжали по железной дороге, и тогда казаки просили командование разрешения проводить их обратно до поезда. Кое-кому повезло, им разрешали сопровождать потом жен и родственников до ближайшей станции. Но не всегда это заканчивалось благополучно.

24 мая в полку было объявлено постановление Исполкома за № 33, в котором говорилось:

> «Обсудив рапорт начальника службы связи о самовольной отлучке казаков, прибывших на пополнение команды связи полка, Климентия и Федора Воробьевых, Ивана Нартова и Порфирия Чернова, и выслушав объяснения последних, что названные казаки были уволены командиром полка на полдня для сопровождения жен от станции Кавказской до станции Армавир, но они самовольно выехали в станицу Гиагинскую, где прожили четверо суток, чем задержали на сутки посадку команды для отправления ее со станции Кавказской в г. Майкоп, и опоздали на прием полковой комиссией, а потому постановили: упомянутых казаков за указанный проступок подвергнуть дисциплинарному взысканию, назначить на службу вне очереди на 10 нарядов каждого»[97].

По прибытии в Майкоп полк осмотрела специально созданная комиссия во главе с атаманом Майкопского отдела генералом Даниловым. Тем самым, который два года спустя без единого выстрела сдал красным г. Майкоп. На осмотр были представлены выбранные по жребию подразделения. Каждый казак должен был представить на нем: коня и седло с полным прибором, шашку, кинжал, переметные сумы, двое шаровар, теплую рубаху защитного цвета, 3 пары белья, 1 пару сапог, холщовый бешмет и папаху. Эта комиссия сделала неутешительные выводы по поводу внешнего вида казаков и состояния конского состава. Как было записано в акте, составленном 3 мая:

> «Обмундирование, снаряжение, вооружение казаков сильно изношено, требует неотложного ремонта. Конский состав истощен и требует усиленного питания»[98].

Другая комиссия потом проверила состояние винтовок у казаков и сделала еще более серьезные выводы. В актах по каждой

сотне отмечалось, что во время боевых действий зимой 1916 г. в районе Мами-Хатуна у винтовок:

> «[...] от усиленной стрельбы при сырой погоде и снеге раздут канал ствола, и они к дальнейшему употреблению не пригодны»[99].

Только в одной сотне Сорокина было обнаружено до 30 таких винтовок.

Исполкому полка работы прибавилось. Под влиянием агитаторов, от большевиков и эсеров казаки стали требовать дальнейшего ограничения прав офицеров, в частности, – отобрать у них денщиков. Сразу по прибытии полка в Майкоп Исполком обсудил этот вопрос, но принял решение в пользу офицеров:

> «Мы, Исполнительный комитет 3-го Линейного полка, — говорилось в протоколе, — на заседании сего числа 5 мая, обсудив вопрос относительно поступивших заявлений о денщиках офицеров, постановили: в силу неотмененных еще законов о праве иметь каждому офицеру двух вестовых, таковых сотни не вправе отбирать, в тех же случаях, когда гг. офицеры пользуются услугами не двух, а большим числом, в назначении отказать, впредь до обнародования соответствующих приказов Временного правительства об отмене денщиков»[100].

Главное командование отдавало себе отчет в том, что и при Временном правительстве оно все больше теряет контроль над настроениями солдат и офицеров, не может убедительно разъяснить людям, почему надо продолжать войну. Как попытку устранить этот недостаток надо считать приказ по армии № 142 от 22 мая 1917 г., в котором рекомендовалось «для широкого распространения и прочтения в ротах, эскадронах, сотнях, батареях и тыловых учреждениях и заведениях армии» статью генерал-майора Н.А.Потапова. Вот ее основное содержание:

> «Вопрос, поставленный мной, не только не лишний, но он крайне необходим, ибо уже раздаются голоса о том, что нужно мириться с немцами, что война нами уже проиграна и что необходимо сдаваться на волю неприятеля.
>
> Вот против этих голосов, быть может, еще и не многих и робких, а также против тех, которые воображают, что призыв нашего Временного правительства и клич А.И.Гучкова о том, что отечество в опасности и Петрограду предстоит выдержать страшный удар жестокого, сильного, сплоченного, верящего еще в победу и прекрасно всем снабженного врага, не соответствует

действительности, я поднимаю свой слабый голос в надежде, что к нему присоединятся миллионы голосов любящих свою родину граждан...

Нам нужна победа над немцами в той же степени, как нужен человеку воздух, как рыбе вода, как всякому животному организму – солнце, свет и тепло... Мы вели борьбу при старом преступном режиме, постигали нас жестокие поражения, но были и светлые лучезарные победы (Львов, Перемышль, защита Варшавы, Ивангорода, Эрзерума и др.) Неужели же теперь, когда путы рабства с нас упали, когда вся матушка-Русь, когда все подвластные ей народы вдохнули полной грудью, когда ничто не мешает нам приносить на алтарь отечества все, чем мы владеем, мы вдруг окажемся несостоятельными, опустим руки, не приложим надлежащих усилий и дадим врагу победить себя.

Долг перед союзниками, понесенные неисчислимые потери, позор поражения, возможность дать вернуться из плена сотням тысяч наших людей не опозоренными, а счастливыми, с гордо поднятой головой. Что будет при поражении? Наступит снова рабство, завоеванная нами ценой неисчислимых жертв свобода рухнет, будет восстановлено старое правительство и приверженцы его заликуют, русская земля зальется кровью, а враги наши возрадуются, скажут: «всякий народ достоин только такого образа и правления, который он заслужил». [...] Одумайтесь граждане. Берегите вашу армию от врага внешнего и внутреннего... Дезертиры! Возвращайтесь к своим частям! Рабочие! Идите к станкам на заводы и куйте снаряды и оружие. Земледельцы и крестьяне! Везите хлеб и продукты в армию»[101].

Как и требовалось, подъесаул Сорокин зачитал этот приказ своей сотне, но его содержание и призывы духа казакам не прибавили. Теперь они точно знали, что на западном фронте происходят братания с немцами, что в плену у них находятся тысячи и тысячи тех, кто сдался на милость победителя, что в армии процветает дезертирство, что рабочие бастуют, а крестьяне не хотят сдавать хлеб для армии. К сказанному Сорокин добавил также свое понимание момента, переживаемого армией и Кубанью, и посоветовал внимательно слушать то, о чем говорят агитаторы от различных партий, но делать свои выводы.

Истекал месяц, отведенный полку на отдых и для приведения себя в порядок после Кавказского фронта. Из г. Грозного вернулись казаки, закупавшие у чеченцев бурки, из линейной запасной

сотни прибыли на замену больных и раненых лошадей новые. Из родных мест возвращались последние отпускники. Прибыло пополнение, и подразделения доукомплектовывались до полного штата. Но что это было за пополнение, следует из нижеследующего акта. Он был составлен специально созданной комиссией по приему казаков из запаса, под ним стоит и подпись Сорокина. В документе, в частности, говорится:

> «Комиссия с участием делегатов и полкового врача провела поименный осмотр 40 чел., прибывших на пополнение полка. Причем оказалось следующее: 33 чел. здоровых, один болен малярией, 3 чел. чесоткой, один геморроем, один недержанием мочи и один паховой грыжей»[102].

Потом последовал приказ – с 12 июня прекратить все отпуска офицеров и нижних чинов и быть в готовности к передислокации.

С 4 июня подразделения полка начали погрузку в эшелоны для отправки на север, в направлении г. Двинска. В сотне Сорокина на Северный фронт убыло 136 казаков и все их лошади: 3 офицерских, 138 казачьих, 2 обозных, 4 сотенно-казенно-обозных. К отправке эшелона не успели 2 казака – Игнат и Иван Леонтьевы, из отпуска не вернулись урядник Афанасенко и приказной Кодырев. В последний момент Сорокин успел добиться, чтобы атаману его станицы Петропавловской, для находящихся там после ранения землякам подхорунжему Илье Шатохину и казаку Ивану Федяеву выслали причитавшееся им денежное содержание.

Полк в пути находился в общей сложности более недели. К 14 июня все его 6 эшелонов сосредоточились на станции Рушоны, и полк присоединился к своей 5-й Кавказской дивизии. В нее входили и другие казачьи кавалерийские полки: 1-й Кавказский, 1-й Таманский, 3-й Екатеринодарский, а также артиллерийский дивизион, состоящий из 4-й и 6-й Кубанских казачьих артиллерийских батарей, 134-я пулеметная команда, вооруженная 8 новейшими американскими станковыми пулеметами «кольт», и 4-сотенный стрелковый дивизион. Дивизия представляла собой очень мощное боевое соединение, способное решать самостоятельные задачи. Командный состав дивизии был укомплектован кадровыми, наиболее подготовленными казачьими офицерами, прошедшим через ожесточенные бои на Кавказском фронте. Дивизию явно готовили для выполнения каких-то особых заданий. Оказавшись на Северном фронте, она вошла в состав 42-го армейского корпуса.

К этому периоду использование кавалерийских частей на Западно-Европейском театре военных действий было ограничено. Больше не было случаев применения больших масс кавалерии, подобно тому, как вошедший в историю этой войны встречный бой у Сатанова*. Тогда казачья кавалерийская дивизия вырубила почти весь венгерский корпус. А в основном казачьи части использовались для развития успеха стрелковых частей, ходили в дальнюю и ближнюю разведку, несли боевое охранение, находились на постах летучей почты, наблюдали за противником, то есть действовали там, где требовались выдержка, терпение осторожность, выносливость, отменное владение навыками верховой езды. Со своей задачей кавалерия справилась блестяще. Как правило, русское командование всегда знало, где и какими силами располагает противник.

Но все же тактика действий кавалерии в этой войне претерпела серьезные изменения. Наличие пулеметов, авиации, сплошных линий обороны с хорошо защищенными флангами диктовали необходимость применять кавалерию только в исключительных случаях, в основном для развития успеха. Так как в 1917 г. никаких значительных наступательных операций русская армия уже не проводила, то от конников теперь по большей части требовалось умение вести позиционный бой, значительную часть времени они проводили в окопах, основным их оружием стали карабин и винтовка.

Для чего же потребовалась такая дивизия на Северном фронте? Здесь тоже стояло относительное затишье, а в районе Финляндии, куда прибыло соединение, было особенно тихо. Место для применения кавалерии тоже было выбрано неудачно. Это был тесный Карельский перешеек, край лесов и озер.

Ответ на этот вопрос подсказывает анализ политической ситуации в стране вообще и вокруг Петрограда в частности. Ее иначе как угрожающей для Временного правительства не назовешь, и такой мощный кулак, как 5-я Кавказская дивизия, лучше было держать наготове. С одной стороны, ее можно было использовать

---

* Имеется в виду эпизод Галицийской битвы (5.08–8.09.1914), когда наступление 5-й кав. дивизии австро-венгерской армии под Городком и Сатановым от 17 августа было остановлено усилиями 2-й сводной казачьей дивизии русских. Во встречном бою венгерские кавалерийские части понесли огромные потери и отступили к г. Трембовле. – *Прим. ред.*

против находящихся под влиянием большевиков революционных рабочих и солдат Петрограда, с другой, – сделать ее мощным заслоном в тылу ненадежных войск. Если же говорить более конкретно, то Главное командование доверило казакам важнейшую в стратегическом отношении железную дорогу. Эшелоны дивизии заняли узловые пункты линии Петроград-Гельсингфорс.

Эти события отразились и на подъесауле Сорокине. Он уже давно считался неблагонадежным в политическом отношении, и попытка задобрить его повышением в звании успеха не имела. Он не выделил из своей сотни казаков для охраны арестованных офицеров и солдат, находившихся в интендантском городке дивизии. Вскоре представился случай отстранить его от командования сотней под благовидным предлогом. В полк дошел еще февральский номер газеты «Русский инвалид», в котором были, согласно приказу по армии и флоту от 14 марта 1917 г., опубликованы списки офицеров, получивших повышение в звании. Там значился и адъютант штаба хорунжий А.Ф.Троценко, произведенный в сотники. Тут же состоялись два приказа по полку, одним из которых это сообщение доводилось до всего личного состава полка, а в другом сообщалось:

> «Подъесаул Сорокин и хорунжий Троценко рапортом своим за № 687 донесли, что первый из них 4-ю сотню согласно приложенного списка винтовок за № 688, и список казаков за № 688 сдал, а второй [...] принял»[103].

Сорокин остался в распоряжении командования полка и занимался вопросами организации взаимодействия с другими частями дивизии. Его полк недолго пробыл на станции Рушоны и 23 июня получил команду передислоцироваться в г. Двинск. После полуторасуточного марша эшелоны прибыли к месту назначения, казаки быстро разгрузились и, как записано в журнале военных действий, «разместились в городском лесу, в районе новых строений»[104].

После того, как командир полка доложил об этом в штаб соединения, от комдива генерала Томашевского последовало распоряжение о том, что 3-й Линейный полк назначается дежурным в дивизии и должен «...находитья в своем расположении, имея всех офицеров безотлучно при полку, дабы через 20 минут, по получении распоряжения, выступить туда, куда будет указано»[105].

Не успел полк более-менее устроиться на новом месте, как через неделю следует новое распоряжение – поменять свое расположение и занять населенные пункты вдоль железной дороги:

Эйхенфельд, Астрона, Шафраново, Матуси, Виттенберг, Пушенко, Заболотье и Фальтон. Полк выполнил приказ, разместился в указанных населенных пунктах. Однако у казаков возникло в связи с этими «маневрами» много вопросов, и главный из них – чем вызвана необходимость столь частых, изматывающих перемещений, при отсутствии всякой угрозы со стороны противника? Командование дивизии, конечно, многое знало, кое о чем догадывалось, и чтобы ввести в заблуждение хотя бы нижних чинов, регулярно направляло в части сводки о ходе боевых действий на фронте, о готовящемся наступлении немцев, делало мнимый вывод о том, что создается реальная угроза тыловому району фронта, а значит, надо быть готовыми ко всему. Приводились данные о том, что это подтверждают военнопленные немцы и убежавшие из плена русские солдаты и офицеры и т. д.

Части 5-й Кавказской казачьей дивизии по прибытии в юго-восточную Финляндию вошли в состав 42-го армейского корпуса, который к тому времени уже находился под сильным влиянием большевиков и эсеров. С первых же дней функционеры, занимавшиеся политической работой в войсках 42-го корпуса, активно взялись за распространение своего влияния и на казаков. Они установили связи с членами исполкомов частей, обеспечили их политической литературой, листовками, дали подробные инструкции о методах работы в изменившихся условиях.

Это не замедлило сказаться, и 4 июля 1917 г. начальник штаба Северного фронта от комиссии, изучавшей настроения среди личного состава новых частей, получил телеграмму, в которой говорилось:

> «Кубанские казаки для любых активных действий пригодны лишь относительно»[106].

В это время в финской столице вспыхнуло восстание рабочих, поддержанное матросами, и Временное правительство отдало приказ полкам 5-й дивизии двинуться походным порядком в Гельсингфорс, в распоряжение командующего флотом, так как железнодорожники начали стачку. Однако казакам не пришлось усмирять финских рабочих. В это же время шла подготовка выступления генерала Корнилова, и его единомышленники тоже стали делать ставку на кубанские полки. Их было решено подтянуть поближе к Петрограду. Командование 5-й Кавказской казачьей дивизии получает распоряжение из корпуса – сосредоточить пол-

ки в районе станции Усироко и Мустамяки. Отсюда до Петрограда оставалось менее 60 км.

На 3-й Линейный полк командование корпуса возлагало особые задачи. По его плану полк должен был «создать подвижный резерв в составе 4-х спешенных сотен по 75 человек в каждой, одну сотню в конном строю, не менее 130 коней и пулеметную команду.

«Назначенные сотни, — подчеркивалось в приказе, — должны быть готовы в возможно кратчайший срок к посадке в вагоны, имея в рядах не менее указанного выше числа пеших и конных. В состав подвижного резерва будут включены три броневых автомобиля, которые прибудут в ваше распоряжение к времени посадки в вагоны»[107].

Начальником этого подвижного резерва назначался командир полка полковник Штригель. Прямо на тексте приказа он карандашом начал делать расчет подвижного состава, но до конца не довел, - произошли события, которые потребовали других действий. Дело в том, что 28 августа 1917 г. на объединенном заседании Областного комитета, Гельсингфорского Совета, Центробалта, войсковых и судовых комитетов в Гельсингфорсе был образован Ревком для предотвращения возможных контрреволюционных выступлений. Именно этот Ревком направил в части 42-го корпуса своих представителей. Они поставили в известность партийные организации и исполкомы частей о замыслах верховного командования, а те, пойдя на нарушение требования - не вмешиваться в боевую деятельность своих командиров, - стали требовать от них вернуть свои части назад.

Среди тех, кто мобилизовал казаков 3-го Линейного полка на протестные действия, важную роль сыграл подъесаул Сорокин. Как известно, за время службы в полку он был фельдшером сотни, командовал 3-й, 6-й и 4-й сотнями, был начальником службы связи полка и адъютантом штаба, его хорошо знали казаки и шли за ним. Ревком сорвал замыслы корниловцев по использованию корпуса в контрреволюционных целях. В эти же дни были арестованы командующий 42-м корпусом генерал Орановский, комендант Выборгской крепости генерал Степанов и некоторые офицеры. 29-го августа они были казнены. Самосуд в Выборге был следствием стихийного возмущения солдат, узнавших об участии своего командования в контрреволюционном мятеже. Большевики предостерегали от случаев самосуда, но и они оказались бессильны что-либо сделать.

Ревком принял меры к прекращению передвижения 5-й Кавказской казачьей дивизии к Петрограду. Уже 28-го августа полки ее получили приказ оттянуться к Выборгу и далее в глубь Финляндии.

В 42-м армейском корпусе, влияние большевиков нарастало, и это показал состоявшийся 2–5 октября в Выборге съезд представителей частей корпуса. На нем было принято решение сместить комиссара, назначенного Временным правительством меньшевика К.М. Соколова и заменить его выборным. Председателем армейского Исполкома был избран большевик Г.З. Заонегин. В телеграмме в Петроград комиссар Временного правительства Северного флота по этому поводу доносил, что настроение громадного большинства воинских частей, находящихся в Финляндии, на стороне Петроградского Совета.

Так 3-й Линейный полк оказался в гуще революционных событий. Когда армейский комитет принял решение о создании Исполкома уже непосредственно и в 5-й Кавказской казачьей дивизии, то там в полках начались выборы его представителей. В состав дивизионного Исполкома от 3-го Линейного полка в числе других рассматривалась и кандидатура Сорокина, но потом, узнав, что в других полках офицеров не избирают, казаки полка утвердили урядника 2-й сотни Акима Федоринова. Он же потом был избран заместителем председателя дивизионного Исполкома – старшего урядника 3-го Екатеринодарского полка Петра Синчило. Казачья дивизия стала полноправным членом корпуса, управляемого выборной солдатской организацией.

Однако основным содержанием работы исполкомов казачьих полков все-таки оставалось участие в хозяйственной деятельности своих частей, и в этом не было ничего необычного. Несмотря на то, что командование всячески задабривало казаков, и снабжение у них было гораздо лучше, чем у пехотных частей, проблем оставалось еще предостаточно. Когда, например, в 6-й Кубанской батарее сгорел эшелон и пожаром было уничтожено много личного имущества казаков, то только благодаря постановлению Исполкома его восстановили за казенный счет. Комитетчики занимались распределением фуража, добивались предоставления личному составу краткосрочных отпусков, а казакам полка Сорокина были разрешены выдача новых сапог и приобретение за свой счет сукна на пошив новых черкесок и башлыков.

К сожалению, события в дни, предшествовавшие Октябрьскому перевороту, в полковом журнале за октябрьские дни отражения

не нашли. Адъютант штаба 3-го Линейного полка подъе-саул Ткачев написал, что в полку «все без перемен». Но они, конечно же, были. Об этом можно судить по тому, как отразил события тех дней полковой адъютант соседнего 1-го Кавказско-го полка:

> «1–25 октября (14 октября – 7 ноября) пребывание в г. Вильманстранде, занятия словесностью, чтение газет. Обмен мнениями на текущие события. Приезд ораторов. Подготовка к выборам в Учредительное собрание. Приготовление к полковому празднику. Репетиция в конном строю парада.
>
> 16 октября (8 ноября). Получено сообщение от начальника штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии о том, что Временное правительство низвергнуто Петроградским гарнизоном и пролетариатом, и вся власть перешла в руки революционного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Объявление чинам полка. Полковой праздник. Переименование казаков в высшие звания. [Прибыл] вр. Командующий 5-й Кавказской казачьей дивизией. Митинг полка, вынесение резолюций. Посылка представителей в части дивизии. Общее собрание полка по поводу текущих событий. Обмен мнениями... Посылка делегации в г. Екатеринодар в войсковое правительство за инструкциями по выборам в Учредительное собрание и в связи с совершившимся переворотом»[108].

Полковой адъютант 3-го Линейного полка продолжал «не замечать» ни произошедшей революции, ни реакции на нее со стороны казаков. Он сообщал, что «полк по-прежнему расположен в казармах драгунского финского полка в районе озера Сайма, а его лошади находятся по конюшням и коновязям»[109].

Однако и в послеоктябрьские дни казаки-кубанцы продолжали привлекаться к активным революционным действиям. В частности, 1 ноября 1917 г. дивизионный комитет получил приказ:

> «[...] в ожидании вооруженных выступлений финской белой гвардии, занять помещения почтовых контор, водопроводные, электрические и газовые станции, вокзалы, мосты, банки». 3-го ноября дивизионный Исполком признал протест группы казаков-дезертиров Кавказского казачьего полка «правильным» и запросил полковой комитет сообщать о дальнейшем положении дел. Решением комитета стрелкового дивизиона дивизии 16 ноября были арестованы и удалены офицеры пулеметной команды «Кольт»[110].

В эти же дни части получили постановление Исполкома корпуса касающееся формы одежды. В нем говорилось:

«[...] военнослужащие должны быть без всяких существовавших доныне внешних отличий для всех родов оружия и должностей, ношение погон отменяется»[111].

Значительно усилилось разложение в пехотных частях. Анархистские, а проще говоря, бандитские действия некоторых из них потребовали от комитетов крутых мер. 27-го ноября комитету 3-го Линейного полка было предписано арестовать в Выборге разложившихся солдат, грубо нарушавших общественный порядок, грабивших склады и магазины, продававших оружие белогвардейцам. В разоружении и арестах бандитствующих солдат принимали участие и две сотни полка под общим командованием подъесаула Сорокина. Это были последние дни его пребывания в 3-м Линейном полку.

На 20 октября в Киеве было намечено провести 3-й общеказачий съезд фронтовых частей. Инициаторами созыва съезда было само командование. Это была очередная попытка через представителей общественности воздействовать на казаков, принять такие решения, которые способствовали бы мобилизации их на продолжение войны, прекращение дезертирства, соблюдения сословных традиций и т.д. На съезде преобладало число делегатов-офицеров и членов казачьих комитетов, причислявшихся к различным мелкобуржуазным партиям.

Делегатом съезда от 3-го Линейного полка казаки избрали И.Л.Сорокина. Он очень ответственно воспринял это доверие, обсудил с боевыми друзьями и комитетчиками свою линию поведения на съезде, планировал вскоре вернуться в полк. Но события развернулись так, что больше Сорокин в свой полк не вернулся. От устроителей съезда поступило предложение не признавать власть Совета Народных Комиссаров и поддержать уже прекратившее существование Временное правительство. Того же требовал от казаков и бывший до недавнего времени командующим 8-й армией, а теперь Донской атаман А.М.Каледин. В эти дни и созданный еще весной 1917 г. в Петрограде Совет казачьих войск, претендовавший на роль главного координатора действий казаков в армии, тоже собрал съезд казачьих войск, только в столице. Главную задачу его руководители видели в том, чтобы мобилизовать казаков на борьбу против зарождающейся Советской власти.

Казалось, что у революционно настроенных делегатов Киевского съезда не было никаких шансов принять решение в пользу

Исполкомов. И действительно, поначалу на съезде возобладало мнение тех делегатов, которые призывали двинуть войска с фронта на Дон и Кубань и помочь донскому правительству Каледина и Кубанской краевой Раде в борьбе с большевиками, сохранить привилегии для казаков. Сторонников этой линии на съезде было большинство, и его устроители начали обретать уверенность, что все идет в нужном направлении. Выступавшие – Богаевский, Агеев, Масарик и другие уже стали призывать казачество взамен разогнанного Временного правительства установить военную диктатуру, применить «твердую руку».

Но неожиданно против огромного большинства контрреволюционно настроенных делегатов начала выступать группа офицеров-фронтовиков. Это были войсковой старшина Голубов, подъесаул И.Л.Сорокин, другие. Особенно успешным было выступление хорунжего Автономова. Худенький, угловатый, в неуклюже сидящем кителе он своим видом не произвел впечатления. Но когда, близоруко щурясь, заговорил – зал замер. Автономов сказал о том, что устроители съезда толкают казачество на войну с русским народом. Разве мало казакам трех лет мировой войны, спрашивал он? Неужели не ясно присутствующим, что все высокие слова о верности долгу и отечеству напрочь перечеркиваются демагогией Корнилова?

Сорокин и Голубов в своих выступлениях дружно поддержали Автономова. Они не только призывали к выходу из войны, но и к немедленному решению вопроса о земле – передаче ее крестьянам по уравнительной норме. Это отвечало интересам представителей бедного казачества, и они стали их дружно поддерживать. Как показали потом дальнейшие события, именно эти люди вскоре стали у руководства основных военных революционных сил на Дону и Кубани. В итоге работы так называемого «калединского» съезда его руководителям тогда не удалось провести ни одной значительной резолюции в свою пользу.

Этот съезд вообще не завершил свою работу и не принял никаких решений. В Киеве стали происходить события, из-за которых его делегатам пришлось срочно уходить из города. Дело в том, что в это время на Украине ее Центральная Рада[112] издала так называемый 3-й Универсал, в котором в одностороннем порядке объявила, что отныне все бывшие украинские губернии объявляются Украинской Народной Республикой, связанной с

Россией лишь узами федерации. Украинским большевикам пришлось на время смириться с создавшейся ситуацией, а делегатам окружного съезда покинуть Киев.

К этому времени, как уже говорилось, Каледин был избран Войсковым атаманом Донской области, и он пригласил делегатов съезда переехать в донскую столицу, чтобы продолжить работу там. После ожесточенной полемики в Новочеркасске калединцам не удалось побороть оппозицию. Получилось наоборот, количество «левых» еще больше увеличилось за счет примкнувшим к ним других депутатов, не успевших в Киев, и тех, позиция которых до того времени еще четко не обозначилась. Здесь же состоялась встреча Автономова и Сорокина с Гуменным. Будучи до недавнего времени в Персии в составе 3-го Хоперского полка, он при первом же известии о свержении царя убедил казаков-однополчан арестовать командира части, поднять красный флаг и так выступить в Казвин. Выступления Голубова, Автономова, Сорокина и других депутатов по поводу демократических преобразований в армии и стране стали еще более жесткими и резкими. Особенно успешно выступал Автономов. Популярность «левых» быстро нарастала, их поддержка рядовым и бедным казачеством Дона, Кубани и Терека становилась все более очевидной.

Почти сразу же после окончания съезда в Новочеркасске был собран Войсковой Круг, делегатом которого стал и А.И. Автономов. Его поведение ничем не отличалось от того, какое было на казачьем съезде. За это он сам, а заодно с ним Голубов и Сорокин были арестованы и посажены в Новочеркасскую тюрьму. Дело об офицерах-оппозиционерах было передано следователю по особо важным поручениям и грозило вылиться в такой политический процесс, который бы для них мог закончиться очень плохо. Однако под напором казаков-единомышленников всех депутатов выпустили из тюрьмы. После этого их пути на время разошлись. Сорокин бежал на Кубань, а Автономов с группой преданных товарищей направился к красным войскам.

Еще ранее, в декабре 1917 г., в районе Ростова, Луганска, Миллерово стали концентрироваться первые красные части для борьбы с Калединым. Для руководства ими из Москвы был направлен нарком по военным и морским делам первого СНК Антонов-Овсеенко[113].

К нему в Миллерово и прибыл А.И. Автономов. Сначала он не вызвал доверия у Антонова-Овсеенко. Однако вскоре их отно-

шения настолько улучшились, что нарком определил Автономову очень важное направление – выдал мандат на организацию частей Красной Армии на всем Северном Кавказе. Было определено и место их ставки – станция Тихорецкая.

Иван Сорокин вместе с несколькими земляками после оставления Новочеркасска товарным поездом добрался до Курганинска, а дальше нелегально на попутных подводах прибыл в Петропавловскую. В станице все еще было по-старому, власть принадлежала старосте и атаману, а революция здесь пока ни в чем особенно не сказывалась. Однако с прибытием революционно настроенных фронтовиков местные казаки приняли решение создать ревком, а его председателем избрали Ивана Сорокина. Он не стал менять одежду, ходил по-прежнему в военной форме, со знаками боевого отличия, не расставался с маузером. Его и уважали, и боялись. Вскоре, опять же по предложению фронтовиков и при непосредственном участии Ивана Сорокина, в станице был организован Совет крестьянских и казачьих депутатов. Председателем его избрали Иова Бычкова, в недалеком прошлом одного из руководителей восстания казаков Урупского полка, а затем политического заключенного, каторжника.

Глава 8.

Как все начиналось

Важной отличительной особенностью революционных событий на юге России явилось масштабное участие в них воинских частей, возвращавшихся с фронтов 1-й Мировой войны. После Февральской революции Ставка Верховного главнокомандования стремилась по-прежнему держать казачьи части под своим влиянием. Керенский и его правительство считали, что лозунг «война до победного конца» в сердцах казаков найдет традиционный для них одобрительный отклик. В силу происходящих на юге России событий, большие надежды на свои войска возлагало также и кубанское правительство. Оно планировало использовать казаков-фронтовиков для борьбы с большевиками непосредственно у себя, на Кубани. 8-го ноября 1917 г. кубанский войсковой атаман Филимонов направил телеграмму в «Союз казачьих войск», в которой очень настаивал на том, чтобы в Екатеринодар вернули 5-ю Кавказскую дивизию, которая по их плану должна была, как говорилось в телеграмме, сдержать «большевистские выступления энских частей, расквартированных <в> области... угрозы захватить <в> войске власть, отобрания земель, казачьего имущества...»[114].

Однако Духонин[115] не внял этим просьбам и в ответной телеграмме сообщил, что 5-я Кавказская дивизия действительно нуждается в продолжительном отдыхе, почему ее и приказано вывести из Финляндии и, включив в состав 3-го Казачьего корпуса, расположить в глубоком тылу Северного фронта. Конечно же, это не было проявлением заботы о казаках дивизии, на них по-прежнему рассчитывали как на силу, которую можно противопоставить революционным силам в центре России.

Однако ни планам Кубанского атамана, ни Временного правительства не суждено было сбыться. Война сильно изменила сознание казаков и солдат. В большинстве своем это были уже не те, кто уходили на фронт в 1914 г., слепо готовые отдавать свои

жизни «за Веру, Царя и Отечество». Отречение царя от власти сильно подорвало его авторитет, хотя совсем отвернуться от него народ еще не успел. Все свои беды теперь армия стала связывать с «плохим» правительством, которое большевистские агитаторы в то время прямо обвиняли в предательстве. Когда произошла Февральская революция, Керенский и буржуазно-демократические партии стали называть армию «демократической», обещали различные реформы в ней и кое-что, как указывалось в предыдущей главе, действительно делали, но все же лозунги большевиков о прекращении войны, передаче земли крестьянам, а фабрик и заводов рабочим для казаков-бедняков и солдат были ближе. Поэтому даже когда в стране произошел Октябрьский переворот, войска продолжали подвергаться антибольшевистской пропаганде, причем на тот момент она, пожалуй, была наиболее изощренной, а ее организаторы широко использовали, как принято сейчас говорить, «административный ресурс» – возможности штабов и управлений, чтобы направлять казаков и солдат на вооруженное противодействие Советам.

Не последнюю роль в этом играл созданный при Ставке комиссариат казачьих войск. В конце ноября 1917 г. он направил в казачьи части телеграмму, в которой говорилось.

> «Тяжелое положение казаков, созданное после революции [...] установлением в России власти большевиков, сделалось невыносимым. [...] Казаков охваченные большевизмом солдатские массы ненавидят, над казаками издеваются, казаков избивают [...] подбиваемые большевистскими агитаторами крестьяне отказываются продавать казакам продукты [...] перед казачеством предстал грозный призрак Гражданской войны, против Дона с Юга на судах идут отряды матросов Черноморского флота и с севера собирается карательная экспедиция [...] большевистское правительство хочет железом и кровью подчинить себе казаков...»[116].

У фронтовиков же были свои планы. Все желали поскорее закончить войну и вернуться в свои родные станицы. Многие при этом хотели непосредственно у себя дома, а не где-то в другом месте, лично участвовать в переделе земли и собственности, не пропустить момент смены власти. Появилось немало тех, кто прочно встал на позиции большевиков и эсеров.

Свои резоны в Гражданской войне были и у зажиточного казачества. Политические пристрастия в его среде тоже претерпели

значительные изменения, теперь откровенных монархистов среди них сильно поубавилось, а сторонников сепаратизма, наоборот, стало значительно больше. Популярность среди казаков приобрели те политики, которые стали усиленно ратовать за создание Юго-Восточного Союза[117].

Их целью было обособление казачьих земель от центральной российской власти и создание своего государства, как автономного федеративного образования в составе России либо вовсе без нее. В это же время новое хождение получила и идея возврата так называемого «казачьего присуда»[118].

На волне сепаратизма новые политические деятели были избраны в представительные органы власти своих областей, и теперь, пользуясь определенной поддержкой казачьих масс, требовали от атаманов создавать казачьи армии, но при этом ни в коем случае не отдавать их в подчинение кому-либо извне. Потом, когда появилась Добровольческая армия, они настаивали на том, чтобы рассматривать ее как временного попутчика в борьбе с большевиками. Когда же вспыхнула Гражданская война, эти деятели требовали оборонять от большевиков только границы своих республик и сулили казакам безбедную жизнь без России.

Серьезной силой в раскладе политических и военных сил на Кубани и Дону выступало офицерство. В этой связи трудно не согласиться с известным кубанским историком И.Я. Куценко, который, говоря о позиции, которую оно заняло в это время, пишет:

> «Они (генералитет и офицерство. — *И.К.*) вынуждены были приспосабливаться к новым обстоятельствам: во-первых, считаться со стремлением казаков поскорее вернуться домой, на родину; во-вторых, будучи не в силах помешать бурлящим демократическим настроениям и выступлениям многих казаков, офицерские и близкие им реакционные элементы казачества заняли позицию терпеливого выжидания, надеясь, что скоро «казаки одумаются». Офицеры остались во всех уходящих с фронта полках, даже в тех, где произошли выборы комиссаров. Теперь ими был взят курс на откровенную апелляцию к интересам казака — сословного собственника. Ведь через несколько дней в своих станицах казаки неминуемо должны были столкнуться с иногородними крестьянами, давно и пока безуспешно выступавшими против сословной монополии на землю»[119].

При этом нужно иметь в виду, что во времена 1-й Мировой войны сословные рамки казачества уже не были такими четки-

ми, как 70–80 лет назад. Привилегиями пользовались прежде всего богатые представители войска. Но значительную часть казачества все же составляла беднота. Нередко казаки, чтобы выступить на царскую службу в полной экипировке, вынуждены были влезать в висевшие на них потом многие годы долги. Земельный пай не помогал им избавиться от полуголодного существования, но, напротив, служил средством закрепления в путах войскового сословия. Сословные обязанности длительной солдатчины, неизбежно связанные с издевательствами офицеров, порядками чинопочитания, довлели над казаком-бедняком и его семьей. Поэтому среди казаков шел процесс расслоения, и вскоре они оказались по разные стороны русско-русского фронта. И все же сосредоточенный на Кубани «горючий материал» Гражданской войны вспыхнул не сразу.

29-го ноября 1917 г. совещание представителей казачьих частей при Казачьем отделе ВЦИК постановило:

> «Составить отряд из 5-й Кавказской казачьей дивизии, из 1, 4 и 14-го Донских полков и армейских частей [...] и отправить на Кубань, Дон и Терек изгнать правительство и вручить власть трудовому народу...»[120].

Вскоре на юг России стали уходить донские полки, а спустя несколько дней – кубанские. В это время в районе Таганрога уже начались первые бои красных отрядов Сиверса с донскими белоказачьими подразделениями под командованием А.П. Кутепова, будущего генерала Добровольческой армии.

Следует иметь в виду еще одну важную особенность ухода казачьих частей с фронта. Если стихийная демобилизация русской армии привела к разложению регулярных армейских частей и они покидали фронт одиночками, группами земляков, отрядами, которые формировали большевики, анархисты и т.д., то у казаков все было не так. Они отходили организованно, дивизиями и полками. В них все еще сильной была традиционная привычка к воинскому порядку. Надо учитывать и тот факт, что казак должен был привести домой своего коня. Поэтому, когда, например, 26 ноября 1917 г. поступило распоряжение Ставки приостановить отвод с Юго-Западного фронта 4-го кавалерийского корпуса, и в том числе 1-й Кубанской казачьей дивизии, казаки запротестовали. На станции Боярка, что под Киевом, кубанцы арестовали машиниста паровоза и силой оружия заставили его продолжить движение к себе на родину[121].

Не оправдали надежд Кубанского правительства и казачьи части Кавказского фронта, где до недавнего времени находился и И.Л.Сорокин. Здесь тоже началось и все более усиливалось политическое брожение, которое «стимулировалось» еще и крайне неудовлетворительным снабжением войск. В августовском докладе, поступившем от командования фронта в адрес Временного правительства, говорилось о том, что в его войсках наблюдается «ужасающая смертность от голода и эпидемий». Военный министр Временного правительства поручил начальнику штаба Кавказской армии генералу Мышляевскому проверить эти факты и доложить, не является ли это измышлениями большевиков и эсеров. Однако в своем рапорте от 27 сентября Мышляевский доложил, что высокая смертность и эпидемии в войсках действительно имеют место, и что на этой основе «выросло большое утомление войною... "бессознательный" большевизм и не скрываемая жажда мира. Стремление к миру во что бы то ни стало – наиболее характерная и крайне тревожная черта...»[122].

Выводы, сделанные генералом Мышляевским, вскоре подтвердились конкретными проявлениями недовольства в армии. 18-го сентября казаки 2-й пластунской бригады, располагавшейся в Эрзеруме, избили своего командира бригады войскового старшину Кучапова и освободили из гауптвахты более 30 человек арестованных за революционную пропаганду. Казаки одного из батальонов 4-й пластунской бригады вообще бросили фронт и самовольно ушли в Саракамыш, намереваясь там захватить эшелон и отправиться на Кубань. Вслед за ними также поступили пластуны 1-й бригады, которая прославилась своим героизмом при обороне Саракамыша, когда ею командовал генерал Пржевальский, ставший во время описываемых событий уже командующим Кавказской армией.

Однако было бы неправильным считать, что приведенные факты неповиновения казаков были вызваны только большевистской пропагандой. Пластуны 1, 2, и 4-й бригад, например, в качестве основной причины своего требования отправить их по домам называли то, что Кубань «наводнена солдатами, создающими угрозу казачьим привилегиям». Именно это послужило основной причиной, по которой генерал Духонин внял просьбам Кубанского правительства вывести с территории Кубани запасные пехотные полки, обратился с таким запросом к Керенскому, и тот дал согласие. Казакам же сообщили потом на фронт об этом решении,

чтобы доказать, что их тревоги теперь не имеют оснований, и нужно продолжать службу. 23-го октября генерал Пржевальский уверял казаков в том, что Временное правительство «в высшей степени печется о благосостоянии и спокойствии казачьих областей». Он призывал оставаться на фронте и воевать до победного конца. Но ни какие уговоры теперь не подействовали.

Уже 26 октября 1917 г., то есть на 2-й день после победы вооруженного восстания в Петрограде, конференция военных организаций РСДРП(б) Кавказского края и фронта выступила с воззванием – не поддаваться на провокации, не выпускать из рук оружие, встать на защиту революции. С 10 по 23 декабря в Тифлисе состоялся 2-й краевой съезд Кавказской армии. На нем был избран краевой совет армии во главе с Г.Н. Коргановым. К этому времени недовольство снабжением армии, сознание того, что они воюют непонятно за чьи интересы, привели к новому резкому возрастанию недовольства среди солдат и казаков.

Войска засобирались домой. Наиболее организованно Кавказский фронт покинула 39-я пехотная дивизия, та самая, которая так прославилась при штурме Эрзерума и в других кровопролитных боях с турками и курдами. За дивизией к тому времени уже прочно закрепилось название «большевистская». Это было мощное солдатское соединение, сформированное из иногородних крестьян и рабочих. Возвращение с фронта в глубокий тыл в 1917 г. целой дивизии было редким случаем. Уже 22 октября 1917 г. штаб Кавказского фронта сообщил в Екатеринодар, что, узнав о действиях войскового правительства, которое устранило от участия в управлении Кубанской областью иногородних, дивизия восстала и потребовала отправки на родину. 14 ноября командующий Кавказской армией генерал Пржевальский телеграфировал: дивизия, «разобрав патроны из следовавшего в армию транспорта... идет на Северный Кавказ для Гражданской войны»[123].

29-го ноября 1917 г. начальник мятежной дивизии доносил, что под влиянием агитаторов из Петрограда, Царицына и прибывших матросов и красногвардейцев дивизионный и полковые комитеты дивизии решили подчиниться власти Совета Народных Комиссаров и признать вошедшими в силу все декреты Советской власти. В дивизии прошли выборы командного состава.

Вскоре после этого дивизия по железной дороге полковыми эшелонами двинулась на Кубань. Получив об этом сообщение, войсковое правительство уведомило штаб армии, что им вынесе-

но решение – воспрепятствовать расквартированию дивизии в Кубанской области. Но из этого ничего не вышло. Полки дивизии все-таки прибыли на Кубань. Смешанные части Бакинского, Кубинского и Дербентского ее полков расположились в хуторе Романовском, на станциях Кавказская и Тихорецкая, в Гулькевичах, Белоглинской, Песчанокопской и др. Штаб дивизии дислоцировался на станции Тихорецкой. Характерно то, что ни одна из других, также возвратившихся в это время с фронтов 1-й Мировой войны частей не подчинились Кубанскому правительству.

31-го декабря 1917 г. Военно-революционный комитет (ВРК)[124] этого соединения на станции Тихорецкой создал свой Реввоенсовет, пригласив в его состав представителей местных организаций, стоящих на платформе 2-го Всероссийского съезда Советов. Вскоре Комитет 156-го полка уже докладывал ВРК дивизии о своих практических шагах, «о разоружении офицеров-казаков, проезжающих через станцию Торговая (ныне г. Сальск)... 1-го января, – говорилось в этом сообщении, – ... был задержан вагон с ружьями, патронами и саблями, которые... конфисковали. Ружей – 398, штыков – 398, шашек – 9, патронов – 16 800»[125].

Несколько иначе складывалась обстановка для кубанских частей, начавших возвращаться с западного и северо-западного театров военных действий, с Германского фронта. Прежде чем попасть на Кубань, им нужно было проследовать через Донскую область, где революционные события развивались гораздо быстрее и масштабнее, нежели у них на родине. Этому были две причины. Во-первых, территория Донского казачьего войска географически вплотную примыкает к таким рабочим центрам России, как Донбасс, Царицын, Ростов, Воронеж и др.; и донские казаки, а также иногородние, раньше, чем кубанцы подверглись революционному давлению оттуда. Во-вторых, пришедший к власти новый донской атаман А.М. Каледин очень скоро противопоставил себя не только преобразованиям в стране и армии, но и Временному правительству, что не могло не вызвать ответных действий сначала со стороны Керенского, а затем и взявших власть большевиков. Чтобы понять разницу в развитии ситуации на Дону и Кубани есть необходимость хотя бы коротко напомнить, как они развивались в то время.

Как уже говорилось, когда произошла Февральская революция 1917 г., генерал Каледин командовал 8-й армией. Новые порядки в войсках он воспринял крайне негативно. То, что происхо-

дило в войсках, противоречило его политическим взглядам, нарушило все его жизненные планы. Юго-Западным фронтом в это время командовал его давний недоброжелатель – Брусилов, который не стал противиться демократизации армии, а впоследствии стал сотрудничать с большевиками. Апеллировать Каледину было не к кому, так как Верховным Главнокомандующим стал генерал Алексеев, сыгравший не последнюю роль в отречении царя от престола. Каледин понял, что в армии ему больше места нет.

9-го апреля 1917 г. он был снят с должности, так как, по мнению Алексеева, «потерял сердце и не понял духа времени». Еще пару недель экс-командарм находился в должности члена Военного Совета, но, насмотревшись на деятельность членов солдатских комитетов, он сказал, что у него «разболелись старые раны» и отпросился на лечение в Кисловодск, на воды. Но по пути заехал в Новочеркасск, да так там и остался. 26-го мая его избрали Донским Войсковым атаманом.

Когда Корнилов, начав отсчет мятежного времени, поднял войска против Временного правительства, то главные свои надежды он возложил на 3-й казачий конный корпус генерала Крымова. Еще 26 августа Корнилов послал телеграмму Каледину, где говорилось:

> «Я смещен с должности Главковерха, на мое место назначен Клембовский. Я отказался сложить с себя обязанности Главковерха. Деникин и Валуев идут со мной и послали протест Временному правительству. Если Вы поддержите меня своими казаками, телеграфируйте об этом Временному правительству»[126].

Каледин немедленно сообщил Корнилову о поддержке его планов и направил Временному правительству телеграмму, которую позже стали характеризовать как ультиматум.

> «Генерал Каледин предупреждает Временное правительство, – говорилось там, – что если оно откажется от соглашения с генералом Корниловым, то он, Каледин, при помощи находящихся под его командованием казаков, примет меры, чтобы отрезать Москву от юга России»[127].

Неудивительно, что Временное правительство издало распоряжение об аресте обоих – и Корнилова, и Каледина, а Военный министр А.И. Верховский не преминул тут же сообщить об этом на Дон. Однако никаких возможностей реализовать свое решение у Керенского тогда не было. 10-го сентября 1917 г. войсковой круг

выразил доверие Каледину. Опасаясь развития конфликта с казаками и стремясь к компромиссу с ними, Временное правительство отменило распоряжение об аресте Каледина, и он продолжал оставаться войсковым атаманом.

А положение в Донской области в это время чрезвычайно осложнилось. В Ростове 26 октября на заседании Ростово-Нахичеванского Совета был образован Военно-революционный комитет. В самом Ростове, Таганроге и большинстве углепромышленных районов Дона была провозглашена Советская власть. Но из всех казачьих станиц только Урюпинская и Морозовская не признали правительство генерала Каледина. Не признали его власть также и некоторые крестьянские волости Дона.

Военные силы, которыми располагал поначалу Каледин, были незначительными. Расквартированные в области запасные казачьи полки, сформированные в основном из беднейших казаков, подчинялись не столько своим офицерам, сколько полковым комитетам и местным Советам. В промышленных центрах области стали формироваться отряды Красной гвардии, усиливались крестьянские волнения. Однако Каледин стал энергично сплачивать контрреволюционные силы. Уже 2 ноября 1917 г. он объявил военное положение в Углепромышленном районе, а также в Ростовском, Таганрогском и Черкасском округах. Была свергнута ранее установившаяся Советская власть в станицах Урюпинской и Морозовской. Разгрому подверглись и Советы на рудниках. Казаки начали производить аресты, а нередко и расстрелы большевиков и сочувствующих им рабочих.

Распустив 3-й общеказачий съезд, на котором, как уже говорилось, впервые публично проявили себя как последовательные и непримиримые противники старых порядков делегаты А. Автономов, И. Сорокин, Голубов и другие его делегаты, Каледин пошел дальше. Он издал приказ о возвращении на Дон казачьих полков с фронта, рассчитывая использовать их для обороны Донской области. В результате с Румынского, Западного и Северо-Западного фронтов на юг «потекли» казачьи части, в том числе и кубанские.

Прибывшие в Новочеркасск генералы М. Алексеев и Л. Корнилов стали создавать Добровольческую армию, а 22 ноября 1917 г. Каледин объявил на военном положении всю Донскую область. Первые отряды армии Корнилова и некоторые формирования казаков начали наступление на Ростов, захватили его,

Таганрог, постепенно начали продвигаться на Донбасс. В ответ на это в районе Ростова, Луганска, Миллерово стали концентрироваться первые красные части для борьбы с Калединым. Для руководства ими из Москвы был направлен нарком по военным и морским делам первого Совета Народных Комиссаров В.А. Антонов-Овсеенко.

Вернув донских казаков домой, Каледин и вожди зарождавшейся Добровольческой армии своих целей не достигли. Лучше всего это подтверждает письмо генерала М. Алексеева главе французской военной миссии в Киеве. 27-го января 1918 г. он писал:

«Я предполагал, что при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка и для усиления фронта. Я рассматривал Дон как базу для действий против большевиков, зная, однако, что казаки сами не желали идти вперед для выполнения широкой государственной задачи водворения порядка в России. Но я верил в то, что собственное свое достояние и свою территорию казаки защищать будут и тем обеспечат безопасность формирования и время для обеспечения новых войсковых частей, но я ошибся.

Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достояния. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть»[128].

Продвигаясь к себе на родину, кубанские казачьи части неожиданно столкнулись с серьезной проблемой: на территории Донской области местные казаки нередко пытались разоружить их. Тем не менее до середины декабря 1917 г. через узловую станцию Лозовая на юг проследовали эшелоны с казаками 2-го Таманского, Полтавского, Запорожского, 1-го Екатеринодарского, Уманского и бывшего сорокинского 3-го Линейного полков. В эти же дни красный командир Р.Ф. Сиверс докладывал в центр из района Таганрога, что под давлением фронтовиков-кубанцев белогвардейцы вынуждены были очистить часть района, прежде ими занятого.

А 19 февраля 1918 г. по радио было передано сообщение:

«Всем, всем, кубанскому трудовому казачеству особо. В рудничном районе, где калединские банды разоряли мирное насе-

ление, насиловали, грабили, только что был явлен прекрасный пример братской солидарности трудового казачества с остальным трудовым населением России. Возвращавшиеся с фронта кубанцы были остановлены у Иловайской донскими бандитами. При объяснениях по поводу задержки кубанцы в ответ на грубость калединских офицеров стали срывать с них погоны, загнали в вагон весь штаб генерала Орлова и увезли его с собой заложником. Революционные войска воспользовались растерянностью калединцев и вытеснили их из целого ряда шахт.

Слава кубанскому трудовому казачеству!

Да здравствует рабоче-крестьянская власть!

Нарком Антонов»[129].

Вскоре на Кубань с фронтов 1-й Мировой войны прибыли почти все строевые кубанские части, за исключением в экспедиционного корпуса генерала Баратова, находящегося в Персии.

И все же на Кубани казаки-фронтовики включились в открытое противоборство со своим войсковым правительством позже, чем на Дону. Ситуация здесь развивалась по своему особому сценарию и, казалось, имела мало общих черт с событиями, происходившими в соседней области. Но это только на первый взгляд. В обоих регионах исподволь шло накопление революционных и контрреволюционных сил, а Временное и сменившее его Советское правительство усиленно пытались взять там ситуацию под свой контроль.

Прибывающие с фронта казаки, как на Кубани, так и на Дону, осторожно присматривались к делам в станицах, сравнивая все, о чем им говорили на фронте, с тем, что здесь происходит на самом деле. Как и на Дону, в станицах и окружных центрах по преимуществу создавались некие «исполкомы», в названии которых отсутствовали слова «советы рабочих и солдатских, крестьянских и казачьих депутатов». Главными членами этих исполкомов в большинстве случаев были окружные чиновники, офицеры-дворяне, учителя и другие представители интеллигенции. Лишь изредка потом некоторые из «бывших» были удалены из исполкомов, но атаманская власть поколеблена покуда не была.

Однако были и существенные отличия. Кубанская Рада все же создавала видимость того, что она производит демократические преобразования, хотя дальше некоторых деклараций политического характера дело пока не двигалось. На Дону же не было даже этого. Атаман А.М. Каледин, как уже говорилось, еще буду-

чи на фронте показал себя несгибаемым приверженцем старых порядков. Именно это обстоятельство послужило причиной того, что на Дон устремились все, кто хотел взять реванш у Советов за развал армии, за потерянные привилегии, за поражения в политической борьбе. Вот почему масштабные драматические события Гражданской войны на Дону начались раньше, чем на Кубани. Они достаточно подробно описаны в исторической литературе, поэтому в данном случае их краткое упоминание вызвано только тем, что Новочеркасск стал первым городом, откуда именно в то время начали свою военно-революционную деятельность на казачьих землях будущие главнокомандующие – Юго-Восточной армией А.И. Автономов и Красной Армии Северного Кавказа – И.Л. Сорокин.

Таким образом, по стечению обстоятельств получилось так, что в начале 1918 г. Кубань оказалась отрезанной от центра белоказачьим Доном, жила обособленной жизнью и происходящие там революционные процессы развивались в сфере чисто местных отношений. Однако, по мере того как влияние большевиков докатилось и до восточных окраин Донской области и на ее территорию отошли остатки разбитых под Таганрогом и Ростовом белогвардейских отрядов, Кубань стала все более вовлекаться в революционные события, которые в дальнейшем сделали ее одним из главных театров военных действий.

Вообще-то соотношение внутренних социальных сил на Кубани было примерно такое же, как и на Дону, и нарастание революционного процесса здесь прошло те же стадии, с той лишь разницей, что сама организация местных приверженцев революции после некоторого отставания, вдруг со временем пошла гораздо большими темпами. Параллельно, хоть и очень вяло, как уже говорилось, шел и другой процесс – накопление контрреволюционных сил. Казачьи соединения и части, покинув фронт, привезли с собой почти все оружие, снаряжение и даже артиллерию, но пускать их в дело не спешили, а потому масштабы консолидации у белых сил поначалу были ниже, чем у красных. Казаки, вдоволь навоевавшись на фронтах 1-й Мировой войны, не спешили ввязываться в новую войну. К тому же надо иметь в виду и тот факт, что многие казаки, особенно из числа бедных, уже успели получить свою порцию большевистской пропаганды на фронте и были под влиянием романтических представлений о революции.

Тридцать пять конно-казачьих полков, артиллерия, пластуны оставались войсковыми частями лишь на бумаге. Измотанные на фронтах казаки и даже многие фицеры по прибытии на Кубань желали одного – отдыха и мира.

Казаки просто расходились по домам, в одну ночь разбрелся по станицам целый полк – 1-й Таманский, направленный в ст. Крымскую навстречу новороссийским красноармейцам. Кучка офицеров во главе с командиром полка едва-едва успела унести ноги, прихватив крест с лентой от полкового штандарта (штандарт где-то выбросили, хотя потом врали, что «надежно спрятали) и денежный ящик. На станции Протока 15-му пластунскому батальону была поставлена задача: разоружить солдатские эшелоны, поскольку «все солдаты большевистски настроены». Пластуны, однако, прибыв на станцию, решительно отказались связываться с солдатами.

* * *

Триумфальное шествие советской власти началось и на Кубани. Здесь вскоре под руководством Советов, пришедших на смену исполкомам, стали создаваться красные вооруженные отряды. Первыми о начале их формирования объявили Екатеринодарский и Новороссийский Советы. 6-го декабря 1917 г. они провели в Новороссийске съезд Советов Черноморья, который декларировал создание отрядов красной гвардии, а 21 декабря там же состоялась конференция большевиков Кубани и Черноморья, принявшая решение о начале вооруженной борьбы с контрреволюцией. 8-го декабря советская власть была установлена в селе Филипповском (ныне с. Великовечное. – *Н.К.*). К филипповцам присоединилась беднота окрестных сел: Преображенского, Ивановского и Ележовского. Вскоре они создали красный военный отряд названный «Филипповская революционная армия». Возглавили ее М.Ф.Толкачев и К.М.Ищенко. Первым ее успехом стал разгром отряда белочеркесского отряда Келеч Гирея в январе 1918 г. Через неделю после филипповских событий советская власть была установлена в селах Царский Дар и Унароково, в станицах Рязанской и Переправной, куда перебазировался штаб сорокинского 3-го Линейного полка. В ночь с 21 на 22 декабря 1917 сформировался Военно-революционный комитет и в станице Крымской.

Кубанское войсковое правительство стало лихорадочно искать пути для перелома ситуации в свою пользу. Для этого было реше-

но задействовать авторитетных на Кубани людей. В Майкопский отдел прибыл герой русско-японской войны генерал Мищенко, который 3-го декабря принял участие в работе бессословного съезда. В своем выступлении он доказывал, что Ленин с германским золотом прибыл в Россию в опломбированном вагоне, чтобы на эти деньги разложить армию, что он оплачивает услуги целой армии немецких шпионов и т. д. Однако все это казаки уже слышали не раз, и миссия генерала Мищенко успеха не принесла. В ночь на 1 января 1918 г. в Майкопе произошло вооруженное выступление под руководством местного Военно-революционного комитета, власть в городе перешла к Советам, атаман отдела генерал Данилов бежал.

Неудачей закончилась и попытка самого председателя Кубанского правительства силовым путем добиться успеха. Он лично возглавил отряд верных казаков и двинулся с ним в направлении Крымская-Темрюк, но в первых же столкновениях с красногвардейцами потерпел поражение.

Трудно шло утверждение советской власти в г. Армавире. Здесь после Октябрьского переворота начальник местного гарнизона генерал Апрелов создал «комитет спасения родины и революции». В соответствии с его планами атаман отдела полковник Ткачев в начале ноября 1917 г. стянул к городу 12 пластунских батальонов. Установленная накануне советская власть в этом городе пала. Большевики ушли в подполье и стали готовить восстание. Оно произошло в ночь с 6 на 7 декабря 1918 г., и большинство пластунских батальонов перешло на сторону восставших. Однако генерал Апрелов и его сподвижник полковник Титов остались в городе и продолжали собирать антибольшевистские силы. Произошло вооруженное столкновение. Бой длился один час. Военный гарнизон города во время этих событий сохранял нейтралитет, а прибывшие на помощь восставшим отряды красноармейцев из 39-й дивизии помогли большевикам одержать верх. Белые покинули город и разошлись по окрестным станицам. В горной полосе Кубани установление советской власти произошло более спокойно. В станице Подгорной Лабинского отдела, например, Совет возглавил сам атаман Зотолокин.

Помимо уже названных центров развертывания красногвардейских отрядов, их формирование шло и на Таманском полуострове. Раньше других в этом регионе Советская власть установилась в самом крупном населенном пункте Таманского отдела –

городе Темрюке. Здесь имелась достаточно сильная организация большевиков на табачных плантациях во главе с членом партии с 1898 г. А.Д. Карпузи. Первые красногвардейские отряды в Темрюке появились еще в декабре 1917 г.; 12 января 1918 г. они взяли власть в городе.

В Анапе красногвардейский отряд начал формироваться в феврале 1918 г. Основу его составил взвод пограничной стражи. Пограничники привели в отряд почти всех оседланных лошадей своего подразделения, привезли все свое вооружение и военное имущество. В бывшей городской школе минеров анапские красногвардейцы взяли 11 пулеметов, несколько десятков винтовок и пистолетов, более миллиона патронов. Вскоре анапский красногвардейский отряд составлял уже свыше 350 бойцов[130].

В декабре 1917 г. был образован красногвардейский отряд станицы Верхнебаканской. Это был один из самых мощных отрядов. В нем насчитывалось около 1200 штыков и свыше 300 сабель. Новороссийский ревком передал им 1500 винтовок, 15 пулеметов и значительное количество боеприпасов. Примерно в это же время был создан и красногвардееский батальон в станице Абинской[131].

Конечно, эти разрозненные отряды в то время еще не могли быть мощной военной силой, способной взять под свой контроль ситуацию по всему побережью. Они действовали на свой страх и риск, часто перемещались с места на место без всякой выработанной системы и плана. Во главе их стояли люди хотя и храбрые, но зачастую малосведущие в военном деле. Сами отряды почти поголовно состояли из иногородних и дислоцировались в основном в районе станицы Старо-Величковской. Организатором головного боевого подразделения там стал черноморский моряк Рогачев. Отряд, как это бывало зачастую в то время, был назван его именем. Он состоял из 150 человек пехоты и 25 человек конницы. Вскоре он, объединившись еще с несколькими отрядами, дал бой тоже недавно организованному отряду белых казаков. Это произошло под аулом Тахтамукай, и бой завершился победой рогачевцев.

Как и следовало ожидать, первая победа высоко подняла авторитет отряда и его командира. Слава о боевом успехе красногвардейцев быстро облетела весь Таманский полуостров. К Рогачеву потянулись мелкие отряды из многих окрестных станиц, и вскоре под его командованием оказалось свыше 1500 человек.

Возникали отряды и в других районах полуострова. Примерно такие же по численности отряды образовались в станице Крымской, где под ружье встали 700 человек, в Приморско-Ахтырской – 400, и в Славянской – 500.

Все эти формирования вооружались и снабжались чисто случайным способом, а радиус их действия был небольшим; без налаженной системы снабжения отрываться от своих родных станиц было опасно. Технические средства связи отсутствовали полностью, а так как бойцов периодически приходилось распускать по домам, то собрать их снова было не просто и не быстро. Сбор осуществлялся при помощи посыльных. Прискакав в станицу, и, как правило, даже не поставив в известность руководство местного Совета, посыльный устремлялся к церкви, взбирался на ее колокольню и бил в набат.

На звон колокола собирался и стар и млад, и всем им сообщалось распоряжение командира отряда. После этого начинался сбор бойцов от этого населенного пункта, а вместе с ними к месту сбора устремлялось и огромное количество заинтересованных жителей, членов семей и родственников отрядников. Они приезжали кто на чем: на повозках, верхом на лошадях и даже по железной дороге. После сбора начинался митинг. На нем командир разъяснял причину, по которой он решил собрать отряд, тут же при всех ставил боевые задачи, давал указания для конкретных станичных отрядов. Присутствовавшие отрядники и их родственники внимательно следили за тем, чтобы их станице не была определена задача, которая по каким-либо причинам им не подходит. Возникали длительные перебранки и споры – иногда на несколько часов.

В первых числах марта значительная часть таманских революционных отрядов по требованию Тихорецкого и Новороссийского ревкомов перебазировалась в район станции Крымской. Так образовалась Крымская группа красных войск, в нее влилось большое количество новороссийских рабочх. В это же время стала формироваться и 2-я Полтавская революционная рота во главе со штабс-капитаном Е.И. Ковтюхом[132], только что вернувшимся с Кавказского фронта. К нему в отряд вступили и два его родных брата – старший Григорий – рабочий кирпичного завода, и младший Георгий, вернувшийся с Юго-Западного фронта.

Здесь же заканчивалось и формирование отряда под командованием И.И. Матвеева – будущего командующего Таманской армией. Курчанский отряд сформировал Г.Н. Батурин[133] – буду-

щий начальник штаба Таманской армии. Во главе всех войск на Тамани стоял А.А. Романенко.

Со временем образовалась некая схема сфер влияния отрядов, и их командиры ревниво следили за тем, чтобы в зону их ответственности не заходили «посторонние» вооруженные формирования. Если же такое случалось, то «нарушителю» недвусмысленно предлагалось покинуть «чужую» территорию. Именно этой ситуацией можно объяснить тот факт, что при наличии большого количества красногвардейских отрядов, в эпицентре их действий более или менее благополучно существовал белый кубанский центр – столица Кубани Екатеринодар, причем в городе и его окрестностях практически не было сколько-нибудь значительных белых сил.

Правильнее будет сказать, что в это время в Екатеринодаре установилось двоевластие – Кубанская рада и Совет рабочих и солдатских депутатов. Екатеринодарский горком партии большевиков возглавляла П.И. Вишнякова[134].

У большевиков была связь с Ростовом и Царицыным. Кубанское правительство понимало, что без поддержки войск дни его будут сочтены, и очень рассчитывало на поддержку прибывающих с фронта войсковых частей. Но вскоре оно было вынуждено сильно разочароваться в них, особенно, когда на Кубань прибыли полки 39-й пехотной дивизии. Она, собственно, и двигалась на Кубань, чтобы свергнуть ее правительство и Раду. И хотя потом с Кавказского фронта в помощь Раде были присланы пластунский батальон и Черноморский казачий полк, они тоже отказались поддерживать правительство, проявив солидарность с частями 39-й дивизии. В этой ситуации у Рады возникла идея создать собственные добровольческие силы из скопившихся в городе и области офицеров, привлечь также интеллигенцию.

Видную роль в этом деле сыграл капитан Покровский. Не будучи кубанцем по происхождению, он, по прихоти судьбы, сыграл значительную, а по некоторым его поступкам, зловещую роль в истории Кубани того времени. Во время Мировой войны он служил в качестве летчика-наблюдателя, а после революции прибился на Кубань. Здесь проявил инициативу и расторопность при формировании белых партизанских отрядов, чем приглянулся Кубанскому атаману А.П. Филимонову, и тот вскоре произвел его в полковники, поручил командовать Правительственным отрядом. Через два месяца он уже генерал-майор. Вступив в Добровольческую армию, Покровский сначала командовал дивизией, а потом

Кубанским корпусом. Покровский, как отмечали его современники, был очень храбрым и настолько же жестоким человеком. По словам генерала А.Г. Шкуро, «там где стоял штаб Покровского, всегда было много расстрелянных и повешенных без всякого суда, по одному подозрению в симпатиях к большевикам»[135].

Обзаведясь кое-какими силами, Кубанская рада решила упредить большевиков и ликвидировать двоевластие. 7-го января 1918 г. в городе был разгромлен горком партии большевиков, а видные руководители Совета народных депутатов И.И. Янковский, М.М. Карякин, А.А. Лиманский и другие были арестованы. Однако избежавшие арестов большевики принимали решение вернуть власть, и как можно скорее. Для этого нужно было только опереться на существующие красногвардейские отряды, в том числе и находящиеся вблизи Екатеринодара.

Как уже говорилось, в находящейся в 75 километрах от Екатеринодара станице Крымской в ночь с 21 на 22 декабря 1917 г. сформировался Военно-революционный комитет. В начале января туда через Новороссийск прибыли бежавшие из Екатеринодара видные большевистские руководители Я. Полуян, и Ф.Я. Волик. Отсюда они решили начать действовать против Рады.

В этой станице советская власть оказалась наиболее прочной и на какое-то время она стала центром сосредоточения всей военно-политической работы большевиков на Кубани. Военно-революционный комитет станицы в составе Воловика, Меденюка, Жарова, Зубкова и Квитко с присоединившимися к ним руководителями большевиков из Екатеринодара 17 января созвал Областной съезд революционных комитетов, на котором избрали Областной Ревком. В него вошли: Родно, Тимофеев, Иванченко и Я.В. Полуян. Главная задача, которую поставил Областной ревком, заключалась в том, чтобы готовить реальную силу для вооруженной борьбы против Кубанской рады. Хорошо помогли им в этом оставшиеся в городском Екатеринодарском подполье активисты-большевики. Воспользовавшись неразберихой, творившейся в то время на железной дороге, они отправили в Крымскую вагон с оружием и боеприпасами.

С этого времени создание красногвардейских отрядов пошло еще активнее; стала налаживаться связь со всеми пробольшевистскими частями, расположенными на железнодорожных станциях, и в результате Владикавказская железная дорога, связывавшая

Северный Кавказ с центром России, оказалась в руках Советов и большевиков.

Вскоре и в крупных центрах Кубани – Новороссийске, Туапсе, Тихорецкой, Армавире, Кавказской, где власть тоже перешла к Советам, были созданы довольно-таки сильные красногвардейские отряды. В частности, в Ейске и Азове сформировались целые революционные полки. Плацдарм, где распространялась власть Екатеринодарской Рады, все более сокращался. Но противники Рады были сильно разобщены, нуждались в централизованном руководстве. Партийное руководство ими со стороны областных органов только начинало складываться, единый военный центр отсутствовал вовсе, а до Москвы и Петрограда было далеко. Да и там тоже не успевали за событиями.

Тем не менее начавшийся 1918 год характеризовался помимо других очень важных событий также и тем, что в центре России развернулась работа в поисках новых организационных форм военной деятельности. По времени она совпала с возникновением первых очагов Гражданской войны. Конечно, в этих условиях окраины очень испытывали свой отрыв от центра, не получая от него по сути дела никакой информации, инструкций и указаний по вопросам организации и особенно снабжения красногвардейских отрядов; они, как говорится, «варились в собственном соку». Хотя кое-что в этом направлении все же начало делаться.

В организационную работу центра стали вводиться поправки за счет опыта, приобретенного во время так называемого «триумфального шествия Советской власти». Главным критерием этой работы, мог быть только один – какие силы Республика могла собрать, организовать, снабдить всем необходимым и направить в районы боевых действий.

15-го января 1918 г. Совнарком своим декретом положил начало образования Красной Армии, причем в основу ее комплектования был положен принцип добровольности. Кстати сказать, в белой Добровольческой армии этот принцип утверждался уже самим ее названием. Декретом Совнаркома предусматривалось создание особой Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в качестве вспомогательного органа при Наркомвоене.

Некоторое время параллельно с центральными органами военного ведомства в этом направлении функционировала еще и

Ставка Верховного главнокомандующего. Пожалуй, главным достижением на завершающем этапе ее существования, была изданная ею инструкция о формировании Красной Армии. Сущность ее как раз и сводились к тому, что практически все полномочия по формированию армии передавались военным отделам местных советов. В ней подтверждался принцип добровольчества при комплектовании войск, в качестве их учетной единицы называлась рота численностью в 150 человек. Эта же инструкция наделяла советы, в сфере их ответственности, полным и безусловным правом определять необходимый для него контингент вооруженной силы и распоряжаться ее применением. Что касается общей дислокации отрядов, то это было прерогативой губернских и краевых советов, но они должны были при этом по требованию центральной Советской власти предоставлять свои отряды в ее распоряжение. Таким образом, эта инструкция переносила центр тяжести организационной работы на места и не предусматривала ни однотипности в их работе, ни объединения управления всеми вооруженными силами республики.

Несмотря на кажущуюся в связи с этим ущербность такой инструкции, в то время она была востребована именно в таком виде. Советская власть боролась за расширение плацдарма своего влияния, и такая децентрализация, как временная мера, являлась исторически необходимой. Плодами творческой самодеятельности мест в то время явились те разнотипные войсковые формирования, которые, перемешавшись с еще не до конца расформированными соединениями и частями старой армии, образовали так называемые «завесы»[136] и «колонны», и уже затем они способствовали рождению регулярных частей Красной Армии.

Без знания этих особенностей состояния работы по формированию первых красных формирований было бы трудно понять те проблемы, которые вскоре возникли у партийных и советских органов на Кубани, и главную из них – ту, которая вошла в историю Гражданской войны как «партизанщина». В той или иной степени ею вскоре оказались заражены почти все революционные отряды и их командиры. Создавая стихийно или по распоряжению местных советов свои отряды, многие командиры считали, что они, и только они обладают всей полнотой власти на данной территории и вели себя соответственно. Под разными предлогами они пытались выйти из-под контроля партийных и советских органов.

На северных границах Кубани и в Донской области Гражданская война уже была в самом разгаре. Красногвардейские отряды Антонова-Овсеенко нанесли поражение сравнительно небольшим калединским заслонам под Ростовом, сам донской атаман покончил жизнь самоубийством, а пришедший ему на смену Назаров тоже оказался в безвыходном положении. Нужно было оставлять Новочеркасск, но уходить ни с добровольцами Алексеева и Корнилова, ни с казаками отряда походного атамана генерала Попова Назаров не захотел. Первыми в Новочеркасск вошли казаки Голубова, того самого, который сравнительно недавно вместе с Автономовым и Сорокиным пытались удержать казаков Дона от контрреволюционного выступления, а потом вынуждены были спасаться бегством. Город Голубов взял сравнительно легко, так как обещал амнистию всем казакам, поддержавшим Каледина, да и сам Назаров тоже остался в городе.

Голубов был лихим казаком, в его характере было много черт, схожих с теми, которыми обладал и Сорокин, поэтому об этом человеке следует сказать особо. Он окончил престижное Михайловское артиллерийское училище и молодым офицером очень увлекался конным спортом, на соревнованиях часто получал призы за лихую джигитовку, на своем знаменитом жеребце Сант-Яго неизменно приходил к финишу первым. Как и Сорокин, он участвовал в Русско-японской войне, хотя его полк и не подлежал отправке на фронт. Голубов специально перевелся в 19-й Донской казачий полк, чтобы с ним уйти на войну. На фронте Голубов заслужил репутацию одного из лучших офицеров-разведчиков, но вскоре стал не менее знаменит и по скандалам, которые он устраивал в Харбинских притонах. После этой войны ему пришлось уйти в запас за дерзкую выходку во время церемонии вручения ему боевого ордена. Получив награду, он отрапортовал: «Орден в память поражения русских армий японцами получил!».

Первые уроки революционных идей Голубов получил раньше Сорокина, да и был он на 3 года старше его. Это случилось во время учебы в Томском университете, куда он поступил, уйдя в запас. Здесь Голубов стал посещать студенческие революционные кружки, но его буйная натура вскоре проявилась в другом, в избиении им редактора одной из местных газет, который непочтительно отозвался о поведении донских студенток.

Во время Балканской войны 1912 г. Голубов добровольцем вступил в Болгарскую армию, командовал артиллерийской бата-

реей и за храбрость был награжден болгарским крестом. Однако в 1914 г., как только Болгария выступила на стороне врагов России, он демонстративно отослал эту награду болгарскому царю.

В 1-ю Мировую войну Голубов снова зачислился в русскую армию, но уже не в артиллерию, а в конницу. Говорили, что этот сотник никогда не ложился под обстрелом противника, был ранен 16 пулями и осколками снарядов, по братски вел себя с рядовыми казаками и независимо с начальством. После октябрьского переворота он по поводу очередного ранения находился на излечении в Новочеркасске и уже тогда проявил себя как непримиримый оппозиционер по отношению к донским властям. За свою подрывную деятельность и пропаганду революционных идей он по приказанию заместителя донского атамана М.П. Богаевского, практически одновременно с Автономовым и Сорокиным, был арестован. Однако Голубов дал слово походному атаману Назарову уйти от политики, и вскоре был выпущен с гауптвахты.

Получив свободу, Голубов немедленно скрылся из Новочеркасска, прибыл в станицу Каменскую, где вскоре, после образования там Военно-революционного комитета, был поставлен во главе его отрядов. Голубов сразу же развернул кипучую деятельность по увеличению численности своих сил, привлек на свою сторону остатки нескольких полков старой армии, стал готовиться к походу на Новочеркасск. При этом Голубов говорил, что он это делает для того, чтобы опередить большевиков и взять под свою защиту казаков от расправы над ними. Это упрочило его позиции, и Голубов все-таки опередил красные отряды и раньше их овладел Новочеркасском. Когда красные матросы и красноармейцы подошли к городу, он уже был в руках голубовцев. Взяв город, Голубов попытался запретить всякие репрессии, но войскового атамана Назарова и шестерых генералов и штаб-офицеров он все-таки посадил на гауптвахту. Вскоре они были расстреляны.

Эти анархистские по сути дела действия Голубова сильно обеспокоили большевистские власти в Ростове, и у него начались серьезные трения с большевиками. Человек, не выносивший никакого подчинения и повиновения, Голубов продолжал делать то, что считал нужным в той обстановке. Произошел беспрецедентный случай – он даже разрешил выступление арестованного генерала М.П. Богаевского перед личным составом Новочеркасского красного гарнизона. Тот говорил более 3-х часов, при этом призывал казаков одуматься, вернуться на путь защиты истинных каза-

чьих интересов, бороться с пришельцами (красноармейцами и матросами. – *Н.К.*). На этом выступлении присутствовал комиссар Голубова Ларин, который сообщил в Ростов обо всем этом. От Голубова тут же потребовали выдать Богаевского, а самому срочно прибыть для объяснений своих действий. Но Голубов не подчинился. Тогда 27 марта в Новочеркасск были введены дополнительные красные части, и Голубов вынужден был бежать из города.

Прибыв с небольшим отрядом в станицу Заплавскую, он выступил на митинге, где призвал казаков поднять восстание, но теперь уже против большевиков. Когда собравшиеся начали было склоняться к предложению Голубова, были готовы простить ему расстрел атамана Назарова, один из присутствовавших на митинге, студент Пухляков, тремя выстрелами из револьвера смертельно ранил его. Ровно семь месяцев спустя та же участь постигла и Сорокина. Ему тоже отомстили. Только стрелял в него один из красных командиров, мстил за расстрел командующего Таманской армией Матвеева.

Как уже подчеркивалось, на Кубани к этому времени самый мощный Военно-революционный комитет был создан на крупном железнодорожном узле Северного Кавказа – станции Тихорецкая. Под его руководством были довольно-таки быстро объединены несколько разных по количеству и политической направленности красногвардейских отрядов. Большевики спешили поскорее расправиться с Кубанской радой.

По сигналу из Тихорецкой первыми выступили красногвардейские рабочие отряды Новороссийска под командованием любимца новороссийских рабочих отважного юнкера Александра Яковлева и не менее популярного в их среде штабс-капитана С.Перова. Чтобы ускорить продвижение к городу они были отправлены к Екатеринодару по железной дороге. Туда же своим ходом направлялись и отряды из окрестных станиц. 18 января под Энемом произошел кровопролитный бой. Наспех сколоченные и слабо организованные красные отряды потерпели поражение. Был убит сам командовавший этими отрядами Яковлев, тяжело ранен и штабс-капитан Перов. Незадолго до этого он во главе группы из шести красногвардейцев совершил успешный налет на станцию Афипскую для захвата там военной радиостанции.

Белоказаки отстояли тогда Екатеринодар. В награду за храбрость и умелое руководство боем Войсковой атаман Кубанского

казачьего войска генерал Филимонов щедро наградил командовавшего белоказаками капитана Покровского. Из капитанов он сразу был произведен в полковники. Красногвардейские же от-ряды показали свою слабую обученность, плохую организованность и управляемость. Сильно подвели полки 39-й пехотной дивизии и отряды из станицы Тихорецкой, эти вообще уклонились от боя.

Однако большевики на этом не успокоились. Через неделю, 24 января 1918 г. они предприняли вторую попытку захватить Екатеринодар. Теперь этим наступлением руководил И.А.Серадзе. Но и на этот раз неудача постигла красные отряды. Не помогло и то, что руководитель екатеринодарских большевиков П.И. Вишнякова сама в качестве комиссара шла в боевых порядках наступавших. Серадзе был ранен в обе ноги, захвачен белыми и на следующий день умер в одной из больниц Екатеринодара. Много красногвардейцев попало в плен. Сама Вишнякова и сестра Я. Полуяна – Е. Верецкая-Полуян, выполнявшая обязанности медсестры, спаслись только тем, что успели переодеться и выдали себя за местных жительниц, пришедших помогать раненым. Не последнюю роль в этой неудаче сыграли действия командира красной батареи бывшего поручика Баранова. В самый ответственный момент напряженного боя он перешел к белым, захватив все орудия.

Только после этих двух поражений руководители большевиков приняли решение усилить подготовку отрядов, привлечь в них как можно больше возвращавшихся с фронта солдат. Однако делать это было неимоверно трудно, казаки и иногородние вдоволь навоевались, и возвратясь домой, снова становиться под ружье они не спешили. Ревкомовцы эту категорию потенциальных красногвардейцев окрестили «партия домой». Как вспоминал сам Я. Полуян:

> «Из многих тысяч воинских частей, проходивших через Новороссийск из Трапезунда, нашлась только одна неразложившаяся славная часть, то был Варнавинский полк, и один артиллерийский дивизион, которые целиком встали в наши ряды и активно боролись вплоть до взятия Екатеринодара»[1.47].

Так постепенно на Кубани стал обозначаться русско-русский фронт. В известном смысле этот фронт прошел практически через каждую станицу и село, нередко разделяя и семьи. Сорокин, избежав расправы с ним в Новочеркасске, поздней осенью 1917 г. в товарном вагоне добрался до станции Курганинской, что в де-

сятке километров от его родной станицы и к великой радости жены, сына и родителей вернулся домой. После Нового года на несколько дней к родителям приехал и его младший брат Григорий. Он до недавнего времени служил жандармским офицером в Армавире, но после того, как там была установлена советская власть, остался не у дел и вернулся домой.

Естественно, документальных свидетельств того, как встретились братья, как они доказывали друг другу и родителям свою приверженность противоположным политическим взглядам, нет. Но из воспоминаний их одностаничников – участников Гражданской войны, собранных М.А.Сакке, следует, что Иван и Григорий сильно не конфликтовали. Оба брата Сорокины считали, что борются за лучшую жизнь для своих родных и близких, только Иван считал, что ее могут обеспечить опирающиеся на революционную армию большевики и эсеры, и доказывал необходимость передела земли и собственности в пользу беднейшего казачества и иногородних. Григорий тоже считал, что нужны новые порядки, но, по его мнению, их не должны были устанавливать большевики. В этих спорах мать больше склонялась к мнению Григория, а отец старался придерживаться нейтралитета. Иван не раз упрекал брата за его жандармские замашки, которые тот не оставлял даже бывая в родной станице. Две дюжины одностаничников арестовал и отправил он на скамью подсудимых. Иван говорил, что жандармскими делами брат должен заниматься у себя в Армавире, а здесь есть староста, атаман и своя станичная полиция.

Григорий оправдывался тем, что кого попало он не арестовывал, а достается от него тем, кто пьянствует и устраивает на этой почве семейные драки.

Как бы то ни было, каждый из братьев остался при своем мнении, но они дали друг другу слово, что если придется встретиться в бою, то стрелять брат в брата они не будут[138].

Это была не последняя их встреча. Они виделись, по меньшей мере, еще два раза, когда Иван уже был помощником Автономова, а затем главнокомандующим Красной Армией Северного Кавказа. Григорий же сначала служил у генерала Покровского, а затем в Добровольческой армии в ее контрразведывательном отделе. По некоторым неподтвержденным данным он одно время даже командовал добровольческим полком. Эти встречи проходили тоже в родительском доме. Григорий был убит во время боевых действий во Владикавказе.

Глава 9.

Русско-русский фронт

Прибыв в начале января 1918 г. в Тихорецкую с большими полномочиями от Антонова-Овсеенко по формированию военно-революционных войск, Автономов сразу проявил свои необыкновенные организаторские способности, умение действовать смело и решительно в сложной обстановке, которая сложилась в это время на Кубани.

Кем же он был на самом деле?

Вот что пишет о нем кубанский писатель А.Е. Берлизов[139]:

«[...] хорунжий Войска Донского. Сын директора Новочеркасской гимназии, в недавнем прошлом – студент-юрист, покинувший университет ради защиты Отечества. [...] Студент-юрист надел военную форму и стал осваивать казачью мудрость кавалерийской службы... Политическими убеждениями Автономова никто из историков глубоко не интересовался, сам он не заявлял о своей приверженности той или иной политической доктрине, ни в какой партии не состоял. Нет сомнения, что большевиком по убеждению Автономов никогда не был, марксистской теории не знал, да, вероятно, и не стремился к этому. Вероятно, его политические взгляды были аморфными и расплывчатыми. Приняв сердцем идеи свободы, равенства и братства, Автономов соединил их с интеллигентскими мечтаниями о всеобщей духовной свободе и с идеализированными представлениями о староказачьей демократии с патриотическим акцентом»[140].

На фронтовом съезде казаков в Киеве, а потом в Новочеркасске, о котором уже шла речь,

«[...] Как человек образованный, — продолжает Берлизов, — он сумел скорее, чем большинство фронтовых казаков-делегатов разобраться в том, что обрушилось с трибуны на их чубатые головы[141].

Первое, что он предпринял – возглавил потерпевшие неудачу отряды красногвардейцев, пытывшихся недавно отбить у Рады

Екатеринодар. Своей опорой он сделал хорошо вооруженный отряд, состоящий из рабочих железнодорожных мастерских, находившихся на станции Тихорецкая. Активность Автономова, его быстро растущий авторитет позволили ему за короткое время значительно увеличить численность не только своего, но и других отрядов.

Для выполнения предписания Антонова-Овсеенко он часто выезжал в районы Северного Кавказа, рассылал надежных людей в окрестные села и станицы, и те, пока Добровольческая армия не обозначила себя как реальный противник, призывали к борьбе против Кубанской Рады и немцев. Члены областного, Майкопского и Тихорецкого ревкомов также направились в станицы и села Кубани, чтобы поднимать казаков и иногородних на борьбу с Радой.

В один из последних дней февраля представители большевиков прибыли и в станицу Петропавловскую. Митинг был созван около станичного правления. Прибывшие агитаторы зачитали собравшимся декрет-обращение Совета Народных Комиссаров РФ «Ко всему трудовому казачеству» от 13 декабря 1917 г. Это был документ, в котором содержались положения не оставившие равнодушным ни одного казака станицы.

> «Властью революционных рабочих и крестьян, — говорилось в обращении, — Совет Народных Комиссаров объявляет всему трудовому казачеству Дона, Кубани, Урала и Сибири, что Рабочее и Крестьянское Правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы и, принимая во внимание все местные и бытовые условия, в согласии с голосом трудового казачества на местах. В настоящее время Совет Народных Комиссаров постановляет:
>
> 1. Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.
>
> 2. Принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.
>
> 3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря.
>
> 4. Установить полную свободу передвижения казаков...»[142]

И.Л.Сорокин тоже прибыл на митинг, и здесь вместе с одностаничниками он впервые узнал о том, что в Тихорецкой идет

формирование Юго-Восточной революционной армии. Узнал он и о том, что возглавляет работу по созданию армии его недавний соратник по совместной борьбе на съезде казаков-фронтовиков в Киеве, а потом в Новочеркасске А.И. Автономов.

Однако на призыв большевиков записываться в эту армию одностаничники не торопились, ожидали, что скажут уважаемые авторитетные люди и представители местной власти. И тогда слово взял Сорокин. Он как обычно был в казачьей форме и при оружии, весь его вид говорил о том, будто он никогда и не расставался со службой в армии. Сорокин говорил недолго. Сообщил, что прямо сейчас начинает формировать отряд, и призвал казаков записываться к нему. Приглашал только тех, кто может выступать на своих строевых конях и будет полностью экипированным для походной и боевой жизни. Сообщил, что через сутки отряд выступает на фронт в направлении Тихорецкой. В отряд к Сорокину записалось свыше 150 казаков, в основном тех, кто хорошо знал своего командира.

В местах, где отряд Сорокина проходил через казачьи станицы, к нему присоединялись демобилизованные и дезертировавшие с фронта казаки и иногородние. Потом к нему в подчинение стали проситься целые отряды, а вскоре присоединилась солидная группа матросов с несколькими орудиями. Были такие станицы, где после ночевки отряд увеличивался на целые сотни бойцов. Сорокин от всех требовал строгого соблюдения дисциплины, исполнительности, за малейшие проступки, неподчинение командирам с позором изгонял из отряда любого, не смотря на его прошлые заслуги. Отряд под командованием Сорокина вскоре изжил период митингов и голосований, подчиняясь воле своего командира, и вскоре он готов был к серьезным боевым действиям.

В Тихорецкой произошла встреча Сорокина с Автономовым. К этому времени Автономову уже удалось взять на себя руководство несколькими самостоятельными отрядами. Все основания у него для этого были. Еще 25 января 1918 г. в Царицыне штабом обороны был издан приказ по формированию Юго-Восточной революционной армии. Основой этого объединения, его костяком объявлялись местные, уже существующие красногвардейские отряды и революционные части 39-й пехотной дивизии. Поскольку Автономов имел мандат Антонова-Овсеенко на организацию красногвардейских частей на всей территории Северного Кавказа, то он автоматически становился главнокомандующим этой армии.

В Тихорецкой они с Сорокиным обсудили план своих дальнейших действий, и новый отряд поступил в распоряжение местного Революционного Комитета.

Автономов попросил Сорокина оставаться во главе тех, кого он привел с собой и обещал содействие в обеспечении их всем необходимым для жизни и боя. В считанные дни отряд Сорокина, в котором уже насчитывалось свыше полутора тысяч человек, получил патроны, артиллерию, был доукомплектован артиллеристами, связистами и превратился во внушительную боевую единицу. Уже 1 марта сорокинская конница впервые столкнулась с войсками белой Кубанской Рады. Кавалерийскую атаку возглавил Сорокин. С шашкой наголо врезался он в белогвардейскую лаву, разметал ее. Красные казаки гнали и рубили противника несколько верст. Преимущество их в этих боях определилось сразу же.

Еще раньше прибыл к Автономову отряд казаков Кочубея. Все были на добрых конях, при оружии. Конница у красных была хоть и малочисленная, но сильная. Ее составляли испытанные рубаки, чьи клинки гуляли по турецким фескам и немецким головам, те, кто изрубил в четырнадцатом году под Сатановом целый венгерский корпус, чьи кони топтали горы Турции, пустыни Персии, пили воду из Тигра и Евфрата, из Днестра и Вислы, Серета и Двины. Автономов и Сорокин были уверены – эти в бою не подведут. И действительно, 14 февраля кочубеевцы отличились под Выселками. В том же бою весь Черноморский казачий полк перешел на сторону красных, попутно изрубив служивших Раде конных чеченцев.

Триумфальное шествие Советской власти продолжалось. Контрреволюция еще не успела достаточно организоваться и политически сориентироваться. Подъем революционно-демократических настроений в среде трудового казачества был так велик, что даже те, кто начал было противостоять новой власти, теперь не решались этого делать, многие отказались от своих первоначальных планов.

Победы над первыми белыми отрядами в тот период одерживались относительно легко. Их Автономову обеспечили его верные сподвижники. Поэтому для него полководческий талант был пока второстепенным требованием. В первую очередь армии сейчас нужен был организатор, который не побоялся бы взять на себя ответственность за выполнение масштабных революционных задач. Автономов оказался именно таким человеком.

Наступил звездный час Александра Исидоровича. Его имя было овеяно славой первых побед, к нему пришла и политическая известность. Бок о бок с ним шли способные и смелые люди: Иван Кочубей, Иван Сорокин, талантливый штабист Невзоров, большевик-политработник Троцевский. Приехал в Тихорецкую и старый друг времен Киевского съезда, близкий по духу земляк Сорокина – Павел Гуменный. И хотя он не был в партии большевиков, Автономов назначил его политкомиссаром штаба группы.

Однако не все обстояло так гладко. Появилась очень серьезная проблема, которая отвлекала много сил, разобщала их, серьезно порочила сами основы и идеи революции. Дело в том, что революционная стихия подняла из армейской среды, а по сути дела со дна российского общества большое количество деклассированных элементов. На воюющих территориях они начали сбиваться в настоящие банды, хотя, конечно, их организаторов, такая классификация совершенно не устраивала. Они присвоили этим формированиям экзотические названия, такие как: «Черная хмара», «Смертельный натиск», «Братишки», «Молния» и т.д. Основную массу в них составляли солдаты ранее дислоцировавшихся на Дону и Кубани запасных солдатских частей.

Это были те, кто не захотел возвращаться домой к мирному, изнурительному труду. Дома их ожидали голодные семьи, и ехать к ним с пустым вещмешком не хотелось. Почувствовав, что появилась возможность безнаказанно грабить, проводить надуманные реквизиции, вершить суд и расправу по собственному усмотрению, они стали настоящим бедствием для жителей сельской глубинки.

В дополнение к ним в это же время на Кубань устремилась вторая волна воинских формирований. Только прибывали они не с фронтов 1-й Мировой войны. Теперь это были эшелоны украинских, с позволения сказать, советских частей, а проще сказать бегущих от немцев из под Ростова грабительских шаек. Как писал в своих воспоминаниях бывший начальник штаба Красной Армии Северного Кавказа С.В. Петренко:

> «Лучшие из украинских отрядов задерживали противника (немцев. – *Н.К.*), бились у Батайска и гибли, а большая часть полным ходом, добывая оружием и угрозами паровозы, бежала в Царицын, Владикавказ и еще куда-то формироваться. А в эшелонах под черными и красными знаменами везли оружие, золото, продукты»[143].

Несколько таких украинских отрядов и даже полков прибыли непосредственно в Ейский и Таманский отделы. Конечно, были среди них и нормальные красные части, которые не успели еще разложиться и не занимались разбоем. В большинстве это были отряды донецких шахтеров, черноморских моряков, рабочих Киева, Харькова, Одессы, крестьян Херсонщины и Таврии. Но были и другие. О том, что собой представляли и чем занимались эти «пришельцы» вполне определенно высказался также Я.В.Полуян:

> «Разбитые и окончательно парализованные полубандитские украинские части в панике отступили на Кубань. При своем отступлении они беспощадно грабили казаков. Это и явилось одной из главных причин поворота в настроении кубанского казачества»[144].

А вот свидетельство Г.К.Орджоникидзе на эту же тему:

> «Бесчинства этих войск доходили до того, что даже поезда с ценностями государственных банков из Ростова и Екатеринодара, отправленные мною в Царицын, были разграблены по дороге... Часть этих отступающих войск хлынула в Кубанскую область через Тихорецкую, другая же — отступила из Крыма в южную часть Кубани»[145].

Поэтому молодому командованию Юго-Восточной революционной армии далеко не на все формирования именующими себя красногвардейскими можно было рассчитывать; наоборот, против некоторых из них приходилось высылать наиболее надежные свои части, чтобы оградить местное населения от бесчинств нежданных «гостей».

Конечно, такая «подмога» очень сильно беспокоила командование армии, и Автономов докладывал в центр, в Казачий комитет:

> «Постепенно под влиянием темных личностей армия развратилась. [...] Так называемые красногвардейские отряды, на самом деле представляли из себя, в большинстве случаев, банды грабителей и насильников. Часто казачество восставало против подобного произвола... казачество, привыкнув к дисциплине, недоброжелательно относилось к разнузданным бандам грабителей, и на этой почве часто было провоцировано контрреволюционерами»[146].

Вскоре Сорокин со своим отрядом начал регулярные боевые действия против белых казаков. Как уже говорилось, это было самое надежное формирование Юго-Восточной армии. Его ко-

мандир обнаружил хорошие знания тактики действий в условиях Кубани, практически в каждом бою находился в первых рядах своей кавалерии, показывая необыкновенную храбрость. Сорокин неизменно побеждал своих противников, и с этого времени начинаются его многочисленные боевые удачи, его громовая слава в войсках по обе стороны фронта.

Каждый день нес Сорокину новую победу. Слухи об отважном красном командире неслись не только по Кубани, но и по всему Северному Кавказу. В этом и лежит, наверное, ответ на вопрос – как получилось, что в течение столь короткого времени среди командиров красногвардейских отрядов он достиг самого высокого положения и уже менее чем через полгода возглавил все вооруженные силы Северо-Кавказской Республики. Казаки и солдаты считали за честь оказаться в отряде Сорокина, многие просто уходили к нему от своих менее удачливых командиров. В то время, в условиях полупартизанской войны, такое было не редкостью. Быть «сорокинцем» считалось большим почетом. Звезда Сорокина сияла все ярче и ярче, отряд его с каждым днем становился все многочисленнее.

Вскоре Автономову удалось взять под свое начало большинство местных отрядов, и можно было уже планировать разгром Рады и захват столицы Кубани – Екатеринодара. Началось планирование операции. Важную, если не важнейшую роль в этой работе сыграл первый начальник штаба Юго-Восточной армии Александр Павлович Невзоров. Всегда чисто выбритый, с хорошими манерами, полный достоинства он внушал уважние и уверенность в дельности того, что он предлагал. А предлагал он как можно тщательнее готовить операцию, привлечь к участию в ней наиболее способные, хорошо управляемые отряды, объединив их в три–четыре группировки.

Наступление на Екатеринодар штаб армии спланировал на начало марта. Невзоров предложил с юга столицу Кубани блокировать отрядами Романенко и Бушко-Жука. С запада должны были наступать отряды Рогачева и Зоненко, с востока – Золотарева и Чистова.

Всем становилось ясно, что мирному развитию революции на Кубани приходит конец. Конфронтация сторон все более обострялась, появился русско-русский фронт.

Это был особый фронт, не было четко обозначенных его рубежей, линия соприкосновения зачастую отсутствовала вовсе. До

наступления на Екатеринодар тактика действий привлекаемых отрядов была специфической. Они избирательно относились к выбору противника. На кого попало не нападали, «предпочтение» отдавалось эшелонам с имуществом, оружием и продовольствием, складам. В ходу были местные «разборки»: «выяснялись отношения» с теми, кто совершил враждебные действия по отношению к конкретным людям и населенным пунктам, задел чьи-то интересы, нанес обиды, завладел имуществом и т. д. Революционной фразеологией активно пользовались все, вкладывая в слова свое понимание их значения. Классические приемы и способы ведения боевых действий уступали место самодеятельности командиров, которые не спешили входить в подчинение кому-либо.

Участник тех событий И.Л.Хижняк писал:

> «В отчаяние приходил Автономов, когда докладывали ему: отряды Новороссийска и станицы Крымской возглавил Бушко-Жук. Никого не признает, объявил себя командующим. Под Кавказской сражается с бандами отряд Одарюка. Сергей Дионисович Одарюк, казачий хорунжий, большевик, грамотный и талантливый командир, тоже игнорирует все приказы, действует самостоятельно. Под Армавиром появился третий главнокомандующий — Гудков, в Батальпашинском отделе — Яков Балахонов. На Батайском направлении объявил себя главкомом И.Прошников. Более двадцати человек сразу»[147].

Каждый «главнокомандующий» ревниво оберегал свою самостоятельность. За нее горой стояли проникшие в отряды анархисты, для которых дисциплина и контроль были страшнее белой армии. Сплотить в этих условиях разношерстные отряды на решение одной задачи, заставить их подчиниться единой воле могли только люди с железным характером, личности незаурядные.

Штаб Автономова в это время, как, впрочем, и в последующем, также мало походил на штабы регулярных войск. Некоторые его подразделения только начинали создаваться, а тыловое обеспечение, медицинская служба и служба связи существовали только в зачаточном состоянии. Все армейское снабжение оружием и боеприпасами шло исключительно за счет тех запасов, которые вывезли с собой некоторые части с фронтов 1-й Мировой войны. В этих условиях Сорокин стал хорошей опорой для Автономова. Очень пригодился какой-никакой, но все же опыт, который он приобрел на фронте, по медицинской части, организации службы связи, и особенно по разведке.

Сам Автономов стремился бывать во всех отрядах, иметь представление о своих войсках и о противнике. Как только обзавелись бронепоездом, он сделал его местом своего постоянного пребывания, и его штаб теперь мог в течение короткого времени побывать в нескольких, далеко отстоящих друг от друга формированиях. Вместе с командующим в бронепоезде находились также его сестра Екатерина и младший брат Сергей. Автономов с головой ушел в доработку плана по взятию кубанской столицы.

Стремясь предвидеть, как будут развиваться события, Автономов, ставшие уже официально его помощниками Сорокин и Невзоров постарались учесть опыт двух предыдущих неудачных попыток по овладению Екатеринодаром. И вот к середине марта подготовка к боевым действиям была завершена. Теперь на Екатеринодар наступало сразу три группы отрядов – из Тихорецкой под командованием самого А.И. Автономова, из Кавказской двигались части Сорокина, отдельные отряды продвигались от Армавира и Тимашевской.

Кубанское правительство и Рада знали, настолько мощным будет наступление красных войск, как, впрочем, и слабость своих сил тоже. Атаман Филимонов оценил всю шаткость своего положения и решил без боя оставить город. Но, прежде чем уйти, в ночь на 14 марта с помощью все того же Покровского белоказаки захватили в качестве заложников руководство кубанских большевиков: И.И. Янковского, М.М. Корякина, А.А. Лиманского, П.В. Асаульченко, Я.В. Полуяна и др. Затем атаман Филимонов и Рада с отрядом Покровского отступили в горы, в направлении аулов Тахтамукай и Шенджий. Красные отряды, не встречая сопротивления, вошли в Екатеринодар; первыми в город ворвались сорокинцы.

Через несколько дней после взятия Екатеринодара в городе состоялось собрание делегатов от воинских частей. На нем были подведены итоги всего, что было сделано по формированию армии как самостоятельной и управляемой боевой единицы. Командующим всеми войсками красной гвардии вновь был признан А.И. Автономов, его помощником утвердили И.Л. Сорокина, политкомом П. Гуменного, а начальником городского гарнизона и его комендантом – Золотарева. Справедливо считая Сорокина более способным решать чисто военные задачи, Автономов взял на себя организационные вопросы.

Главным противником с момента взятия Екатеринодара теперь оставались немцы, и Автономов хотел использовать это как фактор для объединения всех патриотов Юга России. «Поднять все казачество против немцев!» – в этом были всего его надежды. Сегодня их можно назвать утопическими и наивными, но в то время Автономов считал, что перед лицом захватчиков разлетятся все обиды и неурядицы, а великая, объединяющая сила – любовь к родной земле – сплотит всех казаков, в том числе бывших офицеров и иногородних для общего дела. Продолжая использовать мандат Антонова-Овсеенко, он все свои силы и время отдавал формированию новых красных отрядов на Северном Кавказе, почти не бывал в Екатеринодаре. Полным хозяином в городе стал его помощник Сорокин и комендант Золотарев.

Ивана Лукича не надо идеализировать. Ему, как и любому человеку, было свойственно ошибаться, погорячившись, совершать поступки, которые отнюдь не повышали его авторитет, а скорее наоборот, множили число его завистников и недоброжелателей. Очень часто его подводили те, кому он излишне доверял, его именем нередко совершались дела, которые шли вразрез с требованием революционной и воинской дисциплины.

Сравнительно легкая победа над войсками Рады хоть кому могла вскружить голову. Не избежал этого и Иван Лукич. Полученная большая самостоятельность, победные лавры, огромное доверие и авторитет в войсках стали мешать ему. Оставаясь все таким же смелым, энергичным и удачливым, он стал искать все новых признаний своих заслуг. В городе проходили частые парады, чествования победителей, в частях сквозь пальцы смотрели на частые выпивки бойцов и командиров. Как принято сейчас говорить, армия и ее руководители не выдержали испытания славой. Сорокину хотелось дать некоторые послабления войскам за их успешные действия, и иногда он не придавал серьезного значения тому, как они стали вести себя в условиях крупного города.

А между тем масса занявших Екатеринодар, в основном крестьянских по своему составу частей, по уже сложившейся «партизанской» привычке не соблюдала элементарных правил нахождения в городе и взаимоотношений с местным населением. Не редкостью были самосуды, несанкционированные никем расправы над неугодными людьми, над теми, кто выступал против этой вольницы, над простыми обывателями. Экспроприация имущества в пользу армии больше походила на обыкновенные грабежи.

Появилось бесчисленное количество комендантов и комендатур, различные комиссии, адъютанты, агенты, представители и т. д. Все это пыталось управлять, распоряжаться и приказывать. Так как своевременно не были взяты под охрану спиртзаводы и виноводочные склады, то отрядники успели запастись солидным количеством выпивки.

Однако сказать, что в городе была обстановка полной анархии нельзя, и в этом была немалая заслуга партийных и советских органов, хотя и они только начинали складываться. В первые дни по занятию города в Екатеринодаре организовался Военно-Революционный Комитет. Рядом, в бывшей Черноморской губернии, еще 25 ноября 1917 г. образовалась Черноморская Советская республика с центром в г. Новороссийске. Ее Центральный Исполнительный Комитет возглавил Абрам Израилевич (Авраам Изоргиевич) Рубин. Бывший студент юридического факультета Московского университета, участник 2-го и 3-го Всероссийского съездов Советов, заведовавший одно время финотделом ВЦИК. В марте он прибыл из Москвы на усиление партийной организации Новороссийска и вскоре был избран председателем ЦИК республики.

Обстановка требовала, чтобы и в столице Кубани были созданы руководящие партийные и советские органы. Туда из Армавира переехал областной Исполнительный Комитет Советов, и вскоре они слились с Черноморским Военно-Революционным штабом. В итоге был образован единый орган – Кубано-Черноморский Военно-Революционный Комитет. Его возглавил Я.В.Полуян.

Ян Васильевич и его брат Дмитрий Васильевич Полуяны были заметными фигурами в партийной среде на Кубани. Активно участвовала в боевой и революционной работе и их сестра – Полуян-Верецкая. Первый из названных, Ян Васильевич, состоял в партии большевиков с 1912 г. и был накануне этих событий избран членом Исполкома Советов области, отличался несгибаемой волей, принципиальностью в отстаивании своих позиций по вопросам дисциплины в партии и армии. Он активно взялся за наведение порядка в городе.

Однако с этого времени во взаимоотношениях военных и партийно-советских руководителей наметились некоторые разногласия. В главном штабе Юго-Восточной армии считали, что пока идут боевые действия, вся полнота власти должна принадлежать военным. Поэтому отношение самого Сорокина к партийным и

советским региональным руководителям не отличалось дружелюбием. Хотя всем было известно, что он ранее примыкал к эсерам, сейчас ничем этой принадлежности не показывал, действовал как беспартийный, но не упускал случая «пускать шпильки» по адресу партийных властей. Но в то время, благодаря председателю ВЦИК Кубано-Черноморской республики большевика И.П.Сергиенко, очень уважительно относившегося к Сорокину, эти шероховатости сглаживались в рабочем порядке. Во всяком случае, так писал сам Сергиенко.

Разгромив войска Рады, ни Автономов, ни Сорокин вначале не предполагали, что совсем скоро им придется вести боевые действия не только против доморощенной кубанской контрреволюции и немцев, но и с Добровольческой армией, а это был очень серьезный противник.

Алексеев, Корнилов и Деникин начали создавать ее в Новочеркасске в ноябре 1917 г. под лозунгом «За единую и неделимую Россию». Ратуя за «общерусское дело», они рассматривали казачество как своего самого надежного союзника в борьбе с большевизмом, а казачьи земли как плацдарм для накапливания уже готовых сил и их похода в центр России.

Будучи не в силах противостоять наступлению красных отрядов с севера и ради обеспечения себе безопасной среды обитания Алексеев и Корнилов начали свой 1-й Кубанский, т. н. «Ледовый» поход. При этом они действовали жестко, направив свои основные силы против отрядов, в основном состоявших из иногороднего населения. Добровольческая армия была плохо вооружена, располагала очень скудными запасами зимних вещей, страдала от недостатка транспорта и продовольствия. Поэтому с самого начала в селах и станицах по пути ее следования белые начали изымать у местных жителей все необходимое для себя.

Станичники и селяне без энтузиазма воспринимали утверждения добровольческого командования о том, что, отбирая у них хлеб, другое продовольствие, одежду, лошадей и фураж, те действуют в их же интересах. Для крестьянина любой, кто позарился добытое им непосильным трудом, непременно становился его врагом, независимо от лозунгов, под какими последний воевал. Поэтому пришедшие на Кубань добровольцы встретились с ожесточенным сопротивлением, и уже после первых столкновений с местными отрядами Корнилов приказал пленных не брать, уничтожать физически всех, кто оказывает сопротивление. Именно

этим можно объяснить необычную кровопролитность боевых действий с обеих сторон. Иногородние крестьяне встречали добровольцев как пришельцев, а потому противодействие их продвижению по территории Кубани все более нарастало. Добровольцы поголовно воспринимались ими как «кадеты» и офицеры, бьющиеся за свои привилегии.

Вожди белого движения держали путь на Екатеринодар, ошибочно считая, что он все еще в руках Кубанской рады. На Кубани по их расчетам обстановка сильно отличалась от той, что была на Дону, и имелась реальная возможность за счет местного казачества увеличить качественно и количественно свою армию. Для этого у белого командования был большой резерв офицерских кадров. Как впоследствии показали цифры, в числе 3683 добровольцев было 36 генералов (из них 3 полных генерала, 8 генерал-лейтенантов и 25 генерал-майоров), 192 полковника и войсковых старшин, 50 подполковников и ротмистров, 215 капитанов и есаулов, 220 штабс-капитанов, 12 морских офицеров – капитанов 1-го и 2-го ранга, и еще 1385 младших офицеров[148].

Почти все они воевали на фронтах 1-й Мировой, а многие и Русско-японской войн и, конечно же, имели опыт руководства войсками, умели планировать и проводить их боевые действия. Но начавшаяся Гражданская война сильно отличалась от двух предыдущих. Она имела ряд очень важных особенностей, заключавшихся в том, что ныне не существовало армий в обычном значении этого слова. Они попросту не были еще сформированы. В них не имелось штатного количества солдат, да и самих штатов покуда не существовало. Это был конгломерат отрядов кое-как объединенных единым командованием, не было фронтов, какими они были в двух предыдущих войнах, штабов укомплектованных нужным количеством военных специалистов, системы обороны, не хватало артиллерии, средств связи, практически отсутствовала система тылового снабжения войск, не было подготовленных резервов. Противоборствующие части, как правило, располагались либо в достаточно больших населенных пунктах, за счет которых питались и получали подкрепления людьми, либо вдоль железных дорог. Отсюда позже период боевых действий вдоль линий железных дорог, за овладение станциями, особенно узловыми, и прилегающими к ним территориями назвали эшелонной войной.

Тем не менее генерал Корнилов, учитывая сложившуюся специфику военных действий, смог найти в ней определенные

преимущества. Сравнительно развитая сеть железных дорог давала возможность оперативно менять направления движения, маневрировать своей небольшой, но мобильной армией.

Перейдя железную дорогу Ростов – Торговая у станицы Кагальницкой, войска Добровольческой армии параллельно ей внезапно направились на восток, к станице Лежанка (Средне-Егорлыкское) Медвеженского уезда. Этот населенный пункт оборонял батальон 154-го Дербентского полка 39-й пехотной дивизии и отряды крестьянской самообороны общей численностью до 1000 человек. У них не было артиллерии, отсутствовали пулеметы и, несмотря на оказанное корниловцам сопротивление, Лежанку они вынуждены были оставить.

До Автономова и Сорокина эти сведения дошли с опозданием, и пока они собирали мощный кулак, чтобы нанести удар в этом направлении, Корнилов уже повернул на юго-запад, к станице Незамаевской. Блокировав сосредоточенные там красные части и уклонившись от сосредоточенных севернее и западнее частей Сиверса, которые в это время получили приказ покинуть Кубань и вступить в борьбу с немцами на Дону и в Донбассе, Добровольческая армия направилась к станице Усть-Лабинской. Только здесь Автономов и Сорокин смогли использовать значительную часть своих сил одновременно.

До сих пор Корнилов сталкивался с разрозненными отрядами красногвардейцев и, хотя нес серьезные потери, все же продвигался к Екатеринодару. До него уже оставалось около 60 км. Под Усть-Лабинской корниловцев встретили войска Военно-революционного комитета станицы Филиппивской, отряд Абраменко и прибывший из Кавказской отряд численностью в 300 штыков.

Разгорелся ожесточенный бой. Численно превосходящим добровольцам удалось оттеснить Филипповский отряд за р. Кубань, овладеть Усть-Лабинской, захватить переправу и продвинуться на 10 км в сторону станицы Некрасовской. 21-го марта Корнилов переправил свои части на левый берег р. Лабы, но здесь встретил еще более сильное сопротивление красных отрядов. 23-го марта он выступил в направлении села Филипповского, стремясь овладеть переправой через р. Белая. Сила сопротивления красных все нарастала, добровольцы продвигались медленно, отвоевывая каждый километр кубанской земли.

Вскоре Автономов вынудил Корнилова бросить в бой все свои наличные силы. Для белых в те дни сложилась очень тяжелая

обстановка. По собственному признанию генерала А.И.Деникина, бывшего в то время помощником Корнилова, многие офицеры и генералы тогда подумывали о самоубийстве. Юго-Восточная армия все сильнее сжимала кольцо вокруг добровольцев, а те напрягали последние усилия. Лишь под вечер 29 марта ценою больших потерь корниловцам удалось оттеснить Филипповский отряд с их позиций на левом берегу р. Белой и, воспользовавшись непроглядной темнотой, прорваться к станице Новодмитриевской, чтобы соединиться там с отрядом Покровского.

Тот с трудом преодолевал сопротивление красногвардейских отрядов на другом направлении, в районе аулов Шенжий и Гатлукай. Против него здесь действовали Варнавинский полк, подошедшие из Тамани отряды Жлобы, Рогачева, прибыл и сформированный еще один отряд из родной станицы Сорокина - Петропавловской. Их действиям был рекомендован оборонительный характер. Автономов поставил задачу не пропустить белоказаков к Екатеринодару с юга. Только здесь от Покровского Корнилов узнал, что Екатеринодар уже в руках у красных, а Кубанская рада и правительство бежали из города. Вскоре все же состоялась встреча Рады с Добровольческой армией, она произошла у аула Шенджий. Здесь Корнилов и Покровский 27 марта договорились об объединении своих сил. К 2700 добровольцам (700 из них были ранены) добавилось 3000 кубанцев.

Прошло всего 10 дней похода добровольцев, а в результате боев с красными отрядами их армия потеряла убитыми и ранеными 1011 человек, то есть 25 % от своего первоначального боевого состава. Но главное было, пожалуй, в другом, - не оправдались надежды Корнилова на то, что по мере его продвижения по Кубани к нему в массовом порядке начнут стекаться казаки-добровольцы.

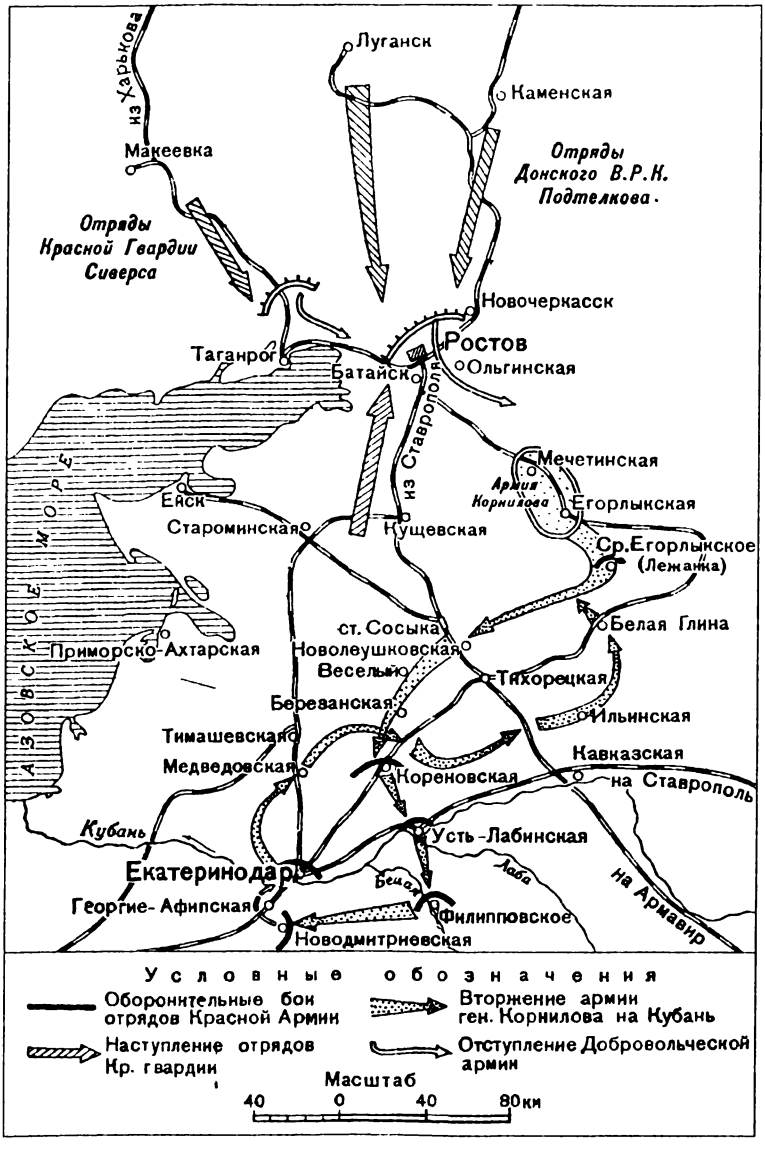
После объединения отряда Покровского с Добровольческой армией Корнилов произвел перегруппировку сил, теперь они включали в себя две пехотных и одну кавалерийскую бригады. Инициатива все же продолжала оставаться на стороне белогвардейцев. Большой ошибкой Автономова явилось прекращение преследования Добровольческой армии от Усть-Лабинской и неумение организовать свои действия так, чтобы бить противника по частям. У командования Юго-Восточной армии даже не было оперативного плана одновременного ведения боевых действий против Добровольческой армии и отряда Покровского. Войска

Юго-Восточной революционной армии были разбросаны по всей Кубани, в ней остро ощущалась нехватка опытных командиров полкового и более высокого звена. Добровольческая армия в этом отношении выгодно отличалась от красных войск.

30-го марта уже силами Добровольческой армии, объединенной с белоказаками Покровского, Корнилов решил штурмовать Екатеринодар, и 8 апреля его войска пошли в наступление. Автономов и Сорокин к этому времени спешно отдавали приказания красногвардейским отрядам подтягиваться к столице Кубани, и действительно, многие из них успели это сделать. Город был объявлен на осадном положении. Для его обороны было сосредоточено около 20 000 бойцов Юго-Восточной революционной армии. Их действия поддерживались тремя артиллерийскими батареями, занявшими огневые позиции в районе Черноморского вокзала, на Сенной площади и у артиллерийских казарм. Гарнизон города располагал также бронепоездом с экипажем из моряков Черноморского флота и четырьмя бронемашинами.

Командование красных войск не ожидало удара корниловцев с запада, со стороны станицы Елизаветинской, так как плохо сработала разведка на подступах к городу. Сорокин, взявший на себя все нити руководства обороной кубанской столицы, вначале посчитал, что противник, занявший к этому времени Георгие-Афипскую, двинется оттуда своими главными силами к станции Энем с целью нанесения удара по Екатеринодару с юга, будет искать там место для переправы.

На самом же деле Корнилов принял решение на юге лишь прервать сообщение Екатеринодара с Новороссийском. Для одновременного охвата города с двух сторон у него не хватало сил. Поэтому неожиданно для командования обеих сторон в самом начале сражения за кубанскую столицу произошел ожесточенный встречный бой. Белые 9 апреля начали наступление из ст. Елизаветинской силами 2-й пехотной и конной бригад, постепенно вводя в бой все новые и новые части. В это же время и части Юго-Восточной революционной армии тоже начали наступление на Елизаветинскую. Первыми не выдержали советские войска и вынуждены были отступить к предместью города, чтобы закрепиться на заранее подготовленном рубеже, имевшем две линии окопов. Белые тоже понесли огромные потери и вынуждены были отойти в Елизаветинскую для отдыха и приведения в порядок свих сил.



Наступление отрядов Красной гвардии на Ростов-на-Дону в январе – феврале 1918 г. и первые бои против Добровольческой армии Корнилова в марте – апреле 1918 г.

На следующий день прямо с утра добровольцы повели новое наступление на этом же направлении. Жаркий бой кипел по всему фронту главных оборонительных линий. Сорокин неожиданно появлялся в разных местах в самые критические минуты, ободрял обороняющихся, находился какое-то время вместе с ними в окопах и тут же мчался туда, где возникала новая опасность. В эти же дни в Екатеринодаре начал заседать 2-й съезд Советов Кубанской области. Тысяча человек его делегатов днем отстреливались в окопах, а ночью собирались в Зимнем театре, и так все семь дней, пока шли напряженные бои. Особой стойкостью отличался отряд делегатов съезда, который возглавил Иван Гайченец, которого потом Сорокин приблизил к себе, поручая ему наиболее ответственные задачи.

Белые наступали решительно и, казалось, что их уже ничто не остановит. Они залегали только под огнем артиллерии перед самыми окопами. Дело доходило до рукопашных схваток. Сельскохозяйственная ферма и кожевенные заводы в течение дня несколько раз переходили из рук в руки. Лишь к исходу дня ценою больших потерь корниловцы закрепились на новом рубеже.

В последующую ночь добровольцы дальнейшего продвижения не имели, их атаки были безуспешными и только привели к новым потерям. В боях у Черноморского вокзала Корниловский полк был настолько измотан, что наступать больше уже не мог. Конная бригада Эрдели, занявшая, наконец, сады северо-восточнее вокзала, была так лихо контратакована конными отрядами И.А. Кочубея, Г.И. Мироненко и Е.М. Миронова, что была отброшена к северу от вокзала.

Наступило 11 апреля – третий день штурма белыми Екатеринодара. Три красных батареи с утра открыли огонь по сельскохозяйственной ферме, куда перешел штаб Добровольческой армии во главе с Корниловым, а белые в свою очередь повели решительное наступление практически по всему фронту. Особенно яростно корниловцы атаковали вдоль левого берега р. Кубань, где им удалось потеснить 1-й Екатерининский полк и другие части к самым артиллерийским казармам. На других участках атаки белых успеха не имели. Этой ночью Корнилов подтянул в район кожевенных заводов, где днем наметился успех, 1-ю бригаду генерала Маркова с офицерскими полками.

На рассвете 12 апреля пехотные бригады белых снова атаковали артиллерийские казармы и Черноморский вокзал, а конная

бригада Эрдели попыталась перерезать сообщение по железной дороге на Тихорецкую, прорваться к станице Пашковской, чтобы нанести удар по Екатеринодару с восточной стороны. Артиллерийскими казармами белые овладели, но дальнейшее их продвижение было остановлено контратаками красных частей, взятых Сорокиным из резерва. Конница и 2-я бригада белых также были остановлены, а потом отброшены на исходные позиции.

Накал тех боев передает уже упоминавшийся кубанский писатель А.Е. Берлизов, говоря словами одного из героев своей книги, командира полка Шеина.

> «Помню тот день, — пишет он, — когда конница Эрдели прорвалась к сенному рынку. Мы встретили их в городских улицах. Для меня это был труднейший день. Полк рассеялся, и рубились мелкими группами, а текинцы и черкесы словно из под земли вырастали; даже под Сатановом, где меня порубили австрийцы, я не помню такого. Дрался как рядовой, водил в рубку десяток казаков. Вдруг увидел — черкесы поворачивают коней, а из-за спины, из переулков хлынула конница, передние ряды — в серых черкесках и белых папахах, впереди на гнедом коне, в черной кубанке Сорокин с шашкой. Впереди всех врезался в черкесов, за ним — Крутоголов, адъютант. Вышибли мы их тогда. Когда собрал полк, было много раненых, убитых меньше. Эрдели давил нас количеством. Что касается рубки, то казаки тут сильнее черкесов, нас ведь учат этому дольше, с самого детства, а у Эрдели, кроме бывших всадников Дикой дивизии, было много только что навербованных по аулам»[149].

Когда наступила ночь 13 апреля, и Корнилов приказал доложить ему о потерях, то выяснилось, что силы Добровольческой армии уменьшились наполовину. Белые были морально подавлены. Тем не менее Корнилов и Деникин приказали на рассвете следующего дня продолжать штурм кубанской столицы. На совещании Корнилов заявил Деникину, что если их войскам и на этот раз не удастся взять Екатеринодар, он пустит себе пулю в лоб[150].

Однако Корнилову не пришлось этого делать. Во время артиллерийского обстрела снаряд попал в комнату, где он находился. Корнилов был убит. Внезапная гибель руководителя внесла смятение в ряды Добровольческой армии. В этот момент Сорокин бросил в атаку на левый фланг добровольцев конную лаву, состоящую из кавалерийских отрядов Мироненко, Воронова, Батлука, Ильина, Кочубея. Им сравнительно легко удалось отбросить про-

тивника от Екатеринодара. В рядах Добровольческой армии было состояние близкое к панике. Вместо Корнилова в командование вступил генерал А.И.Деникин. 14-го апреля он дал войскам приказ отступать.

Армия белых отступала на Старо-Величковскую, слабо преследуемая обескровленными отрядами Юго-Восточной революционной армии. Вначале Сорокин имел намерение продолжать разгром добровольцев. В результате артиллерийским огнем им снова был нанесен значительный урон, но неожиданно передумал. Это потом вызвало множество кривотолков и догадок. Одни считали, что он пожалел свои измотанные непрерывными боями части, другие – будто захотел проявить милосердие к потерпевшему поражение достойному противнику, а третьи решили, что он просто спешил поскорее начать праздновать победу и собирать почести.

В городе действительно шумно праздновали победу, но вместе с митингами, парадами и смотрами победителей происходили и другие явления. По сути дела повторилось то, что город пережил в середине апреля 1917 г. когда туда вслед за бежавшей Радой вошли части Юго-Восточной революционной армии. Начались кутежи командного состава, на улицах можно было встретить пьяных красногвардейцев. Будь в городе нормальное, единое командование войсками и нормальная комендатура, то, опираясь на не подверженные анархизму части, можно было избежать многих эксцессов. Но начальником гарнизона города был Золотарев, который сам был рассадником беспорядков. Это была темная личность. Как позже выяснилось, он в 1910–1911 гг. состоял членом шайки «Степные дьяволы», которая отличалась особой дерзостью и жестокостью и длительное время терроризировала население Кубани. Это уголовное формирование было в 1912 г. ликвидировано, все, кого поймали, были осуждены в Екатеринодаре. Золотареву же тогда удалось скрыться.

Когда началась 1-я Мировая война, он был призван в армию. На фронте в боевой обстановке Золотарев действовал смело и отважно и дослужился до звания подпрапорщика. Вернувшись с войны, он одним из первых стал формировать отряды красной гвардии, которые потом вошли в Юго-Восточную революционную армию Автономова. Получив теперь почти неограниченные права, нечистый на руку, он стал создавать в городе только ему подчиняющиеся «штабы», среди членов которых нередко оказывались гро-

милы и уголовники. Они тут же принялись грабить местное население, производили аресты с целью вымогательства и насилия. При Золотареве обретался проходимец Макс Шнейдер, одессит, выдававший себя за американского анархиста и «международного революционера». Всплыть в то время на поверхность событий мог кто угодно. Как вспоминал Шеин, изготовить фальшивый мандат за подписью хоть самого Карла Маркса никакого труда не составляло, и вскоре Шнейдер, обманув доверие Автономова, по числу разбоев и грабежей заткнул за пояс даже самого Золотарева.

Сорокину в эти дела вмешиваться было некогда, нужно было собирать перемешавшиеся войска, производить их перегруппировку, готовиться противостоять новой опасности. К границам Кубани приближались немцы.

По всем, ставшим известными Сорокину случаям грабежей и мародерства, он приказывал разобраться начальнику гарнизона, а тот, понятное дело, ничего не делал, покрывал всех, кто отдавал ему долю награбленного. Окружив свою квартиру усиленным караулом, выставив из дверей и окон пулеметы, он превратил ее в неприступную крепость, которая не столько готовилась к защите от нападения, сколько угрожала соседним дворам и улицам. В этой крепости Золотарев кутил и день и ночь. На приказ Автономова вылить в кюветы все наличие спиртного на складах Екатеринодара, Золотарев организовал «митинг протеста».

Знал ли Сорокин о том, что делается в городе, как ведет себя Золотарев и некоторые другие командиры? Пусть, может быть, и не в полной мере, но конечно знал, не мог не знать. Однако должных мер к наведению порядка принимать не спешил, хотя характера и воли для этого ему конечно бы хватило.

Еще совсем недавно на Кавказском фронте Сорокин был окопным офицером и очень хорошо знал всю подноготную службы в боевой обстановке. Во время недавно закончившегося кровопролитного сражения он все время находился рядом с защитниками Екатеринодара, знал какое огромное напряжение они пережили, многие из них только что похоронили родных, друзей и товарищей, сами получили различные увечья. Поэтому некоторое время он, как говорится, сквозь пальцы смотрел на те беспорядки, которые начались в городе. Ошибочно считал, что обыватели, за благополучие которых пролито столько крови, должны быть более снисходительными к своим защитникам, даже если те и позволяют себе что-то лишнее.

Партийные и советские руководители так не считали, они призывали военные власти города ликвидировать анархистские проявления, навести строгую дисциплину среди красноармейцев и комсостава. Но от этих призывов толку было мало, а неокрепшая власть Советов явно не справлялась с ситуацией. Идти против всей армии было бы неправильно, в отрядах на периферии было достаточно более или менее дисциплинированных войск, бороться же с разгулом нездоровых явлений даже непосредственно в Екатеринодаре возможности были очень ограничены, что уж говорить обо всей армии, шумно праздновавшей победу.

Тем не менее ЦИК, партийные и советские работники не теряли надежды образумить армию. Они развили большую агитационную работу в красногвардейских войсках, и в конечном итоге решили «вынести сор из избы», причем довольно-таки оригинальным способом – подключить к борьбе за установление порядка в городе партийную и советскую печать. Причем опубликовать там статьи не первых лиц, а по возможности рядовых партийцев, чтобы показать, что инициатива исходит от них. В результате «Известия» Кубано-Черноморского ЦИКа начиная еще с марта 1918 г. напечатали несколько статей, направленных против Золотарева и Сорокина.

Сохранились номера этих газет. Начало акции положила редакционная статья под заголовком «Вместо власти Советов – власть узурпаторов».

Вот ее содержание.

«Со дня взятия Екатеринодара вот уже прошло полтора месяца, а между тем власть Советов здесь не признается. Какая-то власть все время верховодит городом, да фактически ее здесь и нет. Определенного хозяина никто не знает, распоряжения исходят то от одного, то от другого лица, и та анархия, свидетелями которой являемся мы, те явления, те безобразия, которые имеют место в настоящее время у нас, глубоко порочны и требует немедленно своего разрешения.

А явления эти в высшей степени заслуживают внимания маломальски сознательного товарища и гражданина, безобразия эти требуют немедленного искоренения и решительной борьбы. Явления и безобразия эти, проявляемые некоторыми видными господами, вылились в явную анархию, благодаря которой сильно пошатнулись нормальные формы как военной, так и гражданской жизни. Да и помимо этого, бесчинства любого и всякого, кратко и

отрывисто говорящего — «я все», вселили в души мирных обывателей — граждан такую робость, нерешительность, такой испуг, что провокационные слухи, распространяемые кадетами, в самом деле воплощаются в жизнь, и мирному обывателю большевик рисуется, как хулиган, зверь и убийца.

Святой лозунг «Вся власть советам», смысл и значение которого понял трудовой народ, из-за которого ринулся в бой со своими палачами и угнетателями, — этот святейший лозунг, так дорого стоящий и так дорого купленный, люди, пришельцы под маркой большевиков, стараются растоптать, осквернить, уничтожить, бросить в грязь и, протягивая свои грязные, испачканные руки, наложить на него кровавое пятно, — пятно позора.

Мы — люди определенных политических убеждений, мы большевики, первые кликнувшие «Власть народу», власть выразителям надежд и чаяний трудовых масс — Советам, упорным трудом добившиеся торжества лелеявшей нас мысли, мы, стремящиеся установить диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, мы оказались оттесненными на задний план кучкой демагогов и узурпаторов, опирающихся на штыки, а не на сознание.

Вместо диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства — диктатура кучки узурпаторов, вместо власти Советов — власть штыка.

Пусть каждый сознательный рабочий, солдат, казак откровенно скажет: терпимо ли дальше такое положение? Можно ли работать при таких условиях? Нет, понятно, такое положение не терпимо и не должно быть терпимо!

Необходима, немедленно, сейчас же, мобилизация всех сил, которые еще с нами, необходимо объявление не подпольной, не косвенной войны с узурпаторами, демагогами и другими аферистами. Нам необходимо стать на путь решительной и открытой борьбы с кучкой зарвавшихся господ и ликвидировать создавшееся положение. Преступно будет, если мы будем оттягивать этот вопрос, позор нам, если мы будем молчать, ибо мы будем тогда сами предателями советской власти и пособниками кучки узурпаторов. Контрреволюция не так опасна нам, как опасны эти господа.

Идите же все к нам, кто за советскую власть, за революцию, за социализм! Пусть на устах каждого из вас будет лозунг «Вся власть Советам»! Долой узурпаторов, демагогов и насильников»![15]

Эта статья, конечно, тут же была положена Сорокину на стол. Безусловно, ему неприятными были оценки, которые получила армия, всю критику он принял на свой счет, сердце жгла большая

обида – ведь эту статью прочитают в войсках, которые только что разгромили офицерские полки, такого сильного противника. Свидетельством того, какой силы недовольство она вызвала у него, говорят его ответные действия. Они были весьма эффективными. На взятие типографии, где печатались «Известия», он лично приказал бросить вооруженное подразделение, которое арестовало ее работников, но только лишь для того, чтобы напечатать его ответ, сгоряча написанный им тут же. В результате вышел экстренный выпуск «Известий», скорее всего листовка, со статьей озаглавленной «Где узурпаторы?».

В ней он признавал, что действительно анархия в армии есть, но, что «она идет как раз из тех рядов, которые нападают на Красную гвардию, пытаются дискредитировать ее командиров» и т. д.

Здесь же Сорокин писал о том, что такими статьями, как «Вместо власти Советов власть узурпаторов» ведется провокационная работа против самой революции, подрывается авторитет армии, начата тонкая игра с целью ликвидировать то, чего она добилась такою большою ценой, кровью своих лучших бойцов. В статье Сорокина содержались даже тяжелые обвинения в предательстве, которое, по его данным, готовили некоторые представители советской власти, потерявшие веру в возможность победы Красной Армии. В подтверждение этого он приводил пример, когда в то время как защитники Екатеринодара из последних сил сдерживали наступление корниловцев, по городу стали разъезжать автомобили, принадлежавшие органам власти, и те, кто в них сидел, сеяли панику среди жителей. Кричали о том, что армия бежит и нужно спасаться, кто как сможет. Якобы даже было отдано распоряжение – готовить цветы для встречи Корнилова, а квартальным поменять свои красные нарукавные повязки на белые.

На этом полемика не закончилась. В ответ последовало «Открытое письмо товарищу Сорокину» подписанное редактором «Известий» В. Тбилели. В нем он не стал во всем винить Сорокина, а дипломатично перенес основную часть своих обвинений на тех лиц, которые своими анархическими, хулиганскими действиями подрывают авторитет победоносной революционной Юго-Восточной армии.

«Товарищ Сорокин! Я в своем обращении к вам, — писал Тбилели, — совершенно не имею в виду набросить на вас какую бы то ни было тень подозрения или недоверия. Я вас считал и считаю идейным, неподкупным, бескорыстным и честным борцом за пра-

во трудящихся масс, а то недоразумение, которое выявилось в последние дни, можно лишь формулировать двумя словами — своя своих не познаша. Но надо сказать, — пишет он дальше, — что вы человек с весьма и весьма горячим темпераментом. Надо вам посидеть в редакции, хотя бы один день, в условиях, в какие именно мы поставлены, работники пера, и остаться глухими к письмам и просьбам не только отдельных лиц, но и целых групп было бы с нашей стороны смертельным грехом.

У кого поднимется рука нанести оскорбительный удар победоносной революционной Юго-Восточной армии, стяжавшей славу в последнее время своей победой над гидрой контрреволюции — Корниловым? Но можно ли ручаться, что в этой победоносной армии нет таких личностей, которые, пользуясь авторитетом армии, используют его в свою личную выгоду и, сознательно или не сознательно производя бесчинства, порочат и остальных товарищей — гордость армии?

Если бы вы не были вспыльчивы и с таким темпераментом, то в том же номере «Известий» обратили бы внимание на мою статью «На параде революционных войск», и статья, которая заставила вас нарушать элементарное литературное правило, выпуская свои «Известия» от имени И.К.С. не появилась бы отдельным экстренным выпуском. Скажу еще больше, если бы редакция не разделяла моей точки зрения и не была солидарна с помещенной за моей подписью статьей, то она не появилась бы в печати и в том именно органе, который именно является выразителем воли и идеологии советской власти.

А что в победоносной революционной Юго-Восточной армии есть лица, подрывающие авторитет армии своими безобразиями и бесчинствами, чинимыми не только над мирным жителем, но и над своими товарищами, доказательством служат факты из недавнего прошлого, когда на поле битвы некоторые хулиганы, замаскированные под флагом Красной Армии, снимали со своих же раненых товарищей обувь, одежду и заставляли дрожать от холода (см. «Известия» № 29 — статья «Рассказ участника боя» за подписью К. Фильчикова).

Разве вы можете отрицать факты, что у нас царствуют разгул и пьянство? Что отдельные индивидуальные личности, прикрывшись маской вверенной вам победоносной армии, производят самочинные обыски, аресты и даже расстрелы, как, например, на так называемом «острове смерти»? Вот против кого была направлена наша статья, вот кого мы имели в виду, а не доблестную армию.

Что бы вы сказали, товарищ Сорокин, одному из многих, пришедшему не только к нам в редакцию, но и обивавшему пороги комиссаров, со слезами умолявшему убрать куда-нибудь вино, «охраняемое» по приказанию военных властей, а «охранники», меняясь группами, напивались до невменяемости и раздавали ведрами соседям. Вы спросите, когда и где это было? Это было 20, 21 апреля, на Красной улице, во дворе, где помещается ресторан «Алазань». И комиссары были бессильны сделать что-либо, опасаясь и избегая могущих произойти неприятностей, если бы военную охрану заменили советскою.

Правде надо смотреть в глаза и всякую вещь называть настоящим ее именем, а у нас выходит наоборот. Вы, обвиняя нами отдельных личностей, приписываете революционной победоносной Красной Армии огульно и себе. Для большей характеристики и лучшей иллюстрации всего того, что творили власть имущие господа, я приведу здесь письмо одного воина за его подписью, который громогласно заявляет о бесчинствах. Редакция помещает его без всяких исправлений, с какой бы ни было стороны и сохраняет стиль и орфографию, чтобы не нарушить того негодования, которое овладело автором»[152].

Как бы смягчив этим открытым письмом свою позицию по отношению лично к Сорокину, В.Тбилели все-таки остался при своем мнении, напечатав в этом же номере письмо некоего бойца Сачко, в котором тот уже отбросив всякую дипломатию, обрушил на Сорокина и особенно Золотарева весь свой пролетарский гнев.

Письмо Сачко. (Приводится без купюр).

«Вспыхнула борьба из-за власти двух течений – буржуа и пролетариата, но ко вторым примкнуло и крестьянство, которое говорило, что нам лишь бы земля, а власть нам не нужна. «Хиба тако нам правыть», но на получение земли крестьянство потеряло веру и при вспышке пожара Гражданской войны оно примкнулось, забрав и отдав свой хлеб, сбрую и лошадей и примкнулось плотной цепью к рабочим, благодаря чего, со стороны бедноты сила во много раз оказалась больше первой. Краевая рада, сидя в своей раде Кубани, прислушивалась совершенно безвнимательно, она думала, что народной власти хотит какая-то кучка отдельных личностей и всю надежду в физической силе имела и опиралась на кубанцов казаков, но и последния пошли против поняв, что Покровский с кучкой офицерства, «были самым ярым монархистом и если бы только примкнулось казачество к краевой раде,

то на Кубани могла бы быть монархия», — так теперь говорят козаки, находящиеся в рядах Большевизма.

Теперь краевая рада из Екатеринодара выдворена и блуждает где то, преследуемая всем населением Кубани. В Екатеринодаре устроилась Советская Власть. А признается ли она всем населением Кубани, признается ли таковая хотя мирными обывателями города, а также и станицам и хуторам, если кто видел, как верхоглавки таковой понирают. А кто же верхоглавками стали у Советской Власти? — читатель наверное подумает. А я скажу вам дорогой читатель присмотритесь, кто ходит с чайной в чайную с оркестром духовой музыки и там устраивает пирушки и носится по всей зале с обнаженными кинжалами «Наурскую» с припевами, «Аля-аля-ляйля» и когда же и в какое время? Все это устраивается, когда борцы за свободу обливаются кровью со стонами «Боже, ой, да типе сестрица, ведь мне больно», а в гостинице большая московская раздается оркестр «вальяй».

Кто эти пирушки устраивает я это говорю вам прямо особенно Золотареву. Стыдно так делать. Я обращаюсь к вам, кто обливает своей кровью так дорого стоящую свободу. Присмотритесь что делают главковерхи, Спросите из за что вы наливаете свои преступные желудки шампанским так дорого платя за таковые. Товарищи фронтовики, ваши жены, отцы и дети голодают. Убитых товарищей семьи уже голодают, а им помощи нет, они обливаются слезами по своим главам семейных очагов. А преступный конокрад Золотарев со своими приспешниками наполняет карманы золотом и носится «Наурскую»... тогда, когда вся страна от Гражданской войны не находит у себя в избушке места. Вся страна стонет, а зазнавшиеся кутилы, став самозванцами во власти до хрипоты орут «Ай—ля — Аля — ляй— ля».

Проснитесь товарищи, фронтовики, и скажите: Прочь преступный Золоташка, не оскверняй нас кучкой своих приспешников, не клеймите негодяи нас позором перед мирным обывателем. Мы найдем на ваше место идейных вождей, которые будут помогать, работать и нас сумеют облить славой, после чего и восторжествует народная власть.

Прочь Золотарев, уйдите и вы его приспешники, дайте свободно работать тем, кто кто первый подал лозунг «Вся власть Советам».

Уйдите «пугачи», уйдите кровожадные, не пейте нашу кровь.

Товарищи фронтовики, я это пишу смело и не скрываю себя надеюсь — Вы поняли меня и удалите этих негодяев.

Солдат штаба 2-го Сев. — Куб. полка Григорий Сачко»[153].

Руководство ЦИК возлагало большие надежды на действие материалов газеты и продолжало «наступление» на Сорокина. Объясняя причины, по которым они рискнули напечатать такое письмо, Тбилели в частности писал:

«[...] товарищ Сорокин, разве можно было после всего этого молчать? Что сказали бы нам авторы писем, как отдельные личности, так и представители фронтового съезда, поместившие свое воззвание: «Ко всем честным борцам за свободу» в номере 31-м наших «Известий». За кого вы нас приняли бы? Какого мнения были бы о нас, идеологах советской власти, руководящих ее органом?

Поверьте, глубокоуважаемые товарищи, что они оплевали бы нас, приняли бы нас за выразителей воли не советской власти и народа, а за прихвостней «конокрада» Золотарева. Ведь «шила в мешке не утаишь». Отлично знали все, что когда под стенами Екатеринодара кровь истинных честных борцов лилась безбрежной рекой, Золотарев и его приспешники пьянствовали, безобразничая в полном смысле этого слова, и фронт остался без командного состава.

Бойцы были предоставлены сами себе и только случайно взявшие на себя командование («Рассказ участника боя» — «Известия № 29) остановили растерянную как баранту, впоследствии, поистине, победоносную армию. А если Золотарев и кампания изредка показывались на поле битвы, то лишь для того, чтобы снабдить корниловский отряд снарядами под соусом, что, мол, снаряды нужны «правому флангу», о чем не скрывают сами извозчики, доставляющие корниловской банде наши снаряды под видом «правого фланга».

Приведя это письмо, дальше Тбилели все же делает реверанс в сторону Сорокина, признавая, как тому трудно управлять демонализованными войсками при наличии таких командиров, как Золотарев.

«Сорокин же не бог [...] — пишет он, — он не вездесущий, чтобы следить за всем этим и отчитываться за грехи негодяев. Вы, товарищ, как идейный борец, исполняли честно свой долг перед родиной и спасли область, не смотря на старания изменников народного дела запутать вас в пасквиль. А потому гнев ваш, тов. Сорокин, совершенно не уместен и некстати. Теперь перейдем к самой сути вашей статьи — «Где узурпаторы?» — помещенной в вашей собственной газете, хотя под флагом советского органа, ни-

чего общего не имеющего с «экстренным выпуском». Я думаю, что вполне определенно и ясно доказал вам выше «где узурпаторы» и где было их гнездо, а потому повторять одно и то же не буду.

Но нельзя умолчать против обвинения, взводимого вами на нас, «людей определенных политических убеждений, стремящихся установить диктатуру пролетариата».

Да, товарищи. Мы, люди определенных политических убеждений, действительно стремимся к установлению диктатуры пролетариата, и в этом нам помогала здесь, на месте, Юго-Восточная революционная армия во главе командующего армией тов. Сорокина. А раз это аксиома, то вы, товарищи, ругаете и позорите сами себя и вверенную вам доблестную армию, как способствовавших нам к установлению диктатуры пролетариата, и все то, что написано вашей рукой, ничто иное, как унтер-офицерша Гоголя, высекшая сама себя. Если верить всему тому, что написано вами против нас и вас и придать ему значение, то это запахнет совсем иным, и как вы, так и мы, потеряем всякую почву доверия к нам трудящейся массы и, останемся генералами без армий.

А местные обыватели, видавшие наш народ революционной Красной Армии 18 апреля и воочию убедившиеся в победоносности ее, скажут нам нашими подлинными словами: «Прочь проклятые саботажники», ибо знамя, преподнесенное победоносной Юго-Восточной Революционной Красной Армии ЦИК С.С.Р.К.К. и Г. Депутатов, являлось маской, а речь Сорокина, обращенная к доблестной армии, с призывом признать советскую власть полноправным хозяином родной Кубани — пустым фразерством, пущенным на ветер. Самый же парад был маскарадом, где жена, замаскировавшись, хочет поймать на удочку мужа, а муж пытается овладеть прекрасной маской.

Жаль, жаль, товарищ Сорокин, что, не вникнув в суть дела, не уравновесив его, подойдя к нему со всей строгостью литературной этики, сгоряча полили ушат грязи и на нас, и на себя, и на победоносную армию. Если бы были уверены в том, что мы люди определенных политических убеждений, и «только мы ведем своими провокационными пропагандами великую российскую революцию к провалу, и тонкой игрой в прятки стараемся уничтожить все то, что добыто кровью братьев бойцов», зачем же было во всеуслышанье объявлять нас полновластными хозяевами родной Кубани?

Если вы знали, что из нашей стан проезжали «передовые люди» (кавычки ваши) на автомобилях по улице и кричали «товарищи,

армия бежит, спасайтесь кто может» и мы первые готовы были поселить неуверенность в народе, — зачем же было принимать всенародно от нас всенародно наше Красное знамя и передать его армии с священными заветами: «храните его, как эмблему чистоты и святости, и передайте его будущим поколениям также чистым, светлым и святым, каким вы его получили»? [...] Неужели, товарищ Сорокин, вы так скоро изменили фронт и на другой же день отказались от своих слов. О, товарищ, я не хочу верить этому, вероятно, вы были введены кем-то в заблуждение и, «не испытав броду, кинулись в воду».

Если вы, товарищ Сорокин, имели хотя бы маленькое подозрение в том, что «мы заготовляли цветы для встречи корниловской банды и отдавали приказы квартальным — переменить красные повязки на белые», зачем же было встречать нас «встречным маршем»?

Разве тем, «делом чьих рук было это», провокаторам, «подлым трусам и изменникам, проклятым саботажникам, подлым остаткам корниловского корня» отдают такую почесть, как команда (из ваших собственных уст), обращенная ко всей Юго-Восточной победоносной революционной Красной армии — «на караул и шапки вон»? И, о чудеса, этих трусов, изменников, провокаторов встречают и пропускают встречным маршем под командой «На караул» [...]

Вот теперь, товарищ Сорокин, скажите, где здесь логика, где здесь здравый смысл, где здесь авторитет, где хозяин своего слова.

Еще и еще раз не верю всему этому, что написано вашей рукою. Я в этой статье не вижу тов. Сорокина, который командовал доблестной победоносной Юго-Восточной революционной Красной армией. Я в полной уверенности, что настоящий, подлинный товарищ Сорокин, а не двойник его, направит свой гнев на негодяев, действующих именем его армии, грабящих, расстреливающих, пьянствующих, бесчинствующих и расхищающих народное достояние, и всем своим существом будет идти рука об руку с полноправным хозяином родной Кубани, и в контакте с ним уничтожит негодяев, как уничтожили банду Корнилова.

Настоящим открытым письмом я считаю вопрос вполне исчерпанным, недоразумение рассеянным и не требующим абсолютно никаких комментариев и полемики, которые явились бы толчеей воды в ступке.

Всегда ценящий ваши благие стремления на благо родины и трудящихся масс товарищ В. Тбилели».

Заканчивая свою статью, редактор «Известий», как бы стремясь обезопасить себя, приписал в конце, что «Редакционная коллегия присоединяется к мнению товарища В.Тбилели, вполне разделяет его точку зрения и ни в какие дальнейшие полемики не пойдет»[154].

Сорокину и самому крайне надоела эта затянувшаяся на страницах газет полемика, тем более что он был в невыгодном положении. Не мог же он, в самом деле, для того, чтобы ответить на очередной выпад, каждый раз захватывать силой типографию газеты. Он понимал, что авторитет его и некоторых командиров в войсках пошатнулся, и он стал принимать меры к его восстановлению. Он начал часто устраивать военные парады и неизменно являлся на них с красной лентой через плечо, которая от имени войск была подарена ему Президиумом ЦИК за взятие Екатеринодара.

Обвинять Сорокина в том, что он увлекался этими мероприятиями можно лишь отчасти. Каждый, хоть немного разбирающийся в военном деле знает, что парадам и смотрам предшествует большая подготовительная работа. Нужно было наладить учет личного состава отрядов, максимальное количество людей поставить в строй, привести в порядок их внешний вид и оружие, провести строевые занятия. Все это дисциплинировало, сплачивало бойцов и командиров. Они в большей степени начинали себя ощущать членами большого воинского коллектива.

Со стороны не было заметно, что Сорокин как-то переживает за разлад с ЦИК. Он, говоря современным языком, умел «держать удар» и вести себя гордо в любой обстановке. Объезжая войска, гарцевал на красивом чистокровном рыжем скакуне, одевался хоть и скромно, но кинжал и сабля у него были с серебряной инкрустацией. Под стать ему был и его штаб, все старались подражать Сорокину и в одежде, и в поведении в бою. Пожалуй, в армии по-прежнему не было другого человека, который бы пользовался таким авторитетом и славой как он.

Казалось, что конфликт между армией и ЦИКом был исчерпан. Еще не закончились бои на окраинах Екатеринодара с Добровольческой армией, а в городе 11-го апреля продолжил работу 2-й съезд Советов области. От имени Юго-Восточной армии его делегатов приветствовал главнокомандующий А.И.Автономов. Есть необходимость привести этот документ хотя бы час-

тично. Как следует из него, ничто тогда не предвещало неприятностей ни одной, ни другой сторонам затихающего конфликта.

«От имени армии, — говорил Автономов, — позвольте выразить глубокую радость, что мы дожили до счастливого момента, когда свободно можем заседать вот здесь и обсуждать вопросы нового строительства.

Это счастье куплено дорогой ценой, ценой жизни наших братьев и сыновей, несмотря на это, ряды нашей социалистической армии не редеют. Армия сильна и крепок ее дух, ибо она глубоко верит в свою победу. Она надеется, что когда здесь у нас будут окончательно разогнаны последние черные тучи, до сих пор заслонявшие трудовому народу яркий свет свободы и счастья, революционная армия пойдет разгонять эти тучи в другие места, к другим народам. Еще раз от лица армий, стоящих ныне по пояс в снегу, по колени в воде, зорко стерегущих завоеванные свободы, стойко борющихся с контрреволюцией, я приветствую хозяина Кубани — областной съезд Советов»[155].

Интересен состав этого съезда, так как он отражает расклад политических сил на территории Кубани, а в определенной степени, и в революционной Юго-Восточной армии. Из 832 делегатов большевиков было – 639, левых эсеров – 130, правых эсеров – 5, меньшевиков – 5, анархистов – 26. Съезд принял ряд очень серьезных решений: одобрил национализацию кубанских земли, лесов, вод и др. Съезд провозгласил создание Кубанской Советской республики, как неотъемлемой части РСФСР, и высказался за объединение с Черноморской республикой. В избранный на съезде ЦИК вошли в основном большевики: Я.В. Полуян – председатель, Гайченец и М. Шовгенов – заместители, В. Черный – секретарь, Л. Скворцов, К. Корнилов и др. Был также сформирован Совет Народных Комиссаров из 16 человек, 10 из которых – большевики.

ЦИК тем временем продолжал работу по наведению порядка в городе, а чтобы иметь для этого надежные силы, сформировал свои небольшие, руководимые проверенными большевиками и эсерами отряды. После очередной жалобы местных жителей Екатеринодара на то, что кутившая у Золотарева кампания не только разграбила несколько квартир и домов зажиточных людей, но взяла также в качестве арестованных женщин и изнасиловала их, было принято решение покончить с «Золотаревщиной».

В узком кругу на закрытом совещании был поставлен вопрос о ликвидации Золотарева и его ближайшего окружения. Автоно-

мов и Сорокин дали на это согласие. Оперативная группа, подчиненная ЦИК, и состоявшая из боевиков-анархистов под командованием Черемухина в результате тщательно продуманной операции без кровопролития захватила штаб и управление начальника гарнизона, арестовала Золотарева со всеми его приспешниками. Золотарева расстреляли возле каменного забора у артиллерийских казарм 20 апреля 1918 г. Вместе с ним были казнены его ближайшие подручные – Дьяченко, Симоненко и Редутов. Макс Шнейдер от суда ускользнул.

Итак, Добровольческой армии было нанесено ощутимое поражение. Деникин увел ее в Сальские степи, но перед кубанскими партийными и советскими руководителями, перед командованием Юго-Восточной армии в лице Автономова и Сорокина встали новые, очень серьезные задачи. Во-первых, нарастали контрреволюционные выступления казаков, и требовалась концентрация сил для борьбы с ними; во-вторых, необходимо было организовать борьбу с германским нашествием. Как уже говорилось, немцы к этому времени захватили часть Донской области и стояли у границ Кубани.

Нарушив условия Брестского мира, они начали продвигаться по южным районам РСФСР и 2 мая заняли г. Таганрог. Орджоникидзе, который в это время находился в Ростове и возглавлял Чрезвычайный Штаб Обороны Донской республики, предпринял попытку остановить их. Он с делегацией отправился навстречу немецким войскам с целью заявить их командованию от имени Советского правительства протест. Однако эта делегация была остановлена немцами в Таганроге, и с большим трудом Г.К.Орджоникидзе и его товарищам удалось освободиться. Предпринятый протест не возымел действия. 7 мая и Ростов тоже оказался в руках у немцев.

Автономов принял решение – объединить самые боеспособные части в корпус и во главе с Сорокиным направить на северные границы области. Ему было рекомендовано не допустить прорыва немцев на Кубань, для чего согласовать свои действия с красногвардейскими отрядами донских казаков. Большие надежды возлагались и на те части, которые отступили в район Батайска из Донбасса и Украины.

О том, как развивались здесь события дальше, сам Автономов писал так:

«Во время наступления на Таганрог и Ростов все банды так называемых советских защитников из Ростова бросились на Кубань, но их туда не пустили, и обстреляв первый заслон, они бросились обратно, выбили Щербачева и немцев из Ростова, захватили несколько орудий [...] Но все же в этих отрядах не было никакой организации. Начали просить поддержки на фронт, которая и была дана в виде корпуса под командой Сорокина, который развернул корпус от станицы Степной, станицы Ольгинской, сметая на пути своем контрреволюцию, немцев и отряды грабителей. Скоро к Сорокину присоединились донские казаки и крестьяне. Сорокин взял станицу Ольгинскую, запер немцев между станицей Хомутовской и морем, окруженные немцы просили пропустить их домой в Германию, но им предложили сдаваться на милость победителей, и большинство их перетопилось в море [...] казаки не хотят брататься с немцами [...].

Когда стало известно, что немцы недалеко уже от Таганрога, я выехал в Ростов, чтобы ознакомиться с постановкой дела, но здесь увидел, что такие войска, как в Ростове, для борьбы с немцами непригодны (эти войска разграбили станицу Кривянскую). После этого я поехал в Екатеринодар, чтобы поднять все казачество против немцев. [...] Я выехал в станицы на границу Кубанской и Терской областей для формирования отряда наподобие корпуса Сорокина. И отдал этому отряду приказ идти на замену отряда Сорокина. [...] В это время прибыл в Тихорецкую отряд Ковалева и из Георгиевска аэропланы. Вместе с этим явилась вооруженная сила, чтобы взять и отвезти эти аэропланы в Екатеринодар. Я арестовал эту команду, а аэропланы отправил на фронт (этими аэропланами в это время было сбито два немецких аэроплана) [...] »[156].

После отъезда Автономова из корпуса Сорокина обстановка на Ростовском направлении еще более осложнилась. Немецкая интервенция теперь угрожала не только на Ростовском фронте, но и со стороны Таманского полуострова; кроме того, немцы появились в Сухуме и в Батуме.

Воспользовавшись невзорванным мостом через Дон, немецкая пехотная дивизия перешла на его левый берег и устремилась к Батайску. Но здесь, на подступах к городу, неожиданно для немцев, они встретили упорное сопротивление отрядов П.Г. Родионова и матроса А.В. Мокроусова, отступивших в этот район из Крыма и Донбасса. Артиллерийским и пулеметным огнем с подготовленных позиций они остановили немцев. Но сил двух отрядов, хоть и обладавших уже большим опытом борьбы с

немцами, было явно недостаточно. 21-го мая, то есть когда противостояние Автономова и ЦИК достигало апогея, Мокроусов и Родионов обратились к Автономову в Тихорецкую с просьбой прислать подкрепления. Просьба была услышана, но помощь запоздала.

Чтобы создать все предпосылки для организации отпора внутренней контрреволюции и немецкой интервенции, Автономов, по согласованию с Президиумом ЦИК, вместе с военкомом своей армии Гуменным и несколькими членами своего штаба выехал на Терек специально для организации взаимодействия с вооруженными формированиями этого региона. Но была оговорена еще одна цель – конфиденциального характера. Автономов должен был встретиться с находящимися в Пятигорске на излечении и проживавшими там известными генералами старой армии Н.В. Рузским[157] и Р.Д. Радко-Дмитриевым[158].

Нужен был большой военный опыт и большие военные знания, чтобы в такой обстановке руководить борьбой, управлять Красной Армией по сути дела на три фронта – против внутренней контрреволюции, Добровольческой армии и немцев. Вот почему Автономов отправился в Пятигорск на встречу с названными генералами.

О том, как проходили эти встречи, свидетельств сохранилось немного. Поэтому особый интерес представляют воспоминания будущего командующего Кубанской белой армией генерала А.Г. Шкуро[159].

Безусловно, не все в них нужно принимать на веру, но общее представление о происходивших переговорах они все-таки дают.

Накануне этих событий Шкуро со своим отрядом вернулся с Кавказского фронта, распустил его по домам, сам поселился в Ессентуках, где проживала семья, и теперь тайно подбирал добровольцев, чтобы готовить их для борьбы с большевиками. Встреча с Автономовым не входила в его планы. Она произошла случайно в городском парке.

Вот как он сам об этом пишет:

«[...] В одной из аллей мне встретилась группа людей, человек семь, обвешанных дорогим оружием и одетых в новенькие, нарядные черкески. Поравнявшись со мною, они остановились. Я посмотрел на них и встретился глазами с бывшим некогда у меня сотенным фельдшером Гуменным. Он торопливо подозвал к себе какого-то человека семитского типа и с револьвером за

пазухой, и что-то сказал ему. Прикинувшись равнодушным, я зашагал, было, дальше, но евреи догнал меня.

— Вы полковник Шкуро? — спросил он меня.

Чувствуя, что дело дрянь, но отпираться нелепо, раз уж я опознан Гуменным, я ответил утвердительно.

— Вас хочет видеть Главнокомандующий революционными войсками Северного Кавказа, товарищ Автономов...

Я последовал за евреем. Отделившись от группы, Гуменный подошел ко мне:

— Разве вы не узнаете меня, господин полковник? Я ваш бывший сотенный фельдшер Гуменный. Помните, может быть, когда вы формировали в Полесье ваш партизанский отряд, я пришел проситься к вам. Вы же мне изволили тогда ответить, что «мне в отряде сволочи не надо».

— Что-то не припоминаю, — возразил я, хотя прекрасно помнил этого вечного жалобщика и кляузника, бывшего в постоянной оппозиции к начальству, имевшего, однако, сильное, но скверное влияние на казаков.

— Позвольте вас представить нашему Главкому — товарищу Автономову.

Считая в душе, что все это глумление и что сейчас меня потащат к стенке, я, тем не менее, посмотрел внимательно на Автономова. Он был сотником 28-го казачьего полка. Светлый блондин, маленького роста, лет 26-и с виду, он производил впечатление человека не глупого и сильной воли. Не привыкший к шикарной черкеске с красным башлыком, Автономов как-то путался в ней и несколько проигрывал от этого.

Мы поздоровались.

— Я много слышал о вашей смелой работе на фронте, господин полковник. Рад познакомиться с вами, — сказал мне Автономов. — Хотел бы побеседовать с вами по душам. Не откажите сказать ваш адрес и, если вас это устраивает, мой адъютант зайдет за вами часов в восемь вечера. Вы придете с ним ко мне в бронепоезд, и там мы поговорим. Было бы желательно, чтобы вы пригласили с собою кого-либо из старших, компетентных офицеров по вашему выбору.

Я обещал, и мы расстались»[160].

Шкуро, почувствовав, что ему вряд ли что угрожает, рискнул пойти на встречу с Автономовым, надеясь извлечь из этого какую-нибудь пользу для дела, которым он втайне занимался. По его словам Автономов и Гуменный рассказали ему о том, как они не-

давно обороняли от Корнилова Екатеринодар, о своем якобы неприязненном отношении к большевикам, мешавшим им руководить боевыми действиями, а также о том разгуле анархии, который имел место в городе после победы. Шкуро приводит слова Автономова, который якобы сказал по этому поводу:

> [...] «Несмотря на все мои усилия, я не был в состоянии в течение почти трех дней прекратить это безобразие, равно как и глумление над трупом Корнилова, который «товарищи» откопали, долго таскали его голым по улице и сожгли, в конце концов. За оборону Екатеринодара я получил свой нынешний пост, но советские воротилы не считаются со мною. Командующий Таманской армией Сорокин совершенно согласен со мною в необходимости вновь организовать настоящую армию»[161].

Во время этой встречи, по словам Шкуро, Автономов сообщил ему, как он сам намерен действовать в создавшейся обстановке.

> [...] «Моя главная задача помирить офицерство с советской властью, — якобы говорил Автономов. — Для того чтобы начать борьбу против немецких империалистов, по-прежнему в союзе с Антантой, и добиться отмены позорного Брест-Литовского мира. Если немцы доберутся теперь до Кубани, где имеются громадные запасы всякого рода, то это их чрезвычайно усилит. Я прошу вас, господа, (вместе со Шкуро на эту встречу пришли также полковники Слащов и Датиев. — *И.К.*) помочь мне в этом отношении. Не думаю, конечно, сохранить за собою должность Главкома. Было бы желательно пригласить на этот пост генерала Рузского или Радко-Дмитриева Я же с удовольствием откажусь от ненавистной мне политической деятельности и по-прежнему готов служить младшим офицером»[162].

По словам Шкуро, Автономов тут же предложил ему начать немедленно вербовку офицеров и казаков, чтобы сформировать из них партизанские отряды на Кубани и Тереке, для предстоящей борьбы с немцами. При этом главком обещал приглашенным полное содействие и выдал письменный мандат за своей и Гуменного подписью. Согласно этому мандату все совдеповцы, комиссары и местные власти, под угрозой расстрела, обязаны были оказывать ему полное содействие.

Когда Шкуро поднял вопрос об обеспечении его оружием, то, опять же, как пишет он сам:

> [...] «Автономов объяснил мне, что он на днях едет в Екатеринодар, где совместно с Сорокиным, арестует местный ЦИК и

прибыл затем в бронированном поезде 10 000 винтовок, пулеметы и миллион патронов, а также крупную сумму денег. Я же должен обязаться гарантировать ему и Гуменному жизнь и прощение со стороны белых войск»[163].

Шкуро писал также о том, что в случае удачного осуществления своих планов, Автономов якобы хвалился, что при посредстве Гуменного, передаст Добровольческой армии на станции Тихорецкой несколько составов с вооружением.

Нужно сказать, что мысли о том, чтобы красным и белым объединиться для борьбы против общего врага – немцев посещала в то время и командующего Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Правда, они носили чисто предположительный гипотетический характер, и ни в какие конкретные шаги потом не трансформировались. Но, то, что они были, он подтвердил в своих воспоминаниях, когда писал:

«Проклятая русская действительность! Что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и др., войдя в состав единой Добровольческой армии, повернули на север, обрушились на германские войска генерала фон Кирцера, вторгшиеся в глубь России и отделенные тысячами верст от своих баз...»[164].

Конечно, принимать на веру все то, что писал Шкуро об Автономове и Сорокине, нужно с большой осторожностью и обязательно с учетом его отнюдь не кристальной честности. Если внимательно подойти к анализу его биографии, то сразу же напрашивается вывод о том, что в этом человеке рядом с его необыкновенной смелостью и отвагой уживались черты и поступки, позорящие его как офицера и снискавшие ему дурную славу. Однако, все же важно учесть, что писал он свои мемуары в 1920–1921 гг. в эмиграции, в Париже, по горячим следам событий Гражданской войны, и это имеет важное значение для анализа всего того, что произошло потом, по возвращении Автономова в Екатеринодар.

Что касается попытки Автономова привлечь к командованию Красной Армией генералов старой армии, то она окончилась неудачей. Все тот же Шкуро, бывший свидетелем и этих событий, так описал их.

«[...] я со Сланцовым и Датиевым отправились к Радко-Дмитриеву. Он занимал скромный маленький домик около парка. Супруга генерала была очень встревожена тем, что ее муж стал

объектом внимания со стороны большевистских заправил. Мы успокаивали ее как могли.

— Я не могу им верить, — сказал мне генерал Радко-Дмитриев. — При первой же неудаче они обвинят меня в контрреволюционности или измене и расстреляют. Не думаю также, чтобы генералы Алексеев и Деникин согласились пойти на сговор с этими мерзавцами.

Пришедший в это время генерал Рузский, высказал аналогичные взгляды:

— Кроме того, ведь у них нет ничего мало-мальски похоже-го на то, что мы привыкли понимать под словом армия; как же с этими неорганизованными бандами выступать против германцев?

[...] Мы со Сланцовым возражали, что все-таки необходимо организовать армию; это даст нам возможность произвести переворот.

— У нас имена слишком одиозные, и нам невозможно начинать это дело, — возражали оба генерала. — Беритесь вы за это дело, а если у вас что-либо наладится, то, может быть, и мы согласимся впоследствии возглавить армию»[165].

Когда чуть позже Автономов и Гуменный, опять-таки, по словам Шкуро, все же действительно стали уговаривать Радко-Дмитриева принять на себя командование армией, то он сам, а за ним и Рузский, решительно отклонили это предложение, ссылаясь на старость и болезни. Впрочем, Радко-Дмитриев сказал, что если здоровье его поправится и офицеры, поступающие в армию, будут пользоваться всеми присущими этому званию прерогативами, то он, может быть, еще пересмотрит впоследствии свое решение.

Несколько забегая вперед, надо отметить, что даже такая, можно сказать, лояльная позиция генералов Радко-Дмитриева и Рузского не спасла их. Пять месяцев спустя, сразу после мятежных действий Сорокина, ЦИК и органы ЧК Северного Кавказа дали сигнал к началу красного террора, и первыми жертвами его стали не только эти генералы, но и десятки других офицеров старой армии.

Что касается Шкуро, то он «добросовестно» использовал мандат Автономова на мобилизацию казачьих частей и вскоре действительно организовал отряд. Когда же привлеченные им казаки спрашивали, куда он их поведет, Шкуро первое время не объяснял, или говорил, что придется воевать с немцами. Впоследствии же он выступил с этим отрядом против советской власти, захватывая поочередно Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск.

После описанных ранее событий, связанных с конфликтом между военными и советскими властями на Кубани инцидент хоть и был слегка приглушен, но полностью не ликвидирован. ЦИК республики считал, что и Автономов и Сорокин все более узурпируют всю власть в республике, а это в создавшейся обстановке может привести к непоправимым последствием. Чтобы усилить свое влияние на армию и партийную работу в ней, ЦИК 29 апреля 1918 г. постановил организовать Чрезвычайный Штаб Обороны (ЧШО). В него вошли шесть членов ЦИК, в том числе и главком Автономов. Но он оказался там по сути дела один, в окружении своих недоброжелателей, главным образом представителей партии эсеров. Этот орган предназначался для управления всеми военными делами в республике и был наделен очень большими полномочиями. В принятом по этому поводу решении говорилось:

«Штаб Обороны революции создается для планомерной, организованной борьбы с внутренними и внешними врагами советской власти и для руководства всеми военными силами советской республики.

Кубанский Центральный Исполнительный Комитет наделяет Штаб обороны чрезвычайными неограниченными полномочиями.

За Кубанским Исполнительным Комитетом остается право требовать отчета, отзывать отдельных членов и распускать полностью Штаб.

Штаб состоит из семи членов, шесть избираются Центральным Исполнительным Комитетом и один представитель – от фронтового съезда.

Все избранные в Штаб комиссары сохраняют полномочия, которыми они ранее были обличены.

В Чрезвычайный Штаб Обороны революции избраны товарищи: Иванов, Гуменный, Кудрявцев, Выгриянов, Ивницкий, Дунин; кандидатами: Коробкин, Яков Полуян и один кандидат от фронтового съезда»[166].

3 мая вышел первый приказ ЧШО: отныне ему принадлежала вся военная власть. Главкомом назначался Автономов, начальником штаба вооруженных сил республики – Мацилецкий.

Первое время, пока только шла организационная работа, Чрезвычайный Штаб Обороны справлялся с задачами. Но постепенно во взаимоотношениях между Автономовым и некоторыми

членами Штаба возникли серьезные проблемы. Причины разногласий член ЦИК военком Гуменный так объяснял:

> «[...] самомнение и бестактность военно-безграмотного эсера Иванова (председателя Штаба), доходившие до того, что он каждую мысль главкома высмеивал тут-же, не дав ему даже досказать, третируя всякий раз в глаза, превращая заседания в состязание в насмешках друг над другом, в мелких уколах самолюбия и т.д. [...] А началось с неладов баб между собой, родственниц Автономова и родственниц Иванова [...]»[167]

А.Е. Берлизов на основании изученных им архивных документов говорит о том, что уже сам внешний вид захвативших руководство Чрезвычайным Штабом Обороны (ЧШО) эсеров, их манера одеваться, не говоря уже о надменности их поведения, вызывали резкую к ним неприязнь со стороны Автономова и Сорокина. Он пишет:

> «Иванов был распространенным в те поры типом чиновников от революции. Облик его был ширпотребным: френч, галифе и английские ботинки с крагами, волосы до плеч и козлиная борода. Этот «революционный облик», кстати, очень любили меньшевики, эсеры и позже – троцкисты. [...] Иванов начал свою деятельность с того, что любое предложение Автономова издевательски высмеивал и проваливал. Всю недолгую историю их «сотрудничества» ознаменовала откровенная вражда и оскорбления.
>
> Ширпотребно одевался и Балис – комиссар по делам национальностей, только своим поведением он играл братишку-морячка, а дальше те же волосы до плеч, козлиный хвост вместо бороды, френч, краги...»[168].

Для полноты характерстики Иванову А.Е. Берлизов в книге «Дорога чести» продолжает так:

> «Иванов был посредственностью, выплывшей в неразберихе того времени. Жажда самоутверждения, желание «подмять» уже известного всей Кубани главкома были у Иванова очень сильны. Их подогревали его эсеровские единомышленники, мечтая о захвате поста главкома в свои руки. Эсеровские организации сложились в целом ряде городов Кубани и Черноморья. Ставленники эсеров проникли в ЦИК Кубано-Черноморской республики»[168].

Ближайший помощник, заместитель и единомышленник Автономова И.Л. Сорокин не был избран в Чрезвычайный Штаб Обороны, его в это время вообще не было в Екатеринодаре, он

занимался формированием новых полков и организацией борьбы против немцев. Противостоять Иванову и другим членам Штаба Автономов мог только вместе с Гуменным, но они были в меньшинстве. Вскоре разногласия приняли такой характер, что главком вообще перестал посещать заседания Штаба Обороны. Всю военную работу он теперь проводил без него. Но тут в действия Автономова начал вмешиваться не только Чрезвычайный Штаб Обороны, но уже и ЦИК, и главком принимает решение покинуть Екатеринодар и, не обращая внимания на все препоны, сосредоточиться на подготовке к отпору немцам.

Внезапно его вызвали в Екатеринодар. Сюрпризы начались, едва Автономов явился на заседание Чрезвычайного Штаба Обороны. От него потребовали объяснений: на каком основании он, главком, украл тридцать миллионов рублей золотом и пытался скрыться у горцев... Автономов с искренним удивлением смотрел на ответственных работников республики и недоумевал – неужели они способны в это поверить? Были обвинения и еще более нелепые.

Вот что вспоминал он сам потом:

> [...] «Я застал в Екатеринодаре чрезвычайного комиссара Трифонова, который, совершенно не зная меня, уже дал телеграмму о моем снятии с должности... Мотивировал он это тем, что я хочу двинуть отряд Сорокина в Терскую область для взятия Тифлиса и Военно-Грузинской дороги...»[170].

Правда, тогда обошлось. После Трифонов пришел к выводу, что его ввели в заблуждение. Приказ о снятии Автономова был отменен, и он остался главкомом. Не задумываясь над тем, что породило эту странную беседу в ЧШО, он выехал на границу Терской области, нужно было продолжать работать в войсках. Но в станице Невинномысской его внезапно нагнала телеграмма ЧШО. В непонятно резком ультимативном тоне ему теперь предписывалось снять с должности начальника штаба Мацилецкого. Автономов выполнил и это требование, хотя с Мацилецким успел сработаться. Новым начальником штаба был назначен офицер из донских казаков Балабин, но и ему не долго пришлось работать вместе с Автономовым и Сорокиным. Пройдет совсем немного времени, и он погибнет в результате провокационных действий эсеров.

Конфликт то усиливался, то затухал, и иногда обеим сторонам казалось, что они скоро его преодолеют. Но, как вспоминает П. Гуменный:

«Разногласия между Автономовым, членами Чрезвычайного штаба обороны и ЦИК Кубано-Черноморской республики зашли так далеко, что Автономов боялся ехать в Екатеринодар, а члены Чрезвычайного Штаба Обороны и члены ЦИКа из Екатеринодара боялись выехать в Тихорецкую к Автономову на переговоры. Назначили нейтральную зону – станцию Кавказскую, куда и должны были выехать для переговоров из Екатеринодара представители ЦИКа Кубано-Черноморской республики, а из Тихорецкой – представители штаба Автономова»[171].

Когда же 18 мая делегация переговорщиков от ЦИК и ЧШО прибыла на Екатеринодарский вокзал, для отъезда в Тихорецкую, ее там арестовал командир полка, расквартированного в Екатеринодаре Павлюченко и доложил Гуменному: «Исполняя приказ главкома, арестовал немецких шпионов». Это были Балис, Сверчков, Полуян-Верецкая и Мальцев. Хорошо, что в Тихорецкую в этот момент прибыл на бронепоезде Автономов и узнал о провокации. Он тут же передал Павлюченко приказ – освободить арестованных. Как после выяснилось «приказ» об аресте по телеграфу поступил из Мечетинской от белых. Но получилось так, что и Сорокин хотел поддержать Автономова и стал готовить войска для отправки их в Екатеринодар. На глазах у Автономова на станции уже грузился Дербентский полк. Автономов понял всю катастрофичность происходящего – его войска бросают фронт против немцев и Деникина и идут на Екатеринодар менять руководство. Лучшего подарка противнику нельзя было и придумать. Автономову и Гуменному удалось отговорить Сорокина.

Ситуация окончательно прояснилась, когда несколько членов ЦИК, избежавшие ареста, связались по телефону с военным комиссаром при главкоме Гуменным и запросили его, что означают эти аресты. Гуменный, а также и подошедший к аппарату Автономов выразили удивление и заявили, что никаких распоряжений об аресте ЦИК от них не исходило, это чья-то провокация. Они тут же дали распоряжение об освобождении и членов ЦИК и Чрезвычайного Штаба Обороны. Сорокин вернулся к себе на Ростовский фронт. Снова появилась надежда на преодоление возникших разногласий. Гуменный выехал в район Батайска, где находился штаб Сорокина, и вел с ним разговор о путях преодоления кризиса. Сорокин обещал свою поддержку, и Гуменный даже решил несколько дистанцироваться от Автономова. Из Тихорецкой он по

телеграфу провел нижеприведенный разговор с Чрезвычайным Штабом Обороны.

[...] «Я — Гуменный. Попросите кого-либо из членов Штаба Обороны или из членов Исполкома.

— У аппарата Ивницкий. Что угодно?

— Здравствуйте, товарищ Ивницкий. Сейчас только что давали объяснения представителям военных частей города Екатеринодара по происшедшему инциденту. Представители ваши вынесли впечатление, что положение не настолько опасное, как они его представляли. Сегодня в восемь часов вечера будет совместное заседание представителей Екатеринодарского гарнизона и частей, находящихся на Ростовском фронте. Предложено было сегодня выехать делегации в Совнарком в Москву, для того, чтобы поддерживать связь с центром. После бесед с представителями Екатеринодара и после нашей поездки на Ростовский фронт, откуда мы приехали в 5 часов утра с известным постановлением, я глубоко верю, что по недоразумению разыгравшиеся страсти улягутся и так хорошо налаживающаяся работа по борьбе с немцами не будет подорвана той или другой стороной, а все силы и средства духовные, физические и технические будут направлены только против общего врага. Полагаю, что поездка в Москву кого бы то ни было от Штаба будет излишней, так как мы сознаем, что из-за тех пустяков, кои произошли по какому-то недоразумению, посылать делегацию не следует.

Автономов, как я и раньше говорил, для общего дела пойдет на все уступки, лишь бы было это требование более тактично, а не то, как оно вылилось 19 мая.

Вчерашний день я в течение нескольких часов на станции Кущовка вызывал вас, но, к сожалению, вызвать не мог. Я хотел познакомить вас с постановлением представителей Ростовского фронта, да и мое положение после конфликта я хотел бы выяснить. Вам я послал депешу, чтобы вы сообщили, кто арестован из членов ЦИК и Чрезвычайного Штаба, кроме Балиса, Полуяна и Иванова, которых я через вас просил освободить. Косвенно до меня дошел слух, что вновь арестован Балис и Выгриянов. Опять было отдано приказание об освобождении их.

Вчера в глубокую разведку проникли два германских аэроплана, из которых один был подбит, и солдаты убили летчиков.

Я могу вас уверить, что Автономов согласится на примирение.

Сообщите, как вы смотрите на все происшедшее и надеетесь ли вы на примирение.

Штабом главкома был издан приказ, компрометирующий местную высшую власть, с такими же демагогическими приемами. Приказ этот по моей просьбе пока не выпущен, дабы массу не вводить в заблуждение и не подрывать идею народовластия.

Мы привлекли к работе полковника генерального штаба, приехавшего из центра с Трифоновым, который пригласил к себе специалистов, артиллеристов, инженеров и других офицеров. Все части сгруппированы теперь в четыре колонны и по приказу уже назначены начальники колонн. Им даны соответствующие участки.

Желательно служить теперь общему делу, не считаясь с каждым в отдельности из нас. Кто был, хотя временно, арестован, ответьте мне. Ответьте по всем вопросам и если есть у вас таковые, ответьте мне»[172].

Однако ситуация после этого разговора не разрешилась. Автономов без согласования с ЦИК выехал на Северный Кавказ. Там в полевом штабе он собрал съезд делегатов армии, чтобы объяснить свои действия и получить их поддержку от войск. После его доклада, в котором он изложил свою версию причин разногласий с ЦИК, съезд вынес следующее постановление.

«На фронтовом съезде на станции Кущевка 21 мая с. г., представителями 1 и 2 колонны Северного Кавказа, командующими Батайским и Сосыкинскими фронтами и всеми представителями полков, по обсуждении вопроса о положении на фронтах внешнем и внутреннем, единогласно постановлено:

Централизовать все вооруженные силы Куб<ано>-Черн<оморской> респ<ублики> и Северного Кавказа в лице главнокомандующего тов. Автономова, которому поручается создать аппарат военного управления, снабжения и снаряжения войск.

Категорически требовать от высшей центральной власти Российской Федеративной Республики устранения вмешательства гражданских властей. Центральному Исполнительному Комитету упразднить всякие Чрезвычайные штабы, тормозящие оборону Кубано-Черном<орской> респ<ублики> и Северного Кавказа.

Просить председателя военного совета и военного руководителя Российской Федеративной республики и Центральный Исполнительный Комитет Куб<ано>-Черном<орской> республики признать в лице тов. Автономова главнокомандующего всеми вооруженными силами Куб<ано>-Черн<оморской> республики и Северного Кавказа.

Главнокомандующему тов. Автономову отказаться от ведения партизанской войны и приступить к правильной фронтовой борьбе, создавая регулярные единицы: полки, бригады, дивизии и корпуса»[173].

Получив поддержку войск, Автономов стал действовать смелее и настойчивей по нейтрализации Чрезвычайного Штаба. Он дает телеграмму в ЦИК, в которой требует удаления из Штаба своего давнего недоброжелателя эсера Иванова. Одновременно по его приказу были напечатаны тысячи листовок с обращением к армии и населению. В них говорилось, что в Штабе Обороны работают немецкие шпионы, предатели дела революции, и что он – главком, принимает меры по избавлению революции от них.

В ответ на это Штаб Обороны принимает решение – снять Автономова с поста главкома и просить ЦИК утвердить это постановление. Проанализировав всю имеющуюся информацию по этому конфликту, ЦИК тоже принимает решение: отрешить Автономова от должности главкома. Постановление было направлено как в штаб армии, так и в войска всему высшему командно-политическому составу, а потом и опубликовано для всеобщего сведения.

И все-таки и после всего этого, была сделана еще одна, последняя попытка разрешить конфликт между Автономовым и ЧШО. Член Штаба Обороны Турецкий провел телефонный разговор с Автономовым. Вот его содержание.

«У аппарата Автономов.

— Я член Чрезвычайного Штаба Обороны Турецкий, задаю прямой вопрос по поручению Чрезвычайного Штаба Обороны и требую прямого ответа, признаете и подчиняетесь ли вы советской власти?

Автономов: Подчиняюсь, но проходимцам, именующим себя представителями советской власти самочинно, не имеющим никакого права, не только не подчиняюсь, но веду с ними борьбу, как с предателями.

Турецкий: Известно ли вам, что Областной Исполнительный Комитет отстранил вас от должности главнокомандующего и временно передал высшую военную власть Чрезвычайному Штабу Обороны?

Автономов: Это не было известно мне, но все же я остаюсь при особом мнении. Считаю, что ЦИК не может отменить решение центральной российской власти и не может делать смещения без предъявления особых на то указаний. Функции свои я не могу

передать Чрезвычайному Штабу Обороны, который, по моему глубокому убеждению, идя за некоторыми лицами, которые не являются даже выбранными, делают позорное кошмарное дело на руку немецким империалистам. Если мне придется силою святого оружия заставить понять — до какой гибельной мысли и до какого позора дошла центральная власть Кубанской республики, я это сделаю!

Т у р е ц к и й: Отвечаю, что постановление местного Исполнительного Комитета не идет в разрез с постановлением центральной всероссийской власти. Вам известно, что телеграммой из Москвы назначен главнокомандующим Снесарев, а комиссаром политическим к нему Трифонов. Вы совершаете явное преступление, не подчиняясь постановлению и местной, и всероссийской советской власти. Во имя бескровного улажения создавшегося конфликта, считаю долгом заявить вам, что в затеянной вами борьбе, едва ли вы останетесь победителем. До-пустим на минуту, что вам улыбнется военное счастье временно, но клеймо предателя и изменника революции останется вечно. Требую подчиниться постановлению Штаба Обороны и Центрального Исполнительного Комитета, дабы не зайти столь далеко, что о возврате немыслимо будет говорить и конфликт придется решать силой оружия. Вам гарантируется личная безопасность. Прошу дать окончательный ответ на это предложение.

А в т о н о м о в: Не думаю и не мечтаю о лавровом венце. Я взял тяжелый крест и несу так, как нес его 4 месяца. Смерти я не боюсь, она является для меня желанным покоем от этого кошмара, в котором я сейчас нахожусь. Я считаю себя чистым и честным потому, что я творю благо народа во имя революции. Я сделаю свое дело и не вам судить о том, кто является предателем в сознании народа. Если Чрезвычайный Штаб не примет тех условий, которые я предложу им, то прольется кровь, которая падет на головы предателей и провокаторов общего святого дела. Если я не получу ответа к 4 часам дня, то вышлю в Екатеринодар войска для занятия города, для наведения в нем истинно-революционного порядка.

Т у р е ц к и й: О каких условиях идет речь?

А в т о н о м о в: Разве этих условий вам не передавал товарищ Гуменный?

Т у р е ц к и й: Нет.

А в т о н о м о в: Условия эти следующие:

Отстранить от должности и арестовать Иванова и провокатора Казбека. Вывести из Чрезвычайного Штаба Обороны прохо-

димцев, которые не являются выборными Кубано-Черноморской республики.

Немедленно выслать в мое распоряжение 12 000 войск, которые должны быть по ранее заключенному условию в моем распоряжении.

В городе оставить только необходимый гарнизон.

Немедленно двинуть на Ростовский фронт как можно больше продовольствия, обмундирования, особенно обуви, весь наличный запас патронов и снарядов.

Помнить строгое разграничение функций между Исполкомом, Чрезвычайным Штабом и командным составом, — вот каковы условия!

Т у р е ц к и й: Кого считаете проходимцами, не избранниками народа?

А в т о н о м о в: Беженцев из разных городов.

Т у р е ц к и й: Думаю, что ваши переговоры едва ли удовлетворят Центральный Исполнительный Комитет и Чрезвычайный Штаб, а потому снимаю всякую ответственность за могущие произойти последствия. Предупреждаю, что не подчинение власти советов заставляет объявить вас изменником и предателем революции. Если вы все учли, то считаю наши переговоры законченными. До свиданья.

А в т о н о м о в: Будем бороться и на деле выясним, кто является изменником революции. Если вы не возьметесь за ум, то не до свиданья, а прощайте!»[174]

Таким образом, конфликт обострился до крайности. Об этой обстановке было доложено в Царицын, куда в это время прибыл Г.К. Орджоникидзе. Но несмотря на всю серьезность происходящего в Екатеринодаре, Орджоникидзе сначала срочно пришлось подключиться к борьбе с мятежом анархистов в самом Царицыне.

Туда с Украины перебрался отряд сибирских анархистов численностью в 1 000 человек под командованием Петренко. Анархисты подняли в городе мятеж против советской власти. По пути своего отступления, а также в самом Царицыне этот отряд захватил полтора миллиона рублей денег и на три миллиона ценностей. Советские власти Царицына предложили Петренко немедленно сдать деньги, ценности и оружие, но он категорически отказался. 11-го мая анархисты Петренко захватили станцию Царицын и утром 12 мая открыли по городу пулеметный, а затем и артиллерийский огонь. Бой продолжался целый день, и только к вечеру мятежники были разбиты[175].

Устранив грозившую Царицыну угрозу, Орджоникидзе сразу же 22 мая направил телеграмму в Екатеринодар, в которой потребовал от Автономова немедленно подчиниться решениям Штаба Обороны и республиканского ЦИК «сложить с себя звание главнокомандующего». В телеграмме говорилось о том, что «...всякое противодействие и междоусобица будут рассматриваться как измена и предательство. Революции»[176].

Наверное, не было на свете для Автономова человека более авторитетного, чем Г.К. Орджоникидзе, и он решил подчиниться. Чтобы окончательно навести порядок в войсках Северного Кавказа, Орджоникидзе лично прибыл в Екатеринодар и включился в подготовку решений 3-го Чрезвычайного Съезда Советов Кубано-Черноморской Республики. На нем планировалось завершить объединение Кубани и Черноморья в федерацию.

Сделать это было несложно. Еще в марте объединились партийные организации обеих республик, в апреле Южная революционная армия Черноморья, со своим штабом в ст. Крымской вошла в подчинение командованию Юго-Восточной армией. Поэтому, 28 мая на 3-м Чрезвычайном объединенном съезде Советов Кубани и Черноморья было провозглашено создание Кубано-Черноморской Советской республики. Образовался объединенный ЦИК, все Вооруженные силы Кубано-Черноморской республики передавались в подчинение Северо-Кавказского военного округа, управление которого в эти дни формировалось в Москве.

Сорокин на этом съезде не присутствовал, но согласованную с ним линию выдерживал Автономов. Их позицию тогда поддержали практически все делегаты от войск, но они составляли только 25 % от числа участников съезда. Снова начались бесконечные прения, взаимные пререкания и упреки. Страсти накалились и грозили вылиться в раскол съезда. Опять пригодился опыт Орджоникидзе. Он теперь получил возможность лично убедиться в том, что в конфликте виноваты обе стороны и выступил в роли арбитра, при этом основной упор в своих высказываниях сделал на разъяснении делегатам того, кому выгодна создавшаяся ситуация в столь тяжелое для республики время. Прямо с трибуны съезда он предложил Автономову отправиться в Москву для доклада правительству о военном положении на Северном Кавказе и о самом конфликте. С учетом этого предложения Орджоникидзе в дальнейшем на съезде Автономову никаких упреков не прозвучало.

Съезд под руководством Орджоникидзе одобрил заключение Советским правительством Брест-Литовского мира с немцами. Левые эсеры энергично протестовали, но оказались в меньшинстве. Съезд одобрил также решение о смене командования армией. Орджоникидзе постоянно держал Ленина в курсе событий на съезде, так как в Москве понимали исключительную его важность.

«...Инцидент с Автономовым, — телеграфировал Орджоникидзе, — окончательно ликвидирован. Временно на его место Чрезвычайным съездом назначен Калнин. Окончательное решение о назначении главнокомандующего предоставлено Вам. Если Снесарев является только специалистом-руководителем, подтвердите назначение Калнина. Автономов по сдаче главнокомандования выезжает в Москву. Съезд проходит великолепно. Наша резолюция о текущем моменте принята шестьюстами двенадцатью голосами. За резолюцию левых подано двести тридцать четыре...»[177].

Автономов выехал в Москву. Следом от Орджоникидзе ушла еще одна его телеграмма В.И.Ленину. В ней говорилось:

«С Автономовым покончено. Командование уже сдает Калнину. Автономов выедет в Москву, моя просьба его не отталкивать и дать работу в Москве. Сам он (как) человек не заслуживает того, чтобы отстранить от себя. Во всем скандале немало вины и противоположной стороны[178].

В Москве учли просьбу Орджоникидзе, и Автономов снова получил мандат для формирования красных отрядов на Северном Кавказе, из горцев. Впоследствии он вместе с Орджоникидзе работал во Владикавказе, а когда там, в начале августа 1918 г., подняли мятеж Соколов и Беликов, принял командование бронепоездом. С Автономова сняли все обвинения по поводу его упущений во время командования Юго-Восточной армией, и когда 3 октября 1918 г. состоялся приказ Реввоенсовета Южного фронта № 16 «Об организации командования и делении фронта на пять армий», то одной из них - 12-й было поручено командовать ему.

В этом приказе объявлялись фамилии командующих армиями и, в частности, говорилось:

«...12-я армия. Врид (Временно исполняющий должность. - *Н.К.*) командующего армией тов. Автономов. Реввоенсовет 12-й армии - Автономов и Орджоникидзе. Третий член Совета будет назначен дополнительно. В состав армии входит вся восточная часть Северного Кавказа и Астраханская группа...»[179].

Однако в фактическое командование этой армией А.И.Автономов так и не вступил. Обстановка складывалась так, что он вынужден был продолжать находиться вместе с Орджоникидзе в районе Владикавказа и исполнять обязанности Главного инспектора по формированию частей Красной Армии из горцев Терской области. Командование 12-й армией поэтому вместо него принял В.Л. Степанов. В боевых действиях на Тереке и под Святым Крестом (Буденовск) в январе 1919 г. Автономов был начальником одного из сформированного им же отрядов.

* * *

Занятые междоусобицей партийные и военные власти в конце апреля и в мае 1917 г. не смогли уделить должного внимания событиям на Таманском полуострове, и это чуть не привело к утрате этого региона в пользу поднявших мятеж белоказаков. В это время здесь начали разворачиваться события, которые стали все более перерастать в крупномасштабные боевые действия на внутреннем фронте. Советская власть на полуострове установилась практически повсеместно, на глазах у казаков продолжалось формирование красногвардейских отрядов, в подавляющем большинстве в них шли иногородние: были рабочие табачных плантаций и мелких предприятий, а также матросы.

Получив передышку после разгрома Добровольческой армии, новые власти, опираясь на эти отряды, взялись за передел собственности, конфискацию имущества казаков, участвовавших в отрядах Покровского, офицеров, всех кто подпадал под определение «буржуй». Росту недовольства казаков в значительной степени способствовали частые проявления по отношению к ним нетактичности, беспардонности, вседозволенности, а нередко и откровенного хамства со стороны некоторых представителей советской власти. При проведении реквизиций и обысков по изъятию лошадей, фуража, продовольствия и оружия, у казаков отбирали даже шашки и кинжалы, которыми дрались их деды в турецких походах. Особенно усердствовали в этом пришлые анархистски настроенные матросы.

Несогласные с новыми порядками казаки, а таковых было абсолютное большинство, начали готовиться к сопротивлению. Они собирались в безопасных местах – в плавнях, на хуторах, и тоже объединялись в группы и отряды. В этой работе все активнее стал проявлять себя и командный состав бывших казачьих частей,

офицеры, вернувшиеся с фронта и центра России. Так и на Тамани образовалось два враждующих лагеря, которые росли количественно и качественно с каждым днем. Вражда между ними накапливалась все больше и больше.

Но главная причина перехода основной массы среднего казачества на сторону контрреволюции заключалась в том, что советские органы власти на Кубани не смогли правильно и быстро решить земельную проблему. Им не удалось удовлетворить землей безземельное и малоземельное крестьянство, которое, как уже подчеркивалось, составляло половину населения Кубани, за счет войсковых, офицерских и чиновничьих земель, за счет наиболее крупных землевладельцев, не задевая при этом интересов среднего и зажиточного казачества. Правда, на местах эту проблему пытались решать ревкомы, но что из этого вышло на самом деле показывает пример двух доморощенных «революционеров» – Никитенко и Голуба.

На войне Никитенко был далеко от фронта, служил портным. Но в революционные годы он нахватался «умных» слов и «противобуржуйских лозунгов», поэтому, после возвращения с войны в свои Гулькевичи, на шумном митинге, который он сам и организовал, был избран председателем ревкома. Никитенко быстро сколотил отряд из местной молодежи, связался с частями 39-й дивизии и принялся за дело – конфисковать движимое и недвижимое имущество местных буржуев – соседних помещиков. Справедливости ради следует сказать, что за спины других он не прятался, отряд водил в бой сам, дрался жестоко, но никогда не упускал случая показать людям своего отряда, что «народом он дорожит больше всего». Ничьей власти, кроме своей собственной, он не признавал. Ничьим распоряжениям он не хотел подчиняться, но командовать любил всеми. Он играл на самых темных инстинктах людей, вроде того, что – «казачество надо уничтожить поголовно».

Заняв станицу Кавказскую, Никитенко засел в ней и начал творить суд и расправу. Ряд жителей станицы он расстрелял. Но к арестам и расстрелам подходил избирательно. Среди арестованных им зачастую были непричастные к белому движению, но люди, у которых можно было что «взять». Никитенко их задерживал, имущество конфисковывал, причем все ценное забирал к себе в «штаб». Затем он решил расширить сферу действий отряда и послал в хутор Романовский своего друга и помощника Голуба. «Руководство» Голуба жизнью этого хутора-города выражалось в

том, что на станции реквизировались все грузы, в чей бы адрес они не шли, и обирались все состоятельные жители. Из всего отобранного «своему» населению раздавалась мануфактура, соль, сахар, табак и пр. Все ценное распределялось в «штабе», добываемое усиленно проедалось и пропивалось. О «революционной деятельности» этого бандита хорошо рассказал И.П. Борисенко. Вот как он описывает один из митингов. Они проводились в хуторе почти ежедневно, и все по вопросу об отношении к Советской власти.

«[...] На трибуне Голуб.

– Граждане, людоедам не нравится наша советская власть, что вы скажете — плохая власть?

— Хорошая, т. Голуб!..

— Еще бы, не хорошая! — качает головой Голуб. — Кто дает муку? Голуб!.. Кто вам дает мануфактуру? Голуб!.. Кто вам дает сахар, соль? Голуб!.. А кто Голуб? — Советская власть!..

– Правильно!.. Ура!..

Голуба подхватывали на руки и несли прямо к пакгаузам и складам.

— Выдать народу муки! — приказывал Голуб»[180].

В итоге таких «революционных» действий пять казачьих станиц, расположенных преимущественно среди камышей и болот, объединились и в начале мая подняли мятеж против советской власти. Их возглавили есаулы Подгорный, Гулый и др. Для подавления восстания в станицах Ясеневская, Копанская, Привольная, Брыньковская и Ольгинская областной совет направил отряд Рогачева. Он был переброшен по железной дороге и, прибыв в станицу Ольгинскую, сходу напал на казаков, собравшихся возле станичного правления. Налет оказался удачным, казаки бежали в соседние станицы, но и они одна за другой были очищены от мятежников. Прижатые затем к непроходимым болотам у станицы Копанской, казаки вынуждены были принять решительный бой. Но здесь произошло то, что было характерно для того времени. Как вспоминал потом будущий командующий 1-й колонной Таманской армии Е.И. Ковтюх: «Рогачев находился неизвестно где, артиллеристы-моряки со своими двумя орудиями решили в бою не участвовать, так как куда-то делся их командир»[181].

Ковтюху тогда пришлось принять командование на себя. Ему все же удалось выиграть этот бой силами более-менее управляемых отрядов станиц Полтавской и Старо-Нижнестеблиевской.

Часть восставших казаков была взята в плен, часть ускользнула в плавни, остальные прислали делегацию для переговоров и сдались, выдав своих офицеров. Только тогда появился сам Рогачев, который распорядился всех пленных и бывших с ними беженцев распустить по домам, а офицеров под конвоем отправил в Екатеринодар. На ст. Ольгинская, по уже сложившейся традиции, был созван стихийный митинг, на котором от Рогачева потребовали объяснить свое поведение. Его ответы были невразумительны, и хотя было много криков «Долой!», он все же остался начальником отряда, а его помощником избрали Ковтюха. После митинга отряд отправился на Старо-Величковскую, а оттуда все разъехались по своим станицам.

Анализ событий на Таманском полуострове дает наиболее яркое представление о том, как на самом деле выглядела «партизанщина». Этот анализ необходим еще и потому, что сформированная здесь потом Таманская армия сыграла очень важную роль не только в Гражданской войне на Кубани вообще, но и в личной судьбе Сорокина в частности. Важным этапом на пути к созданию этого объединения стало формирование из разных по количеству, оснащенности оружием и уровню дисциплины партизанских отрядов полнокровных полков. Уже упоминавшийся ранее бой под станицей Копанской показал, что дальше так воевать нельзя. Тогда на митинге в станице Ольгинской Е. Ковтюх предложил из своего отряда создать полк, и его поддержали. Так появился первый полк, получивший название Северо-Кубанский. Он состоял из 3-х батальонов, по 3–4 роты в каждом. Потом появились 4-й Днепровский полк под командованием будущего командующего таманской армии моряка И.И. Матвеева, 1-й Екатеринодарский полк, которым командовал бывший поручик Демус, а также отдельный Крымский отряд и Анастасьевский батальон.

Однако вскоре общее положение на Таманском полуострове ухудшилось в связи с высадкой 58-го Берлинского полка немцев. Рассчитывая на их поддержку, белоказаки снова активизировались и захватили почти весь полуостров. Для противодействия им образовался фронт красных частей, командование которыми из Екатеринодара поручили Романенко. Вскоре эта группировка предприняла наступление. Однако партизанские замашки продолжали довлеть над бойцами. Они потребовали, чтобы их всех посадили на подводы. Мотивировали свое требование так: «Довольно, при царе пешком ходили, в революцию мы должны ездить»[182].

Вначале наступление развивалось успешно. Казаки были прижаты к морю, часть из них уже начала грузиться на суда, чтобы бежать в Керчь. Но неожиданно, в момент почти окончательного успеха Романенко приказал прекратить преследование противника и отвел части на исходные позиции. Он объяснил свой приказ тем, что получил от своего агента, посланного в Керчь, сообщение, будто немцы, погрузив на пароходы пехоту, кавалерию и артиллерию, срочно отправляют их на Таманский полуостров.

В этом случае все красные войска могли быть отрезаны в самом узком месте от основной части полуострова. Сообщение об этой угрозе Романенко сделал членам своего штаба, но не осторожно, а так, что о нем услышали многие обозники. Они стали быстро разворачивать свои повозки и с шумом и гамом погнали их назад.

Бегство обозов заметили в частях, и там тоже, не ожидая особых указаний, самостоятельно снялись с позиций и начали поспешный отход, причем на виду у бегущего от них противника. При этом раздавались обычные в панической ситуации крики: «Завели нас! Предали!». Бежали так, что половину Екатеринодарского полка удалось остановить только у самого Екатеринодара.

Наблюдавший это противник прекратил отступление, стал разворачиваться назад и вскоре вернул утраченную территорию, затем переправился через Кубань и вступил на северную окраину Темрюка. Местный отряд красногвардейцев разбежался и скрылся в камышах. Романенко, чтобы защитить хотя бы этот город затребовал к себе Северо-Кубанский полк, который в наступательной операции участия не принимал и располагался на реке Старая Кубань. Полк собрался быстро и на подводах через станицы Варениковскую и Курганную прибыл в Темрюк, заняв оборону по правому берегу Кубани. Казаки, по-видимому, не заметили прибытия свежей части. Накануне они предъявили жителям Темрюка ультиматум, требовали сдачи города и выдачи всех большевиков к утру 16 мая. При этом казаки окопались по левому, низменному берегу Кубани, и их позиции хорошо просматривались со стороны красных. Нужно иметь в виду, что г. Темрюк представляет собой природную крепость. Он расположен на невысокой широкой возвышенности, окруженной лиманами, а со стороны наступавших казаков был прикрыт рекой Протокой.

Успех прибывшего полка был обеспечен, но он мог быть гораздо значительней, если бы Романенко и Рогачев проявили нуж-

ную распорядительность. Но от их никаких распоряжений не поступало. Инициативу в свои руки опять взял Ковтюх. Он упросил Романенко передать ему 4 пушки разбежавшегося Темрюкского отряда. Получив эту батарею, Ковтюх вывел ее на выгодную огневую позицию и приказал открыть ураганный огонь. Стрельба батареи оказалась очень эффективной. Ее снарядами были буквально изрыты все позиции белых, окопы перемешаны с грязью плавней. Под прикрытием огня артиллерии полк на баркасах переправился на занятый противником берег Протоки, выбил его с занимаемых позиций, но тут же отошел к станице Ахтанизовской. Полк мог наступать и дальше, но указаний на это от командования фронтом опять не последовало.

Романенко пришлось сдать должность новому командующему фронтом. Им стал бывший капитан старой армии Колышко. Он довольно активно стал приводить части в надлежащий вид. До него они по-прежнему управлялись митингами, а не приказами и распоряжениями командного состава Однако в это время произошло объединение Черноморской и Кубанской Советских республик, и Колышко сразу же не сошелся во взглядах с новым руководством. Временно его заменил Рогачев, но вскоре от должности отказался, и командование фронтом принял бывший подпоручик Ойцев. Он сменил месторасположение штаба фронта и перевел его в станицу Крымскую. Первый Северо-Кубанский полк, успешно справившийся с задачами в Темрюке, по уже сложившейся традиции на 15 дней был распущен по домам. А его место занял прибывший из Екатеринодара 2-й Северо-Кубанский под командованием Софонова.

Это был достаточно сильный полк, он насчитывал до 2-х тысяч человек личного состава при 15 орудиях. В это время на Таманском полуострове белые снова пошли в наступление и подошли к Темрюку. Все офицеры казачьих частей, которые недавно были захвачены в плен и отправлены в Екатеринодар, каким-то образом снова оказались отпущенными по домам, но отправились не домой, а в камыши. Там они влились во вновь формируемые белоказачьи отряды.

Формальное превращение красных таманских отрядов в полки еще долго никак не отражалось на укреплении в них дисциплины. В ряде случаев она даже стала еще хуже. Некоторые из них по-прежнему напоминали вооруженную толпу, которая особенно негодовала при попытках управлять ею из Екатеринодара. Уполн-

номоченные разных ведомств прибывали во все концы полуострова, суетились на митингах, привнося еще больший беспорядок. Когда, после захвата белыми Тихорецкой, об обстоятельствах потери которой будет сказано позже, Калнин отдал таманским полкам распоряжение двигаться к Екатеринодару, то командующий фронтом Ойцев отказался выполнять его и приказал всем оставаться на местах. Приказ тогда выполнил только один Северо-Кубанский полк[183].

А тем временем немцы перешли в наступление и 30 мая овладели г. Батайском. Только теперь Чрезвычайный Штаб, поняв всю серьезность положения, стал лихорадочно принимать меры к укреплению фронта против немцев. Была объявлена мобилизация четырех призывных возрастов, под Батайск направили все имевшиеся резервы. Только что вступивший в должность командующего армией К.И. Калнин отдал приказ, из которого следовало, что образуется три боевых участка, и им определялись конкретные задачи.

Азовский боевой участок под командованием С. Клово должен был наблюдать за побережьем от Таманского полуострова до Ейска включительно. Ростовскому боевому участку под командованием И. Сорокина надлежало удерживать занимаемые позиции, укреплять тыл и готовиться к переходу в наступление. Кисляковско-Сосыкинский боевой участок получил задачу перейти в наступление, отбросить противника к Дону, а частью сил способствовать выполнению задач на более ответственном участке, т. е. И.Л. Сорокину. Нужно иметь в виду, что основу войск Ростовского фронта составляла 1-я Внеочередная дивизия. Она была сформирована из войск бывшей Юго-Восточной армии, т. е. из частей, которыми до недавнего времени командовал И.Л. Сорокин.

Одновременно с этими событиями на территории Кубано-Черноморской республики – в Новороссийске возник и все сильнее давал о себе знать еще один очень серьезный очаг напряженности. Здесь произошел и набирал силу конфликт между сторонниками и противниками потопления Черноморского флота. Он требовал от ЦИК, командования Юго-Восточной армии отвлечения сил и оперативного вмешательства в решение этого вопроса государственной важности. Поэтому картина общей обстановки на Кубани и в Черноморье, где происходили события, связанные с Сорокиным и Автономовым, была бы неполной без учета названного обстоятельства.

В общих чертах суть проблемы заключалась в том, что весной 1918 г. немцы, оккупировав Украину, хотели заполучить и Черноморский флот. Это позволило бы им хозяйничать на Черном море, в союзе с Турцией держать под угрозой все Кавказское побережье и распространить свое влияние на Закавказье.

Приближение немцев к Крыму поставило Черноморский флот в очень тяжелое положение. Выход был один – уйти из Севастополя в один из портов, где у власти были Советы. Командующим морскими силами флота в это время был адмирал М.П.Саблин, а главным комиссаром и председателем Центрофлота эсер Кнорус. Среди матросов и офицеров развернулась полемика: отдавать флот немцам или вернуть его Советской России. Значительная часть офицерского состава была согласна отдать флот немцам, с ними соглашалась и часть матросов. Чтобы понять мотивы и причины такого раздвоения мнений, надо учесть особенности личного состава флота и расстановку в нем политических сил.

В отличие от, скажем, Балтийского флота, он пополнялся не из рабочей среды, а в основном из крестьянской молодежи южных губерний: Екатеринославской, Полтавской, Харьковской и других. Флот во все времена притягивал к себе желающих служить в нем, но больше таких возможностей было у сыновей наиболее грамотной зажиточной части крестьянства. Именно эта прослойка выходцев из зажиточных семей, легко подпала под влияние эсеров и анархистов. Когда Советское правительство приняло решение вывести корабли из портов Крыма в Новороссийск, некоторая часть матросов покинула военные суда, попросту дезертировала, и под давлением немцев вскоре оказалась на Кубани. Но и среди тех, кто остался, было немало настроенных проанархистски, а кто и просто не желал идти в подчинение к Советам. Саблин все же подчинился приказу из Москвы и вывел боевое ядро Черноморского флота в Новороссийск, оставив немцам устаревшие корабли.

Заполучив в свое распоряжение флот, Кубано-Черноморский ЦИК и лично Калнин трудно себе представляли, что с ним делать. Сразу же возник ряд очень серьезных проблем. Два десятка самых современных по тому времени боевых кораблей оказались в торговом порту, предназначенном главным образом для экспорта хлеба и табака и совершенно не приспособленном даже для самого примитивного их обслуживания. Не хватало угля, практически не было нефти, боевой запас остался в Севастополе, и пополнить его было не откуда. Не было также ремонтных средств, а самое

главное – немцы не захотели смириться с тем, что у них из-под носа увели целый флот. Они посчитали этот шаг нарушением Брестского мира.

В самом Новороссийске значительная часть представителей советской власти негативно восприняла приход кораблей, рассматривая его как лишнюю обузу для себя. На берегу начались митинги, на которых звучали призывы к экипажам: бросить корабли и всем идти на фронт. Как раз в это время немцы стали готовить свою высадку на Таманский полуостров со стороны Керчи с целью наступления на Новороссийск.

В этих условиях В.И.Ленин и Совет Народных Комиссаров приняли решение потопить корабли, и, не доверяя Саблину, направили в Новороссийск члена коллегии морского комиссариата Вахрамеева. Он должен был организовать потопление кораблей. Комиссаром флота стал Глебов-Авилов, и они вместе с Саблиным выступили категорически против уничтожения кораблей. Саблин заявил о своей позиции Вахрамееву и уехал в Москву к Ленину, чтобы лично добиться отмены его решения. Вахрамеев же прибыл в Екатеринодар и на заседании ЦИК изложил цель своего приезда. Руководство Кубано-Черноморской республики, посчитав, что обладание флотом, все-таки усилит их военный потенциал, тоже не дало своего согласия на потопление флота. Тем самым был создан прецедент, когда руководство отдельной республики не стало исполнять указаний центра. Поэтому не стоит особо удивляться тому, как вели себя и по отношению к самой местной республиканской власти тот же Автономов или Сорокин. Самостийность и партизащина глубоко пустила корни не только в среде революционных отрядов, но и на достаточно высоких уровнях советской власти. Нельзя забывать так же о наличии в Советах эсеров, ратовавших за продолжение войны с немцами, и их влиянии на принимаемые коллективные решения.

А между тем положение в Новороссийске все более ухудшалось. Комиссар флота Глебов-Авилов, а вслед за ним и Вахрамеев вынуждены были оставить город. Накануне, в ночь с 17 на 18 июня к Вахрамееву явился председатель Новороссийского Совета и предложил ему немедленно уехать из города, так как Совет только что вынес решение арестовать его и придать смертной казни, как изменника и провокатора. Предоставленные самим себе матросы бушевали, митинговали. В высказываниях поочередно доставалось всем, и большевикам, и эсерам, и офицерам,

и анархистам; точек согласия становилось все меньше. Так, например, группа матросов-анархистов требовала: флот не топить, «не подчиняться народным комиссарам, объявить флот не зависящим от советской власти и с черным флагом на корме продолжать дело революции»[184].

14-го июня из Екатеринодара на делегатское собрание представителей судов флота прибыл сам председатель ЦИК республики А.И. Рубин. На этом собрании он, как это не удивительно, тоже продолжал склонять делегатов к решению не выполнять указаний Совнаркома. Рубин уверял матросов, что войска Юго-Восточной армии во главе с Сорокиным под Батайском и Ростовом сражаются с немцами, и что борьба с захватчиками будет продолжена, несмотря на требования Совнаркома о прекращении боевых действий[185].

Это, на первый взгляд не совсем логичное заявление руководителя Советской власти Кубано-Черноморской республики, объяснялось просто. Во ВЦИК большое, а нередко и решающее значение играла позиция эсеров. В вопросе войны с немцами они были категорически против Брестского мира, считали, что, обладая Черноморским флотом, Советская Россия может отказаться от мира с немцами и продолжить «революционную войну» против них. Секретные планы эсеров простирались еще дальше - создать независимую от РСФСР республику, и тогда обладание Черноморским флотом еще больше подчеркнет самостоятельность республики, укрепит ее позиции во взаимоотношениях с Москвой.

Один из присутствовавших задал Рубину вопрос: означает ли его заявление призыв к непризнанию советской власти? Испугавшись прямого вопроса, растерявшийся председатель ЦИК Кубано-Черноморской республики ответил, что неисполнение приказа Совнаркома он не считает фактом непризнания центральной власти, так как вследствие плохой связи и информации центр не знает настоящего положения дел на Кубани и впоследствии только похвалит за неисполнение своего распоряжения. Приехавший вместе с Рубинным представитель штаба Юго-Восточной армии, тоже из числа эсеров, заявил, что если флот будет потоплен, то «вся армия, в количестве 47 тысяч человек, повернет свой фронт на Новороссийск и поднимет всех до одного моряков на свои штыки»[186].

Эти выступления еще больше сбили с толку матросов. Они решили послать делегацию в Екатеринодар в ЦИК Кубано-Черноморской республики, чтобы узнать, отражает ли его позицию

председатель Рубин. Так и сделали. Однако на этот раз в ЦИКе им заявили, что они не поддерживают выступления и предложения своего председателя, и что флоту самому нужно решать свою судьбу.

Оставшийся за Саблина командир крейсера «Воля» (бывший «Император Александр III») капитан 1-го ранга А.И. Тихменев[187] воспользовавшись тем, что после дезертирства почти 2-х тысяч матросов на флоте их осталось не более 3000 человек, 16 июня провел новое голосование по вопросу о судьбе флота. На этот раз за потопление проголосовало 250, против высказалось около 550, а около 2000 воздержались или проголосовали за «борьбу до победного конца»[188].

Считая, что большинство моряков за потопление, Тихменев стал действовать быстро и решительно. Накануне он послал курьера к Донскому атаману П.Н. Краснову в Новочеркасск за советом. Атаман, как последовательный сторонник союза с немцами, из двух зол выбрал, как он считал, наименьшее - предложил Тихменеву передать флот немцам. Этот ответ был доставлен за несколько часов до окончания указанных голосований и придал Тихменеву еще больше уверенности в том, что, сдав флот немцам, он поступит правильно.

Обо всех этих событиях в Москве, конечно, ничего не знали. Глебов-Авилов, бежав из Новороссийска и прибыв в Торговую, связался оттуда со Сталиным. Тот был в это время председателем Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа и находился в Царицыне. Глебов-Авилов рассказал ему о безнадежности ситуации в Новороссийске и просил поддержать его действия. Однако Сталин приказал ему срочно вернуться в Новороссийск и добиться выполнения решения Совнаркома, но Глебов-Авилов не послушался.

События в Новороссийске начали развиваться стремительно. В ночь с 16 на 17 июня матросы в массовом порядке стали дезертировать с кораблей. Одни не хотели уходить к немцам в Севастополь, другие не хотели быть причастными к потоплению Черноморского флота. Теперь уже дезертировали и офицеры. Утром выяснилось, что из-за недостатка команд лишь на небольшой части судов удастся развести пары для перехода в Севастополь. По приказанию Тихменева линкор «Воля», эсминцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Поспешный», «Пылкий», «Живой», «Жаркий» и «Громкий» вышли на открытый рейд.

В это же время над эсминцем «Керчь», которым командовал старший лейтенант В.А.Кукель[189] был поднят сигнал: «Судам, идущим в Севастополь: позор изменникам России»[190]. Сигнал этот на «Воле» заметили, но Тихменев приказал не отвечать на него.

Из кораблей, оставшихся в Новороссийске, только «Керчь» имела полный комплект команды (134 чел. – *Н.К.*), да на «Лейтенанте Шестакове» осталось 35 моряков. На всех остальных судах было только по нескольку человек. Поэтому главную роль в потоплении кораблей взял на себя командир эсминца «Керчь» Кукель. Рано утром 18 июня миноносцы были отбуксированы «Лейтенантом Шестаковым» на рейд. С 4-х до 6-ти часов все миноносцы и линкор «Свободная Россия» были потоплены. Свой эсминец старший лейтенант Кукель затопил 19 июня близ г. Туапсе.

Дезертировавшие и отпущенные офицерами члены команд затопленных и ушедших в Севастополь кораблей частью остались в Новороссийске и полгода спустя стали легкой добычей для белой армии, взявшей потом этот город, частью отправилась по домам, частью влилась в красногвардейские отряды на Кубани и в Черноморье. Последняя из названных категорий сыграла заметную роль в событиях Гражданской войны на Кубани. Многие из них были подготовленными военными специалистами военного дела и стали артиллеристами, связистами, составили команды бронепоездов и экипажи бронеавтомобилей. Они оказались очень кстати именно в этом качестве. Но немало их, как уже говорилось, вошло и в анархистские формирования.

Угроза немецкого нашествия, нового похода Добровольческой армии и начавшиеся выступления донских, кубанских и терских казаков по всему Северному Кавказу диктовали центральным органам страны необходимость объединения всех революционных сил для отпора контрреволюции и интервенции. Встал вопрос об образовании Южно-Русской советской республики и создания ее вооруженных сил.

Командование недавно образованного Северо-Кавказского военного округа и его военный руководитель – генерал-лейтенант старой армии А.Е.Снесарев, изучив ситуацию в красных войсках на Кубани, остались очень невысокого мнения об их состоянии. Ниже приводятся выдержки из его доклада, который он отправил 8-го июня в Москву, в Высший военный совет.

«Войска не обучены, без опытного командного состава, — писал он. — Боевые приказы в некоторых случаях, по докладу одно-

го из начальников отрядов, исполняются «по соглашению», то есть после обсуждения на митингах. [...] Окопы роются лишь частично на заставах [...] артиллерийское снабжение неудовлетворительное. На вооружении состоят винтовки «Гра», итальянские винчестеры, русские трехлинейные. Патронов имеется 100 на орудие, 60–65 на винтовку. [...] Интендантское вещевое довольствие не налажено [...] масса босых и голых, но в то же время наблюдаются случаи выдач обмундирования и жалованья по нескольку раз благодаря плохой организации дела. Денег не достаточно (в Великокняжеском участке в кассе 2000 рублей, тогда как в месяц требуется до одного миллиона). Снабжение ведется беспорядочно. В одном из отрядов Великокняжеского участка есть комиссар, на которого взвалено все снабжение. Находясь вечно под тяжестью непрерывного поступления требований, отчасти под угрозой самосуда, этот выбившийся из сил человек, но, несомненно, хороший работник, несколько раз принимался плакать в моем присутствии. Санитарной службы никакой. Она в таком же непозволительном состоянии, как и на других фронтах округа.

Отряды с их начальниками с точки зрения требований военного дела д<олжны> б<ыть> признаны неудовлетворительными. На внутренних фронтах они еще могут более или менее успешно выполнять поставленные им задачи, но для борьбы с организованным противником – с германцами или даже с отрядами, инструктируемыми и снабженными ими, они будут, безусловно, бессильны».

Дальше этот опытный военачальник предлагает:

«[...]

...Так как сейчас их заменить некем, а снабжать фронт невозможно, то приходится принять систему их постоянного улучшения в качественном и техническом отношениях, то есть, оставляя тех же начальников, организовать при них штабы, внести нужные технические поправки, снабдить сведущими людьми, добиться подробного учета, как людского, так и материального состава, и, наконец, что едва ли не самое главное, необходимо произвести перерием всех принятых красноармейцев».

Необходимость переприема красноармейцев на службу в красных войсках Снесарев объяснял следующими соображениями:

«а) Многие из красноармейцев были приняты на службу до объявленных правительством распоряжений от 22-го апреля (о торжественном обещании красноармейца и о сроке службы в

Красной Армии), поэтому сущность их обязанностей им остается неизвестной;

б) Многие из них дальнейшим своим поведением, а в особенности проявленными ими на службе явно отрицательными качествами, заслуживают, отчасти, безусловного увольнения теперь же, а отчасти самого серьезного предупреждения о неминуемом увольнении их в случае неисправления поведения.

[...] В виду того, — продолжал он, — что учета людей никакого не существует, списков, видимо, не ведется, человек в определенной части [...] ничем обязательным для него не связан, то происходит почти непрерывное изменение численности каждого из отрядов, чем нарушаются самые элементарные тактические предположения, происходит ничем не оправдываемая трата народных денег на выдачу жалования, на обмундирование и т.д. Главное, каждый начальник отряда лишается фактической возможности ответить на вопрос: каким боевым составом он располагает и что он в силах предпринять? Единственным исходом из такого положения было бы определить хотя какие-нибудь нормы для войсковых подразделений, а затем привязать людей, может быть способом, рекомендуемым выше, к определенной части, вести затем строгий учет людям и материальной части, категорически воспрепятствовать выдачу жалованья за не прослуженное время. [...] Что же касается до командного состава, — заканчивал свой доклад Снесарев, — то при всей его неудовлетворительности и подчас отсутствии самых элементарных тактических сведений, предъявляемых даже к самому младшему начальнику, все же по многим причинам к этому вопросу приходится подходить с большой осторожностью, дабы не внести ненужное смятение в существующие части и, тем самым, еще до создания настоящих войск, лишиться и имеющихся»[191].

Глава 10.

Без Автономова

Итак, новым командующим армией стал Карл Иванович Калнин (Калниньш). Он был ровесником Сорокина, 1-ю Мировую войну закончил прапорщиком, а перед назначением на эту должность с февраля месяца командовал 1-й колонной войск Юго-Восточной армии. Калнин до недавнего времени практически был подчиненным Сорокина, и болезненное самолюбие последнего было сильно уязвлено. Но в ЦИК прекрасно знали настроения Сорокина и в преддверии боевых действий против немцев и белоказаков не хотели в роли главкома иметь еще одного Автономова.

В составе войск Кубано-Черноморской республики на то время было две дивизии, и еще одна формировалась. Остальные войска составляли колонны, отдельные полки, дивизионы и батареи, были также несколько отрядов и формирований, которые периодически «перетекали» одно в другое, а потом делились на мелкие, самостоятельные. Поэтому одновременно Калнин захотел сделать то же, что отчасти удалось сделать на Тамани – упразднить мелкие партизанские отряды, переформировав их в полки и батальоны по единому образцу. Это был бы серьезный шаг по пути упорядочения структуры вооруженных сил республики.

Несмотря на кажущуюся реальность планов Калнина, им не суждено было сбыться. Всему помешали некоторые просчеты нового главкома, а главным образом неудачно высаженный по его приказу 5–7 июня под Таганрогом Ейский десант. К этому времени, в силу ряда причин Ейский отдел Кубанской области в развитии событий на Кубани стал играть весьма заметную роль. Главным образом этому способствовало наличие там достаточно многочисленной группировки красных войск. Из вернувшихся с фронтов солдат и матросов здесь была сформирована Азовская флотилия, 1-й и 2-й Ейские пехотные и кавалерийский полки. Сюда же прибыли отступившие с Украины и Крыма отряды и пехотные полки И.Федько, Таганрогский, 3-й Советский Латыш-

ский, 1-й Северокубанский и Ахтырский. Все эти силы стояли гарнизонами в станицах Ейского отдела общей численностью до 6400 штыков и сабель[192].

Латыша Калнина и руководство республики, особенно эсеров, видно вполне устраивало то, что общее руководство этими войсками осуществляли лица, чья национальная принадлежность считалась в то время гарантией революционности, это были Клово, Прусс, Гернштейн и Мандельштам. Именно на них возлагались надежды на успех десанта, а может быть, и на срыв Брестского мира.

В начале июня командир дивизии Ейского отдела С. Клово и командующий Азовской флотилией Герштейн представили Калнину разработанный ими план высадки десанта из Ейска под Таганрог. Главком и ЧШО утвердили его. Операция имела целью отвлечь внимание немцев от Батайска. В случае удачи с высадкой десанта Сорокин, хотя он был против этой авантюры, должен был 11 июня перейти в наступление и ударом с юга овладеть Ростовом.

План, конечно, был смелый, однако его разработчики, сгорая от ненависти к немецким захватчикам, не стали учитывать того факта, что с ними заключен Брестский мир, и к этому времени по всему периметру границ с Украиной боевые действия наконец-то были прекращены. В этих условиях открытое крупное вооруженное нападение на немецкие войска, расположенные в районе Таганрога, могли стать поводом для срыва мира с Германией.

Были и другие причины, по которым и десант, и последующее за ним наступление войск Сорокина были нецелесообразны. Воевать одновременно против немцев и Деникина, который практически уже был готов начать свой 2-й Кубанский поход, сил у Кубано-Черноморской республики не хватило бы. Кроме того, обстановка в тылу самой республики была сложной, в любое время можно было ожидать более масштабных выступлений белоказаков. Да и соотношение сил не внушало оптимизма. В составе немецкой группировки в это время было 3 пехотных дивизии и кавалерийская бригада. Они располагались на Донбассе, в Таганроге и Ростове и могли быть переброшены на угрожающий участок довольно-таки быстро по железной дороге. Так что даже в том случае, если бы десантная операция удалась, то есть Таганрог был бы взят, то для его удержания в течение длительного времени ни сил, ни средств не хватило бы. К тому же это было третьестепенной важности направление.

Тем не менее, операцию стали проводить. Погрузка на суда началась 5 июня, велась она в течение почти двух дней, и этот «секрет» стал известен всему населению города, окрестных станиц, да, вероятно, и противнику. На десантные суда было погружено до 5000 бойцов всех родов войск с оружием и боеприпасами. На рассвете 8 июня флотилия судов направилась к месту высадки, в устье реки Миус, в 22 км западнее Таганрога. Уже само движение судов, а потом и высадка войск были замечены противником. Первый бой десантников с немцами произошел 11 июня. Немцы оказали ожесточенное сопротивление, и после незначительного продвижения десант вынужден был вернуться на исходные позиции, к месту своей высадки.

Вдобавок ко всему в Азовское море вошел турецкий крейсер «Гамидие» с двумя миноносцами. По приказу Калнина навстречу кораблям противника из состава десанта были направлены тральщик «Адольф» и посыльное судно «Ястреб», вооруженные двумя зенитными и одним 120 мм орудиями. Кроме того, буксир «Геркулес» повел за собой болиндер* с одним 6-дюймовым и одним зенитным орудиями.

Но, начав свое движение для сближения с противником, командование этих судов не предупредило десант, и там началась паника. Как это было сплошь и рядом в Гражданскую войну, среди десантников тут же распространился слух о предательстве командования флотилией. Стали раздаваться крики «Моряки предали!», «Корабли уходят!», и красноармейцы стали покидать окопы, отходить за поселок Веселый. Немцы воспользовались этим, и перешли в наступление. Хорошо, что в это время на помощь десанту подошел тральщик «Аюдаг» и открыл огонь по противнику из своих двух 3-х дюймовых орудий. Только смелые действия «Аюдага» помогли восстановить в десантных частях порядок.

Вскоре в пределах видимости на море появился крейсер «Гамидие» в сопровождении миноносца. Третьим вражеским судном был русский тральщик «Афанасий», имевший, как потом выяснилось, на борту австрийского адмирала и группу офицеров из штаба по укреплению побережья Азовского и Черного морей.

Невзирая на неравенство сил, советский болиндер открыл огонь из двух орудий по турецкому крейсеру, тот начал было раз-

---

* *Болиндер* – тип вспомогательного судна, именуемый по названию установленного на нем двигателя фирмы «Болиндер».

Бои
на Таманском полуострове
в июне 1918 г.
Условные обозначения
Советские войска
Немецкие войска
Белые казаки
Масштаб
10 0 10 20км
Керчь
Крымский п-ов
Керченский пролив
Таманский залив
Таманский п-ов
Тамань
Ахтанизовская
Темрюкский залив
Старотитаровская
Вышестеблиевская
Ахтанизовский лим.
Курчанская
Темрюк
Темрюкский отр.
Крымский отр.
Кубань
Джигинсков.
1 Екат.полк
1 Сев.Куб.полк
Варениковская
Гостагаевская
4 Днепр.полк
Матвеева
Анапа
Славянская
Анастасиевская
Крымская
Новороссийск

ворачиваться для боя, но затем под прикрытием дымовой завесы вдруг стал уходить. Тихоходный «Афанасий» потянулся за ним, но отстал, был настигнут красным «Ястребом» и сдался. К вечеру «Ястреб» вернулся к десанту, конвоируя захваченное судно.

Однако победа на море не переросла в победу на суше. К месту высадки десанта немцы подтянули свои части из Ростова и Мариуполя – пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду. Положение десанта стало критическим. Немцы открыли огонь из тяжелой артиллерии по войскам, занявшим оборонительные позиции у Христофоровка-Новозолотой. Десантники стойко оборонялись, корабли флотилии поддерживали их с моря. Но немцы все же достигли берега и открыли огонь и по судам. «Аюдаг» был подбит, командир и его помощник убиты. Тем не менее, корабль продолжал стрелять, пока были снаряды. Началась поспешная посадка десантников на суда. Но вернуться в Ейск смогли далеко не все. Большая часть красноармейцев погибла, многие попали в плен. Это была одна их самых кровопролитных операций для красных войск за всю Гражданскую войну на Юге России.

Она была поучительна не только своими неоправданными потерями, но и тем, что вскрыла еще раз основной недостаток командования войск Кубано-Черноморской республики: непонимание им военно-политической обстановки в стране и неумение отличить главный фронт от второстепенного. Сказалась и работа эсеров, они по-прежнему были категорически против мира с немцами.

Командование немецких оккупационных войск на Украине заявило советским представителям в Киеве протест по поводу высадки красного десанта под Таганрогом. В связи с этим 10 июня 1918 г. В.И.Ленин и Народный комиссар иностранных дел Г.Я.Чичерин в телеграмме в адрес командования войсками в Ейске указали: «...ставим на вид, установленная демаркационная линия ни в коем случае не должна быть нарушена, виновные будут подлежать строгой ответственности перед революционным трибуналом»[193].

Через два дня, 12 июня 1918 г., главкому Калнину из Царицына было предписано приостановить военные действия против немцев и начать с ними переговоры.

Однако вернемся к Сорокину. Он, конечно, все время, пока Автономов командовал Юго-Восточной армией, был на его сторо-

не, многие свои шаги тот предпринимал по согласованию с ним. Сорокин тоже искренне считал, что партийное влияние на армию должно иметь пределы и не касаться вопросов оперативного характера. Ему нравилось стремление Автономова уйти из-под контроля Чрезвычайного Штаба Обороны и самого ЦИК, но затея не удалась. Сорокин и сам чудом удержался в армии. На уже упоминавшемся 3-м Чрезвычайном съезде было внесено предложение – просить ЦИК Кубано-Черноморской республики отстранить его от занимаемой должности и назначить по его действиям следствие. Но это предложение не было утверждено[194].

Пройдет всего четыре месяца, и Сорокин в еще более жесткой форме попытается продолжить дело Автономова.

Ростовский фронт, куда прибыл Сорокин, был более готов к оборонительным действиям, чем к наступательным. Командиров частей это вполне устраивало, они обосновались здесь основательно, обустраивали свои штабы, за счет поборов местного населения, разграблений вагонов и складов обрастали вооружением, снаряжением, другими материальными запасами. Между теми, кто прибыл с Украины, и частями, которые привел с собой Сорокин, сразу же начались трения. Вскоре к Сорокину прибыл новый политический комиссар – С.В. Петренко.

> «В конце июня, – пишет он, — мне пришлось принять должность политического комиссара при Сорокине, когда борьба «сорокинцев» и «радионовцев» достигла как раз наивысшего напряжения. Приходилось работать на два фронта: с одной стороны уничтожать раскол, заботиться о поднятии престижа командования, с другой стороны — не давать этому самому командованию действовать в ущерб принципам Советской власти»[195].

Здесь и далее в книге будут еще не раз использованы воспоминания Сергея Петренко. В революцию он пришел, будучи штабс-капитаном царской армии и с дореволюционным стажем в партии большевиков. Большую часть того времени, когда И.Л. Сорокин командовал Красной Армией Северного Кавказа, С.В. Петренко был его начальником штаба. Пережил вместе со своим главкомом радость побед и горечь поражений, по выражения самого Сорокина «ходил с ним под пулями».

Свои воспоминания он написал буквально по горячим следам, всего через три месяца после завершения Пятигорской трагедии. Тогда еще можно было писать правду о Сорокине. Однако даже в то время широкой огласке его воспоминания не были удо-

стоены. Их «засекретили», определили на специальное хранение, и только сейчас, почти сто лет спустя, появилась возможность пользоваться этим бесценным историческим материалом. Воспоминания С.В. Петренко имеют исключительную историческую ценность и потому, что автор взял на себя смелость поднять свой голос в защиту Сорокина наперекор развернувшейся кампании по его полной дискредитации. Принципиально оценивая боевые и моральные качества главкома, он постарался показать все плюсы и минусы его характера, объяснить мотивы его не всегда популярных действий, взаимоотношений с руководством ЦИК Северокавказской Республики и Реввоенсоветом армии. Воспоминания С.В. Петренко никогда и нигде не публиковались и сохранились на правах рукописи.

Вот как он описал впечатление от своей первой встречи с И.Л. Сорокиным:

> «Небольшого роста черноволосый, смуглый, с маленькой проседью, нависшими бровями и хохлацкими усами, он не производил никакого особенного впечатления на первый взгляд, но уже после двух слов чувствовалось, что имеешь дело с человеком очень решительным, с огромной силой воли, а его манера разговаривать, лишь изредка исподлобья взглядывая на собеседника, заставляла предполагать в нем скрытный характер. Держался он очень спокойно, отдавал распоряжения и приказания не повышая тона, но говорил с несколько напускным подъемом. Я обратил на это внимание, когда пришлось улаживать отношения с одним матросским отрядом, не пожелавшем сдать оружие»[196].

Здесь же уместно привести и те слова о впечатлении, которое произвело на С.В. Петренко окружение И.Л. Сорокина и, прежде всего, его штаб.

> «Окружали Сорокина, — пишет он, — его адъютанты, коменданты и еще какие-то лица, по большей части ничего общего со штабным делом не имевшие, даже полуграмотные, но очевидно очень преданные личности Сорокина и бывшие крайне высокого мнения о своем назначении. Сорокин с ними обращался очень дружески, хотя и гонял их без зазрения совести. При первом выходе Сорокина из вагона, как и при следующих, его всегда встречал и провожал оркестр. Солдаты Тихорецкого батальона возмущались такими «царскими почестями», но штабные объясняли, что это они сами устраивают Сорокину, как знак глубочайшего к нему уважения. Сорокин при таких выходах держал

себя с большим достоинством, с войсками всегда здоровался и обращался с короткими приветственными речами»[197].

Впоследствии Петренко нашел объяснение, почему у Сорокина так много адъютантов, комендантов, зачем его почти все время сопровождал оркестр. Проводя большую часть своего времени в войсках, на фронте, как правило, именно там, где складывалась критическая ситуация, он бросал своих адъютантов и конвой в самые опасные места, чтобы остановить бегущих или ошеломить противника внезапным ударом. Сам он при этом неизменно находился впереди атакующих. Если была хоть малейшая возможность, оркестр тоже шел в боевых порядках, воодушевляя своей игрой наступающих. Находясь на передовой, он пресекал попытки создавать ему какие-то особые бытовые условия, но, прибыв в штаб, не возражал, если эти же адъютанты обеспечивали ему нормальный быт. Впрочем, заботиться о Сорокине было кому и без них. На фронте он близко сошелся с сестрой Автономова Екатериной Исидоровной.

Прибыв под Ростов, Петренко окунулся в обстановку междоусобицы и самостийности. Войска не очень верили в то, что немцы нарушат перемирие и занимались, кто чем попало. Как он потом вспоминал:

«В те времена главнокомандование и просто командование заключалось в приятном времяпрепровождении: сидении (обыкновенно в вагоне) и подписывании всяких резолюций, ордеров об арестах, отпусках чего-либо и прочих бумажек. Приказы на Ростовском фронте появились с появлением Сорокина. Бывали и приказы главкома, но я их не видел. Иногда главкомы и командармы выезжали на фронт, особенно когда войскам нужно было наступать. Сорокин охотно и часто ездил по фронту, а фронт в то время был основательный: позиция с блиндажами, траверсами, ходами сообщения и прочими удобствами. Войска же делились на две враждующие группы: украинскую и кубанскую. Украинцы задержали немцев одни, до подхода кубанцев, и поэтому были недовольны, что командование было дано Сорокину, а не тов. Родионову, который первый сумел дать отпор немцам, до некоторой степени объединив разношерстные шайки украинских отрядников»[198].

До С.В. Петренко у Сорокина уже был политический комиссар, но, по мнению руководства ЦИК, он быстро попал под влияние командующего, и потому его отозвали, а вскоре он погиб.

Имелся у Сорокина также политический комиссар фронта, назначенный самим Сорокиным. Его обязанности состояли в производстве всяких обысков и реквизиций, его Петренко вскоре устранил. О себе Петренко пишет, что его, как нового политического комиссара, Сорокин принял более чем холодно:

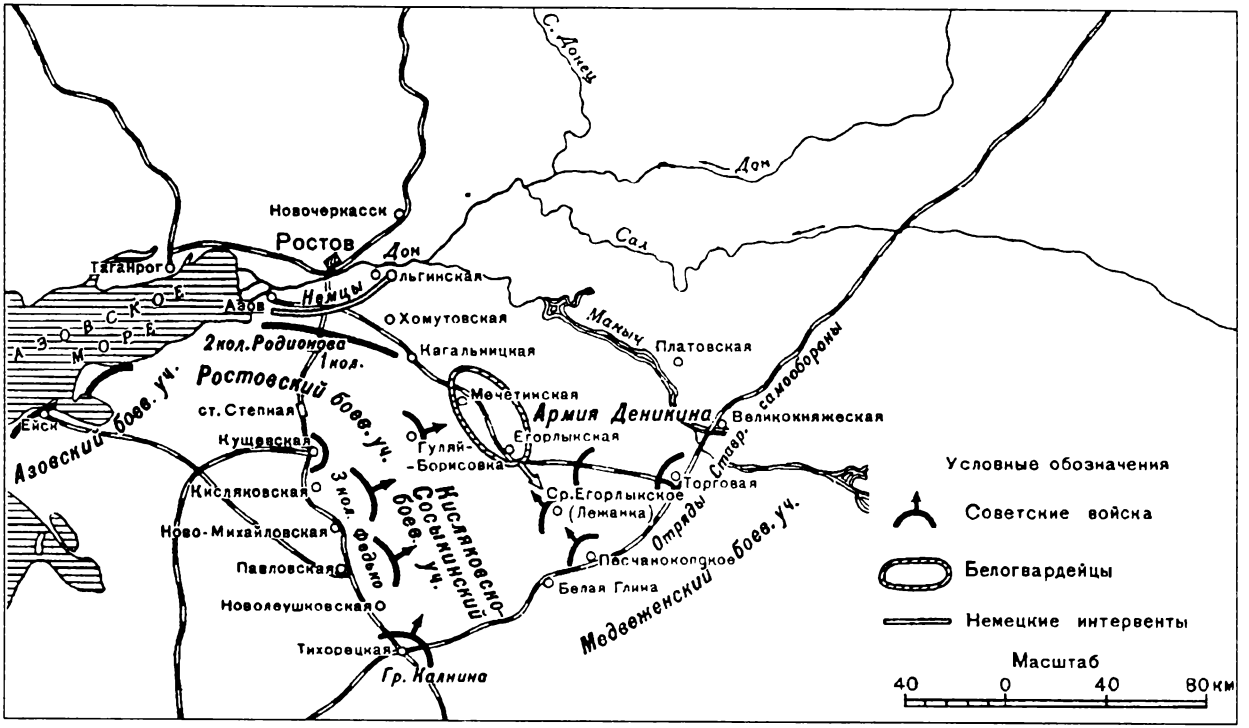
> «[...] и ясно дал понять, что в моем назначении видит «усиление надзора». Его штаб повторил все приемы своего начальника в квадрате, за мной была постоянная слежка. Чувствовалось, что при таких отношениях, никакая совместная работа невозможна. Тогда я вызвал Сорокина на вполне откровенное объяснение, выяснил определенно и откровенно свой взгляд на мою задачу, и в результате добился спокойного отношения к себе со стороны штабных, и некоторой откровенности со стороны Сорокина»[199].

Описывя портрет И.Л. Сорокина, Петренко все время подчеркивал, что в этом человеке житейский ум и хитрость уживались с большим честолюбием. Он не прочь был при случае покрасоваться, выделял людей с хорошими внешними данными, иногда закрывая глаза на их слабые деловые способности и моральные устои. При этом был бескорыстен и требовал этого от подчиненных. Но больше всего он ценил дружбу и преданность себе, так как в тех условиях найти человека, на которого можно было положиться в трудную минуту, было не так-то легко. Петренко заметил также, что, не смотря на свою горячность и вспыльчивость, Сорокин с трудом, но воспринимал критику в свой адрес, если она была обоснована и высказывалась в дружелюбном тоне. Он никогда не искал политической власти, и откровенно говорил, что с ней он просто не справится.

Однако при этом начальник штаба подчеркивал большой военный талант своего начальника:

> «[...] он великолепно разбирался в военных вопросах. Тактические задачи, стратегические планы он развивал быстро и наверняка. Он часто спорил с теми или другими командирами и на деле всегда был прав. Администратор он был плохой [...] Я ни малейшей поддержки не встречал с его стороны при моих попытках упорядочить устройство, управление и снабжение нашей армии, а если и помогал мне, то такими мерами, которые еще больше запутывали наш и без того сложный аппарат»[200].

Не высокого мнения Петренко был и о том штабе Сорокина, который достался ему в наследство.



Положение сторон на Ростовском боевом участке к 24 июня 1918г.

«Штаб его на деле являлся артелью денщиков и посыльных. Делопроизводство по оперативной и строевой части заключалось в химическом карандаше, блокноте и печати. Существовали какие-то канцелярии, где кормились какие-то дармоеды, и томились два-три работника, чахнувшие от тоски и безделья. Я всеми мерами пытался бороться с этими «учреждениями». Но Сорокин мне не помогал, да и на верхах у нас на Кубани были в большей или меньшей мере такие же порядки. Поэтому мне, как политкому, пришлось в борьбе со штабами и канцеляриями понести полное поражение»[201].

Конечно, Сорокин, обладая острым аналитическим умом, не мог не видеть, чем грозит Кубано-Черноморской республике усиление Добровольческой армии Деникина. Удерживая свою группировку в состоянии готовности к отпору возможной агрессии со стороны немцев, он, тем не менее, попытался нанести силами войск своего Ростовского боевого участка удар по белым со стороны Батайска и Кущевки. Но эта операция развития не получила, и части Сорокина отошли на свои исходные позиции. Командование Северо-Кавказского военного округа тоже пока не озаботилось локализацией района нахождения добровольцев.

Силы красных войск на Северном Кавказе были растянуты по фронту в 350 км, но это не была линия сплошной позиционной обороны. Начертание фронта угадывалось только по перечню больших и малых населенных пунктов, в которых располагались те или иные красные соединения и части.

Безусловно, Деникин и его штаб прекрасно знали о том, что силы войск Калнина главным образом нацелены на борьбу с немцами и еще не перестроились для противодействия добровольцам, а многие части под видом борьбы с внутренней контрреволюцией занимаются наведением «революционного порядка» в казачьих станицах, что вскоре приобрело форму элементарного мародерства. В Таманском отделе, например, оперировал Рогатов. Этот революционный «братишка» (брюки-клеш, тельняшка, бескозырка) со своими «матросиками» жег станицы с четырех концов, расстреливал всех, у кого дома находили черкеску, кубанку или седло. При его приближении к ст. Копанской население, знавшее, что им угрожает, кинулось, куда глаза глядят. Но рогатовская конница обошла беженцев: рубили всех, гнали к станице. Сам Рогатов поставил пулеметы и расстреливал людей партиями по 20 человек. Тех, кто ожидал своей смерти, тут же заставлял

петь «Интернационал». В ямы свалили до 200 трупов. Когда таманские казаки потом резали иногородних до грудных детей включительно, засекали нагайками старух и стариков, это, конечно, было страшно, но после рогатовских расстрелов – не удивительно. Подобным же образом под Ейском действовала банда подполковника Подгорного[202].

В ответ на эти бесчинства в станицах Украинской и Старолеушковской казачьи сходы вынесли антисоветские решения и объявили мобилизацию. В ночь на 9 мая восстали по сути дела все казаки Таманского отдела. Мятеж там возглавили офицеры Шульга и Цибульский. В станице Таманской они захватили командира красного отряда Беликова и группу военных работников Красной Армии – всех их расстреляли. Это уже был целый фронт.

Зная о смене настроений среди казачества, белое командование спешило начать новый поход на Кубань. Временную паузу оно использовало для того, чтобы укрепить свои силы численно, технически и организационно. К этому времени в Добровольческой армии уже было 5 пехотных, 8 конных полков и 6 батарей артиллерии. Всего 9000 штыков и сабель при 21 орудии. Кроме того, в этом же районе действовал еще отряд донских ополченцев под командованием полковника Быкадорова, насчитывавший 3500 штыков и сабель при 8 орудиях[203].

Несложные подсчеты показывают, что число белых сил все же было в несколько раз меньше чем противостоящих им Кубано-Черноморских и Ставропольских красных войск. Но по своей сколоченности, обученности и дисциплине эта армия была на голову выше красной. К тому же в Добровольческой армии почти половину ее составляла конница, что делало ее гораздо подвижней, маневренней.

Свой первый удар белые нанесли в районе села Лежанка 23-го июня 1918 г. (Средне-Егорлыкская) и станицы Новороговской. В районе Лежанки оборонялась красная бригада Жлобы. В ее состав входили 2-й Северо-Кавказский, 1-й Тихорецкий, 1-й Донской, 2-й Донской и Таганрогский полки, а также отряды Медведицкого боевого участка. В наступление белые пустили свою 2-ю пехотную и 1-ю конную дивизии. Несмотря на большие потери, деникинцы взяли Лежанку. Части бригады Жлобы были расчленены на две группы и отступили: одна – через Незамаевскую, Тихорецкую, другая – к Белой Глине. Затем успех белым сопутствовал и при взятии ими Торговой и Великокняжеской.

Теперь Калнину нужно было уже думать о том, как усилить оборону станции Тихорецкой, она была воротами не только на Кубань, но и на весь Северный Кавказ, там же находился и главный штаб красных войск.

Части Сорокина пока в крупномасштабных боевых действиях не участвовали, и Калнин принимает решение перебросить с Ростовского боевого участка одну дивизию для удержания Тихорецкой. Однако Сорокин к этому времени уже имел собственный план использования своих войск. Проанализировав ситуацию, он пришел к выводу, что может легко нанести поражение белым на направлении Кагальницкая – Мечетинская, где находились только части прикрытия белых. Это был заманчивый план, в случае его осуществления белые вынуждены были бы часть своих войск перебросить на борьбу с ним, ослабив тем самым свой натиск на Тихорецкую. Таким образом, он действовал как бы в русле плана Калнина, но по самостоятельно принятому решению, что для Сорокина было очень важно.

Вначале наступление, предпринятое Сорокиным, развивалось успешно. Передовые части белых на этом направлении были отброшены на линию Мечетинская – Егорлыкская – Лежанка. Деникин действительно вынужден был 1 июля из района Торговой бросить на Егорлыкскую Корниловский полк. Калнин же продолжал укреплять оборону Тихорецкой. Он изъял из Ейского отдела, где боевые действия против казаков поутихли несколько полков: 1-й Ейский пехотный И.Л.Хижняка, Приморско-Ахтырский П.К.Зоненко, Тимашевский М.П.Ковалева и отряд К.М.Рыльского. Из них была образована колонна под командованием бывшего прапорщика И.Ф.Федько.

Он тоже начал наступление и продвигался вдоль железной дороги на Торговую. Но в это же время белые начали наступление с другой стороны Торговой и тоже вдоль железной дороги, но только на Песчанокопское. Его защитники стойко обороняли свои позиции и вскоре 2-я дивизия Боровского, понеся большие потери, оказалась перед окопами частей Федько. Утром Деникин бросил под Песчанокопское еще три пехотных полка и 1-ю конную дивизию. К вечеру части Боровского ворвались в Песчанокопское и красные стали отходить к Белой Глине.

Эта победа досталась белым дорогой ценой. Их войска были так обескровлены, что не могли преследовать красных и на три дня приостановили наступление. Части Калнина потерпели пора-

жение главным образом потому, что оборона была организована лишь вокруг населенных пунктов, да и то небольшими силами. Это позволило белым совершать глубокие обходы и охваты с флангов, выходить обороняющимся в тыл. Под угрозой окружения красные вынуждены были оставить позиции и отступить. Затем была оставлена и Белая Глина, а противник под прикрытием бронепоездов стал прорываться уже непосредственно к Тихорецкой. Ее обороняли Ставропольские отряды численностью до 5000 человек, вместе с ними находился и главком Калнин. Он все еще ожидал от Сорокина дивизию, но тот, встретив упорное сопротивление противника, вынужден был прекратить предпринятое им наступление и отходить на занимаемые ранее позиции.

Трудно сказать, что явилось первопричиной того, что Сорокин не выполнил приказа Калнина и вовремя не выслал дивизию для усиления Тихорецкой. Может быть обида за то, что главкомом назначили не его, а Калнина, но скорее всего он не понял, что обстановка изменилась к худшему и искренне продолжал считать, что нужно как можно больше сил держать в кулаке на случай наступления немцев и не распылять их. Как бы то ни было, но не получив помощи от Сорокина, Тихорецкая группировка оказалась в тяжелом положении.

Мощное наступление добровольцев создало угрозу существования Северо-Кавказских советских республик. В этих условиях 7 июля в Екатеринодаре на Чрезвычайном съезде советов было принято решение об образовании единой Северо-Кавказской Советской Социалистической республики.

Другая важнейшая проблема, которую нужно было решать, – установление тесной связи с центром – Москвой. Было совершенно очевидно, что многих ошибок, допущенных ЦИК и командованием Юго-Восточной армии, можно было бы избежать, если бы такая связь с центром была более тесной. Главной же задачей этот съезд считал создание боеспособной, дисциплинированной армии, соединения и части которой могли бы решать не только те задачи, которые они сами себе определяли, исходя из обстановки, а воевали бы в интересах обороны всего Северного Кавказа.

Почти все решения на съезде большевикам приходилось принимать в острой борьбе с эсерами, которые по-прежнему требовали продолжения войны с Германией. В заключение съезд избрал ЦИК Северо-Кавказской Советской республики в составе

44 большевиков, 29 левых эсеров и представителей от фронтовиков. В Президиум ЦИК вошли: А.И.Рубин, М.И.Крайний, Е.Д.Лехно и др.

* * *

А наступление белых войск на Тихорецкую продолжалось. Деникин усилил группировку наступающих частей Марковским и 1-м Конным полками, состоявшими главным образом из офицеров. Калнину постоянно поступали доклады командиров полков и отрядов об отсутствии боеприпасов; обороняться было все труднее. На очередном совещании командного состава Жлоба предложил отправить в Царицын делегацию, чтобы доложить находящемуся там Военному совету Северо-Кавказского военного округа о ситуации в войсках на Северном Кавказе и получить помощь боеприпасами. Предложение было принято, и Жлобе самому было предложено возглавить эту делегацию.

В ночь на 14 июля соединения и части белой армии перешли в наступление и заняли станции Терновскую и Поршинскую. Советские войска оказались зажатыми с 3-х сторон, и отошли непосредственно к Тихорецкой. Главком Калнин не ожидал такого быстрого и мощного продвижения белых и до последнего момента находился в своем штабном вагоне на станционных путях. В результате, он чуть не попал в руки противника. Вот как описывает это событие генерал Деникин.

> «Добровольцы 2-й дивизии продолжали бой в поселке (Тихорецкая. – *Н.К.*), станционные служащие попрятались. Все пути были загромождены поездными составами, стоял в полной неприкосновенности и штабной поезд главковерха. Сам Калнин, как передавали потом железнодорожники, пешком, без шапки, в одиночестве, пробрался между составами и скрылся в направлении на Екатеринодар. Его начальник штаба, полковник генерального штаба, застигнутый на месте, заперся в своем купе. Когда потом чины инженерной роты взломали дверь купе, глазам вошедших представилась такая картина: на полу в луже крови лежал труп полковника и рядом с едва заметными признаками жизни – его жена, в которую он стрелял перед самоубийством. Его помощник и адъютант были расстреляны»[201].

По некоторым данным белые захватили тогда в плен также начальника штаба Балабина, областного военного комиссара Силичева и военного руководителя полковника старой армии Сос-

ницкого и зарубили их. Ф.Ф. Крутоголов же описывает этот случай иначе. По его словам ЦИК накануне наступления белых на Тихорецкую усилил штаб и оперативный отдел армии несколькими офицерами, на самом деле оказавшихся деникинскими агентами, «которые, — как он пишет, — затаившись, творили свои темные дела [...] вызвали на срочное совещание в главный штаб на ст. Тихорецкую комиссара республики А.С. Силичева, военрука Сосницкого и в это время подняли восстание в главном штабе. Силичев и Сосницкий были убиты [...] Начальник штаба Балабин сражался до последнего патрона и застрелился»[205].

Как бы то ни было, а 14 июля Тихорецкий узел был взят белыми. Одновременно с этим Добровольческая армия начала наступление на Сосыку и Кущевскую, уже непосредственно в сторону Екатеринодара, Кавказской и Ставрополя. Теперь угрожающая обстановка стала складываться и для войск Сорокина.

Управление советскими войсками в значительной степени оказалось нарушенным. Во многом это объяснялось неспособностью Калнина руководить достаточно многочисленными войсками в столь сложной обстановке. Беспомощность главкома стала очевидной, когда его 15 июля, то есть на второй день после сдачи Тихорецкой, пригласили на срочное заседание ЦИК и потребовали доклада о причинах столь крупного поражения при убедительном численном превосходстве своих войск над войсками противника. Из доклада Калнина следовало что «...общего фронта у нас нет. Имеются отдельные группы войск, живой связи между собой не имеющие. Ведется партизанская война... Ейский полк разбежался, осталось 700 человек. Староминский, Ахтарский полки тоже бежали, от Тимашевского полка осталось 600 человек»[206].

Больше ничего внятного Калнин доложить не смог. Когда председательствовавший Рубин спросил у главкома, какой же теперь план у него имеется для продолжения борьбы и возврата утерянных территорий, Калнин доложил, что никакого плана у него нет и как спасительное средство предложил немедленно назначить главнокомандующим вместо него И.Л. Сорокина. При этом он заявил, что себя считает утратившим способность командовать всеми вооруженными силами республики[207].

Обсуждение кандидатуры Сорокина затянулось, а обстановка требовала, чтобы Калнин продолжал руководить войсками, иначе всякое управление ими будет потеряно вообще. Присутствовавший на заседании ЦИК один из областных военных комиссаров –

М.Н.Алехин, не зная, что происходит на Тамани, предложил снять войска оттуда и с других второстепенных участков и, создав из них отдельную армию, двинуть ее на Тихорецкую. Затем она должна была бы с боями пробивать путь к основным силам Красной Армии на Царицын и вывести Северный Кавказ из изоляции. Восстановив таким образом связь с центром, можно было бы получить от него продовольствие, обмундирование, а главное оружие и боеприпасы.

Это предложение до конца тоже рассмотреть не успели, так как поступило сообщение о новом наступлении Деникина, и нужно было заниматься другими еще более срочными вопросами. Белые наступали вдоль железной дороги в направлении войск Сорокина, на Сосыку – Кисляковскую. Их натиск с трудом сдерживали кавалерийские части под командованием Г.А.Кочергина и несколько отрядов пехоты. 18-го июля 1-я пехотная дивизия белых все-таки заняла железнодорожный узел Сосыка, а на следующий день продолжила наступление на север. Части Кочергина оказывали упорное сопротивление, но вынуждены были отступать. Кочергин обратился к Сорокину за помощью, но тот прислал телеграмму. В ней он требовал от Кочергина усиления организованности среди его подчиненных, повышении стойкости бойцов и бить белых «революционным порядком».

Войска Сорокина вместе с частями Кочергина оказались между белыми и немцами. Начни немцы в это время наступление, они вместе с добровольцами поставили бы его в безвыходное положение. Нужно было ликвидировать Ростовский фронт и уходить на помощь Екатеринодару, вынудив тем самым теперь уже белых стать фронтом против немцев. На всякий случай Сорокин провел переговоры с их командованием, получил грантии того, что они будут строго соблюдать условия перемирия. Он объяснил немецкому командованию, что уводит свои войска, так как они нужны на Кубани для сельскохозяйственных работ – уборки хлеба. К этому времени у Сорокина под ружьем находилась 30-тысячная группировка, в которую входили и украинские части. Сорокин и им поставил задачу отходить на новую позицию у Кущевки, чтобы затем наступать на Тихорецкую-Торговую.

Однако левые эсеры, находившиеся в числе командного состава войск, категорически отказались от плана ликвидации Ростовского фронта и подбили на неповиновение украинские части. Тем действительно не хотелось бросать обжитые позиции, спокой-

ный фронт и лезть в пекло Гражданской войны. Было проведено еще одно обсуждение плана Сорокина, но украинские командиры вновь заявили, что отходить не желают. Как вспоминал потом С.В. Петренко, «выведенный из себя Сорокин заявил, что "...отнюдь не считает настроение собрания командного состава для себя руководящим, и будет действовать, как ему подсказывает долг и рассудок"»[208].

Когда войска бывшего Ростовского фронта все же сосредоточились в районе Кущевской, Сорокин в своем вагоне созвал совещание командного состава, для разработки плана дальнейших действий. Обсуждалось два варианта отхода: один – по железнодорожной линии через Тимашевскую на Екатеринодар; второй – через Тихорецкую – Торговую на Царицын. По личному предложению Сорокина решено было отходить через Тимашевскую. План Кочергина прорываться на Царицын значил вообще оставить Северный Кавказ, и потому не был поддержан. Сорокин отдал приказ об отходе, но он не был выполнен. Командующий видел в этом происки командования украинских частей и отчасти был прав, так как Мокроусов, Мельников и Чернявский, посоветовавшись, решили, что если сразу повести войска дальше, то они просто не пойдут, а потому нужно как минимум два дня, чтобы заняться разъяснительной работой в них. Это и было сделано. После бурных прений бойцов удалось тогда уговорить только благодаря авторитету фронтового исполкома, возглавляемого Зверевым. Но время все-таки было упущено, и Сорокин лишний раз убедился в неблагонадежности украинских полков. У него было несколько нелицеприятных разговоров с их командирами, поэтому, когда одного из них, – Чернявского, солдаты убили самосудно, кто-то пустил слух, что это было сделано не без «просьбы» Сорокина.

Отойдя к Кущевке, части бывшего Ростовского фронта закрепиться там не смогли. Они не выдержали страшного натиска противника со стороны Сосыки, в это же время пали станицы Крыловская и Кисляковская. Перебрасываемые на этот участок подкрепления разбивались противником по мере их прибытия, они даже не успевали разгрузиться из эшелонов. Деморализация войск росла. Как вспоминает С.В. Петренко:

> «Малейшего нажима со стороны Каяла оказалось достаточно, чтобы войска в панике бросались бежать. Паника началась почти без причины»[209].

Сорокин принимал отчаянные усилия, чтобы стабилизировать ситуацию. Его штаб по заранее обдуманному плану переходит в Старо-Минскую. Этот узел железных дорог позволял сравнительно быстро произвести маневр силами, но войска побежали и дальше, бросая противнику богатую добычу, эшелоны, битком набитые имуществом и снаряжением разных отрядов. Остановить бегущих и привести их немного в порядок удалось только в Тимашовке. Отсюда Сорокин спланировал контрнаступление, и оно по началу дало блестящие результаты. Красные войска, двигаясь двумя колоннами на Выселки и Кореновскую, отрезали и наголову разбили группировку противника, пытавшуюся взять Екатеринодар, приблизились к Тихорецкой на 50 верст, и, главное, взяли инициативу в свои руки.

Те части противника, которые наступали от Тихорецкой, продолжали теснить красных на этом направлении, они разбивали по пути только начавшие формироваться новые красные отряды, и их остатки устремились в Екатеринодар, окончательно запрудив и город, и железнодорожную станцию. Здесь командовал фронтом Кобозев, но его руководство особо ни в чем не ощущалось. Офицеры старой армии, которых в городе скопилось достаточно много, ожидали приближения белых частей, чтобы тут же начать свое выступление. Части быстро разлагались, требуя перевыборов командования, занимались грабежами местного населения. Деморализованные красногвардейцы в разных частях города митинговали, а на митингах опять кричали: «Продали нас и пропили!»[210]

В ситуацию вмешался находившийся в это время в войсках председатель армейского Комитета Северокавказской республики большевик И.И. Подвойский. Он потребовал от Чрезвычайного Штаба Обороны назначить нового командующего всеми войсками в районе кубанской столицы и дать тому самые широкие полномочия. Был проведен съезд представителей воинских частей, и на нем 20 июля по предложению таманцев большинством голосов был избран Е.И. Ковтюх, помощником командующего этим фронтом избрали Демуса. Штаба же фронта не существовало вообще. Вдвоем с Демусом, используя активную помощь Подвойского, а также имеющийся опыт руководства полуразложившимися частями, Ковтюх сутками работал в них, пытаясь заставить действовать организованно. Противник уже находился в 18 км от Екатеринодара, и Чрезвычайный Штаб Обороны готовился покинуть город.

Сразу же после своего избрания на пост командующего фронтом Ковтюх издал приказ: всем частям и отрядам, находящимся в городе, срочно покинуть его, выйти на фронт, войти в соприкосновение с противником и опрокинуть его. На недавнем съезде присутствовавшие представители более чем 50 частей единогласно заявили: «Ляжем костьми, но белым города не сдадим!». Поэтому Ковтюх был вправе рассчитывать на то, что так оно и будет. Но его приказ выполнили только два полка – 1-й Северо-Кубанский Рогачева и 1-й Екатеринодарский конный бывшего урядника Воронова, остальные остались в городе.

Несмотря на малочисленность сил, брошенных против белых в пригороде Екатеринодара, именно они задержали противника у станицы Динской, а 23 июля белые были выбиты из нее и отброшены на линию станицы Пластуновской. Но это было все, что можно было сделать в тех условиях. К белым прибывали подкрепления и нужны были новые силы. Ковтюх направил в Екатеринодар Демуса с задачей отправить на фронт все имеющиеся там части, а тех, которые приказа не выполнят, – разоружить. Только эти решительные действия дали кое-какой результат. Утром 25-го июля на фронт прибыли полки «Таврида» (400 штыков), «Свобода» (600 штыков), «Борец за свободу» (1 000 штыков и 6 пулеметов), а также несколько отдельных рот и команд. Вместе с прибывшим бронепоездом, которым командовал Чикасов, эта группировка насчитывала свыше 6000 человек.

Ковтюх не был уверен в надежности прибывших частей, поэтому не стал давать им самостоятельных участков, а разместил между уже обстрелянных, доказавших свою боеспособность полков – Рогачева и Воронова. В ночь на 26 июля 1918 г. было предпринято наступление. Однако белые дали такой отпор, что некоторые недавно прибывшие из Екатеринодара части снова побежали обратно. Ковтюх предвидел это и держал наготове резервный дивизион. В критической ситуации он остановил бегущих и заставил их вернуться в свои боевые порядки.

К этому времени войска группы Сорокина сосредоточились уже в районе Тимашевской, а части группы Кочергина – в районе Брюховецкой. Здесь их застал приказ Калнина – собрать все силы в один кулак и нанести удар по Тихорецкой, восстановить положение и связь с Царицыным. На совещании был принят план дальнейших действий. Предварительно все войска были разделены на 4 колонны. Первой командовал А.С. Троцевский. Он наступал из

Тимашевской на Выселки и дальше вдоль железной дороги на Тихорецкую. Вторая колонна под командованием П.К. Зоненко тоже должна была наступать на Тихорецкую, но левее железной дороги, через Березанскую. Третьей колонне под командованием Г.А. Кочергина было приказано наступать на левом фланге из Брюховецкой в направлении Тихорецкой. Четвертая колонна А.В. Мокроусова численностью до 9000 штыков и 800 сабель, со 100 пулеметами наносила удар из Тимашевской на Кореновскую. Общее руководство операцией теперь уже было поручено Сорокину.

25–27 июля, когда части Ковтюха начали наступление со стороны Екатеринодара, белые успели захватить Кореновскую, Пластуновскую и Динскую. Тем не менее, красные полки, возвращенные Ковтюхом на фронт, постепенно втянулись в длительный бой, в результате которого противник был отброшен в восточном направлении. В это время Ковтюх получил донесение, что со стороны Ростова тоже с боями двигаются основные силы красных войск под командованием Сорокина. Они насчитывали 30–35 тыс. штыков и сабель и нанесли контрудар из района Тимашевской и Брюховецкой с целью оттянуть на себя часть сил белых, наступавших против Ковтюха, и вернуть Тихорецкую.

Сорокин зашел в тыл деникинским частям и занял станцию Выселки. В результате 1-я и 3-я дивизии белых оказалась в окружении, и потеряли связь со ставкой. Путь отступления на Тихорецкую им был закрыт. Почти одновременно Сорокин и Ковтюх перешли в наступление на Платнировскую, разгромили противника и соединились. Здесь наглядно была выявлена способность Сорокина как опытного шахматиста рассчитывать действия своих войск при любом стечении обстоятельств, его умение предусматривать возможные направления ударов противника. Сорокин быстро рос как военный специалист, умеющий управлять большими массами войск.

Противник понес тогда большие потери, лишился 30% личного состава своих войск. Сам А.И. Деникин писал об этом так:

> «Напрасны были многократные атаки наших дивизий, выезды «на картечь» батарей, личный пример начальников – Дроздовского, под непрерывным огнем ободрявшего свои войска, Казановича, водившего лично в атаку батальон Марковцев для спасения положения.
>
> Дивизии наши понесли тяжелые потери, были смяты и к вечеру отошли, преследуемые противником за ручей Кирпили к станице Платнировской.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ КРАСНОЙ АРМИИ НА КУБАНИ 1–20 июля 1918 г.
Условные обозначения
Оборонительные позиции Красной Армии
Отход колонн Красной Армии
Наступательные дивизии белых
Масштаб
0 10 20 30 км
Ростов
Таганрог
Азов
Батайск
Ольгинская
Ландверная дивизия
Мокроусова
1 колонна
2 колонна
Ростовский боевой участок
Степная
Нахичевань
Аксай
Дон
Мечетинская
Каз. бригада Покровского
Егорлыкская
Отряд Писаревского
Кущевская
Екатериновская
Ея
Сосыко-Кисляковский боевой участок
Павловская
Крыловская
Старомінская
Уманская
Ст. Сосыка
Новолабинская
Старолабинская
Ново-Покровская
Ново-Павловка
Николаевка
Сандата
Развильное
Песчанокопское
Белая Глина
Хомутово
Фелюшино
Шаблиевка
Торговая
Нов. Егорлык
Великокняжеская
Орловская
Медвежье
Успенская
Новороссийская
Армия Деникина
1-4.7.18 г.
Корнил. полк
3 пд
1 пд
2 пд
3 пд
1 конн. див
Конн. див
Конница Шкуро
Конница Улагая
Конница Эрдели
Конница Гулыги
Конница Калнина
Конница Покровского
Конница Писаревского
7.7.18 г.
14.7.18 г.

Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку,— говорится в описании действий Дроздовской дивизии, — носил очень тяжелый характер. [...] Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности уйти от противника и боявшихся попасть в его руки... Дивизия остановилась на ночлег на позиции за ручьем. Части стали подсчитывать свои поредевшие ряды и почти израсходованные боеприпасы, приводились в порядок. На совещании, состоявшемся в эту ночь в штабе 3-й дивизии, обстановка рисовалась в крайне мрачном свете»[211].

Так благодаря таманцам, грамотным и своевременным действиям Сорокина, наступательному порыву его войск, Екатеринодар был защищен, противник отброшен на 100 с лишним километров. В городе восстановился порядок.

Однако общее положение на Кубани вскоре опять ухудшилось. В Таманском отделе снова начались мятежи, казаки воспользовались тем, что красные части двинулись на помощь Екатеринодару, подняли мятежи почти во всех станицах. Восстание перекинулось в Ейский и другие отделы. Ковтюх обратился к Сорокину с просьбой отправить его с полком назад на Тамань. 9-го августа его полк по железной дороге срочно был переправлен в станицу Ново-Титаревскую и вечером того же дня уже входил в свою Старо-Величковскую. Там, опять же на собрании командного состава таманских частей, Ковтюха избрали командующим левой колонной объединенных войск.

Вскоре к худшему изменилась ситуация и непосредственно в войсках Сорокина. Части колонны Мокроусова вдруг без приказа начали отступать в направлении Тимашевской, и Кореновская снова оказалась у белых. Это стало возможным из-за недостатков в управлении войсками, чем грешили все без исключения молодые красные командиры. Сорокин решил вывести в резерв колонну Троцевского, и тот двинул ее в сторону Екатеринодара, не предупредив об этом своего соседа - Мокроусова, левый фланг которого должен был обеспечивать. Движение колонны Троцевского в направлении Екатеринодара крайне негативно сказалось на моральном духе остальных войск. Когда огромные обозы этой колонны начали движение, то по войскам пошел слух, что белые зашли в тыл, и войска Мокроусова, бросив фронт, тоже устремились вслед за 1-й колонной. Так Кореновская, взятая накануне в кровопролитнейшем бою, легко перешла снова в руки белых.

Кстати сказать, именно в это время красные части, отбив у белых ту или другую станицу стали показывать примеры небывалой жестокости по отношению к тем, кто еще не присоединился к Красной Армии. Читаем воспоминания С.В. Петренко. Он пишет:

> «Наше блестящее в военном отношении наступление было сплошным позором для наших войск, и явились одним из тех толчков, которые бросили казачество из революционного лагеря в руки Деникина и Алексеева. Станицы, лежащие по пути следования наших войск, подлежали полному разгрому. Самочинные обыски были детской игрою по сравнению с теми приемами, которые практиковались тогда: дома казаков редко оставались целыми. Они сначала разграблялись, не считаясь с тем, богатые или бедные, а после грабежа поджигались. Редко какая станица осталась нетронутой. Особенно отличались украинцы в этих подвигах»[212].

Это вынужденное признание политкома армии Сорокина подтвердил другой, только уже белый военный руководитель, А.И. Деникин. Вот его рассказ о том, как вели себя красноармейцы, войдя в станицу Чамлыкскую:

> «12 июня 1918 г. партию казаков отвели к кладбищенской ограде [...] перекололи всех штыками, штыками же, как вилами, перебрасывали тела в могилу через ограду. Были между брошенными и живые казаки, зарыли их в могилу заживо, зарывали казненных казаки же, которых выгоняли на работу оружием. Когда зарывали изрубленного шашками казака Сиденко, он застонал и стал просить напиться. Большевики предложили ему пить крови из свежих ран зарубленных с ним станичников. [...] Всего казнено в Чамлыкской 185 казаков. Трупы их несколько дней оставались незарытыми; свиньи и собаки растаскивали по полям казачье тело[213].

Небезынтересно узнать, какой эффект дало это злодеяние. Почти все казаки ушли к белым, а те, кто остался, были подвержены новым издевательствам и грабежам. Однако это было преподнесено как добровольное содействие жителей станицы удовлетворению нужд Красной Армии. Получалось так, что жены, матери и сестры заколотых штыками и изрубленных шашками казаков в этой станице вдруг в одночасье забыли о смертельной обиде и, как сказано в одном донесении, к 19 октября 1918 г. «собрали для Красной Армии 114 шуб, 82 пиджака, 41 пару брюк, более 150 пар белья, 164 полотенца, 77 папах, 251 пару носков,

78 пар перчаток, 25 пар сапог, валенок и ботинок, 12 черкесок и много других предметов одежды»[214].

В это смутное время Сорокин, хотя и был непревзойденным авторитетом в своих войсках, но даже он опасался самосуда над собой. Петренко предложил ему образовать при себе нечто реввоенсовета, но Сорокин отказался. Неудачи только сильнее ожесточали его. Он бесперервно находился в войсках, в самых опасных местах, нередко наступал в первой цепи. По причине низкой дисциплины в войсках Сорокину тогда не удалось овладеть Тихорецкой, где, между прочим, в это время находилась ставка Деникина. Первая колонна его войск оголила другой фланг группировки, которой командовал Кочергин, а тот замешкался и не успел его прикрыть. Поэтому, когда белые атаковали со стороны Тихорецкой, он вынужден был отступить. Снова начались бои за Кореновскую, она была все же взята, и, оставив ее, белые отошли на 30 км в район станицы Бейсугской.

Несмотря на некоторые промахи и недостатки в руководстве, группа войск Сорокина вместе с частями Ковтюха все же нанесла очень серьезное поражение белым войскам. Об этом Сорокин доложил ЦИК Северокавказской республики, правда, несколько преувеличив успех. Из его доклада следовало, что белая армия вообще разгромлена. На этом же заседании ЦИК рассматривалась и кандидатура на пост главнокомандующего Красной Армии Северного Кавказа, их было предложено три: Сорокин, Федько и Жлоба. При обсуждннии сошлись на том, что Федько на этот пост не годится, так как его популярность ограничивается только частями, пришедшими из Украины. Жлоба, как уже говорилось, был послан в Царицын для организации Северокавказским войскам помощи оружием, боеприпасами и обмундированием; и его ожидать было нецелесообразно. В результате ВЦИК, учитывая настойчивое предложение Калнина и представителей армии, назначил главнокомандующим всеми вооруженными силами Северо-Кавказской республики И.Л.Сорокина.

Глава 11.

Во главе красных войск Северного Кавказа

В постановлении ЦИК, которое вступало в силу с 8 часов утра 4 августа 1918 г., всем комиссарам отдельных частей предлагалось беспрекословно подчиняться и выполнять приказы главкома Сорокина. Начальником штаба при нем был утвержден С.В. Петренко. Только представители Екатеринодарского комитета РКП(б) были против назначения Сорокина.

Так Иван Лукич Сорокин достиг высшей военной должности на территории Северо-Кавказской Республики – стал главнокомандующим всеми ее вооруженными силами. Начинался новый, последний этап его военной карьеры, закончившийся так трагически. Но прежде, чем на основе этих событий давать оценку действий Сорокина как главкома и человека, нужно уяснить условия, в которых он принял командование армией и руководил ею до последних дней своей жизни.

Как пишет С.В. Петренко, И.Л. Сорокин «...принял назначение очевидно с радостью и гордостью, хотя видимо волновался. Мне он предложил занять должность начальника штаба, мне пришлось согласиться, так как никого другого под рукой не было, а время не терпело. Из старого штаба я взял кое-кого из дельных товарищей, но Сорокин взял еще нескольких, старых своих собратьев [...] так что физиономия штаба изменилась слишком мало, а со временем, с моим уходом из штаба, снова возобновилась старая картина. Работы было много, так как приходилось налаживать связи с другими фронтами. Сорокин все время ездил»[215].

Под командованием Ивана Лукича оказалось около 125 тысяч бойцов и командиров. Ему шел 34-й год, а из военного образования за плечами была только трехмесячная Тифлисская школа прапорщиков. Конечно, этого было мало, не хватало опыта ко-

мандования огромным военным организмом, но недостаточность знаний военной стратегии с лихвой компенсировалась его интуицией и военным талантом... В его армии, особенно среди ее командного состава, находились представители различных политических партий, их программы далеко не всегда совпадали с линией партии большевиков, и это крайне отрицательно отражалось на единстве при принятии важнейших решений, а затем и на стадии их реализации. Вокруг армии было кольцо мятежных казачьих станиц, не была снята угроза немецкого нашествия, а с фронта и тыла готовились к новому наступлению хорошо подготовленные войска профессиональной Добровольческой армии. Не редкостью были случаи предательства, в войсках армии царила атмосфера всеобщей подозрительности. Везде, особенно в штабах, искали шпионов и предателей. Практически все неудачи и ошибки командования тут же объяснялись предательством.

Особенно «страдал» этим командир полка, а потом бригады в армии Сорокина И. Кочубей. Этот талантливый и бесшабашный рубака был совершенно неграмотным, свою подпись на приказе, написанном адъютантом, он «заверял» крестом, который писал намоченной в чернилах спичкой. Только через полгода комиссар с большим трудом научил его писать свою фамилию. Все недочеты в жизни армии он считал следствием измен. Нет денег – измена. Нет патронов – измена. Нет одежды и снаряжения – измена. Требуют от него прекратить «партизанщину» – тоже измена. Глубоко убежденный в том, что в штабах и ревсоветах сидят «изменники», он не раз говорил: «Добраться бы до Ленина, рассказать ему и заарестовать всю эту сволоту». С убеждением, что «изменники» продали революцию и что только Ленин мог спасти ее на Северном Кавказе, он и умер, будучи повешен белыми.

Нужно также иметь в виду, что в момент принятия Сорокиным руководства армией, связь ее с Москвой и командованием Северо-Кавказского военного округа в Царицыне была крайне неустойчивой, а то и вовсе отсутствовала. Это приводило к тому, что приказы и директивы из Москвы и Царицына приходили с запозданием, когда ситуация на Северном Кавказе уже изменилась и выполнение приказаний сверху могло привести к крупным потерям и поражениям. Нередко указания центра и Северокавказского округа противоречили друг другу.

Не хватало вооружения и обмундирования, на исходе были боеприпасы. Чтобы как-то выйти из положения Сорокин одобрил

попытку наладить свое производство патронов и снарядов. Для этого кустарным способом переделывали итальянские патроны под 3-х линейные, а турецкие артиллерийские снаряды превращали в 3-х дюймовые. Серьезно давал знать о себе финансовый кризис. Бойцам и командирам по 2–3 месяца не выдавали денежного содержания. В армии по-прежнему процветала «партизанщина», почти каждое приказание вышестоящего командира или штаба, прежде чем начать выполнять его, обсуждали, хотя уже и не на митингах, а на совещании представителей частей. Не хватало опытных политических комиссаров, которые в море анархии и вседозволенности могли бы сплотить, мобилизовать людей.

В этих условиях очень многое зависело, конечно, от главкома, его личных качеств. Современники Сорокина, те, кто находился вместе с ним или под его началом в боевой обстановке, будь то на Русско-японской, 1-й Мировой или Гражданской войне, неизменно отмечали его необыкновенную храбрость, стремление находиться там, где складывалась наиболее угрожающая обстановка. Он умел выступить перед бойцами и командирами с пламенными речами и повести за собой не только единомышленников и колеблющихся, но даже и тех, кто только что был не согласен с ним. Он обладал властным, сильным характером, и требовал беспрекословного выполнения своих приказов и распоряжений. Те, кто попадал в его, если так можно выразиться, «силовое поле», получали его заряд энергии.

Для полноты характеристики Сорокина есть смысл привести мнение о нем бывшего адъютанта для особых поручений Ф.Ф. Крутоголова. Он, Крутоголов, как и И.П. Борисенко, писал о Сорокине дважды. В первый раз во времена, когда о главкоме принято было говорить только плохое. В своих воспоминаниях «Огненные годы» Крутоголов, отдавая дань времени, оттенил только то, что может негативно характеризовать Ивана Лукича. Во второй раз, уже незадолго до своей смерти, он снова обратился к воспоминаниям, назвав их «Правда о Сорокине».

Скорее всего, сделал он это под влиянием И.П. Борисенко, который, решив все же дать честную характеристику Сорокину, предложил сделать это и Крутоголову. Во всяком случае, фрагменты их переписки по этому вопросу в архиве Ставропольского музея имеются. В частности И.П. Борисенко советовал Ф.Ф. Крутоголову:

«То, что пишешь о Сорокине (его надо вывести кубанским Григорием Мелеховым) — нелепость. Какое может быть сравнение! С течением времени личность Сорокина приобретает новые и новые краски полководца (а не командира сотни) и политика. Ты на свободе запиши (для нас с тобой), припомнив разные высказывания его по разным поводам (автономовщина, борьба с немцами, с ЦИКом); этим не делись пока ни с кем; помни, что остался ты почти один из встречавшихся с Иваном Лукичом долго и в самые бурные моменты жизни республики на Северном Кавказе и революционных масс, боровшихся в 1918 г.»[216].

Так вот, Ф.Ф. Крутоголов пишет:

«На фотографиях Сорокин выделялся среди своего окружения не одеждой и не оружием: казачьи красные командиры, особенно кавалеристы, всегда были щеголями. Тут главком терялся. Одно отличие: алая муаровая лента через плечо за победу над Корниловым — от ЦИК Кубанской республики и Екатеринодарского обкома РКП(б). [...] Вот и все отличия, полученные Сорокиным, если не считать пятнадцати ранений в десятках боев, схваток, операций, побед и поражений... Никакой «роскошной внешности» и «восточного великолепия». Обычная серая черкеска и черный бешмет — повседневная одежда кубанского казака в строю. Папаху носил обычного черного курпея, не каракулевую даже. И в газах, вместо газырей, — всегда винтовочные патроны пулями вниз. Оружие в серебре. У джигитов-казаков, у того же Кочубея хотя бы, оно побогаче было. [...] Отличие в другом. Самых отважных превосходил Сорокин храбростью, лихостью. Как ни в ком другом воплотились в нем характерные особенности линейного казачества — способность ради минутного эффекта поставить на карту собственную голову. Но это — качество идеального урядника. Что же выделило Сорокина как военачальника?

[...] Сорокин выделялся своими умелыми боевыми распоряжениями и организаторскими способностями. Он лично водил войска в бой, всегда находился впереди. [...] Я всегда чувствовал, что имею дело с человеком очень решительным, обладающим огромной силой воли и непреклонным характером. Держался он очень спокойно; отдавал распоряжения, не повышая тона. И, надо сказать, Сорокин пользовался большим уважением не только у рядовых бойцов, но и у командиров и политработников»[217].

Многие читатели, наверное, помнят киноактера Е. Матвеева в кинофильме «Кочубей» режиссера Ю.Н. Озерова, вышедшего на экраны в 1958 г. Там в нескольких эпизодах Матвеев сыграл роль

И.Л.Сорокина. Вот что по этому поводу писал тот же Ф.Ф.Крутоголов:

> «...В фильмах его образ исказили до неузнаваемости: в одном показывают каким-то интеллигентом-долгоносиком, в другом — буйным, бесшабашным пьяницей и бабником, которого наставляет на ум-разум начальник штаба из бывших царских полковников. Да не таким он был, уважаемые писатели, кинорежиссеры и актеры! Посмотрите на фотографии: какой он был бравый казак, какие у него были пышные усы! Тяжелого, давящего взгляда его серо-зеленых глаз многие не выдерживали[218].

Да, Сорокин был очень честолюбив, его не коробило пристальное внимание к своей личности, он знал себе цену, но при этом он никогда не преувеличивал силу своего влияния и способностей. Когда допускал промахи в руководстве войсками, в принятии тех или иных решений, не сразу признавал свои ошибки, продолжая упорствовать в движении к намеченной цели. Как бы то ни было, но именно такого склада и характера люди в то противоречивое, опасное время становились во главе красногвардейских отрядов, могли повести за собой людей, поверивших в идеалы революции. Причем становились они военными руководителями не по приказу сверху, их добровольно выбирали те, кто потом под руководством того, кого они выбрали, шли на лишения и смерть. Именно такие люди в короткое время становились во главе полков, дивизий и армий в 1917–1918 гг. Именно этим можно объяснить и тот факт, что, начав командовать отрядом красных казаков численностью около 150 человек в феврале 1918 г., Сорокин буквально через 6 месяцев возглавил все красные войска на Северном Кавказе.

Некоторые его современники приписывают Сорокину антисемитизм. Сегодня трудно определить в какой степени он был подвержен неприятию всего, что касалось еврейской нации, но сказать, что он был равнодушен ко всем ее представителям, было бы неверно. Он действительно негативно относился к тому, что евреи оказались почти на всех ключевых постах в Кубано-Черноморской, а потом и в Северокавказской республиках. Было совершенно очевидным, что лучшим вариантом для лиц этой национальности было получение высоких постов в партии и армии, особенно должностей членов Реввоенсовета. Это подтверждается многими фактами. Так, за время существования в годы Гражданской войны 8-й армии из 10 членов РВС пятеро (50%) были

евреи, в РВС Южного фронта 1-го формирования – из 15 их тоже было пятеро, в РВС этого фронта 2-го формирования их была половина. В комиссариате юстиции работало 12 комиссаров, и все 12 были евреями.

Одновременно нужно подчеркнуть, что при этом евреи в Красной Армии во время Гражданской войны не преследовались, не чувствовали себя в чем-то ущемленными. Хуже им было скорее в белой армии. Некоторые интересные наблюдения по этому вопросу сделал уже упоминавшийся ранее бывший командующий Кубанской белой армией генерал А.Г. Шкуро. Он никогда не высказывал антисемитских взглядов, и, скорее всего, его воспоминания объективно отражали положение дел.

Как пишет Шкуро:

«[...] казаки решительно не давали пощады евреям-красноармейцам, даже не считаясь с документами, удостоверявшими, что они мобилизованы принудительно, ибо у казаков сложилось мнение, что при свойственной евреям изворотливости, они, если бы действительно пожелали, могли бы избежать мобилизации. Обыкновенно, пленив красную часть, казаки командовали:

— Гей, жиды, вперед, вперед!

И тут же рубили выходящих. Прослышавшие об этом евреи-красноармейцы предусмотрительно надевали на себя кресты, сходя таким образом за христиан, но после того, как по акценту некоторые были опознаны впоследствии, казаки перестали верить крестам и производили своеобразный телесный осмотр пленных, причем истребляли всех обрезанных при крещении. Особенно зверели казаки, когда им пришлось столкнуться с батальонами еврейских коммунистов, шедших в бой с голубым национальным знаменем. Дрались эти батальоны очень плохо и трусливо, пытались сдаваться при первом же хорошем натиске. Казаки рубили их беспощадно. Однако, под Екатеринодаром, каким-то чудом батальон мобилизованных евреев был взят в плен живьем. Я отослал их в тыл в сопровождении собственного своего конвоя.

— Рубить, рубить! — кричали казаки со всех сторон, но конвой все-таки доставил их благополучно к поезду. Впоследствии, как я слышал, евреи эти работали в Новороссийске, разгружая суда. Мне пришлось по этому поводу наслушаться со всех сторон немало нелестных отзывов»[219].

На родине Сорокина отношение к евреям складывалось поразному, в зависимости от того, как они вели себя по отношению к казакам. Вообще-то евреев было на Кубани немного, так как им

законом было запрещено селиться на казачьих землях. Конечно, Сорокин, как и многие другие, не мог не обратить внимание на то, что Крайний (Шнейдерман М.И.) в июле 1918 г. стал во главе всей партийной организации Северо-Кавказской республики – председателем краевого комитета РКП(б), товарищем председателя Северо-Кавказского ЦИК и членом Реввоенсовета 11-й армии. Другой еврей А.И. Рубин стал председателем ЦИКа Северо-Кавказской республики, третий – Б. Рожанский возглавил фронтовую ЧК, четвертый – С.А. Дунаевский – был уполномоченным ЦИК по продовольствию. Власов (Богоявленский) был председателем Северокавказской ЧК. Немало евреев заняло другие посты в партии и армии. Кооптированными членами Президиума ЦИК республики были евреи: Дунаевский, Островский, Зорько, Красников, Лацман, Остерман и др.

Безусловно, засилие евреев вызывало недовольство не только Сорокина, и не только по причине антисемитских настроений. Такое же отношение могло быть и к представителям любой другой национальности, кроме титульной, если бы она, занимая столь малый удельный вес в общенациональном составе страны, была бы так же широко представлена в руководящих органах республики.

Все это нужно обязательно учитывать при рассмотрении событий последнего периода жизни Ивана Лукича Сорокина. Недовольный кознями представителей именно этой национальности по отношению к себе он нередко в сердцах называл евреев «иерусалимскими казаками» и «бундовцами». Но антисемитом он никогда не был. Для него главным было не национальность человека, а его качества. Тем более, если верить одной легенде, – в его собственных жилах тоже была еврейская кровь.

Хорошо знавший Сорокина П.С. Гуменный в письме к Г.К. Орджоникидзе писал:

> «Петропавловцы даже говорили: у Сорокина кровь еврейская... Когда я близко заинтересовался, оказывается, Сорокин имел уличную кличку «Ванька выкрест-израиль»[220].

Я не стал добиваться, по какой линии — отца или матери — он имел еврейскую кровь. Знаю лишь одно, что подтверждается казачьим историком Щербиной, что «среди казаков есть приписные казаки из цыган, евреев, румын, поляков и др.»[221].

Даже если это только легенда, то она косвенно опровергает обвинения Сорокина в антисемитизме.

Небезынтересен и другой факт. Жена И.Л. Сорокина – Лидия Дмитриевна была приемной дочерью Петропавловского купца Колесникова, члена секты иудодействующих, в народе их называли «субботниками», а в станице еще и «жидами». Станичные субботники отвергали православную церковь и христианское вероучение, святой книгой считали Ветхий Завет, не признавали троицу. Христа сектанты считали лишь одним из пророков. Подобно иудеям они праздновали субботу, а не воскресенье, отрицали почитание икон, придерживались ряда пищевых ограничений, давали своим детям еврейские имена, соблюдали обряд обрезания. Субботники исповедовали иудаизм с его догматикой, сложными ритуалами и обрядами, которые способствовали замкнутости их общин, соблюдали обычаи и традиции иудеев, изучали их язык. Сопоставив эти факты, трудно прийти к выводу, что И.Л. Сорокин был ярым антисемитом, каким его рисуют.

Буквально уже на следующий день после назначения И.Л. Сорокина главнокомандующим Красной Армией Северного Кавказа, его войскам пришлось отступать к Екатеринодару. Управление ими было по-прежнему затруднено, и, чтобы выиграть время для его восстановления, новый главком приказал частью сил перейти в наступление направлением на Тихорецкую. Однако Деникин упредил Сорокина, 6 августа пять его дивизий перешли в наступление на столицу Кубани.

Нужно сказать, что Деникин к этому времени получил серьезную поддержку от казаков-кубанцев. До недавнего времени они предпочитали самостоятельно, силами создаваемых ими отрядов бороться с красными, считая, что справятся и без пришельцев в лице Добровольческой армии, которая к тому же на первое место ставила борьбу за «единую и неделимую Россию». Теперь же, когда армия Деникина, взяв первую кубанскую станицу Ново-Покровскую, вступила на Кубань, ситуация коренным образом изменилась. Казаки охотно пошли в Добровольческую армию и к генералу Покровскому целыми сотнями. В короткое время кубанцы уже стали составлять почти половину личного состава войск Добровольческой армии.

Итак, Деникин упредил Сорокина и начал наступление первым. Пять его дивизий двинулись к Екатеринодару. Через день они уже заняли станицы Журавскую, Березанскую, Кореновскую и быстро продвигались к станице Динской. Под угрозой захвата

белыми оказался Тимашевский железнодорожный узел. На него с севера двигалась армия Покровского. Так и не начав наступления, войска Сорокина отступили и перешли к обороне в непосредственной близости от Екатеринодара.

Бои за город развернулись в районе станицы Пашковской, которая несколько раз переходила из рук в руки. Но сдержать натиск противника становилось все труднее, так как главные силы войск Сорокина находились на левом берегу Кубани. В этих условиях многое зависело от крепкого тыла армии, способностью его маневрировать резервами, вовремя обеспечивать оружием, боеприпасами и продовольствием.

В Армавире в это время произошла настоящая катастрофа. Отданное Сорокиным распоряжение о снятии одной дивизии с фронта для отправки в Екатеринодар было выполнено крайне неудачно, без предварительной перегруппировки. Белые ринулись в образовавшуюся брешь, а закрыть ее было нечем. Держать в то время резервы считалось «буржуйством». Противник бросил в прорыв конницу, но воздействовать на нее хотя бы переносом огня с соседних участков тоже не получилось, в это время уже остро ощущался недостаток в снарядах и патронах. Как вспоминал С.В. Петренко:

> «[...] получилась ужасная паника. Войска, беженцы, обозы бежали через Екатеринодар. [...] Некоторые части успели за два дня попасть в Белореченскую. Говорили, якобы Сорокин перебежал к Кадетам, продал армию. ЦИК назначил уже временно исполняющего должность главкома; Сорокин вернулся, но восстановить фронт не удалось»[222].

Сорокин очень надеялся на поддержку из Екатеринодара, считал, что его надо удержать во что бы то не стало. Там было руководство республикой, имелись запасы вооружения и боеприпасов, да и гарнизон многочисленный. Но оттуда ничего не поступало, даже связь пропала. Что оставалось делать Сорокину – он сам бросился в Екатеринодар. Гуменный так описывает это событие:

> «У здания Северо-Кавказского ЦИКа Сорокин спешился, бросил поводья ординарцу и быстро взбежал по лестнице. Его встретили пустые коридоры. В кабинетах – ни души. Единственный живой человек, попавшийся навстречу Сорокину, – Ян Полуян. С ним, не в пример прочим хозяевам края, Сорокин всегда ладил. Сорокин вошел в кабинет. Полуян смотрел на него красными от бессонницы глазами.

— Здравствуй, Иван Лукич...

— Почему в кабинетах пусто? Ни Иванова, ни Казбека, ни этих, — главком брезгливо поморщился, — иерусалимских казаков... Где твои рубины, равиковичи, рабиновичи? Сидят на чемоданах с хайками и перинами?

Полуян отвел глаза. Что-то странное творилось с ним, никогда не видел Сорокин таким Яна Васильевича. Наконец, Полуян нехотя ответил:

— Я не знаю, где они. Мы будем эвакуироваться в Армавир»[223].

Бегство ЦИК было полной неожиданностью для Сорокина. Только что назначили его главкомом и бросили войска на произвол судьбы. А ведь он надеялся опереться на Екатеринодар, как при Автономове повторить то, что уже однажды принесло успех в борьбе Корниловым. А теперь получалось, что Екатеринодар – в тылу его армии – оставлен, часть руководителей края уже на пути в Пятигорск, другие – в Новороссийск.

Кстати сказать, Сорокину потом приписали и этот грех, обвинили в оставлении Екатеринодара. По этому поводу вполне определенно высказался член ЦИК Е.Д.Лехно, давний недоброжелатель Сорокина, выливший не один ушат грязи в адрес главкома. Тем не менее, он пишет:

«Не по приказу Сорокина был сдан Екатеринодар, а по решению президиума ЦИК, после неоднократного обсуждения этого важного вопроса... Президиум ЦИК несколько раз заседал, чтобы обсудить положение и только тогда вынес постановление об оставлении города, когда выявилась полная невозможность его защищать»[224].

В ночь на 17 августа белые войска вступили в Екатеринодар. Наверное, удержать его красным все же было можно, во всяком случае, войск у Сорокина для этого имелось достаточно, но их не оказалось в нужном месте. Сорокин дал приказ на отступление. И здесь случилась еще одна большая неприятность, с потерей Екатеринодара вся таманская группировка оказалась отрезанной от главных сил. Из ее состава с войсками Красной Армии Северного Кавказа уйти смогли лишь полк Рогачева и отряды, которые остались под Екатеринодаром после ухода Ковтюха.

Деникин и его штаб взятию Екатеринодара придавали огромное значение. Для них это было бы не просто взятие столицы Кубани. Они в этом видели нечто большее. Впоследствии А.И.Деникин писал:

«Шел непрерывный гул стрельбы. Быстро продвигался вперед 1-й Кубанский полк под сильным огнем, левее цепи Дроздовского, катились безостановочно к Пашковской, на некоторое время скрылись в станице и потом появились опять, пройдя ее и гоня перед собой нестройные цепи противника... Проходит немного времени и картина боя меняется: начинается движение в обратном направлении. Наши цепи отступают в беспорядке и за ними текут густые волны большевиков, подоспевших из резерва; прошли уже Пашковскую, угрожая левому флангу Казановича. Дроздовский, вызвав свои многочисленные резервы, останавливает с фронта наступление противника; я направляю батальон Кубанского стрелкового полка в тыл большевикам; скоро треск его пулеметов и ружей вызывает смятение в рядах большевиков.

Казанович продвинулся с боем до предместья. На фронте Эрдели, у Ново-Величковской бригада кубанцев (Запорожцы и Уманцы) атаковала и уничтожила колонну, пробивающуюся на соединение с Тимашевской группой большевиков. К концу дня Эрдели атаковал на широком фронте арьергарды противника с севера и запада от Екатеринодара и в девятом часу вечера ворвался в город.

Утром 3-го наши колонны и штабы армии вступали в освобожденный Екатеринодар — ликующий, восторженно встречающий добровольцев. Вступили с волнующим чувством в тот город, который за полгода борьбы в глазах Добровольческой армии перестал уже вызывать представление о политическом и стратегическом центре, приобретя какое-то мистическое значение»[225].

Заняв обширную территорию, Деникинская армия развернула мобилизацию казаков в свои войска. В кубанские полки принудительно подчистили всех, в том числе и тех, кого красные эсеровские руководители не разрешали призывать в свои войска, оберегая «классовую чистоту». Конечно, казаки разом вспомнили бесчинства, грабежи, расстрелы, «концерты» с бронепоездов, осквернение церкви, изнасилованных женщин – все прелести хозяйничанья Рогачева, Юдина, Жлобы и десятков им подобных.

Кстати сказать, Жлоба Дмитрий Петрович не случайно оказался в этом списке. Бывший командир Тимашевского партизанского отряда, а затем 1-го Тимашевского полка в армии Сорокина – Михаил Прокофьевич Ковалев, прошедший всю Гражданскую и Великую Отечественную войны и ставший генерал-полковником, так описал действия Жлобы накануне описываемых событий:

«Как раз на острие белого наступления стояли войска Жлобы. Но будущий «командир Стальной дивизии», вероятно, берег себя

для грядущей славы, ибо в этот момент [...] спился с Батайского фронта, ушел в тыл, в станицу, и стал «бороться с контрреволюцией», грабя по станицам и правого, и виноватого, за что был объявлен вне закона и против него был послан Выселковский полк и Кочубей»[226].

И все-таки было бы неправильным считать, что казачество поголовно «побелело». В пользу советской власти активно выступали казаки станиц Панской, Поповической, Усть-Лабинской, Тимашевской, Тенгинской, Новолабинской.

«И это, — пишет А.Е. Берлизов, — в разгар победного марша добровольцев, вакханалии мятежей, жажды крови, мести, когда скопившаяся ненависть ищет выхода и не поддается никакому контролю, когда на грани аффекта находятся люди, перестающие в этот миг быть людьми и творящие такое, чего потом будут стыдиться всю жизнь»[227].

Так получилось, что события на другом фронте, на Тамани, все это время развивались по самостоятельному плану, а точнее, без всякого плана, стихийно. Отрезанные от основных сил эти войска приказ на отход получили от Сорокина своевременно. Но подвела все та же «партизанская» традиция обсудить приказ на совещании командного состава Таманского фронта. Пока судили-рядили, оказались окончательно отрезанными восставшими казаками от войск Сорокина. Среди частей начался ропот. Они быстро теряли боеспособность, разлагались не по дням, а по часам. Восставшие казаки практически ликвидировали советскую власть на всей этой территории Таманского полуострова.

Жестокие расправы казаков с семьями иногородних, ушедших в Красную Армию, толкнули их в массовом порядке к тем станицам, где оборонялись красногвардейцы. В результате красные части оказались обремененными огромным количеством беженцев, с их детьми, домашним скарбом, а зачастую и скотом. Командирам надо было думать не только о личном составе, но и о беженцах, о том, как их накормить и спасти от расправ. При этом всем было ясно, что оставаться в такой ситуации на месте было губительно – нужно двигаться на соединение с Сорокиным, а если это не удастся, то с войсками центра в районе Царицына. Так как беженцев бросать было нельзя, то приняли решение хотя бы их подводы максимально использовать под армейский обоз.

В станице Крымской еще продолжал существовать штаб фронта во главе с Ойцевым, и Ковтюху удалось установить с ним

связь. Однако это проблем не решало, так как Ойцев сам тоже потерял связь с Сорокиным. Он просил Ковтюха обеспечить прикрытие войск и беженцев с севера и готовить рейд для соединения с основными силами Красной Армии. Но неожиданно командование 2-го Северо-Кубанского полка заявило, что по решению бойцов, принятому на митинге, полк никуда не пойдет, а если остальные покинут пределы отдела, то они своими силами освободят Кубань от белых. В полку насчитывалось 2 500 штыков и сабель, и конечно такие заявления были беспочвенными.

Белые к этому времени приблизились к Крымской, и сам Ойцев вместе со своим штабом чуть не угодил в плен. Кольцо вокруг таманских войск практически замкнулось, и им приходилось вести бои в окружении. Снарядов и патронов было очень мало, поэтому таманцы чаще спасались тем, что прикрывались от противника естественными преградами. К 19-му августа колонна войск, которой командовал Ковтюх, приблизилась к Крымской, и посланные туда разведчики сообщили неутешительные вести. Оказывается, Темрюкской отряд так и не захотел оставить свой город и выступить по приказу Ойцева на защиту Крымской, где был штаб фронта. На общем митинге отряд постановил:

> «Из города Темрюка ни в коем случае не уходить, а немедленно послать выбранных представителей в станицу Крымскую, арестовать Ойцева, а штаб его разогнать за то, что командующий настойчиво приказывал им оставить Темрюк»[228].

Как и постановили, 20 августа темрюкцы арестовали Ойцева, а его штаб разогнали. На обратном пути эти посланцы заехали и к Ковтюху в станицу Троицкую, очевидно, с той же целью. Однако до столкновения дело не дошло. Ковтюх разъяснил прибывшим общую обстановку, соотношение сил и предполагаемые планы белого командования. Делегаты срочно вернулись в Темрюк, освободили Ойцева, но тот теперь уже сам отказался отдавать какие-либо распоряжения.

После этого Ковтюх еще три дня сдерживал натиск белых в надежде, что всё таманские части устремятся к нему и вместе будут выходить из окружения, но прибыли не все. Темрюкский отряд сдался белым. Ковтюх принимает решение посадить войска на поезда и, пока не поздно, прорываться к Крымской, но белые были уже там, и он смог добраться только до Верхне-Баканской. На этой станции собралось большинство деморализованных таманских частей, в том числе и почти такая же по

численности, как у Ковтюха, группировка под командованием Матвеева. Тот трижды, пока была связь, получал распоряжение от Сорокина двигаться на соединение с главными силами, но приказа так и не выполнил.

Это подтвердил М.П. Ковалев. Он вспоминает:

«Наша армия весь июль вела упорные бои. В конце июля Сорокин приказал Матвееву со всеми частями выйти в район Тимашевской. Матвеев не пошел. Во время боев под Выселками вторично приказано Матвееву – он не пошел, объясняя тем, что не может оголить фронт, хотя с немцами в середине июля заключено перемирие. И третий приказ из Краснодара (типичная ошибка Ковалева, имеется в виду старое название города – Екатеринодар. – *Н.К.*) Матвеев не выполнил. Когда же Деникин начал занимать Кубань, Матвеев повел части на Новороссийск. Во-первых, потому, что никто не препятствовал, не было в этом направлении противника, а главное, потому, что верил, что Деникин Черноморскую республику не тронет, так как она будет находиться под покровительством французов... Когда же таманцы в Новороссийске увидели, что попали в ловушку, отрезаны от армии, сзади Деникин, а впереди пушки французских кораблей, они потребовали от своих вожаков ответа, почему их оторвали от армии? Куда нас завели? Вот тут, чтобы оправдаться, вожаки бросили в массу: «Нас Сорокин бросил. Ушел сам, а нас на погибель оставил». И так родилась ложь о предательстве Сорокина»[229].

То же самое говорил и участник Таманского похода Лемещенко:

«Я помню последнее собрание в гор. Темрюке, где обсуждалась телеграмма командующего Кубанскими войсками тов. Сорокина об отступлении таманских войск. [...] На этом собрании тов. Матвеев толковал телеграмму так, что это измена Сорокина, поэтому отступать не следует...»[230]

Ойцев окончательно бросил командование и скрылся в неизвестном направлении. Его штаб после учиненного над ним разгрома тоже больше не собирался. Стали разбегаться и командиры многих развалившихся частей и отрядов, бросив их на произвол судьбы. Число беженцев с обозами на станции достигало более 25 000 человек, хотя их вряд ли кто в это время учитывал. Среди разложившихся частей на бесконечных митингах раздавались крики: «Бей командиров!», «Нас завели и предали!», «Разбегайся кто куда может!». Вскоре действительно начались расправы с командирами. (Всю эту ситуацию галантливо передал участник тех со-

бытий писатель А.С.Серафимович в своей книге «Железный поток».) Наконец, между оставшимися командирами было достигнуто соглашение - образовать армию, назначить ее командование и готовиться к походу. Однако организационного завершения работы по созданию армии тогда еще не произошло. Образовались три колонны, которые, по сути дела, были самостоятельными, и их объединяло только стремление выйти из окружения, даже выбор единого маршрута движения вызвал большие споры. Наибольшую организованность неизменно показывала колонна Ковтюха, поэтому ей и двигаться пришлось первой.

Чтобы войска и беженцы могли выйти на побережье и двигаться к Туапсе, а потом к Майкопу, им нужно было сначала преодолеть Новороссийск, который к этому времени был в руках у турок и немцев, - другого пути не было. Лучшим вариантом могло быть заключение с интервентами соглашения, по которому войска просто прошли бы через город, не останавливаясь в нем. Но времени на переговоры уже не было. Приближались значительные силы белых. Последние начали обстрел колонн из бронепоездов и тяжелой артиллерии.

Решение на начало движения Ковтюх принимал самостоятельно. 26-го августа, пользуясь темнотой, он погрузил свою колонну в поезда и глубокой ночью эшелон за эшелоном направил ее в Новороссийск. Войскам была дана команда быть в готовности сходу вступить в бой с интервентами. По прибытии на станцию колонна быстро разгрузилась и уже через полчаса походным порядком проследовала через город по дороге на Геленджик. Ни немцы, ни турки никак не ожидали такого развития событий, красные вели себя так, будто никого кроме них в городе не было. Наверное, такой психологический прием и сыграл главную роль в том, что противник просто опешил, и боестолкновения не произошло. За первой колонной проследовали вторая, а потом, уже утром, и третья.

Когда приблизилась третья колонна, капитан - начальник немецкого гарнизона, приказал своим подчиненным срочно грузиться на корабли и выходить в море. Лишь отойдя от города на некоторое расстояние, немецкие корабли открыли огонь из тяжелой артиллерии, причем сначала по спускавшимся с гор белым, а потом и по хвосту уже покидавшей город третьей колонне красных. Но вреда эта стрельба красным колоннам не принесла, так как дорога на Геленджик была прикрыта горами. Затем немцы перенесли огонь полностью на белых, между ними завязалась артил-

лерийская дуэль. Пока эта перестрелка продолжалась, красные успели уйти от города на порядочное расстояние.

Потом были бои на подступах к Геленджику, у деревень Пшадской и Архипо-Осиповской, причем практически все эти населенные пункты красным проходилось брать в ночном бою, в рукопашных схватках, так как боеприпасов оставалось крайне мало. Среди отличившихся в этих боях был и житель находящейся в центре Таманского отдела, станицы Славянской И.Т. Высланко – будущий убийца И.Л. Сорокина. Он возглавлял разведку Таманского полка в колонне Ковтюха. После взятия Архипо-Осиповки он стал командиром эскадрона, заменил тяжело раненного И.С. Озовского. Активно действовал и взвод цыган из Славянского полка.

Двигаться войскам приходилось по местности, где негде было взять ни продуктов для людей, ни фуража для лошадей и домашнего скота. Питаться люди могли только тем, что собирали в лесу: желуди, дикие яблоки и груши, изредка на полях попадалась недозревшая кукуруза. Ее варили вместе с соломой. Чем дальше двигались войска, тем голод усиливался, а беженцев прибавлялось, – их уже было около 30000 человек. Опасность заставляла семьи бойцов и командиров, красную администрацию покинутых станиц и сел быть рядом с войсками, а то и непосредственно в их боевых порядках, а это еще больше усиливало дезорганизацию, снижало дисциплину и дух бойцов. Все красноармейцы были одеты кто во что попало и отличить бойца от беженца было трудно. Но даже та ветхая одежда, которая была на них, при нахождении в горах и лесах быстро истрепалась и изорвалась, некоторые были только в нижнем белье, большинство шли босыми. Но тяжелее всего был «патронный» голод. У немногих было по 2–3 патрона на винтовку, а у половины не было и их.

Вторая и третья колонны далеко отстали от первой. В Геленджике они остановились на 3 дня, здесь 27 августа было проведено заседание Военного совета и объявлено о создании Таманской армии. Ее по-прежнему составляли три колонны: первая – под командованием Ковтюха, вторая – Сафонова, и третья – Матвеева. Был избран и командующий армией. Им стал моряк И.И. Матвеев. Как вспоминал потом участник заседания Военного совета Г.Н. Батурин: «Матвеева пришлось долго уговаривать, он упорствовал, мотивируя свой отказ тем, что, будучи моряком, не знает правил ведения сухопутного боя, тем более на уровне командующего армией». В конце он поставил условие: «Я буду драться с

вами в первых рядах – это вы увидите, но руководит штабом пусть товарищ Батурин»[231].

Численность войск Таманской армии составляла 13 000 штыков и более 3 000 сабель при 30 орудиях. Была даже сделана попытка ввести единый знак отличия для бойцов и командиров армии. Каждый из них должен был носить на левом рукаве верхней одежды ниже локтя угольник из красного материала. Вместо председателей отрядных, полковых, батальонных комитетов было решено также ввести должности политических комиссаров колонн, частей и подразделений. Они назначались приказом политического комиссара армии, которым был член партии большевиков Н.К. Кига.

Вообще-то объявленное образование армии организации войскам особо не прибавило. Во всяком случае, в 2-х последних колоннах, несмотря на обещание, данное в Геленджике, командный состав частей вскоре стал часто возражать против отдаваемых Матвеевым и Батуриным приказов и распоряжений. Первое столкновение произошло на почве выделения артиллерии. Командиры полков отказывались отдавать «свои» пушки, говоря, что они их «добыли», и орудия должны находиться при своих частях. Убеждения и разъяснения всей выгоды объединения артиллерии положительных результатов не давали.

Получая боевые приказы, некоторые командиры немедленно являлись в штаб армии для выяснений, почему решили действовать именно так, а не иначе, что, по их мнению, надо действовать по-другому, или что они вообще не согласны с полученным приказом. С целью пресечения таких действий решено было собрать командиров частей. На нем Матвеев и Батурин заявили, что, пользуясь правом избранных, требуют беспрекословного выполнения своих приказов. В противном случае они слагают с себя полномочия, так как оставлять за собой ответственность за выполнение разрабатываемых планов не могут. Это произвело впечатление на командиров, и все они стали упрашивать Матвеева и Батурина продолжать командовать армией, обещая впредь выполнять все приказы.

«Мы с Матвеевым, — вспоминает Батурин, — предложили всем подписать акт, в котором каждый командир расписался в том, что за малейшее невыполнение боевых приказаний виновные командиры подлежат расстрелу. [...] В редких случаях возникали потом противоречия или недовольства со стороны какого-либо командира по поводу отдаваемого распоряжения, приходилось

недовольному показывать то место, где он расписался, и приказание выполнялось»[232].

Здесь же, во время движения к Туапсе, проявилась черта характера командарма, которая чуть не погубила Таманскую армию. Речь идет о непомерном упрямстве, которым обладал Матвеев. Дело было так. Некоторые командиры частей, прибывшие с Украины и плохо ориентировавшиеся в местных условиях, как и сам Матвеев не умевшие читать карту, пришли к выводу, что надо идти к Белореченской, где предположительно находится армия Сорокина, кратчайшим путем, по дороге Дефановка–Фанагорийский–Гурийская. Матвеев прибыл в штаб и заявил: «Всё. Идем на Дефановку». Такое заявление, как вспоминает Батурин, вызвало у него полное несогласие. Матвеев не знал, что это был путь через горы, где все мало-мальски доступные прилегающие к дороге места наверняка были заняты противником. Сама по себе дорога по большей части непроезжая для гужевого транспорта и артиллерии. Тащить по ней обессилившими лошадьми огромный обоз, находясь при этом, по сути дела, во вражеском кольце, было бы равносильно самоубийству. Но переубедить Матвеева, заставить его изменить свое решение, было почти невозможно, что, забегая вперед, можно сказать, и погубило его.

Как пишет Батурин: «Иван Иванович Матвеев – добрый товарищ, отчаянной храбрости боец, человек решительного характера, не любивший много, как он говорил, примериваться, был чрезвычайно упрям, и убедить его переменить свой взгляд, на что бы то ни было, мудрено». В тот раз с огромным трудом его все же удалось убедить в гибельности принятого им решения. Но как только «Матвеев переменил свой взгляд на дело, – продолжает дальше Батурин, – как тотчас же обрушился на командиров, выдвинувших свой «дефановский план»[233]. Впрочем, существует и другое описание этого случая, но, думается, оно сделано для того, чтобы представить И.И. Матвеева в более выгодном свете. В.П. Горлов в своей книге «Героический поход» пишет:

«Когда части 2-й Таманской колонны подошли к поселку Джубга, спустившиеся с гор по долине реки Шапсухо белогвардейские разъезды попытались преградить путь движению таманцев на Туапсе и заставить их идти по горной дороге через перевал на Дефановку. Они рассчитывали, что командование Таманской армии воспользуется этим более коротким путем для выхода в район станицы Белореченской, в результате чего армия

попадет в западню. Но командарм И.И. Матвеев, политический комиссар Н.К. Кига и начальник штаба Г.Н. Батурин своевременно разгадали коварный замысел врага»[234].

Необходимо подчеркнуть, что считать все три колонны составными частями Таманской армии на тот момент было бы не совсем точно, так как Военный совет на своем заседании в Геленджике включил первую колонну в состав армии заочно. Ковтюх находился в это время в 40 км от Геленджика по направлению к Туапсе. Он в своей книге опроверг высказанное начальником штаба Таманской армии Батуриным в 1923 г., в его воспоминаниях, утверждение – будто бы решение об объединении колонн в Таманскую армию произошло с его участием. Связь между колоннами была эпизодической, а с Сорокиным ее по-прежнему не было вовсе. Впрочем, и организовать эту связь и управление колоннами было некому. Штаб армии отсутствовал. Сам Батурин об этом писал так:

«Первый момент штаб армии олицетворялся единично мною. Взятые первые попавшиеся на глаза полуграмотные люди не в состоянии были даже переписать правильно что либо [...] нужных для штаба людей не было, а лично у меня при себе была полевая сумка, в коей было 6 листов бумаги, карандаши и карта Кубанской области – издание Иваненкова»[235].

Матвеев болезненно переживал отрыв от основных сил Красной Армии, но при каждом удобном случае винил во всем только Сорокина.

На пути движения 1-й колонны был г. Туапсе, который удерживала грузинская дивизия. Наличие грузинских войск в Черноморье не было случайностью. Национальный Совет Грузии 26 мая 1918 г. провозгласил образование буржуазной республики. Ее национал-меньшевистское правительство решило в западной части Северного Кавказа создать так называемую Южную Республику, отторгнув для нее часть бывшей Черноморской губернии у Российской Федерации. Время было выбрано очень удачно. Кубано-Черномо́рская республика в то время все свои силы направляла на борьбу с немцами и Деникиным. Воспользовавшись этим, грузинские части без особых усилий вторглись в Сочинский округ. 3-го июля они заняли город Адлер, 5-го – г. Сочи, 27-го – г. Туапсе. Получалось так, что Грузия начала действовать как союзница Деникина, но при этом преследовала свои захватнические цели. В Туапсе расположилась грузинская дивизия, состояв-

шая из 4-х полков пехоты, 1-го кавалерии и артиллерийской бригады при 16 орудиях.

Брать Туапсе, естественно, должна была колонна Ковтюха. 31 августа он опросом местных жителей уяснил дислокацию грузинских частей и составил план действий. Он был таков: тремя эскадронами за ночь во что бы то ни стало обойти незаметно для противника Михайловский перевал и к рассвету достигнуть восточной стороны г. Туапсе, откуда ворваться в город, занять его и захватить штаб грузинской дивизии. Один пехотный полк должен был с наступлением темноты спуститься по скалистому обрывистому берегу к морю, к рассвету добраться до туапсинской бухты, атаковать ее и захватить пароходы. С остальными тремя полками Ковтюх под прикрытием ночной темноты должен был взять Михайловский перевал лобовой атакой. Когда бóльшая часть войск скопилась в указанных местах, была дана общая команда для начала наступления.

Без стрельбы, так как патронов не было, полки ворвались в окопы противника, избивая грузин прикладами и штыками. На перевале красные тоже пошли в атаку и ворвались в город. Грузины были захвачены врасплох, растерялись, бросили свои позиции и, спустившись с перевала, бросились к морской бухте, надеясь бежать на пароходах. Но там уже находился красный полк, который всех бегущих забирал в плен. Другая часть противника бросилась в город, но там их встретили таманцы-кавалеристы. Почти вся грузинская дивизия была уничтожена. Подошедшим потом колоннам под командованием Матвеева осталось только забрать из трофеев то, что им оставил Ковтюх.

Дальше путь лежал на Кубань для соединения с войсками Сорокина. Деникину были понятны планы таманского командования, и он поспешил дать приказ войскам Покровского перехватить колонны красных, как только они выйдут на равнину. Покровский был неподалеку, он висел «на хвосте» у группировки Сорокина, отступавшей к Майкопу. Первая же стычка белоказаков с таманцами 1-й колонны показала им, что они имеют дело не с толпой, а уже с хорошо организованными полками, которых голод и безвыходность ситуации гнала на любые препятствия. Таманская армия спешила. Двигались днем и ночью, и на третьи сутки после выхода из Туапсе передовые ее части достигли предгорной станицы Хадыженской, вступили, наконец, на кубанскую землю.

Таким образом, создалась ситуация, когда войска Красной Армии Северного Кавказа оказались разделенными на три части. Кроме таманских войск, от Сорокина в районе станицы Белореченской была отрезана и вела самостоятельные бои с белыми еще группа Кочергина. Она защищала Армавир, куда из Екатеринодара перешли все советские и партийные органы Северо-Кавказской республики.

Как уже говорилось, командир 3-й колонны этой группировки Жлоба в то время все еще находился по поручению главкома в Царицыне. Отсутствие командира негативно сказалось на его частях. Они стояли в обороне под Армавиром, куда после падения Екатеринодара переехали высшие республиканские органы советской и партийной власти. Однако оставшийся за Жлобу командир 3-й колонны начал творить в городе настоящие бесчинства. С группой личной охраны он прибыл к местным советским властям города и задержал там военного комиссара Лабинского отдела И.Р. Шевцова. Ему стали угрожать расправой, если он не передаст в их распоряжение крупную сумму денег. Ничего не добившись у Шевцова, жлобинцы явились на заседание ЦИК Северо-Кавказской республики, который тоже находился в городе, и предъявили ультиматум о выдаче им одного миллиона рублей. Получив снова отказ, войска снялись с позиций и стали отходить в направлении Невинномысской.

Узнав об этих бесчинствах, главком Сорокин прислал телеграмму с приказом арестовать командира 3-й колонны и расстрелять его. В ответ на это командиры таманских частей, входивших в колонну, под предлогом недоверия Сорокину, решили вообще оставить Северный Кавказ и уйти на Царицын, где в то время еще находился и сам Жлоба. В итоге эти части оставили свои позиции у станции Овечка, прошли Невинномысскую и были уже на пути к Курсавке.

Белые, обрадованные таким развитием событий, немедленно перешли в наступление и заняли Армавир. Самовольный уход жлобинских частей разлагающе подействовал на остальные войска Белореченского округа. В станице Дондуковской и в частях, расположенных по р. Лаба, начались митинги, на которых обсуждались пути дальнейшего отступления. Высказывалось открытое недоверие Сорокину, да и своему командному составу тоже.

Чтобы восстановить дисциплину в войсках и разъяснить создавшуюся обстановку, командование армии 28 августа на станции

Дондуковской созвало съезд представителей всех частей. На нем было принято решение из 6 пунктов:

«1. В ближайшее время добиться съезда представителей всей Кубанской армии.

2. Отменить выборное начало командного состава и ввести принцип назначения.

3. Воспретить бойцам самовольный переход из одной части в другую.

4. Организовать полковые суды и полковые комитеты и последним поручить оказывать полное содействие командному составу.

5. Совершенно отделить беженцев от войсковых частей и обоза в отдельную группу, создать специальный комитет по устройству и наблюдению за беженцами, которому поручить всех беженцев перевести в глубокий тыл, распределить по станицам, создать по станицам специальные комитеты из беженцев и только через них вести с беженцами все сношения и оказывать им помощь.

6. Добиться от командарма направления отступления к Царицыну, а не через астраханские пески»[236].

Два последних пункта решения принимались особенно тяжело. К этому времени красноармейцы смогли убедиться на собственном опыте, что воевать, когда рядом с тобой находятся отцы, матери и дети, ежечасно подвергая их и себя смертельной опасности, очень трудно в моральном и психологическом отношении. Не говоря уже о том, как сильно беженцы сковывают действия частей и подразделений. Что касается 6-го пункта, то он принимался в разрез с планом Сорокина, но об этом будет сказано позже.

Колонна Ковтюха, прибыв на кубанскую землю, подошла к станице Пшехской и в 3-4-х километрах южнее станицы завязала бой с частями дивизии Покровского. Ковтюх принял решение – основные боевые действия по-прежнему проводить ночью, используя ту же тактику, что и при взятии Туапсе. Он бросил кавалерийский полк в обход севернее Пшехской, намереваясь нанести удар по противнику с тыла, а тремя пехотными полками атаковал белых с фронта. Внезапный ночной удар вызвал у белогвардейцев панику, и они начали поспешно отступать к Белореченской. Но на пути у них встал кавалерийский полк таманцев. Успех был полный. Белые мелкими группами разбрелись по окрестностям станицы, оставив на поле боя много убитых, раненых, 4 полевых орудия и 16 пулеметов[237].

Как вспоминал участник этих событий В.Т. Сухоруков, таманцы продолжили преследование противника и на рассвете 12-го сентября подошли к р. Белой. Противник занял позиции на правом берегу реки. К Покровскому в это время из Майкопа подошло подкрепление – части генерала Геймана. Железнодорожный и деревянный мосты оставались целыми, но белые прикрыли их плотным артиллерийским и пулеметным огнем. И опять Ковтюх решил атаковать ночью. Днем он изучал обстановку, а вечером того же дня начал демонстративное наступление, которое вскоре прекратил, усыпив бдительность противника.

Для ночной атаки скрытно, под покровом темноты к самой реке подошли Полтавский, Славянский и 1-й Советский пехотные полки. В резерве, севернее Пшехской, Ковтюх оставил Анастасиевский пехотный полк и артиллерийский дивизион. Рано утром два пехотных полка 1-й колонны, преодолев реку, атаковали белогвардейцев. Кавалерийский полк ворвался в Белореченскую и взял в плен около 300 казаков. Противник, не выдержав натиска, отошел к станице Гиагинской. Теперь нужно было только подождать подхода двух остальных колонн, и задача соединения с войсками Сорокина была бы вскоре решена. Но сделать этого никак не удавалось. У таманцев, особенно у их командующего И.И. Матвеева складывалось впечатление, что Сорокин не только не ищет встречи и объединения с его войсками, но умышленно уклоняется от них.

Тем временем противник, не смирившись с поражением, получил новое подкрепление и перешел в наступление на Белореченскую, намереваясь вернуть ее. Обороняясь, таманцы израсходовали все оставшиеся у них боеприпасы. 2-я и 3-я колонны все не подходили, а противник усилил натиск, временами казаки врывались на окраину станицы, и дальше оставаться в ней было опасно. Ковтюх принял решение продолжить движение на восток. Для прорыва снова было выбрано ночное время. К часу ночи 15 сентября Славянский и Полтавский полки почти вплотную выдвинулись к окопам противника и залегли перед ними для атаки.

Около 2-х часов ночи по противнику был нанесен артиллерийский удар, который в то же время был сигналом к общей атаке таманцев. Белые опять не выдержали ночного боя. Они в беспорядке отступили к станице Гиагинской. Их преследовали кавалерийский и пехотный полки. До половины белоказаков, занимавших окопы под Белореченской, было уничтожено.

А войска, оставшиеся под командованием Сорокина, после потери Екатеринодара могли бы занять великолепную позицию по р. Кубань, где можно было легко сдержать наступление белых. Но паника не прекращалась. На другое утро в Энеме штабу Сорокина удалось собрать кое-какие силы и отвести их к Кубани – переправиться и охранять уцелевший мост. Но он уже горел, и было принято решение его взорвать. Однако сделать это сразу не удалось. Запальные провода кто-то перерезал, а пытавшегося их соединить подрывника красноармейца Титова тяжело ранили выстрелом с противоположного берега. Сорокин поручил начальнику штаба Петренко самому выбрать момент, когда нужно будет взорвать мост, так как на той строне с боями к нему еще прорвалась Тимашовская группа войск под командованием Лисконога. Мост все же пришлось уничтожить, так как противник приготовился к его захвату. Группа войск Лисконога оказалась отрезанной, и еще не скоро, выдержав 46 атак белых, все же присоединилась к основным силам.

Части армии Сорокина продолжили переформирование в Энеме, но делать это было крайне трудно, и главком, в конце концов, пришел к выводу, что нужно еще дальше оторваться от противника, быть ближе к основной массе своих войск. Некоторые из них так бежали, что очутились вскоре на побережье Черного моря, другие в районе Белореченской, третьи – в Армавире, и связь с ними поддерживалась лишь периодически. Войска отошли к реке Лабе и заняли позицию на ее правом берегу, затем по левому берегу Кубани, переходя у станции Овечка на правый берег, и далее по высотам к северу от Невинномысской, загибая свой правый фланг на север. Главный штаб двигался колесным порядком через аулы Понежицкий, Джинжихабль на Некрасовскую–Воздвиженскую–Петропавловскую. Сорокин ехал верхом, как всегда в окружении адъютантов и своей конвойной сотни, состоящей из адыгейцев и конных сотен Крестьянского полка. Начальник штаба находился здесь же, а его помощник с канцелярией ехали на подводах по другому маршруту и присоединились к штабу только у Некрасовской. Связь с войсками была временно потеряна и возобновлена только в Некрасовской.

Дисциплинированностью не отличались не только войска, но и штабы. Некоторые их работники, в предвидении дальнейших поражений и пользуясь бесконтрольностью, пытались в этих условиях «погреть руки» за казенный счет. Сорокин многое мог прос-

тить, но только не это. Он испытывал крайнюю нетерпимость к воровству и ловкачеству, особенно, если обмануть пытались лично его. Тогда его действия могли быть непредсказуемы. Как раз в Некрасовской произошел случай, который в подтверждение этого привел Петренко в своих воспоминаниях. «Один субьект, — пишет Петренко, — прикомандированный к штабу по приказу Сорокина, пытался получить обманом денег от казначея, для чего имел резолюции на рапорте от меня и от Сорокина. Причем у меня он ее получил, ссылаясь на Сорокина, а у него на меня. Я его привел к Сорокину, и, когда выяснился обман, Сорокин так вспылил, что ударил его стулом по голове, и продолжал бить его, пока мы не отняли. Детина был огромного роста, но не сопротивлялся, а только выл»[238].

Вскоре штаб Сорокина на несколько дней переместился в его родную станицу Петропавловскую. Не так собирался Иван Лукич оказаться на родине. Приходилось продолжать отступление. Но, как обычно, он держался великолепно, с достоинством. Конечно, никаких эксцессов здесь с местными жителями у красноармейцев не было и не могло быть. Зная крутой нрав главкома, никто не решался на мародерство, даже на обычные реквизиции. Кстати сказать, брат его Григорий, так себя не вел. В одном из воспоминаний участников Гражданской войны, которые показал автору уже упоминавшийся здесь И.Н. Горлов, говорится, что побывавший в станице вместе с белыми войсками Григорий Сорокин показал себя как «вешатель и организатор публичных порок».

Правда, в Петропавловской произошел все-таки один неприятный случай, но одностаничники И.Л.Сорокина к нему причастны не были. Здесь был расстрелян командир одного красного пехотного полка за то, что вошел в сношение с противником и пытался занять предмостную позицию своими подразделениями для того, чтобы в условленное время пропустить белых через мост на сторону, где размещались красные.

Противник в это время упорно наседал на Армавир с севера. Белых сдерживала третья колонна, численностью до дивизии. Как пишет С.В.Петренко:

> «[...] к несчастью командный состав колонны принадлежал к числу украинских «главковерхов»-бандитов. Они начали с того, что совершенно терроризировали ЦИК, арестовали нескольких его членов»[239].

Узнав об этом, Сорокин по телеграфу предупредил «главковерхов», что лично выедет для разбирательства, и те присмирели, членов ЦИК выпустили, но сделали другое. Не веря в возможность добиться победы на этом фронте, они увели Херсонский, Пролетарский полки и несколько батальонов с боевых позиций, чтобы на свой страх и риск начать пробиваться через Ставрополь на север. Свои позиции они расположили к северу от станции Овечка, и там некоторое время стояли, пока договаривались, как быть дальше. Узнав об этом Сорокин издал приказ по армии, где говорилось об устранении от должности некоторых бандитов, но, как продолжал писать Петренко, – «извлечь их из теплой кампании все же не удалось»[240].

Армавир в результате этих, по сути дела предательских действий командования 3-й колонны пришлось оставить, ЦИК переехал в Пятигорск. Территория, занимаемая армией Сорокина, еще более сократилась, но это имело и положительный результат, плотность войск увеличилась, улучшилась связь с ними, налаживалось управление.

Не было сведений только от ставропольской группы войск. Сорокин обрел уверенность, что худшие времена позади, что, несмотря на людские и территориальные потери, армия спасена. Случилось это опять благодаря тому, что главком разгадал план Деникинского штаба. Как после выяснилось, он сводился к следующему: прижать красных к Кубани, «выдавить» из равнины в горное Закубанье – бедный край с маленькими горными станицами, где такая вооруженная махина и толпы беженцев непременно войдут в конфликт с местными жителями.

Была и еще одна опасность: адыги (черкесы), карачаевцы и частично равнинные чеченцы в это время были вовлечены своими князьями в союз с белыми. Понятно, что соприкосновение с ними было бы для Красной Армии опасно. Вместо прочного тыла за Кубанью красных ждало осиное гнездо. Деникинцы, постепенно нажимая, сбросили бы остатки их войск в Черное море или вынудили бы красных интернироваться в Грузии. Сорокин нашел правильный выход – он сделал резкий поворот на восток, спиной к волнующемуся и пока еще красному Тереку и Ставрополью. Это был верный в стратегическом отношении план, по сути дела единственный, который спасал армию и Северный Кавказ. Как пишет Ковалев, анализируя этот шаг Сорокина: «Кто знает, может быть, останься Сорокин в живых, может, носил бы он ромбы на ворот-

нике и ордена на груди, а нам не пришлось бы сегодня ковырять в кровавой грязи, отделяя черное от белого»[241].

А вот мнение, которое А.Е. Берлизов приписывает белому капитану Орлову по поводу Сорокина и его действий:

> «Как мы его боялись! Своей «победой» под Выселками мы обязаны не нашей храбрости или талантам Деникина. Просто, пока Сорокин бил нас, Рубин, Крайний и прочая синагога бежали из города, оставив Сорокина с открытым тылом, а таманские герои во главе с психопатом Матвеевым рвали тельняшки на митингах, вместо того, чтобы сообща с Сорокиным удавить нас. Мы надеялись, что после этого Сорокин вцепится в город (Екатеринодар. — *И.К.*), а мы, обложив его восставшей Кубанью, раздавим всю Красную Армию. Это был ужас, когда мы увидели, что город пуст, а сбоку от нас, на востоке выросла Сорокинская армия, в тылу у которой — Ставрополье и Терек. И после этого большевистские истерички на митингах поливали грязью Сорокина за отступление от города. [...] Он ведь спас их...»[242]

Что касается Таманской армии, то к вечеру 15 сентября ее 1-я колонна сходу овладела Гиагинской и расположилась там на ночлег. Сюда же подошли, наконец, 2-я и 3-я колонны во главе с Матвеевым. Путь для движения на Дондуковскую и Армавир был открыт, и буквально на следующий день Таманская армия теперь уже в полном составе двинулась в этом направлении. Белые слабо сопротивлялись, и Дондуковская к концу дня была в руках у таманцев. Там Матвеев и Ковтюх узнали, что в Лабинской, Курганной и Михайловской находятся части Красной Армии Северного Кавказа. Чтобы установить с ними связь из Дондуковской на автомобиле, вооруженном пулеметами, направился заместитель Ковтюха М.В. Смирнов. Он имел задачу прорваться в Лабинскую и сообщить командованию Красной Армии о приближении таманских войск.

Ночью 17 сентября Смирнов прибыл в Лабинскую, где встретился с начальниками двух колонн Северо-Кавказской Красной Армии – Г.А. Кочергиным и И.Ф. Федько. На обратном пути Смирнов побывал в станицах Курганной и Михайловской, где располагалась 1-я Внеочередная дивизия под командованием Г.И. Мироненко. Оттуда в станицу Дондуковскую был выслан эскадрон для установления надежной связи этой дивизии с Таманской армией. С присоединением Таманской армии у Сорокина и его штаба появились вполне обоснованные причины считать, что

теперь ситуацию можно в корне изменить в пользу Красной Армии Северного Кавказа.

Столь подробное описание положения, в которое попала и длительное время находилась Таманская армия, на первый взгляд может показаться излишним и не относящимся к рассказу о Сорокине. На самом деле, это дает возможность понять при каких условиях среди руководства Таманской армии и лично у ее командующего – И.И. Матвеева вызревало и крепло недовольство главкомом. Естественно, эти настроения передавались и в войска. По их разумению, Сорокин сначала бросил на произвол судьбы их войска, не предпринял никаких шагов, чтобы прийти потом им на помощь, а теперь еще и стал уклоняться от соединения с ними. Такое мнение могло действительно сложиться в той обстановке, и некоторые историки сталинского периода, когда Сорокина иначе как врагом и предателем не называли, легко согласились с этими выводами. Говорили даже о том, что Сорокин до того не хотел встречи с таманцами, что приказал, отступая, взрывать перед ними мосты.

Впрочем, мосты действительно взрывали, но толком при этом не знали, от кого же они пытаются оторваться, кто на самом деле спустился с гор и так ожесточенно прорывается на Кубань. Накануне этих событий Сорокин со своими войсками отступил из Армавира к Невинномысской. Его штаб, после недолгого пребывания в родной станице главкома – Петропавловской, тоже перешел в Невинномысскую. Ковтюх в это время брал Белореченскую. В своих воспоминаниях он так объяснил действия Сорокина:

> «Мне стало известно, что Сорокин считает всех нас погибшими и, вследствие этого, когда 1-я колонна брала у противника Белореченскую, ближайшие части главных сил слышали артиллерийскую стрельбу в этом направлении, но не знали, кто с кем дерется. Об этом доложили Сорокину, но он получил в это время перехваченную радиотелеграмму генерала Покровского. Последний сообщал Деникину, что от г. Туапсе идет многотысячная масса босяков или, как иначе он нас назвал, «бронированных свиней», которые на своем пути сметают все, бьют всех: большевиков, меньшевиков, кадетов и состоят из моряков и русских пленных, возвращавшихся из Германии. [...]
>
> Эта телеграмма еще больше уверила Сорокина в том, что со стороны г. Туапсе ничего хорошего ожидать не приходится. Поэтому главнокомандующий в своих боевых приказах подчеркивал,

что при уходе с позиции надо взрывать за собою все мосты, и частям 1-й колонны таманцев пришлось потом восстанавливать мосты, взорванные нашими же войсками»[243].

Это же подтвердил в своих воспоминаниях и начальник штаба Таманской армии Батурин. Он писал о том, что местные жители и пленные белогвардейцы признавались потом таманцам: «Шел слух, что с гор спустилась какая-то черная хмара и бьет всех без разбора, и белых и красных»[244]. Таким образом, тяжкое обвинение, предъявляемое до сих пор Сорокину в том, что он действовал умышленно против своих войск, беспочвенно.

Белореченская группа войск, к которой примкнула Таманская армия, тоже действовала в отрыве от основных сил Красной Армии, и Кочергин имел свободу в принятии решений. Силами своих войск и присоединившейся 1-й колонны таманцев он спланировал наступление на Армавир, только что захваченный белыми у войск, бывших непосредственно с Сорокиным.

Рано утром 18 сентября 1-я колонна Таманской армии выдвинулась в сторону Курганной, 2-я и 3-я оставались на месте в станице Дондуковской, приготовившись к обороне. В Курганной Ковтюх встретил оставленный им перед уходом на Кубань Северо-Кубанский полк. Рогачев, его командир, умер, по словам Ковтюха, «отравленный белыми злодеями», и командовал им теперь Костенко. Командный состав полка стал настойчиво просить Ковтюха, чтобы он принял эту часть в состав своей колонны. Но Ковтюх отказал, мотивировав тем, что может это сделать только с разрешения Сорокина.

Однако, как только колонна стала выдвигаться в направлении на Армавир, выяснилось, что вместе с ней отправился и Северо-Кубанский полк. Командир полка объяснил Ковтюху, что это не его решение, а требование личного состава полка. На предупреждение о том, что старые «партизанские» замашки пора прекращать, так как Сорокиным это будет расценено как преступление, не подействовало. Ковтюх больше не стал отказываться от полка, который значительно усилил бы его группировку при взятии Армавира. Он только известил об этом командующего колонной, в состав которой входили северо-кубанцы, и тот дал согласие. Полк ушел с Ковтюхом, успешно действовал при овладении Армавиром, однако его своеволие не прошло бесследно и послужило теперь и для Сорокина лишним поводом к усилению трений с командованием Таманской армии.

Потеря Екатеринодара, Армавира, другие неудачи, постигшие Красную Армию Северного Кавказа, а также длительное нахождение в окружении противника и вызванная этим постоянная нехватка патронов, снарядов и обмундирования, продолжали негативно сказываться на моральном состоянии войск. Нужно было объяснить все это командованию Северо-Кавказского военного округа (СКВО) и в очередной раз попросить помощи в снабжении. Из района Армавира Сорокин самолетом направляет подробное донесение о ситуации в своих войсках, но не в Царицын, а в Астрахань, где находился в это время уполномоченный Военного совета округа, отвечавший за Северо-Кавказское направление, Н.А. Анисимов. До недавнего времени он был военным комиссаром Северо-Кавказского военного округа, а еще раньше военным комиссаром Ставропольской губернии, неоднократно встречался по служебным делам с Сорокиным и неплохо относился к нему. Но с конца июля руководство всеми военными операциями на территории СКВО перешло от военного комиссариата в руки Военного совета округа в составе И.В. Сталина, С.К. Минина (председатель Царицынского Совета рабочих и солдатских депутатов) и военного руководителя, которого они могли назначать по своему усмотрению.

Письмо благополучно было доставлено в Астрахань, и Анисимов, у которого была устойчивая связь с округом, по телеграфу 3-го сентября передал его содержание в Царицын: И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.К. Минину. В своем донесении Сорокин главной причиной неудач и панические настроения в войсках объяснял «сознанием оторванности от центра снабжения боеприпасами»[245]. Там же главком указывал, что если снабжение наладится, «останется одно – вывести живую силу целиком из пределов Республики, соединиться с Северными войсками и начать новый натиск»[246]. От себя Анисимов в телеграмме добавил, что у него нет транспорта для отправки Сорокину боеприпасов.

Однако Военный совет СКВО практически ничем главкому не помог, так как в то время вокруг самого Царицына шли тяжелые бои, и все внимание Сталина, Ворошилова и Минина было направлено туда. Главные их усилия сводились к тому, чтобы удержать Царицын и не дать возможности донским и кубанским белоказачьим войскам соединиться с мятежным чехословацким корпусом[252]. У Военного совета был другой план – бросить Северный Кавказ, а всю армию Сорокина использовать в своих интересах, для удержания Царицына. В это время там находился командир ди-

визии Жлоба, который раньше был послан еще Калниным с задачей организовать доставку боеприпасов для своей армии. 22-го августа Военный совет отправляет с ним соответствующее предписание Сорокину. В этих же целях Сталин направил в Астрахань распоряжение передать не Сорокину, а 10-й армии в Царицын те 15 млн патронов, которые были предназначены центром для снабжения Северо-Кавказской армии и красных войск в Баку. Для Сорокина оставили лишь крохи в виде 200 тысяч патронов.

Нельзя сказать, что события на Северном Кавказе вообще не волновали Военный совет СКВО. Но разрешить возникшую там ситуацию захотели переложить на центр. Еще 16 июля, когда белые захватили Тихорецкую, и сообщение Красной Армии Северного Кавказа с Царицыным прервалось, Сталин направил в Москву В.И. Ленину донесение о мерах, предпринимаемых по возвращению железнодорожной линии под контроль красных войск. Он сообщал о намерении двинуть по этому направлению бронепоезд, а за ним 12-тысячную армию, стоявшую под Гашуном. Однако этот план оказался нереальным: группировка, на которую он надеялся, оказалась скованной Донской армией генерала Краснова и никуда не могла двинуться.

26-го июля Сталин шлет в Москву новую телеграмму, в которой характеризует и армию Сорокина, и положение войск в районе Царицына в очень пессимистических тонах:

> «Положение всей Кубанской армии (армии Сорокина. – *Н.К.*) отчаянно неприглядно, армия осталась без необходимых предметов вооружения, она отрезана, и гонят ее к морю. Если мы с севера не пробьемся и не соединимся с ними в ближайшие дни, то весь Северный Кавказ, закупленный хлеб и всю тамошнюю армию, созданную нечеловеческими усилиями, потеряем окончательно. Своими собственными усилиями [...] из Царицына пробиться к ним в ближайшие дни не можем. Для ускорения спасения дела необходима дивизия. [...] Я знаю, что Вы с Военсоветом формируете дивизию для Баку, шлите ее к нам срочно, и все будет спасено в несколько дней... Все факты, все данные, вся обстановка дела говорит о том, что спасение в присылке по крайней мере дивизии [...]»[247].

Прошла всего одна неделя, и Сталин пишет новое письмо Ленину, в котором опять сообщает о тяжелом положении теперь уже непосредственно своей 10-й армии в районе Царицына и о решении не предпринимать наступления на Тихорецкую. Главные

усилия он спланировал направить на освобождение железнодорожной линии, ведущей к Царицыну с центра. Так армия Сорокина оказалась брошенной в самое критическое для нее время.

Пока части Белореченского округа и Таманской армии двигались для возвращения оставленного жлобинцами Армавира, те в составе 3-х пехотных и одного кавалерийского полков взяли курс на Святой Крест, чтобы дальше войти в соприкосновение с Царицынской группировкой Красной Армии. Сорокин приказал своему начальнику штаба С. Петренко разоружить уходившие части, но тот, находясь в Невинномыске, располагал лишь бронепоездом, двумя пехотными ротами и двумя конными сотнями, поэтому не решился выполнять приказание главкома.

Вспоминая потом об этом случае, начальник штаба писал: «В ночь, предшествовавшую его (Сорокина. – *Н.К.*) поездке в Пятигорск, войска третьей колонны, очевидно, решили, что кроме пути на север через Ставрополь, есть более безопасный и удобный через: Святой Крест–Дивное, Кресты и Ремонтную. Они самовольно, втихомолку, снялись с позиции и двинулись через Невинномысскую. Мы узнали об их движении, когда они уже прошли станицу и были на полпути в Курсавку. Сорокин, садясь в вагон, дал мне приказ выставить пулеметы и не пустить их через мост, предлагая сдать оружие. Не говоря о том, что почти все войска уже были в 10 верстах за станицей. Я затруднялся выступить против 3-х пеших и одного конного полков, при достаточной артиллерии, 2-мя ротами пехоты, двумя сотнями конницы и тремя пушками»[248].

За день до этого войска получили первую партию патронов из Астрахани – через Святой Крест. С этой партией приехал Жлоба. Узнав о бегстве третьей колонны, к которой принадлежали его полки, он взялся остановть ее. Петренко дал ему в распоряжение бронепоезд, и он действительно свои полки и часть других задержал и расположил их у Невинки, но довольно значительная часть под командованием Ширяева и др. двинулась дальше. Жлобу и это устраивало, а то, как он рассчитывал использовать эти войска, станет ясно потом. «Сорокин, — пишет дальше С.В. Петренко, — вернувшись и узнав о том, как я поступил с 3-й колонной, – был недоволен, но не мог ничего сказать, так как видел, что сам отдал невыполнимый приказ»[249].

Жлоба доставил на 10 автомашинах 200000 ружейных патронов, а также привез Сорокину приказ Военного совета Северо-Кавказского военного округа. В нем говорилось:

«Командующему Кубанскими войсками. С получением сего Военный совет Северо-Кавказского военного округа приказывает вам немедленно продвигаться по направлению к Царицыну на Волге по указанию командированного Военным советом тов. Жлобы.

Военный совет Северо-Кавказского военного округа.
22 августа 1918 г.»[250]

Из такого приказа Сорокин не мог ничего уяснить: ни промежуточных задач, ни сроков прибытия, а главное, по каким причинам он должен бросить Северный Кавказ. Об этом решении не были проинформированы местные советские и партийные руководители, ни даже Чрезвычайный комиссар Юга России Г.К.Орджоникидзе. Немаловажно и то, что о Сталине и Ворошилове Сорокин мало что знал и воспринимал их вместе с их 10-й армией как равнозначных ему по положению. В этом случае их приказ по такому важнейшему вопросу наверняка вызвал у него реакцию отторжения. Не такой человек был Сорокин, чтобы подчиняться равному по положению, тем более, если приказ отдан так небрежно.

Ознакомившись с приказом, главком приказал Жлобе оставаться на месте, назначил его начальником злополучной 3-й колонны, и заставил вернуть части, ушедшие с фронта. Жлоба приказ выполнил. Он быстро вошел в обстановку, задержал свои части и занял с ними оборону в районе Невинномысская – Курсавка, а затем успешно отразил атаки 2-й пехотной дивизии белых. За эти действия ЦИК Северо-Кавказской республики наградил его строевой лошадью. Уяснив, что Сорокин не собирается выполнять приказ руководства СКВО, Жлоба решил об этом проинформировать ЦИК Северо-Кавказской республики, который расположился теперь в Пятигорске. Но неожиданно для него поддержки он там не получил и ни с чем вернулся в Невинномысскую.

Штаб войск Сорокина удобно расположился в Невинномысской. Сорокин снова пропадал в войсках, восстанавливая в них порядок, делая кадровые перестановки. Зная о том, что Жлоба все же намерен действовать в духе указаний из Царицына, Сорокин перестал доверять ему, и чтобы не допустить ухода его полков, приказал провести наступление ими из Георгиевской на Прохладную–Моздок. Однако Жлоба все-таки решил проигнорировать требования Сорокина и, согласно приказа командования СКВО, увести свои части в Царицын. Воспользовавшись тем, что Сорокин убыл на заседание ЦИК в Пятигорск, он сделал вид, что

выполняет полученную от главкома задачу, а на самом деле 8–10 сентября погрузил свои полки в эшелоны и двинулся якобы в Георгиевск. В действительности же войска его направлялись в Святой Крест, для дальнейшего движения на Царицын. Вслед Жлобе, не поняв происходящих событий, командиры еще нескольких частей тоже двинули их походным порядком в район Святого Креста и с. Благодарное.

Противник быстро разобрался в ситуации и, воспользовавшись возникшей дезорганизацией в красных частях, развернул наступление на Армавир и 19 сентября занял его. Одновременно белые 20 сентября атаковали и Невинномысскую. Состоялся ожесточенный бой, здесь проявили высокую стойкость части Балахонова и Кочубея, противник был отброшен за р. Кубань, однако Армавир вернуть не удалось.

Последствия действий Жлобы продолжали сказываться и после его ухода. 18-го сентября ночью снялись с фронта у Невинномысской и ушли по направлению Минеральных Вод еще несколько полков. Сорокин понимал, что белые не преминут воспользоваться этим. Подготовив штаб к отходу и замену бежавшим, он со своим штабом поехал на станицу Богусавскую, а затем в колонию Великокняжескую, в 12 верстах от Невинномысской. И действительно, на другой день противник очень легко сбил оставшиеся на позиции Крестьянский и другие полки и занял снова Невинномысскую. Сорокин был в это время на станции Овечка, где восстанавливал положение Армавирского фронта.

О том, как развивались здесь события, точнее всего описал в своих воспоминаниях С.В. Петренко.

> «Войска бежали по направлению к Невинномысской и подоспели туда как раз к возникновению паники там. Паникеры бежали друг другу навстречу и, поделившись впечатлениями, снова расходились по своим фронтам, воочию увидев, что опасность везде одинакова. Армавир до этого держался главным образом усилиями очень слабого по численности, но сильного духом матросского отряда под командованием тов. Брусилевского. Он сумел взять в свои руки несколько десятков, трудно поддававшихся дисциплине, черноморских матросов и создал из них отряд, который несколько дней удерживал Армавир совершенно один, пока не подошли другие части и не поддержали его»[251].

Между тем число желающих уйти к Царицыну прибавилось, и к 10 сентября их насчитывалось свыше 15 000 штыков и сабель.

Жлоба провел их реорганизацию и сформировал так называемую «Стальную» дивизию. 15–16 сентября она начала совершать марш к Царицыну через села Благодарное и Дивное Ставропольской губернии. Вскоре Сорокину доложили о действиях Жлобы. Он разослал в войска телеграммы с требованием задержать и разоружить полки его дивизии, но распоряжение это осталось на бумаге, так как по пути движения этого соединения не было частей достаточно сильных, чтобы остановить Жлобу.

Казалось бы, что после того, как Сорокин не выполнил приказ Военного совета Северо-Кавказского военного округа, не пошел спасать Царицын, он должен был снят с должности и предан суду военного трибунала, а вместо него назначен новый командующий армией. Однако ничего этого не произошло. Военный совет даже не знал толком, кто в это время командует Красной Армией Северного Кавказа. Там все еще располагали сведениями об этой армии, доставленными два месяца тому месяца назад Жлобой, и считали, что главкомом по-прежнему является Калнин. Достоверные сведения об армии Сорокина в Царицыне получили вскоре от ответственных работников, прибывших в Царицын с Северного Кавказа. Из их доклада следовало, что Красной Армии Северного Кавказа трудно, но неизбежная гибель ей, как это было при Калнине, не угрожает.

К этому времени, 11 сентября образовался Южный фронт. Его командующим был назначен П.П. Сытин – бывший генерал старой армии. Местопребыванием штаба фронта стал г. Козлов (ныне Мичуринск. – *Н.К.*). Одновременно в Царицыне был сформирован и военный совет фронта в составе: И.В. Сталина, С.К. Минина, самого Сытина и его помощника К.Е. Ворошилова. Северо-Кавказский военный округ и подчиненная ему Красная Армия Северного Кавказа вошли в состав Южного фронта. В центре знали о непомерных амбициях Сталина, поэтому Реввоенсовет республики предоставил не ему, а Сытину самые широкие полномочия: «полную власть в ведении операций»[252].

В директиве Военному Совету фронта указывалось, что в «оперативные распоряжения командующего никто не должен вмешиваться»[253]. Как себя повели И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов после этого, можно рассматривать как пример «партизанщины» на таком высоком уровне. Они, не подчиняясь приказу Реввоенсовета Республики, заявили, что признают только «коллегиальную форму управления фронтом и коллегиальное решение всех

оперативных вопросов»[254]. Сытина практически не допустили к выполнению возложенных на него Москвой обязанностей. Несмотря на то, что прибывший вместе с Сытиным член РВС КА Мехоношин требовал подчиниться приказам Центра, реввоенсовет фронта, возглавляемый Сталиным, самовольно отстранил Сытина от должности и настаивал назначения вместо него «луганского слесаря» Ворошилова.

По сути дела повторилась та же история, которая имела место с предшественником Сытина бывшим генералом царской армии А.Е.Снесаревым. В мае 1918 г. он прибыл в Царицын с мандатом Совнаркома, подписанным Лениным, – назначался военным руководителем Северо-кавказского окружного комиссариата по военным делам. Снесареву была поставлена задача – собрать разбросанные на большом пространстве отряды и группы и организовать противодействие наступавшей на Царицын 40-тысячной армии генерала Краснова. Задача была выполнена: созданы регулярные части, профессионально организована оборона города, противник остановлен. Сталин же в это время шлет в Москву телеграмму, в которой, в частности, говорится: «[...] военрук Снесарев, по-моему, очень умело саботирует дело» [...] убрать Снесарева, который не в силах, не может, не способен или не хочет вести войну с контрреволюцией [...]». План Снесарева по обороне Царицына Сталин объявил вредительским, потому что он, видите ли «несет печать оборончества»[255].

В середине июля, когда благодаря Снесареву положение под Царицыном стабилизировалось, Сталин самовольно сместил, а затем арестовал его, а незадолго до этого, за якобы организацию заговора, арестовал и посадил на баржу, в плавучую тюрьму, почти весь штаб округа. Только комиссия ЦИК во главе с А.И.Окуловым[256] освободила Снесарева. Однако в его отсутствие Сталин организовал не обеспеченное ни силами, ни средствами наступление, в результате чего город оказался в полукольце войск противника. Царицын потерял в результате этой авантюры 60 тыс. своих защитников.

И вот новый конфликт, с другим посланцем из Центра – уже Сытиным. Теперь разбирать его стал ЦК партии, секретарь ЦК Я.М.Свердлов. 2-го октября он телеграфировал Сталину, Минину, Ворошилову:

«Сегодня состоялось заседание бюро ЦК, затем всего ЦК [...] Обсуждался вопрос о подчинении всех партийных товарищей ре-

шений, исходящих из центров [...] Убедительно предлагаем провести в жизнь решения Реввоенсовета [...] Никаких конфликтов не должно быть».

Но Сталин, Минин и Ворошилов в ответ на это посылают Ленину письмо, в котором изображают Сытина как «человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного», и требуют «пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров»[257].

Создание реввоенсовета Южного фронта из-за перечисленных и других действий царицынской тройки затягивалось в критические для фронта дни. Не соглашаясь с решением ЦК, осуждавшим его действия, Сталин то подавал в отставку, то забирал свое заявление обратно, пока не был отозван в Москву и не получил новое назначение. Эти два примера отношения к бывшим офицерам старой армии со стороны некоторых амбициозных деятелей, наделенных высокой партийной властью, здесь приведены затем, чтобы показать, что нечто подобное несколько позже произошло и в Северо-Кавказской Республике. Ее ЦИК, не доверяя главкому Сорокину, тоже создал некий Оперативный отдел, который за главкома попытался планировать боевые действия войск. Тем самым ЦИК, по сути дела, инициировал происшедшие потом трагические события, и сам стал их жертвой.

Однако вернемся к тому, как руководство Северокавказского Военного Округа оказывало помощь войскам Северного Кавказа и их главкому, попавшим в критическое положение.

24-го сентября штаб СКВО вдруг отдает приказ № 118, противоположный тому, который еще недавно был им передан Сорокину со Жлобой. Теперь уже армии ставилась задача – во что бы то ни стало удерживать Северный Кавказ, нанести удар по Ставрополю, правым своим флангом развивать наступление на Ростов и принять меры к сохранению Грозненских нефтяных промыслов, что означало провести наступление и на Тереке. Сам Сорокин не только не был отстранен от должности, но и был утвержден главнокомандующим войсками Северного Кавказа.

В уже названном приказе № 118 от 24 сентября 1918 г. говорилось:

«§1. Военно-революционный совет фронта постановил: утвердить командующим войсками, оперирующими на Северном Кавказе т. Сорокина.

§2. Все советские войска, оперирующие в пределах Ставропольской губернии, входят в безусловное подчинение командующему войсками Северного Кавказа т. Сорокину.

[...]

§7. Всю операцию в северных уездах Ставропольской губернии Военно-революционный совет приказывает провести самому т. Сорокину.

[...]

§8. Выбор и назначение командующих, а также границы их участков Военно-революционный совет поручает т. Сорокину, который обязан об этом немедленно ставить в известность Военно-революционный совет секретным пакетом.

А между тем Жлоба продолжал начатое им дело. Из с. Благодарное 19 сентября он отправил в Царицын делегацию с докладом в адрес Военного совета СКВО. В нем он писал:

«Задачу, данную Вами мне, о срочном выводе войск на линию общего фронта не представилось возможным выполнить по следующим причинам: Ваш приказ, адресованный на имя Калнина, Чистова и Беленковича, никого не застал на означенных должностях; вся власть на Северном Кавказе по части командования войсками принадлежит ныне главкому Сорокину, который, выслушав мой доклад и получив документы, отнесся весьма не сочувственно и самые приказы просто сунул под сукно, заявив, что якобы такой план уже им выполняется и приказ из Царицына запоздал. В действительности же вся армия находится в мешке. [...] Должен заметить, что это нисколько не поколебало во мне веры в справедливость творимого мною, заранее обдуманного и разработанного Вами дела.

В настоящий момент я с вверенной мне Стальной дивизией, не в полном составе, ибо ее оторвали, как ранее я указал, нахожусь в Благодарном и занят выполнением известной Вам задачи своими собственными силами.

Жлоба. Беленкович»[258].

В дальнейшем успех сопутствовал Жлобе и его дивизии. Из Благодарного он при помощи наступавших ставропольских войск нанес удар по противнику в районе Петровского, разбил там его части, взял пленных, трофеи и, перейдя р. Маныч, продолжил движение к Царицыну. Об одержанной победе Жлоба донес в Пятигорск, очевидно надеясь тем самым смягчить свою вину за самовольство. Но благодарности или хотя бы прощения он не по-

лучил. Реввоенсовет Красной Армии Северного Кавказа отдал приказ, объявлявший начальника 3-й колонны Жлобу вне закона, что предоставляло каждому гражданину право при встрече расстрелять его. Но, когда издавался этот приказ, части Жлобы были уже в трех переходах от Царицына.

А между тем получалось так, что Жлоба, сам того не зная, действовал в интересах нового приказа о наступлении на Ставрополь и далее на северо-запад, на Батайск–Ростов. Причем это наступление могло бы быть поддержано ударом на Кавказскую войск 10-й колонны армии Сорокина. В этом случае роль Стальной дивизии в коренном изменении ситуации на Северном Кавказе трудно было бы переоценить. Но она продолжала выполнять приказ от 22 августа. Вскоре дивизия оставила пределы Северного Кавказа и 27 сентября продолжила движение к Царицыну, а реввоенсовет Южного фронта снова предпринял действия, которые диктовались только интересами защиты Царицына.

Он издал новый приказ за № 120, в котором говорилось:

«Царицын 27 сентября 1918 г. по части оперативной. В связи с переброской противником крупных сил на Царицынский фронт, чем создалось положение, угрожающее городу Царицыну, предписывается: Командующему войсками Северного Кавказа тов. Сорокину экстренно перебросить Стальную дивизию со всеми входящими в нее частями в г. Царицын в распоряжение Военно-Революционного Совета Южного фронта, для чего срочно заменить означенную дивизию другими частями. Об исполнении донести.

Председатель Военно-Революционного
Совета Южного фронта *Сталин*
Командующий Южным фронтом *Ворошилов*»[259].

Об издании этого приказа не знал ни ЦИК Северо-Кавказской республики, ни сам Жлоба, так как его им просто не доставили. Имея на руках предыдущий приказ (№ 118), о наступлении на Ставрополь–Ростов и в направлении Грозного, Сорокин в то же время практически не имел боеприпасов для его выполнения. Ближайшими центрами, откуда они могли бы поступить, были Царицын и Астрахань, но, как уже говорилось, военные советы сначала СКВО, а потом и Южного фронта никаких шагов для этого не предприняли.

Свою оценку вооруженным силам Северного Кавказа в это время дал и Л.Д.Троцкий. После Гражданской войны ему припи-

сали много грехов, и истинных, и мнимых. Некоторые утверждали, что, зная о принадлежности Сорокина к партии левых эсеров, он всячески поддерживал и выдвигал его на вышестоящие должности. Конечно, такая поддержка, если бы она действительно имела место, в то время не помешала бы Сорокину, но исследование этого вопроса не выявило никаких фактов, подтверждающих такие утверждения. Скорее, наоборот, Л.Д.Троцкий был очень невысокого мнения и об армии и, похоже, даже не знал фамилии ее главкома. «Центральная Советская власть, — писал он в своей статье «Действительность и "критическая" болтовня», — разумеется, знала о том, что за спиной у Краснова, на расстоянии нескольких сот верст, имеются Деникинские войска, и не закрывала глаза на эту опасность. Но в то же время мы знали, что на Кубани и на Северном Кавказе с Деникиным борются местные Советские войска, насчитывавшие 150–200 тысяч человек. При столь огромном количестве, эта армия в лице своих местных Тарасовых, Родионовых очень высоко ставила свое количество, особенно кичась тем, что построена она не по общесоветской «бюрократической» системе, знать не хочет устаревших положений, уставов и военспецов, но зато в боевом отношении стоит на большой высоте. В центре относились, разумеется, сдержанно к этой самооценке партизан, которые, как водится, не называли себя партизанами и по каждому случаю божились преданностью идее «правильно организованной армии»[260].

Будучи в г. Козлове, в штабе Южного фронта, 8 июля 1919 г. он еще раз высказал свое негативное отношение к Красной Армии Северного Кавказа. «[...] за спиной у Краснова, на юге стояли Деникинские белогвардейские войска. Знали мы о них? Конечно, знали. Но за спиной Деникинских войск стояли северо-кавказские армии. Эти две армии насчитывали чуть не 150000 или даже 200000 человек. По крайней мере, снабжение они требовали на такое число, но это не были правильно организованные войска, а партизанские отряды, за которыми тащилось много беженцев и просто дармоедов и мародеров. Никакой правильной организации снабжения, управления и командования не было и в помине. Самодельные командиры не желали никому подчиняться и боролись друг с другом. Как всегда водится у партизан, страшно преувеличивали свои силы, с презрением относились ко всем предостережениям центра, а потом, после первого серьезного удара со стороны деникинцев, стали рассыпаться на части. При этом

сдали врагу множество военного имущества и погубили при отступлении неисчислимое количество человеческих сил. Нигде, может быть, партизанщина не обошлась так дорого рабочим и крестьянам, как на Северном Кавказе»[261].

Как следует из этих высказываний, бывший в то время высшим военным руководителем республики Троцкий имел очень приблизительные сведения о состоянии Красной Армии Северного Кавказа. Он ни слова не говорит о том, что же делал он сам и центральная власть, чтобы «правильно» организовать эти войска, снабдить их всем необходимым.

В то же время совершенно очевидно, что при наличии хорошего, регулярного снабжения армия Сорокина могла бы представлять для войск Деникина очень серьезную угрозу. В ее рядах было хоть и меньше, чем считал Троцкий, но все-таки достаточно много бойцов и командиров – 124427 человек, в том числе 93557 штыков, 13836 сабель, а также 919 пулеметов, 247 орудий, 9 бронепоездов. В то время как в трех армиях (VIII, IX, X) Южного фронта, вместе взятых, по данным на 23 октября 1918 г., насчитывалось всего 122 тыс. бойцов, в том числе 72518 штыков, 9113 сабель, а также 362 орудия и 1392 пулемета. X-я армия, например, имела 47622 штыка, 850 сабель, 744 пулемета, 196 орудий[262].

Таким образом, Красная Армия Северного Кавказа осенью 1918 г. не уступала по численности войскам всего Южного фронта и составляла свыше четверти вооруженных сил всей Красной Армии Советской республики, насчитывавших к 15 сентября 1918 г. 452 тысячи бойцов[263].

Для сравнения нужно также сказать, что каждая из перечисленных выше армий опиралась как минимум на одну железнодорожную магистраль и более-менее регулярно снабжалась оружием, боеприпасами и обмундированием, в то время как армия Сорокина была отделена от Астрахани и Царицына 400–600 км астраханских безводных и безлюдных песков, не имела телеграфной связи с центром.

Нельзя не сказать еще раз и о противнике. Против армии Сорокина действовала в то время хорошо организованная и управляемая Добровольческая армия Деникина, численностью до 40–50 тыс. человек.

Казалось бы, армия, которая прикрывает нефтедобывающие, богатые продовольственными ресурсами районы и отвлекает на себя значительную часть белых сил, уже с самого начала ее орга-

низации, и особенно во второй половине 1918 г., должна была стать объектом особого внимания и заботы со стороны Реввоенсовета республики и Реввоенсовета Южного фронта. На деле же она оказалась брошенной ими, была предоставлена сама себе.

Участник тех событий и исследователь истории Красной Армии Северного Кавказа В.Т. Сухоруков, несмотря на некоторую предвзятость в оценке действий своего бывшего главнокомандующего, дал объективный ответ на вопрос – не следовало ли все же Сорокину в сентябре оставить Северный Кавказ и начать отступление к Царицыну, как того требовали Сталин и Ворошилов:

> «На войне легко оставлять территорию, важные экономические и стратегические пункты и районы и гораздо труднее отвоевывать их у противника. Отступить в то время с Северного Кавказа означало добровольно отдать контрреволюции богатейшую экономическую базу той части Северного Кавказа, которая оставалась еще в руках Советской власти, и позволить противнику сформировать там еще более мощную армию из казачества Кубани и Терека, крестьян Ставрополья, овладеть богатейшими продовольственными запасами, нефтью, поголовьем лошадей. Опираясь на эти ресурсы, противник мог с огромной силой обрушиться на армии Южного фронта и начать поход на Москву не летом 1919 г., как это он сделал, а значительно раньше – осенью 1918 г.
>
> Поэтому, — пишет он дальше, — решение держаться на Северном Кавказе до конца, до последней возможности, даже жертвуя собой, было с точки зрения интересов революции и Республики Советов вполне правильным. Красная Армия на Северном Кавказе численно превосходила армию противника, ее моральный дух был несомненно высок. Но Красную Армию ослабляла недостаточная организованность, партизанщина, плохое и неумелое управление войсковыми соединениями, конфликты с главкомом и плохое снабжение, а самое главное – в армии была слабо поставлена политическая работа, так как недоставало политических работников»[264].

Штаб войск Сорокина продолжал руководить обороной занимаемых районов, справедливо предполагая, что предстоят решающие бои. Вскоре белые части под командованием генерала Бруневича большими силами повели наступление на Невинномысскую. Возникла угроза потери ее. Петренко приказал на всякий случай погрузить канцелярию своего штаба на подводы, станица уже обстреливалась из пулеметов. Однако благодаря наличию на

сей раз резерва – Крестьянского полка, наступление белых было отбито с чувствительными для них потерями. Весь остальной штаб и конвойная сотня под личной командой Сорокина выехали на левый фланг для преследования сбитого Крестьянским полком противника. Преследование его продолжалось более 15 верст.

Вспоминая об этом бое, С.В. Петренко пишет:

«Штабной оркестр был все время впереди и играл, и пехота шла под музыку на занятые нами позиции. Картина была великолепная, но Сорокин ею слишком увлекся. Вскоре, 15-го сентября, кадеты снова повели наступление, и на сей раз успешно. Они навели такую панику на наших, что правый фланг наш уже пробежал станицу и очутился за мостом. В то время как лучшие части, стоявшие на левом – все еще держались... Вся штабная документация погибла, так как слишком поздно было отдано распоряжение о погрузке его имущества, и весь обоз штаба попал в руки противника, не успев переправиться на Кубань. Это был сильный удар для нас. Рухнул план немедленного наступления на Ставрополь. Хотя Невинка и была взята на другой день обратно, но только благодаря страшному напряжению воли Сорокина. Он послал конницу в бой, посадив конникам на крупы лошадей пехотинцев, а сам с конвоем бросился в атаку на мост против пулеметной заставы противника. Последний не выдержал, бежал, но штабного имущества, пулеметов и винтовок, отданных за день до этого, вернуть не удалось»[265].

Дальше получилось так, что Петренко был вызван в Пятигорск и, находясь там, в быстро меняющейся обстановке, в районе расположения штаба армии, сориентироваться не мог. Последнее, что он узнал перед выездом из Пятигорска, было сообщение о том, что Невинномысская освобождена. Вместе с Петренко в Пятигорске находился и помощник Сорокина Щербина, до недавнего времени командовавший Крестьянским полком. По пути в Невинномысскую Петренко и Щербина вдруг узнают, что в 20 верстах впереди на станции Киян белые разобрали пути. Они вернулись в Минеральные Воды, взяли бронепоезд Сорокина, восстановили с помощью его команды пути, но в 9 верстах от Невинномысской вдруг узнают, что она снова в руках у белых; пришлось возвращаться. Станцию Киян они проскочили, когда противник был уже и там. Вернувшись в Минеральные воды, Петренко и Щербина взяли с собой батальон Крестьянского полка, стоявшего в Пятигорске на охране ЦИК, и повели его, чтобы

взять Невинномысскую ударом с востока. Но Сорокин к этому времени уже взял ее обратно и только чудом удалось избежать перестрелки со своими же.

Этот случай приведен потому здесь, чтобы, во-первых, показать, как в ходе Гражданской войны на Юге России мгновенно менялась обстановка, а, во-вторых, подчеркнуть, что именно после этого, как считает С.В. Петренко, между ним и И.Л. Сорокиным «пробежала черная кошка», и их взаимоотношения в прежнем виде уже больше не восстановились.

Сам С.В. Петренко пишет об этом так:

«Сорокин встретил нас неприязненно и был обижен на меня за мое выражение. Я сказал, что батальон Крестьянского полка мы взяли для того, чтобы ускорить возвращение Невинки, так как не знали, сколько времени придется с ней возиться. Сорокин заявил мне: «А что же вы думали, я буду сидеть сложа руки?». Это была наша первая открытая размолвка, но после нее я чувствовал постоянно, что отношение Сорокина ко мне изменилось к худшему, и прежней откровенности я уже не видел»[266].

Сорокин, вернувшись из под Армавира, стал обдумывать способы вернуть Невинномысскую. В связи с уходом с фронта вместе со Жлобой 5 полков, он беспокоился также за участь станций Курсавка и Минеральные Воды. Поэтому была послана конница в обход Невинномысской с юга. Она благополучно переправилась через Кубань и Зеленчук, беспокоила все время добровольцев, но выбить их из Невинки не смогла, так как не имела достаточной поддержки со стороны остальных войск. Они были слишком растрепаны предшествовавшим поражением.

Главком решил несколько сократить фронт на Армавирском участке, чтобы при помощи освобождающихся частей вернуть Невинку и восстановить связь с Минеральными Водами. Был отдан соответствующий приказ Черному, но он не был выполнен. Этот случай С.В. Петренко объяснил так:

«Черный, ставленник и друг Сорокина, командовал западным участком фронта, на должности второго помощника Сорокина. Он понимал в военном деле очень мало и видел свое предназначение в беспрекословном исполнении всех приказов Сорокина, а себя как промежуточную инстанцию. Несколько дней до этого был такой случай: не посчитавшись с донесениями разведчиков о приближении Таманской армии, которая в то время двигалась из Белореченской на Кургашную, и не донеся об этом Сорокину,

Черный заготовил «диспозицию», категорически приказав 6, 7 и 8 колоннам оставить весь участок железной дороги к западу от Армавира и занять позицию у самого Армавира. Седьмая колонна под командованием тов. Кислова, перешла к тому же в наступление по направлению Гулькевичей»[267].

Такая безграмотная в военном отношении «диспозиция» закончилась тем, что был потерян Армавир. Как пишет дальше С.В. Петренко:

«[...] Командный состав этих трех колонн был крайне возмущен действиями Черного, которые сильно способствовали падению Армавира, и решил арестовать его, подозревая даже измену. Сорокин вызвал к себе Кислова, которому было поручено собранием всех командиров арестовать Черного, и думал было с ним расправиться, но, узнав настроение всех командиров, поступил иначе. Черного он устранил от должности, устранив саму должность, а 6–7 колонны слил вместе, назвав их «Армавирским фронтом», и назначил командующим Гудкова, устранив тем самым и Кислова. Черный находился с этого времени при главном штабе, пока не занял должность начальника гарнизона г. Пятигорска»[268].

Как уже говорилось, Сорокин был очень доволен прибытием Таманской армии. Это давало ему возможность снять с западного участка две колонны без ущерба для общего положения дел и перебросить их для занятия Невинномысской. Приказ был отдан, но выполнение его сначала задерживалось историей с Черным, а потом следующим обстоятельством. Командующие этими колоннами находили невозможным так быстро, как того требовал главком, сняться с места, так как противник наседал, пытаясь отрезать арьергард таманцев, а также начал распространяться к югу от течения реки Уруп, беспокоя до того спокойный тыл армии. Сорокин никогда не оставлял без последствий случаи невыполнения приказа. Как правило, если не сразу, то потом виновные все равно несли наказание. Он затаил в очередной раз большое недовольство против командного состава этих таманских колонн. Здесь же произошел случай, который заставил начальника штаба С.В. Петренко окончательно порвать с Сорокиным.

Причины этого разрыва в воспоминаниях участников тех событий называются разные. Например, В.Т. Сухоруков считал, что С.В. Петренко как военный специалист был слабым и штабом руководил плохо. И.П. Борисенко же указывал, что он (Петренко. –

Н.К.) быстро поддался влиянию Сорокина, не мог воздействовать на него в духе требований ЦИК, именно поэтому его заменили. Сам же С.В.Петренко описал свой уход достаточно подробно и причины указал другие. Думается, что дело было в общем именно так, как написал он. Правда, надо иметь в виду, что С.В.Петренко был пострадавшей стороной, а в этих случаях, хотя бы в каких-то частностях, ему избежать субъективизма вряд ли удалось.

Он рассказывает, что однажды командир и «самозваный» политком одного из полков, пришедших с Украины, настроенные крайне анархически, были избиты комендантом штаба Рябовым. Скорее всего, Рябов был и прав, но самого его С.В.Петренко охарактеризовал, как личность крайне грязную, он известен был в войсках как большой выпивоха. Кстати сказать, И.Л.Сорокин, по словам С.В.Петренко, хотя сам выпивкой и не увлекался, но тем, кто это допускал, относился терпимо, говорил, что лишь бы знали меру, и лишь бы это делу не мешало.

Полк, естественно, обиделся за своих начальников, а те, вернувшись к себе, постарались раздуть этот случай до размеров небывалых. Красноармейцы полка подняли настоящий мятеж. Ночью они появились в штабе, обезоружили караул и конвой и арестовали всех, кроме С.В.Петренко, хотя он был рядом. Арестованных не уводили, но из разговора мятежников между собой выяснилось, что они решили всех перестрелять. Однако довести свой план до конца у них смелости не хватило, а в это время об аресте штаба узнал Крестьянский полк, который бросился на выручку командования, и особенно Щербины, своего бывшего командира. Бунтующие разбежались. Было решено полк обезоружить, и штаб отдал соответствующий приказ командиру 1-й Внеочередной дивизии. Однако разоружение не удалось, так как добровольно сдать оружие бунтовщики не захотели, и тем, кто был назначен обезоруживать их, в бой вступать в 5 верстах от передовых позиций, не хотели, да, очевидно, и сомневались, на чью же сторону стать. Полк снялся со своих позиций, вышел за колонию Великокняжескую и расположился в степи, окружив себя сторожевым охранением и пулеметами.

На другой день находившиеся при главном штабе представители Таманской армии, куда входил мятежный полк, позвали Петренко и политкома при Сорокине Торского на полковой митинг. Какого полка не сказали, и те согласились. Когда вышли за околицу, то увидели, что их позвали как раз в вооруженный

лагерь мятежников. Отступать было поздно, да они и не собирались. Объяснив полку позицию главного штаба в этих событиях, и узнав требования мятежников, Петренко и Торский пришли к выводу, что виновные во всем несколько демагогов, сидящих на командных должностях в этом полку, которые легко манипулируют остальной массой красноармейцев. Петренко и Торский посоветовали мятежникам выбрать из своей среды делегатов, по одному от каждого эскадрона, и отправить к Сорокину, тот как раз должен был проводить в это время совещание командного состава для обсуждения создавшегося положения. Делегатам гарантировалась неприкосновенность. Петренко с Торским и делегаты отправились в главный штаб. На этом совещании все командиры поддержали требование Сорокина – полк должен выдать всех зачинщиков мятежа, самим назначить нового командира полка и выступить на свои позиции. Полк выполнил все эти требования.

Дальше события развивались в нежелательном для начальника штаба армии направлении. Об этом он пишет так:

> «Когда я увиделся с Сорокиным, он был мрачен и зол. Он уже утром был обижен тем, что полк послал извинение Щербине за его арест, а перед ним – Сорокиным и не думал извиняться. А тут он остался недоволен и моим поведением, заподозрив в моем довольно рискованном путешествии к бунтовщикам и стремление подладиться к массе. Он заявил сначала, что не понимает, какие могут быть разговоры с бунтовщиками, затем спросил меня, как я туда попал. Получив объяснение, он спросил меня, кем я был уполномочен разговаривать с полком, на что я ответил, что полагаю, что в особых полномочиях, будучи начальником штаба, не нуждаюсь. Сорокин тотчас же ушел, а я, обдумав все происходившее, окончательно решил уйти с должности. Уже раньше я почувствовал, что Сорокин ко мне не искренен, не доверяет мне, начинает отдавать распоряжения помимо меня, а особенно опасается моей дружбы с Щербиной, возраставшей популярности которого в войсках он боялся все больше и больше. На моем рапорте Сорокин наложил резолюцию, буквально: "Согласен. Желательно, чтобы Вы остались до отыскания заместителя"»[269].

После этого, по словам Петренко, он ушел с должности немедленно, но Сорокин отдал приказ о его прикомандировании к главному штабу, одновременно отдалил и Щербину. По мнению штабных работников, Петренко бросил штаб в трудную минуту,

так как предстояли серьезные бои за Невинномысскую. Вскоре она действительно была взята. Зажиточная часть населения перед этим выехала, а красноармейцы постарались по уже сложившейся традиции разнести все дома, не разбирая ни богатых, ни бедных, и этим позорным погромом прибавили лишнюю каплю озлобления среди станичников-середняков против Советской власти. Здесь Сорокин предложил Петренко вернуться на должность начальника штаба, но отказался. Как пишет С.В.Петренко, во время этого разговора, И.Л.Сорокин говорил, что, «как только наладит выполнение приказа, присланного из Царицына, так сейчас же уйдет на покой хотя бы рядовым, только чтобы хоть немного отдохнуть от ответственности. И я думаю, – пишет дальше С.В.Петренко, – что он был в те минуты искренен»[270].

Буквально через два дня был восстановлен путь на Минеральные Воды, и Сорокин решает превести свой штаб в Пятигорск. К тому времени там уже размещались все партийные и Советские органы власти Северо-Кавказской республики. С ними теперь можно было напрямую решать все вопросы жизнедеятельности войск. Начальником гарнизона И.Л.Сорокин назначил Черного, бывшего в опале за свою глупую «диспозицию», в результате которой был потерян Армавир. До него начальником гарнизона был Литвиненко, бывший начальником штаба у Сорокина на Ростовском фронте.

О Литвиненко, как сам Сорокин, так и все окружающие были одного мнения, как об одном из самых больших мерзавцев. Еще когда шло переформирование штаба из фронтового в главный, Сорокину настойчиво рекомендовали избавиться от Литвиненко. Говорили о его угодничестве, о том, что он любит держать «нос по ветру», и стоит только Сорокину высказать претензии к кому-либо из командиров, как Литвиненко начинал буквально гноить этого человека, как бы подтверждая этими действиями мнение Сорокина об опальном командире. Сорокин в принципе знал, что за люди его окружают. Он говорил по этому поводу своему начальнику штаба: «Я знаю, что вокруг меня трется много прохвостов, но дело в том, что бороться с ними, пока проходимцы и меня не признают, трудно. Если такой мерзавец заберется на высокую должность, то при нашем положении, для него оттуда две дороги: или еще выше, или на тот свет»[271].

Нужно сказать, что С.В.Петренко в этом случае был согласен с главкомом и поддерживал его. Он писал потом, что Сорокин

«...был глубоко прав. Когда я принял штаб, я вынужден был взять Литвиненко себе в помощники, так как не считал возможным выпускать его из-под надзора, а пустить его в армию, значило пускать самого опасного провокатора в массу, в среде которой идея и авторитет власти еще не окрепли. И я возил Литвиненко за собой. Для чего его Сорокин назначил начальником гарнизона, я себе представить не могу. Такой же был назначен в одно время и начальник гарнизона в Невинномысской и еще кое-где»[272].

Продолжая перечень назначений такого рода, следует вспомнить и о Золотареве, бывшем начальнике гарнизона Екатеринодара, по сути дела бандита. Потом предположение Сорокина, в отношении того, что можно ожидать от таких, как Золотарев, нашло свое подтверждение. Коменданту Екатеринодара не удалось продвинуться еще дальше, его отправили на тот свет. И в самом деле, как иначе можно было действовать в тех условиях И.Л. Сорокину? Командиров выбирали, далеко не всегда это были честные, порядочные люди. Верх нередко брали демагоги и отчаянные, но беспринципные люди. Снять с должности такого без согласия отряда или полка было нельзя, иначе будет бунт. Поэтому, если такого все же удавалось отстранить от полка или отряда, то терять его из поля зрения было нельзя. Пройдет немного времени, и он, используя свой опыт манипулирования сознанием красноармейцев, будет избран в другом месте, и кто мог тогда поручиться, куда он поведет потом своих подчиненных? Кстати сказать, Литвиненко вскоре стал командиром одной из горских частей, но был убит при попыке перейти с нею к белым.

Очевидно, в русле приведенных выше рассуждений лежало и назначение комендантом Пятигорска Черного. Самыми ценными для Сорокина качествами этого человека была преданность главкому, готовность не рассуждая бросаться для выполнения любого приказа. В тех условиях это было не так уж мало. Можно только глубоко посочувствовать И.Л. Сорокину по поводу того, с каким человеческим материалом ему приходилось работать, принимая при этом судьбоносные для Кубани решения.

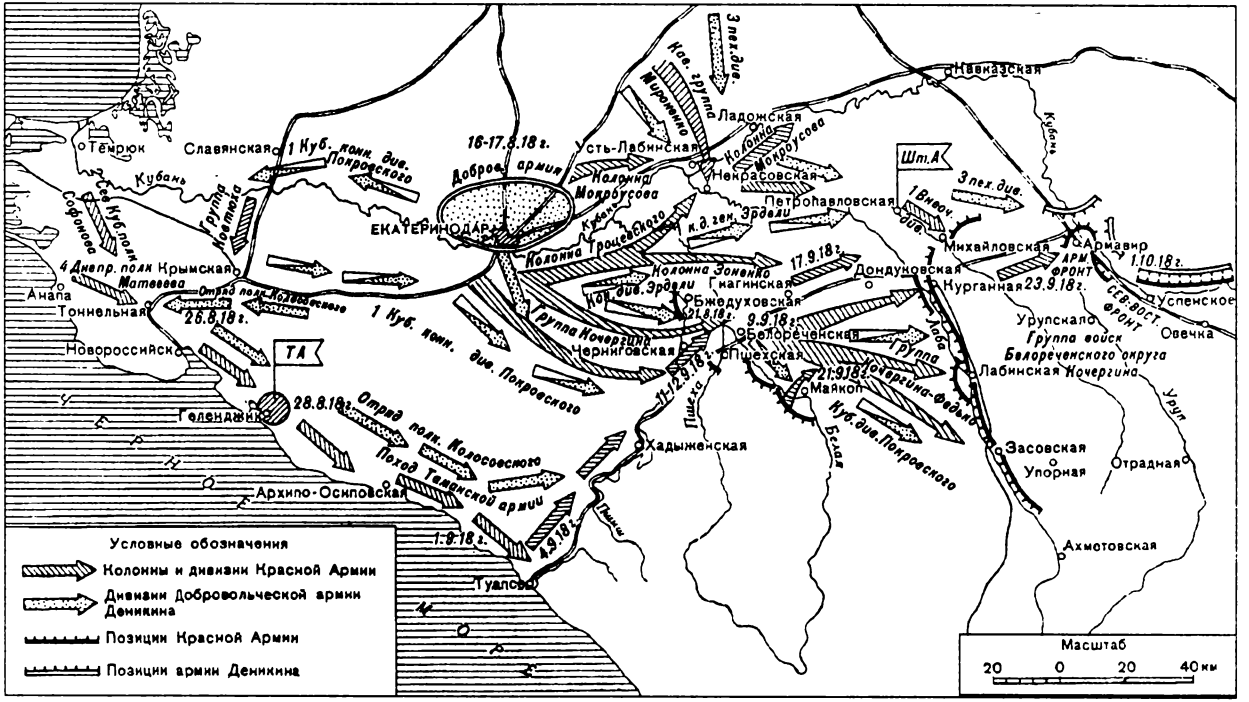
Наступил октябрь 1918 г. Его начало было ознаменовано приказом Реввоенсовета Южного фронта об образовании 8-й, 9-й, 10-й, и 11-й армий. Наименование последнего из перечисленных объединений было дано Красной Армии Северного Кавказа. Однако со сменой названий перемен к лучшему в армии Сорокина не произошло, а оперативное руководство ею со стороны

вышестоящих военных органов по-прежнему вносило сумятицу и неразбериху. Незадолго до этого командующий Южным фронтом Сытин, получив из Царицына приказ Сталина и Ворошилова № 118 о наступлении Красной Армии Северного Кавказа на Ростов, опротестовал его перед главнокомандующим Вооруженными Силами Республики И.И. Вацетисом[273], как отданный без его ведома. 4-го октября Вацетис согласился с Сытиным и обратился в Реввоенсовет Советской Республики с просьбой приостановить исполнение этого приказа. В итоге он был отменен, но, как было уже не однажды, ни Сорокин, ни Северо-Кавказский ЦИК об этом ничего не знали и продолжали его выполнение.

В тот самый день, 4 октября 1918 г., из Москвы в Пятигорск – столицу республики, вернулся Я.В. Полуян, член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, ездивший в качестве делегата от ранее существовавшей Кубано-Черноморской республики на 5-й Всероссийский съезд Советов. Возвращаться ему пришлось кружным путем, через астраханские степи, так как из Москвы через Царицын проехать на Северный Кавказ возможности не было. Он был отрезан немцами и белыми. Я. Полуян тоже ничего не знал об отмене приказа № 118. Он привез с собой голько указание о необходимости создать Реввоенсовет 11-й армии. После его доклада в тот же день и Северо-Кавказский ЦИК вынес постановление о создании Реввоенсовета. Он был избран в следующем составе: Я.В.Полуян – председатель, и члены – В.Крайний, С.В. Петренко, И.И. Гайченец и И.Л. Сорокин.

Как видно из этого списка, армию, кроме самого Сорокина, представляли ее бывший начальник штаба Петренко и командующий Северо-Западным фронтом Гайченец. Учитывая, что и Полуян неплохо ладил с Сорокиным, можно было рассчитывать на слаженную работу Реввоенсовета армии.

Следует отметить, что Реввоенсовет с первых дней своего существования стал оправдывать надежды, которые на него возлагались. Только в результате его создания армия вообще начала походить на армию. Объединение центральных органов снабжения и административного управления дало такие результаты, которых и сами члены Реввоенсовета не ожидали. Впервые удалось наладить учет личного состава армии, организовать более тесную связь с подчиненными органами. Начала вестись политическая работа в армии. Раньше, на Ростовском фронте, ее организацию взял на себя Исполком фронта, но за отсутствием подго-



Отход Красной Армии из-под Екатеринодара, поход Таманской армии и боевые действия с 17 августа по 1 октября 1918 г.

товленных работников, он с задачами не справлялся, а после Кубанского отступления и совсем самоустранился от этого дела. Удалось также наладить некоторый порядок в деле снабжения войск и в создании подотчетности, чего раньше вообще не было. До того времени в военном Комиссариате Северо-Кавказской республики всеми этими вопросами занимался один Турецкий, который разрывался на части, но ничего не мог поделать, т. к. с административным центром и главным штабом связан не был, да, как известно, и один в поле не воин.

Армейский аппарат с каждым днем налаживался все лучше, и, несмотря на некоторые трения с командным составом, особенно когда ужесточились требования по вопросам отчетности и дисциплины, авторитет Реввоенсовета еще более повысился. Такая слаженность была крайне необходима, если иметь в виду те серьезнейшие задачи, которые предстояло решать по директиве Южного фронта. 7-го октября Реввоенсовет приступил к обсуждению ее требований. Особое внимание при этом обращалось на то, что армии предстояло одновременно наступать в двух противоположных направлениях – на Ростов и на Грозный. Правда, по этому сразу же выявились серьезные разногласия, однако их преодолели, и был принят план, предложенный Сорокиным. Он заключался в том, чтобы предварительно развернуть наступление на Ставропольском направлении, имея в виду дальнейшее движение на Ростов, а наступление в сторону Грозного начать с Георгиевского боевого участка в направлении Прохладная–Моздок.

После этого штаб армии начал соответствующую принятому решению перегруппировку войск. Одновременно велась и реорганизация самой армии. Реввоенсовет издал приказ, согласно которому командующим таманскими частями и Белореченским участком фронта было необходимо отправить свои войска на станцию Невинномысская, а остальным отойти на линию Ахметовская, Упорная, Урупская, Армавир и закрепиться на ней.

С этим планом, когда он предлагался командованием армии еще в виде замысла, не были согласны командующий Таманской армией И.И. Матвеев и командующий Белореченским участком фронта Г.А. Кочергин. План отступления в район Невинномысской они считали ошибочным и хотели наступать в направлении на Кавказскую–Тихорецкую с последующим развитием удара на Екатеринодар. Главный смысл их предложения сводился к тому, чтобы вернуть утраченную территорию Кубани. В случае неудачи

они предлагали пробиваться на Царицын, для соединения с 10-й армией, как это недавно сделал Жлоба. Однако Сорокин и Реввоенсовет были полны решимости выполнить приказ Южного фронта. К тому же, очевидно, строптивость Матвеева и Кочергина им порядком надоела. Начиналась серьезная борьба с партизанщиной, которая только начала более-менее утверждаться в армии, и подрыв устоев дисциплины бесследно уже пройти не мог. 17-го октября Реввоенсовет войск Северного Кавказа преобразовался в Реввоенсовет 11-й армии и он подтвердил ранее принятые планы.

Не получив от командующего Белореченской группой войск подтверждения о том, что тот приступил к выполнению приказа Реввоенсовета 11-й армии, Сорокин объявил его вне закона «за неоднократный отказ выполнить приказания». Узнав об этом, Кочергин выехал в штаб армии для объяснений. В сопровождении нескольких командиров и военного комиссара Белореченской группы Аскуравы он прибыл в Пятигорск, где сразу же был арестован.

Над Кочергиным состоялся суд военно-полевого трибунала. В деле фигурировали составленные наспех документы, правильность и достоверность которых оспаривали присутствовавшие на суде в качестве свидетелей Аскурава и командиры Белореченской группы войск. Тем не менее, суд постановил отстранить Кочергина от командования войсками и провести дорасследование по его делу. У Кочергина было мало шансов оправдаться, грозил расстрел, но ему все же удалось спастись. В своих воспоминаниях он рассказал как это было.

«Часа в три или четыре утра я услышал, что дверь подвала отворяется. Подумал, что это конвойные за мной, чтобы вести меня к расстрелу. Я увидел председателя Чрезвычайной комиссии т. Власова, который к моему великому удивлению, объявил, что я свободен. Он открыл передо мной дверь, и мы вместе вышли на улицу Пятигорска. Власов сказал, что Сорокина надо сместить и предать суду за его авантюру.

Однако, опасаясь, что он подослан Сорокиным, чтобы выведать мое мнение, я воздержался от разговора на эту тему. Дойдя до гостиницы «Бристоль», т. Власов предложил зайти к жившему в ней т. Крайнему. Его нашли, несмотря на ранее утро, еще не спавшим и что-то рассматривавшим по карте. Крайний усадил меня, дал мне поесть, долго расспрашивал о фронте и настроении в войсках и, наконец, спросил, какого я мнения о Сорокине. Я ответил, что скажу ему, как члену партии, что Сорокин авантюрист

и его необходимо сместить как можно скорее. Крайний быстро поднялся с места и заявил, что мое мнение ошибочно, но когда к моему мнению присоединяется также и Власов, Крайний, опустившись с тяжелым вздохом на стул, долго молчал. Потом, выйдя из своего тяжелого раздумья, он сказал, что этот щекотливый вопрос необходимо поставить в партийных кругах»[274].

У всякого прочитавшего этот фрагмент воспоминаний Кочергина вполне логично может возникнуть ряд вопросов:

– по какому праву Власов, ответственный работник ЧК, так просто мог взять и выпустить на свободу человека, находящегося по решению военного трибунала под следствием, и которому мог грозить расстрел за невыполнение приказа?

– какие основания были у Власова без особых опасений и объяснений говорить Кочергину о том, что Сорокин авантюрист и его надобно судить?

– почему Власов среди ночи привел Кочергина к заместителю председателя ЦИК Северокавказской республики В. Крайнему, не опасаясь, что тот по меньшей мере удивится такими действиями главного чекиста на Северном Кавказе.

За давностью времени и из-за отсутствия соответствующих документальных свидетельств, на эти вопросы сегодня невозможно дать однозначные ответы, но можно делать достаточно объективные предположения, и они не в пользу и чекистов и самого Крайнего. Складывается впечатление, что по пути в гостиницу Власов своим заявлением о том, что Сорокин авантюрист, и его нужно за это сместить с должности главкома, подсказал Кочергину, какую оценку своему главкому он должен был сообщить Крайнему. Наверняка Кочергин хорошо понял, что от него хотят, как и то, в какой опасной ситуации он сам находится. Поэтому, как следует из приведенного выше воспоминания Кочергина, он почти слово в слово повторил Крайнему то, что только что услышал от Власова, и что, собственно говоря, хотели от него услышать.

Можно легко допустить, что высокое положение Власова позволило ему без особого труда забрать из-под стражи Кочергина. Наверняка существовала практика ночных допросов подследственных и их расстрелов. Скорее всего, под одним из этих предлогов Власов и забрал из тюрьмы Кочергина. Удивляет другое, он это сделал не в интересах следствия, а для того, чтобы увести Кочергина от ответственности. А это уже должностное преступление, которое по законам военного времени должно было сурово

караться. Но Власов чувствовал свою безнаказанность, и участником его неблаговидных действий вольно или невольно стал и сам Крайний.

Из вышеприведенных предположений вытекает и следующее – слова Кочергина, как говорится, упали на почву, которую Власов давно готовил. Ему нужен был еще один, очередной аргумент, для того, чтобы убедить Крайнего в необходимости сместить Сорокина, и он не стеснялся в выборе средств. Дальнейшие события подтвердили этот вывод.

Не известно, как Сорокин отреагировал на то, что Кочергин оказался на свободе. Но вслед за ним в Пятигорск прибыл другой несогласный с планом Реввоенсовета о наступлении в ранее указанных направлениях – командующий Таманской армией И.И. Матвеев. Чтобы иметь объективное представление о развитии этих событий, обратимся в очередной раз к воспоминаниям С.В. Петренко, теперь уже члена Реввоенсовета республики. Он пишет:

> «Командующий Таманской армией Матвеев, человек вообще склонный к демагогии, стал агитировать против выполнения приказа, а затем приехал с несколькими пулеметами и охраной в Пятигорск, где крайне вызывающе заявил, что этот приказ не выполнит, а когда ему разъяснили значение приказа и дальнейшие намерения, то он все-таки уклонился от прямого ответа. Так как этот Матвеев и в прошлом уже имел темные дела за собой, то РВС постановил его за невыполнение приказа расстрелять»[275].

Нужно сказать, что время для своего противодействия плану, утвержденному Реввоенсоветом республики, Матвеев выбрал крайне неудачно. Только недавно ЦИК опубликовал свое постановление, в котором говорилось:

> «Реввоенсовету принадлежит вся высшая военная власть на Северном Кавказе. Все его приказы и распоряжения должны исполняться точно и беспрекословно. Неисполнение приказов Реввоенсовета будет считаться неподчинением советской власти и будет беспощадно караемо»[276].

У Сорокина были сложные взаимоотношения с Матвеевым. У того в армии находились матросские отряды и красные части, прибывшие с Украины, а об их состоянии, и тех, кто ими командовал, Сорокин хорошо знал еще по тому времени, когда они вошли в его подчинение на Ростовском фронте. Из-за того, что эти командиры по каждому вопросу оперативного планирования бое-

вых действий высказывали независимую, бескомпромиссную позицию, на согласование вопросов уходило много драгоценного времени. Поэтому свое недовольство таманцами главком переносил и на матроса Матвеева. Но можно понять и Матвеева. Только что он со своей армией совершил беспримерный 500 км марш по местности, лишенной продовольственных ресурсов, и его крайне не устраивала перспектива снова наступать по голодной, безлюдной калмыцкой степи и астраханским безводным пескам. Кроме того, некоторые считали, что Сорокин ревностно относился к растущему авторитету Матвеева и был бы непрочь от него избавиться.

И вот теперь Матвеев прибыл с целью убедить Реввоенсовет прислушаться к его доводам и принять план наступления в направлении на Тихорецкую–Екатеринодар–Царицын, разработанный в его штабе. Предложения Матвеева не нашли поддержки, и Реввоенсовет оставил свой план без изменений. Тогда здесь же, на заседании Реввоенсовета, Матвеев категорически отказался выполнять его предписания, за что сразу был арестован и приговорен к расстрелу. Вскоре приговор привели в исполнение. Многие считали, что столь суровое и поспешное решение Реввоенсовет принял еще и с той целью, чтобы показать свою решимость навести порядок в армии, усилить борьбу с партизанщной, не останавливаясь ни перед чем.

Характерно, что решение о расстреле Матвеева Реввоенсовет принял единогласно. Однако потом, уже после смерти Сорокина, появились сообщения, что против этой суровой меры голосовал Я. Полуян, а остальные находились под сильным влиянием главкома и просто подчинились его воле. В частности, уже упоминавшийся здесь неоднократно бывший начальник штаба Таманской армии Батурин в своих воспоминаниях писал, что главным виновником расстрела был Сорокин, который, «как честолюбец, не мог перенести популярности другого, избавился от лично ему опасного человека т. Матвеева»[277].

Однако на несостоятельность этих и других подобных утверждений указал сам председатель Реввоенсовета Я. Полуян. По данному поводу он сообщал следующее:

> «5 октября в Пятигорске был организован РВС Северо-Кавказских войск, которые вскоре были переименованы в 11-ю армию. Первым актом РВС был приказ по войскам о беспрекословном подчинении всем распоряжениям РВС 11-й армии и о точном и своевременном выполнении боевых приказов. Виновные в неис-

полнении таковых подлежат расстрелу. Этот приказ твердо проводился в жизнь.

Командующий Таманской армией Матвеев 10 октября за невыполнение боевого приказа по распоряжению РВС был расстрелян.

[...] Многие товарищи полагают, что Матвеев был напрасно расстрелян. К числу таких товарищей принадлежит и товарищ Фарафонов (см. его статью «Известия Кубчероблисполкома» от 7 ноября № 15), который полагает, что Матвеев просто принесен в жертву ради «урока», ради предостережения других.

[...] Он также пишет, будто бы Полуян воздержался по вопросу о расстреле Матвеева. Ничего подобного. Я был за расстрел и заявляю, что Матвеев понес заслуженную кару. Он не выполнил боевого приказа, что привело к сотням и тысячам лишних жертв и крушению Армавирского фронта.

Без твердой революционной дисциплины и воинского долга, основное правило которого — точное и аккуратное выполнение боевого приказа, нельзя было продержаться и одного дня в момент ожесточенных, упорных и беспрерывных боев»[278].

Не совсем верно начальник штаба Таманской армии Батурин передает и реакцию таманских войск на расстрел Матвеева. Он пишет:

«Несмотря на установившуюся дисциплину в Таманской армии раздавались крики: «На Пятигорск! Отомстим за Матвеева штыками! Сорокин изменник!» и т. д. И не только массы рядовых бойцов, но и весь командный состав был одного с ними настроения»[279].

Безусловно, весть о расстреле командарма в его войсках не прошла незаметной, и вполне возможно, что выкрики, о которых говорит Батурин, действительно имели место. Но говорить, что так повела себя вся армия, оснований не было. Во всяком случае, командующий 1-й колонны Таманской армии Е.И. Ковтюх, численность которой превосходила 2-ю и 3-ю колонны, по этому поводу написал:

«Возможно, что во 2-й и 3-й колоннах такое настроение и имело место, но в 1-й колонне ни такого настроения, ни криков среди красноармейцев, и тем более комсостава, абсолютно не было»[280].

Что касается вышеприведенного мнения Полуяна, то его в расчет вскоре просто не стали принимать. Оно не соответствовало тогда официальным оценкам Сорокина как изменника, предателя и авантюриста. Да и сам Полуян со временем был «удостоен» подобных ярлыков. Известный советский историк сталинской поры Л. Разгон дал ему такую характеристику:

«Ян Полуян, по происхождению кубанский казак, был заражен мелкобуржуазными, специфическими казачьими предрассудками, своего рода кубанским патриотизмом. Это, прежде всего, сказалось на враждебном отношении Полуяна к тем отрядам, которые пришли на Кубань с Украины. Полуян занимал антипартийную, троцкистскую позицию по основным вопросам политики партии и Советской власти, в частности, по вопросам организации армии. В дальнейшем он был разоблачен как враг народа»[281].

И это при том, что Ян Васильевич Полуян был членом партии с 1912 г., до своего ареста (в 1937 г. – *Н.К.*) прошел должности председателя Тверского губисполкома, Дальневосточного крайисполкома, стал Членом Президиума ВЦИК, членом ЦИК СССР. Впоследствии, после смерти Сталина, он был реабилитирован посмертно.

Здесь есть необходимость привести еще один факт, как круто в армии Сорокина взялись за наведение порядка. Вскоре после расстрела Матвеева начальник колонны Федько санкционировал арест и предание суду военного трибунала всего командного состава 1-й Ставропольской дивизии – от ротного командира до командира дивизии включительно, «за самовольный уход с позиции и за преступное и халатное отношение к своим обязанностям»[282].

Вместо Матвеева командующим Таманской армией был назначен Е.И. Ковтюх, человек безупречной репутации, которого любили в войсках и уважали в Реввоенсовете. Тем не менее, командный состав Таманской армии и войск Армавирскоро фронта вынес резолюцию, в которой, не отказываясь от признания власти РВС, приостанавливал выполнение приказа «до получения исчерпывающих разъяснений о расстреле Матвеева лично от членов Реввоенсовета».

В соответствии с принятым планом наступательных действий Реввоенсовет приступил к весьма сложной перегруппировке войск, часть которых сначала должна была отступить из-под Армавира в тыл на 100 километров, в район Невинномысской, для того, чтобы оттуда начать наступление на Ставрополь. В это время Таманская (бывшая матвеевская) армия имела в своих трех колоннах, по состоянию на 9 октября, 29 752 бойца-пехотинца, 4 037 сабель, 141 пулемет и 32 орудия. Правее таманцев располагалась 7-я колонна, имевшая до 10 225 штыков, 1 202 сабель, 144 пулеметов и 50 орудий, а всего в районе Армавира было 39 977 штыков, 5 239 сабель, 285 пулеметов и 82 орудия[283].

На городском рынке.
Екатеринодар, 1909 г.

Станица Петропавловская в 1-й половине XIX в.
В центре собор св. Петра и Павла.
Панно. Экспозиция станичного музея

Дом, в котором родился И.Л. Сорокин.
Ст. Петропавловская, 2005 г.

Здание школы, где в 1890–96 гг. учился Иван Сорокин.
Ст. Петропавловская, 2005 г.

Свято-Дмитриевский собор, где в 1909 году венчались Иван Сорокин и Лидия Колесникова. *Ст. Петропавловская, 2005 г.*

Дом, в котором после свадьбы жили И.Л. и Л.Д. Сорокины. *Ст. Петропавловская, 2005 г.*

Здание бывшего фельдшерского пункта, где работал И.Л. Сорокин. *Ст. Петропавловская, 2005 г.*

Военфельдшер 3-го линейного полка Кубанского казачьего войска вольноопределяющийся И.Л.Сорокин. *Майкоп, 1914 г.*

Русская батарея на огневой позиции.
Кавказский фронт, 1914 г.

Подъесаул И.Л. Сорокин
1917 г.

Хорунжий И.Л. Сорокин
(на фото справа)
на Кавказском фронте.
1916 г.

Старое здание станичного правления.
Отсюда в феврале 1918 года И.Л.Сорокин увел свой отряд красных казаков на Гражданскую войну.
Ст. Петропавловская, 2005 г.

Руководитель Екатеринодарского горкома ВКБ(б) П.М. Вишнякова

Штаб армии А.И. Автономова и И.Л. Сорокина.
В среднем ряду первый слева И.Л. Сорокин.
Слева от него (стоит) адьютант для особых поручений
Ф.Ф. Крутоголов. *Екатеринодар, лето 1918 г.*

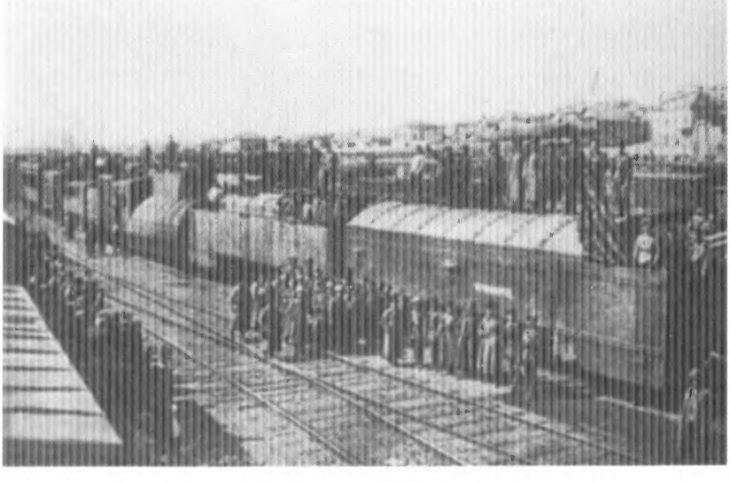
Наркомвоенмор
и председатель РВСР
Л.Д. Троцкий

Начальник штаба
Красной Армии
Северного Кавказа
С.В. Петренко

Г. Савицкий. «Поход Красной Таманской армии»

Командир 3-й колонны Красной Армии Северо-Кавказской республики, затем главком 11-й армии И.Ф. Федько

Главком Красной Армии Северного Кавказа
И.Л.Сорокин. *Рисунок, сентябрь 1918 г.*



Отправка бронепоезда с красноармейцами
на Южный фронт. *Царицын, 1918 г.*

Верховный главнокомандующий русской армией, впоследствии организатор Белого движения в России генерал М.В. Алексеев (на фото в центре). *1916 г.*

Генерал Корнилов Л.Г.
1916 г.

Верховный главнокомандующий русской армией (июль–август 1917 г.), один из организаторов Белого движения Л.Г. Корнилов. *1917 г.*

Командующий белой
Кавказской армией
генерал Покровский В.Л.

Атаман Войска Донского
генерал Краснов П.Н.

Атаман Донского войска
генерал Каледин А.М.

Принятие присяги атаманом Войска Донского А.П. Богаевским. *Февраль 1918 г.*

Генерал армии А.И. Деникин. *1920 г.*

Командующий Кубанской белой армией, затем (с 1919 г.) командир конного корпуса в Вооруженных силах Юга России генерал-лейтенант А.Г. Шкуро

Советской Рабоче-Крестьянской Социалистической Красной Армии!

ПРИКАЗ № 10.

ТОВАРИЩИ БОЙЦЫ!

Высший выразитель воли Трудящихся **Второй Чрезвычайный Сезд Советов Сеернаго Кавказа** приказал арестовать Командующаго **Сорокина** и ряд других лиц.

Именем Реввоенсовета приказываю сохранить полное спокойствие и исполнять приказания только **Чрезвычайнаго Сезда Советов**.

Солдаты Революции! Помните, что мы боремся за право трудящихся—**за Советы и кто пойдет против распоряжений Чрезвычайнаго сезда Советов—величайший изменник и преступник**.

Забудем личности и личные счеты и будем слушаться приказов Высшего Выразителя Красной Армии и Трудящихся Чрезвычайнаго Сезда.

Да здравствуют Советы!

Да здравствует наш Чрезвычайный Сезд Советов!

Да здравствует защитница Советов социалистическая—Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

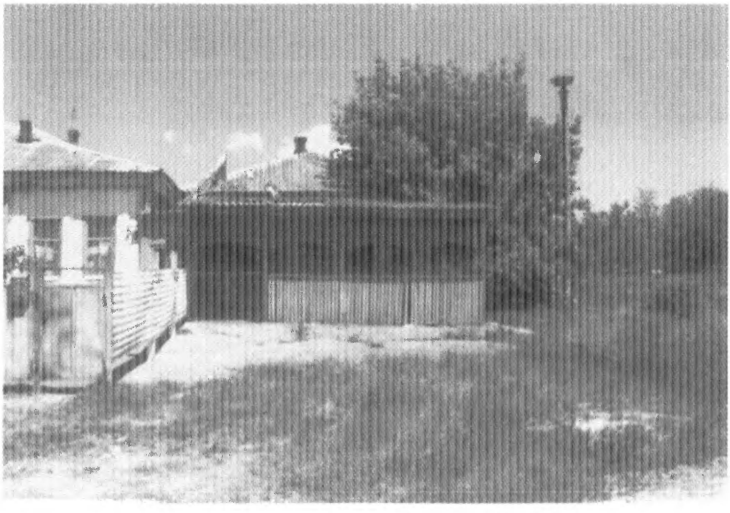
Член Всероссийскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета и член Реввоенсовета ОДАРЮКЪ.

За Начальник.. Штаба т. Бутов.

Приказ №10 по РККА от 27.11.1918 г., объявляющий главкома Красной Армии Северного Кавказа И.Л.Сорокина вне закона. Копия документа ЦВМЕ (ДФ. Ед. хр. 9519)

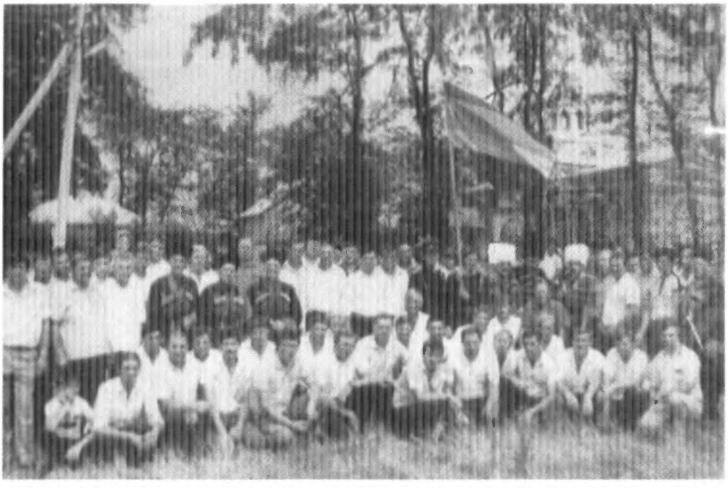
«Прощание И.Л. Сорокина с женой».
Худ. Н. Клевцов. Музей ст. Петропавловской

Бюст И.Л. Сорокина на центральной
площади станицы Петропавловской



Здание штаба казачьей общины
ст. Петропавловской. *Май 2005 г.*

Присягу на Библии дает атаман станицы
В.М. Жидков



Жители ст. Петропавловской на праздновании 150-летия со дня основания станицы. *1995 г.*

Здание администрации станицы Петропавловской. *Август 2005 г.*

Советским войскам противостояли 1-я конная дивизия генерала Врангеля, 1-я пехотная дивизия генерала Казановича, 2-я пехотная дивизия генерала Боровского, 3-я пехотная дивизия генерала Дроздовского. Всего 14 064 штыка и сабли, 211 пулеметов, 47 орудий.

Одновременно с принятием плана наступательных операций в направлениях Ставрополь и Прохладная–Моздок, Реввоенсовет принял решение реорганизовать всю армию Северного Кавказа (за исключением ставропольских войск, которые сами произвели необходимое переформирование). Таманская армия подлежала переформированию в две пехотные и одну кавалерийскую дивизии. Войска расположенные по р. Лаба сводились в 1-ю колонну под командованием И.Ф. Федько. Согласно приказу и в целях сокращения линии фронта эта группа войск была отведена с рубежа р. Лаба и заняла позиции по р. Уруп. Войска Армавирского фронта, занимавшие позиции по левому берегу р. Кубань от Армавира до Невинномысской, были реорганизованы в 7-ю колонну под командованием И.П. Гудкова. 9-я колонна под командованием Я.Ф. Балахонова, а затем Пронникова, занимала район Курсавка–Воровсколесская. Ей был подчинен Кисловодско-Суворовский боевой участок. 10-я колонна под командованием П.К. Зоненко сосредоточивалась в районе Невинномысской с задачей наступления на Ставрополь правее Таманской армии.

Свои задачи получили все соединения и части. Кавалерийский корпус, сформированный Г.А. Кочергиным, отходил с линии р. Лаба на позиции по р. Уруп, откуда передвигался район Невинномысская–Курсавка в распоряжение Реввоенсовета. 8-я колонна под командованием Лисконога располагалась в районе Курганная–Михайловская, а 1-я Внеочередная дивизия под командованием Г.И. Мироненко перебрасывалась из района Невинномысской в Пятигорск для последующего наступления на Прохладную–Моздок. Войска Георгиевского и Свято-Крестовского боевых участков находились на прежних позициях в ожидании приказа о переходе в наступление на Прохладную–Моздок. Как видно из вышеприведенного плана, штаб армии Сорокина и лично он сам в короткое время провели огромную работу по планированию операций и доведению их до войск. Таких задач ни Красной Армии Северного Кавказа, ни пришедшей на смену ей 11-й армии решать еще не приходилось.

Вместе с тем, Реввоенсовет армии в октябре 1918 г., когда вся Рабоче-Крестьянская Красная Армия Советской России уже отка-

залась от отрядов и колонн, и была реорганизована в дивизии трехбригадного состава по три пехотных полка в каждой, не успел провести коренной реорганизации армии по единой общеармейской системе.

Есть еще одно немаловажное упущение Реввоенсовета и командования 11-й армии. На Северном Кавказе имелись весьма благоприятные условия для развертывания крупных масс конницы как самостоятельного рода войск, имевшего большие преимущества на полях сражений, однако воспользовалась ими достаточно эффективно смог только противник – армия Деникина. И все-таки Реввоенсовету и штабу армии Сорокина за сравнительно короткое время удалось поднять организованность и боевой дух войск. Это подтвердили первые итоги их наступления на Ставропольском направлении. И если бы Сорокину удалось до конца выполнить намеченные планы, то у него были бы все шансы на успех.

Неожиданный переход в наступление войск Сорокина и их успехи вызвали у белогвардейского командования тревогу за свой Ставропольский фланг. Неудачи в начале октября под Армавиром и в Ставрополье заставили Деникина создать в этом районе группу численностью свыше 10 тыс. штыков и сабель в составе: 2-й пехотной дивизии генерала Боровского, 2-й Кубанской казачьей дивизии полковника Улагая и отряда генерала Станкевича под общим командованием генерала Боровского с задачей – ликвидировать советские ставропольские войска, продвинувшиеся из района Дивное–Благодарное к р. Егорлык.

17-го октября вся группа генерала Боровского перешла в наступление. Красные части, выдвинувшиеся к реке Егорлык, начали отход. В районе Большая Джалга – Малая Джалга произошел ожесточенный бой, в котором приняли участие пехотные полки под командованием К.А. Трунова, Д.О. Положишникова, П.М. Ипатова, кавалерийские полки под командованием М.И. Чумака и В.С. Голубовского. Большая Джалга была оставлена советскими войсками. В 2–3 км западнее Малой Джалги указанные пехотные полки остановились и заняли оборонительные позиции. Кавалерийские части находились на флангах. Подпустив офицерские полки почти к самым своим позициям, ставропольцы смело встретили противника сильным ружейно-пулеметным огнем. Одновременно кавалеристы бросились в атаку. Белые, ошеломленные неожиданно сильным сопротивлением и кавалерийской атакой, в беспорядке отступили к Большой Джалге.

18-го октября белые, подтянув всю группу генерала Боровского, снова начали наступать из Большой Джалги на Малую Джалгу. Бой длился 8 часов. 7-й пехотный полк под командованием П.М. Ипатова 10 раз отбивал атаки противника. В ожесточенном бою пал смертью храбрых командир батальона А.К. Николенко, один из первых организаторов Советской власти и отряда Красной Армии с. Арзгир. Этот трехдневный бой под Малой Джалгой дорого обошелся белым. Противник потерял несколько тысяч человек убитыми и ранеными. Значение боев, которые велись с 17 по 20 октября севернее Ставрополя, состояло в том, что сюда была отвлечена значительная часть сил деникинской армии с армавирско-невинномысского направления, а это давало шанс на успех таманцев, которые должны были наступать южнее Ставрополя.

Таманская армия находилась в районе Армавира и, согласно приказу, теперь снималась и по железной дороге перебрасывалась в район Невинномысской. Оттуда она должна была начинать наступление на Ставрополь. Войска передвигались по железной дороге, а артиллерия и кавалерия походным порядком. Как уже говорилось, вместе с таманцами в этом наступлении должны были участвовать войска 7-й и 10-й колонн. Чтобы организовать их взаимодействие Сорокин лично прибыл на этот участок и окунулся в работу по согласованию флангов войск и чтобы вывести их на свои участки для наступления.

Общая численность советских войск, наступавших на Ставрополь, составляла до 50 тыс. штыков и сабель при 86 орудиях и 300 пулеметах. Это было почти в три раза больше того, чем требовалось приказом № 118 из Царицына. Но снарядов имелось не более 10–15 штук на орудие, патронов — по 30–40 штук на винтовку. Бойцы были плохо одеты и в рваной обуви.

Конечно, скрыть столь масштабное передвижение войск было очень трудно, и противник вскоре обнаружил этот маневр. Он также понял, что оборона Армавира, с уходом оттуда значительной части Таманской армии значительно ослабляется. 18-го октября части 1-й пехотной дивизии белых ворвались в город, и остаткам таманцев с большим трудом удалось их выбить оттуда. Таманскую армию на Армавирском фронте сменила 1-я колонна И.Ф. Федько.

По железной дороге и походным порядком к 24 октября таманцы сосредоточились в Невинномысской и в этот же день утром, переправившись через Кубань, перешли в наступление всеми четырьмя колоннами и отбросили 3-ю пехотную дивизию бе-

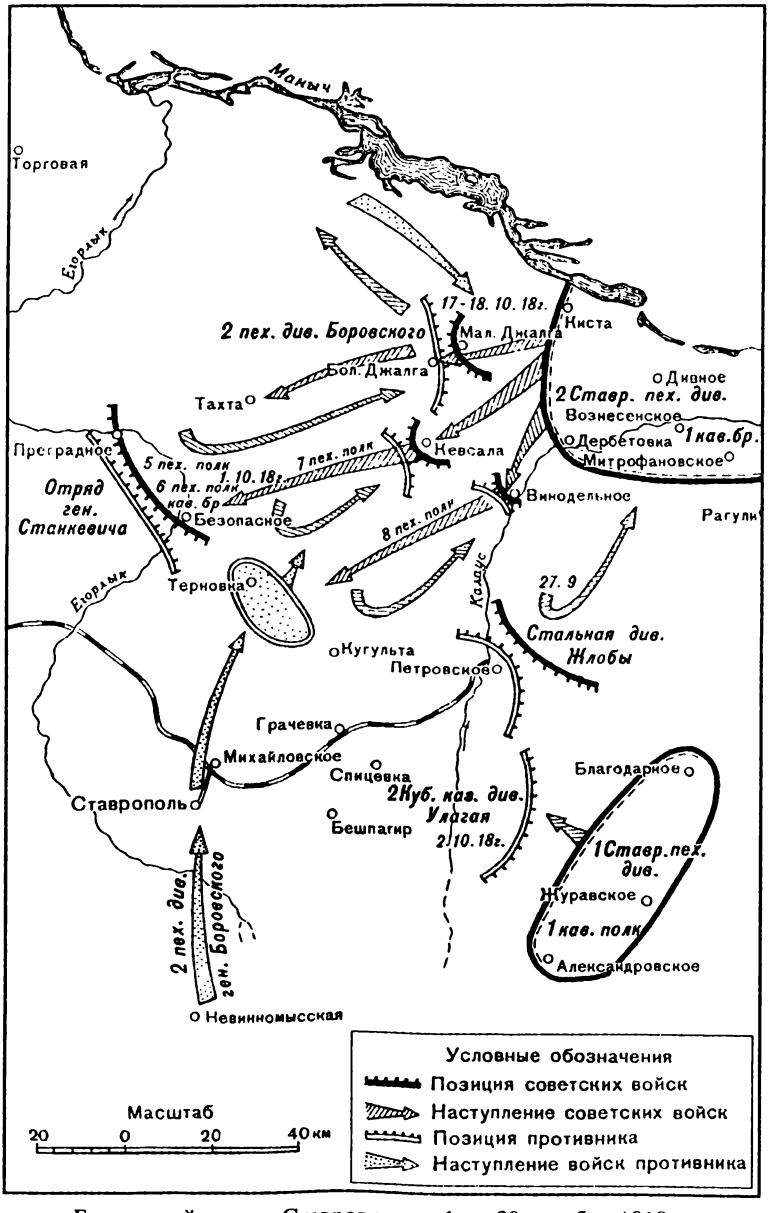
лых к Ставрополю. Затем две из них, находившиеся в центре, двинулись непосредственно на Ставрополь, левая – через Татарку с юга, и правая – через Темнолесскую с востока.

Правее Таманской армии наступала 10-я колонна под командованием П.К.Зоненко с задачей – обойти город с востока и нанести удар по нему с севера. Левее таманцев должна была наступать от Кубани 7-я колонна для удара по Ставрополю с запада, чтобы отрезать группировку противника в районе Кавказской.

Во время этого наступления основная группа противника в составе 2-й пехотной дивизии генерала Боровского, 2-й кубанской казачьей дивизии полковника Улагая и сводного отряда генерала Станкевича были скованы войсками 1-й и 2-й Ставропольских дивизий и кавалерийской бригады в 100 километрах от Ставрополя, а потому не могли принять участия в обороне города. Это значительно облегчило выполнение таманцами задачи.

Деникин приказал 3-й пехотной дивизии во что бы то ни стало задержать наступление красных войск до подхода дивизий Боровского и Улагая. Однако части этой дивизии под натиском устремившихся к Ставюполю таманцев продолжали пятиться и несли большие потери. На третий день после начала наступления они были отброшены к самому городу, а дивизии Боровского и Улагая все еще не подходили. Не помогли и брошенные Деникиным из резерва на помощь 3-й дивизии два полка резерва, красные их смяли и наполовину уничтожили. К исходу 27 октября колонна таманцев заняла позиции в районе гор Холодная и Острая. К этому времени 7-я колонна под командованием И.П. Гудкова и П.И. Детков очистила от белых правый берег Кубани от Армавира до Барсуковской и наступала на Ставрополь уступом за левой колонной Таманской армии. Но фланг 7-й колонны у Армавира был атакован 1-й пехотной дивизией противника, в связи с чем части 7-й колонны задержались и опоздали подойти к моменту штурма Ставрополя.

Красные войска вплотную подошли к укрепленным позициям белых на подступах к городу. В ночь на 28 октября они бросились в атаку и ворвались в окопы противника на его окраине. Белогвардейские части, оборонявшие город, были частью уничтожены, а частью отброшены к северу. В этот же день, засветло, таманцы походными колоннами вошли в город. За освобождение Ставрополя Таманская армия была награждена ВЦИК РСФСР почетным революционным Красным Знаменем. До 23 октября армией командовал Е.И. Ковтюх, но в этот день он тяжело заболел и войс-



Боевые действия в Ставрополье с 1 по 20 октября 1918 г.

ка временно возглавил М.В.Смирнов. Начальником штаба армии по-прежнему был Г.Н.Батурин, комиссаром – Л.В.Ивницкий.

Находясь в войсках, Сорокин добивался того, чтобы поднять исполнительность командного состава, особенно младшего, укрепить стойкость красноармейцев личным примером. Еще в августе, в приказе № 5 он писал по этому поводу:

> «Товарищи, которые совершенно не компетентны в военных стратегических вопросах, преступно принимают на себя обязанности, которых они выполнить не могут [...] Скверно то, что командиры, начиная с взводных, убегают, убегают от бойцов в трудные минуты [...] В бою я с вами – это видели все. [...] «Сорокин продал», говорят [...] А где в то время командиры? [...] Лучшие из них с бойцами, а другие в то время по городу с бабами раскатывают пьяные... Самые лучшие боевые планы рушатся из-за того, что приказания не вовремя или вовсе не исполняются»[284].

Освободив Ставрополь, войска Сорокина выдвинулись на 10–12 километров вдоль железной дороги на Кавказскую, упираясь левым флангом в Сенгилеевскую, в то время как части 10-й колонны П.К.Зоненко расположились правее железной дороги, захватывая своим правым флангом населенный пункт Надежда. Однако дальнейшее продвижение советских войск приостановилось. Боеприпасы подходили к концу, а подкрепления снарядами и патронами все не поступали и, что самое главное, ожидать их было неоткуда.

По этой же причине приостановила свое наступление не только Таманская армия, но и Ставропольская группировка. До этого ее 2-я дивизия, установив, что две дивизии белых из района Большой Джалги отошли к Ставрополю, перешла в наступление и, отбросив отряды генерала Станкевича, использованные противником в качестве заслона, на 2–3 перехода продвинулась в сторону города. Однако, как уже говорилось, и у этой дивизии окончились боеприпасы.

Успехи армии Сорокина в районе Ставрополя вызвали тревогу у белогвардейского командования за устойчивость всего Кубано-Ставропольского фронта. Деникин приказал своим дивизиям с другого направления, на Кубано-Урупском участке фронта, перейти в наступление с целью окружить и уничтожить части советских войск.

Сложная обстановка была в эти дни и в районе Армавира. Обнаружив уход из этого района таманцев для наступления на Став-

рополь, белые 26 октября силами 1-й пехотной дивизии Казановича атаковали город и в очередной раз заняли его. Полки 1-й Революционной Кубанской дивизии под командованием М.Н. Демуса из 1-й колонны Федько отошли за р. Уруп.

Активизировалась белая конница, дивизия барона Врангеля атаковала части 8-й колонны Лисконога и 1-й колонны И.Ф. Федько, оборонявших фронт станиц Урупской и Бесскорбной на р. Уруп. Разорелся ожесточенный бой за станицу Бесскорбную, и она несколько раз переходила из рук руки. 30 октября 1-й конной дивизии Врангеля все же ненадолго удалось занять станицу и перейти на правый берег р. Уруп.

Однако в тот же день 1-я и 8-я колонны, перейдя в контратаку, отбросили Врангеля снова за р. Уруп, а части 1-й Революционной Кубанской дивизии М.Н. Демуса выбили контратакой из Армавира 1-ю пехотную дивизию генерала Казановича и снова освободили город. В войсках Армавирского фронта царило приподнятое настроение. Командование разослало приказы, где поздравляли бойцов и командиров со взятием Армавира. В одном из таких приказов командующий Армавиро-Кавказским фронтом Тулинов писал: «Честь и слава геройским полкам, отрядам, вверенным мне. Приношу Вам свою великодушную благодарность за вашу небывалую храбрость, целыми веками революции других иностранных государств (так в документе. – *Н.К.*). Вы стали выше исторических бойцов славы освободительной истории, героически заняли Армавир с открытыми глазами и стальной грудью идя прямо по пути рассвета свободы»[285].

В то время, когда в районе Ставрополя и Армавира наметился значительный успех войск 11-й армии, на других фронтах не все было так, как запланировали. На левом фланге по р. Уруп для советских войск создалась тревожная обстановка. Здесь 1-я кубанская дивизия генерала Покровского, получившая задачу развивать наступление на Невинномысскую, имела успех, потому что кавалерийские дивизии, действовавшие против нее и частей Врангеля, в конце октября были сняты с фронта по р. Уруп и переброшены в Невинномысскую для охраны II Чрезвычайного съезда Советов Северного Кавказа. Но это уже не по вине Сорокина, а вопреки его распоряжениям.

Глава 12.

Смерть Сорокина

При изучении жизненного пути И.Л. Сорокина наибольшие трудности возникают, как это ни странно звучит, при определении его политический воззрений. Кто же он был на самом деле по своим убеждениям: большевик, меньшевик, левый или правый эсер, а может, анархист?

Анализ революционной фразеологии, которой он постоянно пользовался, отдавая приказы красным войскам или выступая перед ними, был однозначно большевистский. Но, как известно, о людях судят не по словам, а по делам их. Пожалуй, лучше всех на этот вопрос ответил человек, лично хорошо знавший Сорокина на различных этапах его жизни – Иван Павлович Борисенко.

Однако, прежде чем сослаться на него, автору потребовалось разобраться в биографии самого И.П. Борисенко, чтобы найти ответ, почему в разные годы своей жизни он не одинаково высказывался в отношении И.Л. Сорокина.

Сам И.П. Борисенко тоже родом из Кубани, из станицы Бекешевской Баталпашинского отдела. Он окончил учительскую семинарию, в 1914 г. работал учителем в станицах Зеленчукской и Отрадной. В 1915 г., когда И.Л. Сорокин уже воевал на Кавказском фронте, туда же в 20-й пластунский батальон по мобилизации прибыл и И.П. Борисенко. Как и И.Л. Сорокин, и тоже в Тифлисе, он окончил ускоренные курсы прапорщиков. На фронте в 1917 г. И.П. Борисенко вступил в партию большевиков, вел пропагандистскую и организационную работу в частях Гассанкалинского гарнизона.

По возвращении с фронта он активно включился в Гражданскую войну на Кубани. В 1918 г. Борисенко был избран членом исполкома Кубанской области. После встречи в Пятигорске с Г.К. Орджоникидзе, который занимался там формированием красных частей, он был назначен командиром 2-й пехотной стрелковой дивизии. В дальнейшем находился на различных команд-

ных и политических должностях на Северном Кавказе, начальником штаба партизанского отряда в Терских камышах, командиром отряда, который вместе с частями под командованием брата Валериана Куйбышева – Николая внес летом 1920 г. значительный вклад в разгром вторгшегося на Кубань десанта под командованием генерала Улагая.

С 1920 г. по 1923 г. И.П. Борисенко работал членом ревкома в г. Армавире. С 1924 г. по 1927 г. он состоял в должности заведующего окружным политпросветом, с 1927 г по 1931 г. был членом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В эти годы Борисенко написал две работы: «Советские Республики на Северном Кавказе в 1918 г.» и «Авантюристы в Гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г.». В последней И.П. Борисенко подверг резкой критике некоторые действия Сорокина, но при этом подчеркнул и его положительные качества. Такое отношение к «врагу народа» не осталось незамеченным, и в 1933 г. Борисенко был арестован. Пробыв три года в заключении, он, по его собственному утверждению, бежал в Среднюю Азию, где стал работать учителем под чужой фамилией. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. продолжал работать в железнодорожной школе.

С 1942 г. И.П. Борисенко, опять же по его словам, стал вести личные записи политического характера, в которых критиковал Н. Ежова, Л. Берию, И. Сталина, все марксистско-ленинское учение. В 1948 г. они стали причиной второго ареста И.П. Борисенко, в результате он снова был осужден, теперь на 25 лет строгого режима. Однако через 7 лет, уже после смерти Сталина, в 1955 г. И.П. Борисенко был досрочно отпущен из мест заключения по причине тяжелого заболевания. По делу 1934 г. он был реабилитирован Краснодарским краевым судом только в 1956 г., но в партии восстановлен не был. Умер И.П. Борисенко в 1964 г. в г. Краснодаре[286].

Сегодня становится совершенно очевидным, что в условиях культа личности Сталина и строжайшей цензуры И.П. Борисенко мог писать о И.Л. Сорокине только как о «враге народа» и «предателе революции». В нем одновременно боролись два желания: одно – написать правду о Сорокине, второе – отдать дань общепринятой установке обвинять главкома во всех смертных грехах.

Вот наглядный пример тому. В книге «Авантюристы Гражданской войны на Северном Кавказе в 1918 г.» он ввел главу «Сорокинщина», согласившись тем самым с ярлыком авантюриста,

который Сорокину, наряду с А. Автономовым, И. Кочубеем, Золотаревым и Голубовым был присвоен в то время. Но при этом он тут же отмечает отнюдь не авантюристические, а талантливо спланированные Сорокиным боевые действия при проведении, пожалуй, самой значительной операции в период его командования войсками весной 1918 г.:

«Имея в своем распоряжении большие кавалерийские части, Сорокин обошел Корнилова с правого фланга, и если бы даже не был убит Корнилов (что привело белых к паническому отступлению), все равно они были бы разбиты. Начальником штаба белых в это время был генерал Алексеев. Знакомя ближайших работников с военной обстановкой, генерал Алексеев, указывая по карте план борьбы, говорил окружающим, что Сорокин ведет наступление очень умело, что это серьезный противник.

— Если Сорокин догадается и сделает вот этот ход, — говорил генерал Алексеев, — мы, господа, погибли, защищаться у нас нечем. Будем надеяться, что Сорокин этого не сделает, для этого хода нужны или знания, или талант...

Этот ход, — продолжает И. Борисенко, — Сорокин как раз и сделал. Добровольческой армии грозил совершенный разгром. Началось паническое отступление»[287].

Или такой пример. Борисенко в этой книге пишет о том, что после того, как войска Сорокина отстояли Екатеринодар, в городе начались кутежи командного состава. Комендант гарнизона Золотарев преуспел в этом больше всех. Здесь же Борисенко писал о том, что на попойках у него присутствовал Сорокин, а на сорокинских кутежах обязательно бывал Золотарев. Пройдет 30 лет и, за год до своей смерти, И.П. Борисенко, уже не опасаясь, что его привлекут снова за хорошие слова о Сорокине, совсем по-иному скажет об Иване Лукиче:

«Сорокин — талантливейший полководец, бесстрашный в бою и скромный в жизни. Он был женат на сестре Автономова, Екатерине Исидоровне, никогда ей не изменял и жил с нею очень дружно. Екатерина Исидоровна разделяла с ним все трудности походной жизни. Сорокин был воздержан и в своем быту, не пьянствовал и не дебоширил, как поступали другие командиры»[288].

Кстати сказать, слухи и утверждения о пьянстве Сорокина не подтверждают даже его противники, как, например, Е. Лехно. «Не слишком ли много пьянствкет Сорокин? — спрашивает он в своих воспоминаниях, и сам же отвечает: — Воевать потив отборных

полков белой армии вряд ли можно было в состоянии почти беспробудного пьянства... Я не знаю случая, чтоб командир пьянствовал и отряд его не переизбрал... Под пристальными взглядами бойцов невозможно было пьянство в то время»[289].

А теперь о политических пристрастиях главкома И.Л. Сорокина, какими их знал и видел И. Борисенко. Будучи уже не в состоянии писать лично, он 19 сентября 1963 г. в г. Краснодаре продиктовал Коломиец А.Н. и заверил своей подписью такие слова:

«Сорокина никто не знал так, как я. Я встречался с ним неоднократно. Впервые встреча с ним произошла в Гассан-Кале в апреле 1917 г. В то время там был создан Окружной гражданский комитет с представительством всех партий, а в Гассан-Кале наиболее многочисленных партий было три: социалисты-революционеры, меньшевики и большевики. Все они имели в Окружном комитете свои фракции. Председателем партии меньшевиков и председателем Окружного исполкома был Александров. Председателем партии эсеров был Сорокин и председателем фракции большевиков – я, Борисенко»[290].

Дальше И.П. Борисенко пишет о том, чем они занимались в это время в Гассан-Кале, каким авторитетом пользовался И.Л. Сорокин, характеризует его как человека, преданного революции.

«Я встречался с Сорокиным, — продолжает он, — не только на заседаниях исполкома, где он выступал, как лидер социалистов-революционеров, но и в личной жизни. Я часто бывал у него на квартире, он бывал у меня. Александров являлся военным работником Всероссийского общества офицеров в чине подполковника. Мы же с Сорокиным были кубанскими офицерами (Сорокин в чине хорунжего, я тоже). Сорокин представлял Лабинский кавалерийский полк, штаб полка стоял в Эрзеруме (здесь И.П. Борисенко допущена неточность, Сорокин представлял 3-й Линейный казачий кавалерийский полк. – *Н.К.*), а я представительствовал от 20-го Кубанского пластунского батальона, штаб батальона стоял в 30 км от Гассан-Калы в селении Альвар. Сорокин был очень энергичный командир и пользовался большой любовью своей сотни, которая располагалась в Гассан-Кале. Все мы, руководящие работники, а мы были заместители председателя, работали в Гассан-Кале по решению Военного съезда, который перед этим прошел в Гассан-Кале. Основная задача Окружного исполкома заключалась в том, чтобы освободить Кавказскую армию от монархически настроенного офицерства. Этой работой мы и занимались.

[...] Иногда изъятие этих офицеров происходило при большом сопротивлении всего командного состава части, при большой баталии митингующей части, требующей смещения их и изъятия. Я помню, как бурно проходило собрание в одном из пехотных полков, где мы убирали командира полка полковника Влохина.

Так что Сорокина Ивана Лукича я знаю давно. [...] Идейно все мы трое были разные, но в этой работе мы проводили единую линию по изъятию контрреволюционного офицерства из армии. Идейную направленность Сорокина я хорошо знал и представлял его как преданного революционера»[291].

Приверженность Сорокина идеям партии эсеров на том этапе его жизненного пути вполне объяснима. У этой партии была очень привлекательная программа социализации земли, и за ними в то время пошло много крестьян и казаков. Эсеры имели большинство в советах, они вошли в состав Временного правительства. Как показало время, линию своего поведения Сорокин не менял и в последующем, когда его полк был переброшен на Северный фронт, и когда он участвовал в работе так называемого Калединского съезда сначала в Киеве, а потом в Новочеркасске.

Вскоре, не будучи членом партии большевиков, Сорокин начинает действовать в соответствии с ее установками. Убедительным примером тому служат события в его родной станице Петропавловской осенью 1917 и в начале зимы 1918 года. Прибыв к себе на родину, он ведет революционную работу среди одностаничников и, когда состоялось решение об образовании ревкомов на Кубани, земляки единогласно избирают его председателем ревкома станицы. Один из старейших и уважаемых ее жителей, трижды в послереволюционные годы избиравшийся председателем ее сельсовета, бывший председатель колхоза Иван Николаевич Уваров показал автору этих строк сохранившийся у него список председателей ревкома, а потом сельсовета Петропавловской. Одним из первых председателей ревкома среди них числится Иван Лукич Сорокин. Под его началом работали: Золотухин Дмитрий Петрович, Логачев Ефим Данилович, секретарем ревкома был Золотов Павел Николаевич.

Когда в станицу прибыли представители от областного комитета партии большевиков и стали звать казаков в отряды Красной гвардии, чтобы идти на Екатеринодар, именно Сорокин первым обратился к землякам с призывом вступать в отряд, который он сам и начал формировать.

В дальнейшем Сорокин окончательно отошел от эсеров и больше ни в чем своей принадлежности к этой партии не проявлял. Завоевав огромный авторитет в войсках, начав командовать большими армейскими массами, Сорокин, судя по всему, решил, что в борьбе за новую власть он должен заниматься чисто военной работой, разрабатывать и осуществлять боевые операции, оставив политическим руководителям другое поле деятельности - воспитание красноармейцев, укрепление их дисциплины, обеспечение войск всем необходимым для жизни и боя. Однако руководители ЦИК так не считали и хотели водить его рукой по карте, намечая боевые операции.

Став помощником Автономова, он как и его начальник не стали вступать в партию большевиков не потому, что были против нее, а потому что как бывшие офицеры старой армии боялись отказа, который при их самолюбии и высоком чувстве собственного достоинства и чести повлек бы неминуемый уход обоих со всех постов. Кроме того, в армии основная масса ее бойцов была беспартийной, были также представители не только большевистской, но и других партий, поэтому и главком и его помощник считали, что, будучи беспартийными, им будет легче найти поддержку у всей массы войск. Все тот же Борисенко, которому не откажешь в знании Сорокина, приводит еще один пример, подтверждающий эти выводы:

«Тут я узнал, работая в исполкоме (в Екатеринодаре, после его взятия Юго-Восточной армией. – *Н. К.*), что Сорокин выдает себя беспартийным. Я подумал – он меняет свои политические убеждения, пытаясь идти в ногу с большевиками. В исполкоме работая, я встречался много раз с Сорокиным, когда его и Автономова вызывали на заседания по различным вопросам. И Автономов и Сорокин считались беспартийными. Когда образовался Центральный Исполнительный Комитет Кубано-Черноморской республики, а я оставался все время членом президиума его, я чувствовал всегда большую неловкость, когда на заседание исполкома приезжали Сорокин и Автономов. Они обычно являлись и садились на местах членов исполкома, и никогда их не приглашали на сцену, на места членов президиума исполкома (в здании бывшего Окружного суда).

В президиуме исполкома, — продолжает Борисенко, — часто сидели кооптированные в президиум различные работники-евреи (например, Дунаевский, Островский, Зорько, Красников, Лацман, Остерман и др.). Я был убежден, что в командовании рево-

люционными силами (нашей Красной Гвардией и Армией) должны быть люди уважаемые исполнительным комитетом, люди, пользующиеся доверием исполкома, а не командиры, которые косились на исполком и президиум. Поэтому я считал, что эти встречи с высшим командованием должны быть почетны для этих командиров. Они же сидели в исполкоме как-то изолированно, на отшибе, и отчитывались на вопросы членов президиума исполкома как наймиты, посторонние, но не командирами той армии, благодаря которой мы управляли республикой.

Я считал, — пишет дальше Борисенко, — что ответственные члены исполкома должны провести какую-то работу с этими командирами, чтобы они стали вполне нашими товарищами, ведущими боевую работу нашей армии и Советской власти. Но кто должен проделать эту работу, я для себя так и не решил, да и условия были такие, что думать над этим вопросом и заниматься им у нас не имелось времени, возможности. Однажды, когда Автономов и Сорокин были вызваны на заседание исполкома Кубано-Черноморской республики, и, войдя в зал во время заседания исполкома, они присели на стулья у входа и оттуда начали отвечать на вопросы, им задаваемые, я встал, попросил слово и, обращаясь к исполкому, сказал: «Товарищи! Когда мы кончим с этим безобразием? Когда наши товарищи, руководители Красной Гвардией, являясь к нам в исполком для деловой работы, не будут сидеть на отшибе, не будут чувствовать себя сиротами, чужими? Я предлагаю просить товарищей Автономова и Сорокина занять места в президиуме и работать вместе с исполкомом.

Исполком аплодисментами встретил мое предложение, и командиры заняли эти места. Позже, когда находилось у меня время для раздумий по этому вопросу, я пришел к выводу, что такое положение дел является нашей ошибкой»[292].

Второй вопрос, который не может не волновать, состоит в том, был ли Сорокин на самом деле авантюристом? Этот грех главкому вменяли особенно часто, но при этом «обличители» его особо не утруждали себя приведением примеров его авантюристического поведения.

В энциклопедии читаем: «*авантюризм* – поведение, деятельность какая-либо, характеризующаяся рискованными, беспринципными поступками ради достижения легкого успеха, выгоды»[293]. Таким образом, чтобы охарактеризовать Сорокина как авантюриста нужно определить – какие же дела он совершил, которые были бы не только «рискованными», но и «беспринципны-

ми», предпринятыми им «ради достижения легкого успеха, выгоды». Вообще-то ставить в вину полководцу его стремление достичь легкой, а не тяжелой победы или успеха, просто не логично. Другое дело, что Сорокину нередко приходилось рисковать, но риск и авантюра отнюдь не синонимы. Опять же в словаре, теперь уже Владимира Даля, читаем: «*рисковать*... – действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье...». И в самом деле, в боевой обстановке нередко приходится действовать, не имея стопроцентной уверенности в победе, а потому рисковать, надеясь на счастливое стечение обстоятельств. Об этом говорят многочисленные примеры из истории Гражданской и Великой Отечественной войн, но при этом обвинять в авантюризме известных полководцев почему-то ни у кого язык не повернулся.

Рядом с главкомом были всякие люди, одни слепо шли за ним, доверяя ему и его военной удаче, другие просто его не понимали, или действовали предвзято, или завидовали. Служить с Сорокиным было, конечно, нелегко. Подчиняясь его железной воле и высокой требовательности, люди как бы попадали в его «силовое поле» и, не имея возможности открыто противостоять главкому по тем или иным вопросам, копили неприязнь, вредили исподтишка, ожидая момента, чтобы свалить его. Были и такие, кто при каждой неудаче войск Красной Армии Северного Кавказа снова и снова начинали копаться в его биографии, искать там причины, по которым он мог пойти на предательство.

Важную, если не главную роль в организации противодействия Сорокину сыграл начальник ЧК Северо-Кавказской республики Михаил Федосеевич Власов. Изучить какие-либо документы: донесения, справки или обзоры, которые он направлял в центр, и где наверняка бы мог как-то показать свое отношение к Сорокину, не удалось. На сделанный в Центральный архив ФСБ по этому поводу запрос поступил ответ, что в кадрах ЧК этот человек никогда не числился. Объясняется это тем, что ЦИК Северо-Кавказской республики назначил Власова на эту должность своим решением, а доложить в центр не счел нужным или, скорее всего, не имел возможности.

Однако в архиве Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю имеется биография Власова и другие документы, представленные в 1964 г. его сестрой Капитолиной. Их изучение во многом объясняет действия Власова.

Из этих документов следует, что чекист Власов был революционером-профессионалом, рано связавшим свою судьбу с партией большевиков. Он практически всю свою сознательную жизнь провел в борьбе за установление в России Советской власти. Начиная с 1912 г., т. е. с 16-летнего возраста, включился в революционную борьбу, участвовал в демонстрациях, в стычках с жандармами, занимался добыванием оружия, привлек к этой работе практически всю свою многочисленную семью – пятерых братьев, столько же сестер и мать. Его настоящая фамилия была Богоявленский, но в целях конспирации он часто менял ее и, наконец, стал Власовым.

После Октябрьского переворота Михаил Богоявленский-Власов воевал в красногвардейском отряде против немцев и белых на Украине, отступил с ним в Ростов, где был назначен наркомом земледелия Донской Советской Республики в правительстве Подтелкова. Однако в этой должности практически поработать не успел, так как уже в начале мая 1918 г. под напором немцев вынужден был вместе с Ростовским правительством отступить на Северный Кавказ, а там начал работать в руководящих органах Кубано-Черноморской Советской Республики. Вскоре он становится членом Президиума ЦИК Северо-Кавказской Республики, а 23 сентября 1918 г. возглавил ее Чрезвычайную Комиссию. Было ему в это время 23 года.

Таким образом, Власов оказался на юге России, когда там уже во всю полыхала Гражданская война. Война для Кубани особенная. Здесь уже сложилась когорта красных командиров, которые, судя по всему, не нравились Власову. Он плохо понимал казаков, ассоциируя каждого из них с «буржуями». Власов был человеком прямолинейным, слепо следовал указаниям и директивам центральных органов партии, которые, хоть и изредка, но все же поступали в ЦИК. Став председателем ЧК в то время, когда Республика оказалась во вражеском кольце, он рьяно взялся за дело. Власов готов был в каждом, кто с его точки зрения был неблагонадежным, видеть предателя и шпиона.

Действовать таким образом заставляли и указания «сверху». 5 сентября, то есть незадолго до вступления М. Власова в должность, в стране был объявлен красный террор. В центральных газетах выступали видные партийные и советские руководители, требовавшие расстреливать как можно больше тех, кто не только проявил себя как контрреволюционер, но и тех, кто мог стать им в принципе, особенно бывших офицеров. К этому времени на Ку-

бани они почти все перешли или на сторону Рады и воевали в частях генерала Покровского, или вступили в Добровольческую армию. Поэтому за теми их них, кто воевал в Красной Армии, был установлен особый надзор.

Доверия к Сорокину у чекистов, особенно после очередных неудач на фронте, становилось все меньше. По их мнению, фактов, говорящих не в его пользу, было предостаточно. Он – офицер старой армии, сын «крепкого» хозяина-казака, а родной брат его служит в контрразведке у белых. Чекисты, конечно, не забыли и о том, что Сорокин всего год назад был членом партии левых эсеров. Руководство именно этой партии, еще недавно поддерживавшей лозунг большевиков «Вся власть Советам», партии, представленной в президиуме ВЦИК и в коллегии большинства наркоматов и местных советов, начиная с июля 1918 г. пошло на открытую конфронтацию с большевиками. До этого левые эсеры выступали против заключения Брестского мира с немцами, ведущей силой революции считали крестьянство, крайне негативно относились к политике реквизиций на селе, проводимой специально созданными для этого комбедами переросшей потом в «раскулачивание» тех, кто наиболее успешно трудился на земле.

Почему же эсеровское прошлое И.Л.Сорокина вдруг так стало беспокоить чекистов?

Дело в том, что Центральный Комитет партии левых эсеров, не добившись от большевиков тех уступок во внутренней и внешней политике, 6 июля 1918 г. поднял мятеж. Главная его цель заключалась в том, чтобы продолжить войну с Германией. Они считали, и не без оснований, что большевики ради своего прихода к власти предали интересы своей страны, пошли на сговор с ее врагами, украли приближающуюся победу над немцами. Представителями этой партии Я.Г.Блюмкиным и Н.А.Андреевым был убит германский посол В.Мирбах. У чекистов был уже пример того, как может повести себя левый эсер, обличенный большой военной властью и пользующийся огромным авторитетом в войсках. Это был М.М.Муравьев. Он 10 июля 1918 г. поднял мятеж, заявив при этом, что без каких-либо полномочий начинает войну с Германией.

Родители Муравьева, как и Сорокина, занимались хлеборобским трудом, и программа левых эсеров в наибольшей степени отвечала его принципам. Во время 1-й Мировой войны он дослужился до подполковника, но после Октябрьского переворота предложил свои услуги Советскому правительству и стал стремительно

расти по служебной лестнице. В октябре 1918 г. он возглавил оборону Петрограда и командовал войсками, участвовавшими в ликвидации мятежа Керенского–Краснова. Уже через два месяца после этого он становится начальником штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на юге России, в январе–марте 1918 г. был главкомом войск Южного фронта, а с середины марта возглавил штаб верховного главнокомандующего войсками советской Украинской народной республики. В это же время красными войсками на Северном Кавказе командовали А.И. Автономов и И.Л. Сорокин. И хотя Иван Лукич был в прошлом однопартийцем с Муравьевым, а их войска воевали рядом, никаких контактов на этой почве у них никогда не было, хотя обоим очень не понравилось то, что большевики пошли на заключение мира с немцами.

В апреле 1918 г. Муравьев вернулся в Москву, но, действуя в духе указаний ЦК своей партии, вызвал недовольство руководства Красной Армией якобы за злоупотребление властью и был арестован. Однако вскоре его освободили и назначили командующим Восточным фронтом. Получив столь значительный военный пост, Муравьев решил использовать его, дабы сорвать Брестский мир. Он заявил, что принял решение двинуть свои войска на запад и одному вести войну с Германией. Однако осуществить свой замысел ему не удалось, мятеж был подавлен, а самого Муравьева 10 июля убили в Симбирске.

Таким образом, союз с левыми эсерами затрещал по всем швам, и доверия к последним у большевиков практически не осталось, несмотря на то, что многие из левых эсеров, находившихся на руководящих постах в Красной Армии, отмежевались от своего ЦК. За Сорокиным тоже было установлено тайное наблюдение. Нужен был только незначительный повод для объявления его предателем и шпионом. В качестве оправдания для чекистов послужило еще одно немаловажное с их точки зрения обстоятельство.

Прошло всего десять дней после вступления Власова в должность председателя ЧК, как в газете «Правда» был опубликован приказ Народного комиссара внутренних дел РСФР Петровского Г.И., в котором, в частности, говорилось:

> «...постоянно открываемые заговоры в тылу наших армий, открытое признание правых эсеров и прочей контрреволюционной сволочи в этих заговорах, и в то же время чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов бе-

логвардейцев и буржуазии со стороны Советов, показывает, что, несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на деле нет»[294].

Получив такую мощную поддержку и приказ не церемониться, Власов еще более активизировался. Слова из приведенного приказа «белогвардейская сволочь» все чаще слетали с его языка, и если раньше он все-таки как-то опасался открыто выступать против Сорокина, то теперь стал действовать гораздо смелее, а слежка за ним велась почти в открытую. Косвенно это подтвердила и сестра Власова – Капитолина Богоявленская, когда писала:

«Председатель ЧК Михаил Власов относился к Сорокину глубоко недоверчиво и отрицательно. Из сообщений красноармейской молодежи и других материалов Михаил Власов видел, что Сорокин стремится к личной диктатуре, готовит измену. Об имеющихся у него сведениях и о своих наблюдениях Михаил Власов говорил председателю ЦИК т. Рубину, секретарю крайкома т. Крайнему, другим товарищам большевикам в личной беседе и на партсобраниях»[295].

Ранее уже рассказывалось о том, какую позицию по отношению к Сорокину занял Власов, когда решался вопрос о предании суду Кочергина. Эту линию он продолжал и в дальнейшем.

Чем напряженней складывалась обстановка на фронтах, тем сложнее становились взаимоотношения между ЦИК и Реввоенсоветом, с одной стороны, и с Сорокиным, с другой. Считая, что главком вместе с несколькими преданными ему лично членами своего штаба постепенно перешел к единоличному управлению всеми боевыми действиями, но при этом не справляется с возложенными на него задачами, ЦИК принял решение образовать при Реввоенсовете свой штаб, он больше походил на оперативный отдел, но претендовал на нечто большее. Во главе его был поставлен надежный во всех отношениях большевик Сергей Деомидович Одарюк. Выбор этот не был случайным. Одарюк был заметной фигурой на Кубани, у ЦИК и ЧК были серьезные надежды на то, что с его помощью удастся наконец-то избавиться от Сорокина. Данные биографии С.Д.Одарюка соответствовали этим надеждам. Он, как и Сорокин, был из семьи казака, до 1-й Мировой войны учительствовал, с первых дней войны тоже был мобилизован, окончил школу прапорщиков, вступил на фронте в партию эсеров, но вскоре примкнул к большевикам.

Прибыв с фронта на Кубань в конце 1917 г., Одарюк активно включился в революционную работу у себя на родине. В феврале

1918 г. стал комиссаром станицы Березанской и председателем исполкома Совета Кавказского отдела Кубанской области. Во время боев с войсками Деникина, пытавшимися в июне–июле 1918 г. захватить Тихорецкий железнодорожный узел, он командовал красногвардейскими отрядами в районе станицы Кавказская и проявил себя как способный командир и умелый политработник. На проходившем в Москве 5-м Всероссийском съезде Советов он был избран членом ВЦИК и прибыл оттуда для работы в штабе Северо-Кавказского военного округа.

В новом отделе он активно взялся за работу, и поначалу у Одарюка с Сорокиным сложились хорошие деловые и дружеские отношения. Но вскоре они начали портиться. Новый отдел вел себя как главный штаб, старался изъять оперативные дела из ведения штаба Сорокина, а также все, что касалось разработки планов боевых действий, попытался всю эту работу сосредоточить в своих руках. Любому человеку, мало-мальски сведущему в управлении войсками, совершенно очевидно, что такое решение принимается для того, чтобы отстранить главкома от основного его предназначения – от планирования операций и боевых действий, а по сути дела, от управления армией. Поэтому негативная реакция Сорокина вполне объяснима и оправдана. Силой своего влияния и власти он стал не реагировать на решения штаба Реввоенсовета. И тогда Крайний завел разговор о том, чтобы вообще ликвидировать штаб Сорокина, а его функции полностью передать Одарюку и его штабу.

Однажды на очередном заседании Реввоенсовета Крайний в резкой форме потребовал обсудить и поддержать это его предложение. Сорокин видимо уже догадывался о том, что раньше или позже оно прозвучит, поэтому был готов к такому повороту событий. В своем выступлении он тоже довольно-таки резко заявил, что в этом случае он не видит для себя возможности пребывать в роли командующего. Все понимали, что для них самих выход Сорокина из Реввоенсовета, как подчеркнул С.В. Петренко, «был бы возможен только один – на тот свет, так как мы не ручались за его верность Советской власти в случае его принудительного устранения. Пришлось остроту вопроса сгладить, пойти на компромисс – передать часть функций штаба Сорокина штабу Реввоенсовета»[296].

Крайний не хотел и слышать о тех шагах, которые предлагали Гайченец, Петренко, а иногда и Одарюк, чтобы сгладить отношения с главкомом, строить их с учетом того, что Сорокин обладает

большим чувством ответственности за положение дел и очень болезненно переживает, если решения принимаются вопреки его воле. Петренко не раз предлагал Крайнему наедине, в неофициальной обстановке хотя бы иногда говорить с Сорокиным, обсуждать с ним текущие вопросы, так как на собственном опыте знал, что тот ценит откровенность и способен поменять свое мнение, если понимает, что оно действительно ошибочно. Однако Крайний всякий раз резко обрывал Петренко, говорил, что его предложения соглашательские, а потому неприемлемые. В результате то, с чем Сорокин наверняка согласился бы после предварительного согласования, теперь раздражало его, так как преподносилось неожиданно и в категоричной форме.

После создания Реввоенсовета Сорокин вскоре разочаровался в его необходимости, так как считал, что этот орган должен действовать не вопреки ему, а помогать вывести армию, а, следовательно, и республику, из тяжелейшего положения. Он стал часто пропускать заседания РВС, и только когда в повестке значилось обсуждение вопросов оперативного характера, снова как бы взбадривался, и тогда, как пишет С.В. Петренко, «все видели, какую цену имели его суждения в этой области. Двумя словами он мог разбить самый хитро задуманный план, в двух словах набрасывал, в одну ночь развивал новый – и был прав»[297].

Прошло совсем немного времени, и Крайний снова поднял вопрос о штабе Сорокина. Его опять бурно обсуждали и приняли в конце решение слить штабы Реввоенсовета и Сорокина в один. Следующее заседание Реввоенсовета было посвящено обсуждению вопроса – кого из штаба Сорокина взять в штаб РВС, а кого не брать. На этом заседании Сорокин старался быть спокойным, но все видели, что это спокойствие дается ему с трудом. В этот же день его вывел из себя Рожанский, заведовавший армейской ЧК. Он написал письмо главкому, где опять писал: «предлагаю Вам [...] и т. д.». Сорокин такую форму обращения не переносил, делал ему неоднократные замечания, но тот продолжал «предлагать». Работники штаба РВС, не говоря уже о тех, кто перешел в него из штаба Сорокина, говорили Рожанскому, что это может для него плохо кончиться, но тот стоял на своем. «Раз мне доверили дело, то в пределах своей деятельности я имею право предписывать всем», – отвечал Рожанский[298].

Масла в огонь разгорающегося конфликта подлил отказ ЦИК выделить запрошенные Сорокиным 500 тысяч рублей на нужды

армии. Ситуация со снабжением складывалась катастрофическая, и это была та минимальная сумма, использовав которую, можно было бы хоть как-то обеспечить войска продовольствием, фуражом, выплатить денежное содержание красноармейцам и командному составу. Правда, в разных источниках эта ситуация описана по-разному. В своих воспоминаниях Я. Полуян излагает ее именно так, а другие, в том числе И. Борисенко и В. Сухоруков, считают, что деньги уже были выделены, но ЦИК потребовал Сорокина отчитаться, на какие цели и сколько было их израсходовано. Думается, что следует согласиться с утверждением Полуяна, поскольку он был в это время председателем Реввоенсовета 11-й армии, и кто как не он мог знать в деталях положение дел по этому вопросу.

Сорокин точно знал, что ему не доверяют чекисты Власов и Рожанский и за ним ведется пристальное наблюдение, фиксируется каждый его шаг. Главком, естественно, отвечал тем же. В нем давно уже, еще со времен, когда он был помощником у Автономова, накапливалась неприязнь ко всем тем, кто, как он считал, мешает ему руководить войсками, хотя, как он зачастую восклицал, сами «никогда в руках винтовки не держали».

Тем не менее, объединение штабов Реввоенсовета и армии дало свои положительные результаты. Теперь не нужно было согласовывать всякие мелочи обыденной работы управления войсками. Исключались случаи параллельной работы в одной и той же части представителей обоих штабов, как это было раньше. Однако нездоровое соперничество, порою переходящее в противостояние, продолжалось. Крайний не прекращал работу враждебную Сорокину. Однажды он сказал С.В. Петренко: «Скоро нужно будет Сорокина изъять из обращения». Каким образом, он не уточнил, сказал только, «что это можно очень просто сделать». Однако последний понял, что Сорокина хотят убить.

Все другие варианты «изъятия» главкома были смертельно опасны его противникам.

Вражда между Сорокиным и секретарем Кубанского крайкома партии перешла все границы после совещания командного состава, происходившего 15 октября в Пятигорске. На нем присутствовали члены ЦИК и Реввоенсовета. В своем выступлении Сорокин объяснил положение дел на фронтах, но добавил, что они могли быть более значительными, если бы ему не мешали руководить войсками. Крайний это заявление принял полностью на

свой счет как прямой вызов ему и решил здесь же на совещании поделиться своими мыслями с председателем Северо-Кавказской ЧК М.Ф. Власовым, написав ему записку, в которой говорилось:

> «Мишук! Для тебя ясно, что он говорит? Немало помех приходится встречать в некоторых ответственных учреждениях. Не много ли? Нет, на днях должен решиться вопрос. Или эта сволочь, или мы»[299].

Однако небрежно брошенная Власову записка попала в руки не ему, а начальнику пятигорского гарнизона, преданного Сорокину человека – Черному, а тот тут же передал ее главкому. Как должен был поступить Сорокин, получив реальное подтверждение того, что дни его как главкома, а скорее всего, и как человека – сочтены?

У него было три варианта: или смириться и пойти на поводу у Крайнего, или продолжать и дальше обороняться, или же перейти в наступление, действовать на упреждение, то есть, говоря военным языком, нанести превентивный удар. Сорокин в полном соответствии с его характером и образом мышления принял третий вариант – решил упредить своих противников.

Совещание с командным составом, о котором идет речь, по времени совпало с передислокацией с Кубанского участка фронта в район Пятигорска 1-й Внеочередной дивизии под командованием Г.И. Мироненко. Эта дивизия прибывала со специальной задачей – усилить Георгиевский боевой участок для наступления на Прохладную – Моздок. Сорокин считал, что командный состав дивизии ему лично предан и на него в случае чего можно будет опереться. Нужно иметь в виду, что у Сорокина была образована личная контрразведка, главной задачей которой теперь стало следить за его противниками, чтобы не упустить время, когда они предпримут против главкома какие-либо шаги.

Эта организация была создана еще на Ростовском фронте. Руководил ею некий Богданов. Практически такие же органы в то время имелись и при каждом отряде. Несмотря на громкое название, контрразведчики, выискивая врагов революции, в основном занимались реквизициями для нужд своих отрядов и не забывали при этом себя. Ничего удивительного в этом тогда не было. Армия сама себя обеспечивала всем необходимым, этим же занимались белые добровольческие соединения и части Деникина. У добровольцев для этого была даже создана структура под названием «Реалдоб» – реализация добычи. У Сорокина этим занимались хозяйственники и контрразведка.

Убедительным примером того, как слаба была эта контрразведка, говорит следующий пример. Еще во время пребывания красных в Екатеринодаре, до его потери, в городе был конспиративно расквартирован целый конный эскадрон белых. Он занимался сбором информации о красных войсках, налаживал связи с оставшимися в городе офицерами и готовил их к выступлению в тот час, когда город начнут штурмовать войска Добровольческой армии. Во многих советских учреждениях работали шпионы, связанные с командованием эскадрона. Контрразведка красных ничего этого не знала. Сведения о разведэскадроне белых поступили в штаб армии после оставления Екатеринодара красными.

По назначении главкомом, Сорокин приказал сформировать еще одно подразделение контрразведки, которое занималось бы только сбором информации о подрывной деятельности вражеских разведорганов. Работа эта была поручена Нестерову. Однако просуществовала она недолго. Как только главный штаб переехал в Пятигорск, стараниями Власова команда Нестерова была расформирована, а Богдановская, наоборот, усилена за ее счет. Начались трения между контрразведками Пятигорского Совета, Богдановской и ЧК республики во главе с Власовым. Однажды они чуть не спровоцировали вооруженный конфликт между подразделениями Пятигорского Совета и теми, что подчинялись ЦИК. Тогда только Г.К.Орджоникидзе удалось не допустить кровопролитие.

Вот как описывает этот случай член ЦИК Совета республики Е.Д.Лехно. Он в те дни заболел испанкой и вместе с пришедшими его проведать членами ЦИК Фарафоновым и Сергиенко находился в Лермонтовском саду, случайно уведев, как в направлении гостиницы «Бристоль» спешно выдвигаются какие-то войска.

«Спрашиваем, — пишет Лехно, — что за отряд?

— Школа красных курсантов, — отвечает Штегман, начальник школы. С ним Ярослов, его помощник.

— В чем дело?

— Атарбеков (зам. Власова. — *Н.К.*) вывел своих чекистов и вызвал наших курсантов. Говорит, Пятигорский Совет со своим отрядом хочет арестовать ЦИК.

— Это было так неожиданно, — продолжает Лехно, — что мы удивились. В это время к нам подошел Ивахненко и позвал на заседание ЦИК. Мы пошли в гостиницу, квартала два от «Бристоля» по направлению к вокзалу.

Вскоре началось заседание.

Рубин как всегда спокойно сделал короткий доклад о трениях с пятигорцами, и о том, что он приказал Атарбекову быть наготове.

Начались страстные, возбужденные, по тому времени, многочисленные речи. Вдруг в разгар прений, совершенно неожиданно, как из под земли входит Орджоникидзе и, не спрашивая слова (Мы знали, что он в это время был во Владикавказе), перебивает кого-то из говорящих.

— Что за безобразие! Брат на брата восстал. Ну, разве можно так? Мало у нас врагов, а вы еще между собой деретесь.

Рубин закрыл заседание. Войска ЦИК и войска Совета были возвращены по своим местам»[300].

В создавшейся ситуации перед своей контрразведкой Богданов ставил три основных задачи. Во-первых, всеми мерами пресекать любые попытки дискредитировать главкома в глазах личного состава войск. Во-вторых, вести тщательное наблюдение за действиями Крайнего, Шнейдермана, Рожанского, Власова и других противников Сорокина, с целью не упустить момента, когда они попытаются «изъять главкома из обращения». И, наконец, в-третьих, собирать улики против недоброжелателей, чтобы в нужный момент использовать их как аргументы для подтверждения вредительской деятельности против главкома.

Что касается первых двух задач, то они решались более-менее успешно, а вот с третьей были, конечно, большие трудности. Поэтому богдановские контрразведчики проявляли излишнюю старательность и занимались подтасовкой фактов, нашептывали Сорокину о несуществующих контрреволюционных делах работников ЦИК, подогревая в нем и без того большую неприязнь к последним. Но поводов для этой неприязни у главкома и без этого хватало. Слишком много примеров бездеятельности некоторые члены ЦИК подавали.

У С.В. Петренко в его воспоминаниях читаем:

«ЦИК Северокавказской С<оветской> С<оциалистической> Республики и тогда особой трудоспособностью не отличался: в нем заседали в большинстве своем люди действительно пришлые, а так как самыми работоспособными были несколько евреев, то они и занимали наиболее видные должности. Это обстоятельство часто обсуждалось в самом ЦИК и Краевом Комитете партии, и всем было ясно, что при общей восприимчивости обывателей, а также и нашей армии к провокации, оно могло служить очень удобным предлогом для погромной агитации»[301].

20-го октября Сорокин ездил на фронт и вернулся оттуда не столько уставшим, сколько злым и расстроенным. В частях ему показали приказы Реввоенсовета, которые он, как член РВС и главком, не подписывал. На утро было назначено заседание Реввоенсовета. Оно должно было состояться в гостинице «Бристоль», в номере С.В.Петренко, который был тяжело болен и не поднимался с постели. В последний момент Сорокин передумал ехать на это заседание, а Гайченцу, который приглашал его ехать в «Бристоль», объяснил, что не считает нужным участвовать в работе Реввоенсовета. Сказал, что тот игнорирует его как главкома, от его имени рассылает приказы, которые идут вразрез с теми указаниями, которые отдает он.

Гайченца это тоже сильно возмутило и, прибыв на заседание, он сразу же стал в резкой форме обвинять остальных членов Ревсовета: Рубина, Петренко и Одарюка в том, что они в осутствие Сорокина отдают приказы, ограничивающие власть главкома, задерживая при этом те, которые тот издает. Он предложил обсудить этот вопрос на совместном заседании РВС и президиума ЦИК. Гайченцу долго объясняли, что речь идет о тех приказах, с которыми Сорокин не соглашался, но был осведомлен о них. Что, поскольку приказы принимались большинством членов Реввоенсовета, то они имели право отсылать их в войска. В конце концов, договорились до того, что лучше сначала все же еще раз обсудить эту проблему вместе с Сорокиным, поручили Гайченцу сообщить об этом главкому и по возможности умиротворить его.

Казалось, конфликт был улажен. После этого совещания Крайний, полностью доверявший Петренко, так как причислял его к числу противников Сорокина, сделал одно интересное признание, которое сильно озадачило бывшего начальника штаба, и не давало ему покоя в связи с заявлениями Сорокина, что «кругом предательство и измена». Как пишет Петренко:

> «Крайний говорил мне, что боится, как бы одно письмо [...] не попало в руки Сорокину, так как тогда можно ожидать беды. Какое письмо и кому он не объяснил, и я не знаю, было ли оно на самом деле или нет»[302].

После совещания Гайченец уехал к Сорокину, но результат их разговора оказался совсем не тот, на который рассчитывали Реввоенсовет и ЦИК.

21-го октября Сорокин приказал оцепить отель «Бристоль», где размещался ЦИК Северо-Кавказской республики, были арес-

тованы председатель ЦИК А.И.Рубин, секретарь крайкома РКП(б) М.И.Крайний (Шнейдерман), председатель фронтовой ЧК Б.Рожанский, уполномоченный ЦИК по продовольствию С.А.Дунаевский. Когда арестованных привезли, руководивший арестом, адъютант Гриненко предложил главкому ознакомиться с найденными у них документами, Сорокин распорядился: «Документы положите, арестованных отправьте под Машук».

В вагоне главкома в это время находились его помощник Иван Гайченец, комиссар Шариатской колонны Назир Катханов, командир полка Павел Щербина, шурин Сорокина Сергей Автономов (брат бывшего главнокомандующего. – *Н.К.*). Все знали, что под Машуком находится тюрьма (существующая и поныне), поэтому ни у кого не возникло сомнений в том, что ожидается обычное следствие, разбирательство, что все будет по закону.

Дальше, если верить описанию А.Е.Берлизова, «во время следования в тюрьму Крайний накинулся на Гриненко с руганью. Адъютант главкома, человек изрядно восстановленный против арестованных, к тому же возможно нетрезвый, выстрелил в Крайнего. В соседней машине охрана начала стрелять в других арестованных. Трупы бросили в лесу. О том, что Сорокин не приказывал никого убивать говорит тот факт, что, когда Гриненко с конвоем вернулись в штаб, Сорокин сразу спросил: «Сдали арестованных?»[303].

Узнав о произведенных арестах оставшиеся члены Реввоенсовета, еще не ведавшие о том, что все арестованные уже расстреляны, собрались, чтобы решить, что же теперь делать. С.В.Петренко, несмотря на свое плохое состояние, предложил делегировать себя для разговора с Сорокиным. Его пытались удержать, мотивируя тем, что он тоже будет арестован адъютантами и контрразведкой Сорокина, но он настоял на своем. С ним поехал еще и один из членов ЦИК.

Сорокин принял только С.В.Петренко, с членом ЦИК разговаривать не захотел. Дальше, пишет С.В.Петренко, как только он вошел в кабинет к Сорокину, тот в сильном возбуждении стал говорить, даже кричать, что «везде измена, кругом предают, ни на кого положиться нельзя. Я вам верил, а после истории с бунтовавшим полком тоже не верю!» и т.д. «Я, — пишет дальше С.В.Петренко, — постарался прекратить этот разговор, спросив его, кем и по чьему распоряжению арестованы наши товарищи, и где они находятся. Он ответил: «Мною за предательство. Они уже расстреляны».

На вопрос С.В. Петренко, кто все-таки уполномочил аресты и расстрелы, И.Л. Сорокин якобы ответил, что уполномочен армией и центральной властью, так как имеет предписание из Царицына, а доказательства есть у него документальные, и завтра их все увидят в приказе. Дальше Сорокин сказал, что он не берет на себя все гражданское управление, ЦИК и РВС остаются, как и были, но он берет на себя ответственность очистить их от негодного пришлого элемента. «Я Кубань спасти хочу», — сказал он в конце разговора, и подтвердил Петренко, что тому ничто не угрожает, так как они вместе «под пулями ходили», и еще раз подчеркнул, что действует по приказу из Царицына[304].

Казалось бы, двух мнений по поводу того, справедливо ли были убиты руководители ЦИК и ЧК – быть не может. Убийство без суда и следствия – тягчайшее преступление. Однако некоторые участники тех событий, как, например, тот же И.П. Борисенко, допускали мысль о том, что расстрелянные возможно и заслужили свою участь.

> «Он (Сорокин. – *Н.К.*), — пишет Борисенко, — сделал большую ошибку. Возможно, что расстрелы, им произведенные, были и правильны, но он обязан был арестовать виновных и отдать их под суд в официальном порядке»[305].

Говоря о причинах, побудивших Сорокина пойти на крайние меры, следует иметь в виду еще одну, заслуживающую внимания информацию, которую представил историк-литератор А. Гаркуша. Он пишет:

> «Еще в 1930 г. бывший член Северо-Кавказского ЦИК Кудрявцев, не успевший эвакуироваться из Екатеринодара при отступлении красных, рассказывал, что в подвалах деникинской контрразведки, куда попал он с другими советскими активистами, слышал историю о том, как два лихих поручика братья Джамфаровы проникли под видом чекистов в Пятигорск и подбросили там главкому Сорокину изготовленные в деникинской контрразведке и ОСВАГе[306] «документы», компрометирующие Рубина, Крайнего и других членов ЦИК. Сами братья вскоре были расстреляны Деникиным за попытку присвоить драгоценности графини Воронцовой-Дашковой. Так ОСВАГ заметал следы»[307].

В пользу версии о том, что агенты деникинской разведки братья Джамфаровы действительно существовали и спровоцировали Сорокина на уничтожение руководителей ЦИК и ЧК Северо-Кавказской республики высказал предположение и писатель А.Е. Бер-

лизов. Он приводит еще один факт, ставший ему известным из тетрадей-дневников капитана белой армии Орлова. Якобы последний был хорошо знаком с уже упоминавшимися братьями Джамфаровыми и записал рассказ старшего из них – штаб-ротмистра Веситы.

Последний окончил кавалерийское училище, а его брат Селим до революции служил жандармом. Братья были оставлены в Пятигорске с заданием проникнуть в главный штаб армии Сорокина и, исходя из обстоятельств, вести подрывную работу. У них была связь с белым подпольем, так что под боком у Сорокина оказался тайный центр белой разведки. В той неразберихе, которая царила в только что обосновавшемся на новом месте главном штабе, Весита с Селимом сумели проникнуть в ЧК. Получилось так, что одного из них приблизил к себе Гайченец, а другого Крайний. Так братья по существу получили возможность контролировать два важнейших направления – штаб Сорокина и крайком партии.

Дальше Орлов пишет о том, что, хотя он и не уловил из рассказа Веситы, кто первый начал пятигорскую интригу – Сорокин или Крайний, но твердо уяснил, что главком очень брезгливо относился к начавшейся возне, которую считал никому не нужной глупостью.

Весита признался Орлову, что в штабе Сорокина он сидел, как на раскаленных углях. Ему не доверяли Невзоров, Одарюк, Крутоголов, Петренко, то есть люди, способные повлиять на главкома. Легче было с такими, по его мнению, недалекими людьми, как Гайченец, Черный, Гриненко, и такими темными личностями, как Рябов, Богданов, Котов. Троих последних он охарактеризовал как «полнейшие недоразумения на высоких постах». Гриненко, кроме всего прочего, был человек тупой и пьющий. Но сам Сорокин презирал штабных блюдолизов, хотя и считал, что без них не обойтись. Джамфаров говорил Орлову, что Сорокин презирал и его самого, держался с ним крайне высокомерно. Он терпел его только из соображений дисциплины, так как считал, что ЧК – это учреждение, изобретенное Москвой.

Когда Весита, действуя по своему плану, сообщал Сорокину о тех или иных действительно имевших место, или сфабрикованных им самим недружелюбных выпадах со стороны Крайнего против главкома, тот обычно отвечал: «Я знаю, что они мне не друзья, пусть себе болтают». Зато второй брат, Селим, попал на золотую жилу. Крайний (Шнейдерман), по мнению обоих Джам-

фаровых, был, во-первых, очень молод, потому неосторожен в высказываниях, во-вторых, слабоволен и легко внушаем. В-третьих, он был еврей и поэтому ненавидел казачество вообще. На какие-то классовые оценки он был способен только на словах, а на деле все решали его настроения, симпатии и антипатии. Кроме того, Крайний страдал комплексом неполноценности, возникшем оттого, что в свое время он бежал из Одессы от немцев, попав на Кубань, здесь был подобран Рубиным, который тащил к себе всех соплеменников. Он стал одним из хозяев огромного края, не имея для этого ни способностей, ни каких-либо моральных оснований. О нем Весита говорил как о трусливом, истеричном человеке, который ни разу не появился на фронте. Может быть, именно это заставило его быть таким жестоким в разного рода конфликтах с военными, он «стремился самоутвердить свою истеричную трусость над мужеством и презрением к смерти». Именно Крайний и раздувал ажиотаж вокруг надуманного конфликта с Сорокиным[308].

Как же «работали» Джамфаровы?

На обе стороны они сеяли разговоры о том, что якобы готовится заговор. Когда начальник тыла Мансуров сгноил в Минводах на запасных путях эшелон со снаряжением, у Сорокина, благодаря «стараниям» Веситы, появился в руках реальный козырь, как бы подтверждающий подозрение в заговоре. Но он до последнего считал это случайностью, за которую если кого-то и нужно расстрелять, так одного Мансурова. Другому брату, Селиму, поначалу было сложнее. Он наивно полагал, что Крайнему нужны факты, а их изобрести было не просто. Но, когда он понял, что тому не факты нужны, а сплетни, что ненависть к Сорокину и казачеству, недоверие к бывшим офицерам играют для Крайнего первостепенную роль, – дело у него пошло на лад.

Весита рассказал и о том, что после того, как Матвеев в очередной раз показал характер в ЦИКе, встал вопрос о его снятии с должности командарма. Крайний счел данную меру наказания слишком мягкой и потребовал расстрела Матвеева. Сорокин, по словам Веситы и Селима, был к судьбе этого «матросского психопата» совершенно безразличен и полагал, что достаточно просто гнать его из армии. Весита вспомнил слова главкома:

> «Он (Матвеев. – *Н.К.*) еще в Новороссийске опьянел от марафета. Толку от него никакого. А стрелять его незачем – дураков не убивают. [...] К счастью для нас и к несчастью для Сорокина,

Крайний (Шнейдерман. – *И.К.*) убедил ЦИК в необходимости расстрелять Матвеева. Крайнего активно поддержал Полуян»[309].

По рассказу младшего Джамфарова расстрел Матвеева проводили люди, подчиненные Черному, начальнику гарнизона Пятигорска, так как у ЦИКа не было в распоряжении ни одного штыка. Зато с подозрительной быстротой в таманские полки пришла новость: «Сорокин расстрелял Матвеева». Там замитинговали, требуя крови главкома, вовсе и не приложившего руки к гибели их командующего. Хотя митинговали и возмущались не все. Кое-кто в таманских штабах даже вздохнул облегченно после расстрела Матвеева.

«К этому времени, — пишет Берлизов, — Джамфаровы окончательно подготовили взаимно страхующие материалы, которые уличали ЦИК в глазах Сорокина – в измене и переговорах с Грузией, а Сорокина, в глазах Крайнего – в контрреволюции. Одновременно материалы были подкинуты и Крайнему, и Сорокину. Весита рассказывал, что, бегло проглядев бумаги, главком вызвал себе Щербину и Котова, затем Черного и, выругав пятигорского коменданта матом, приказал срочно арестовать «этих будовских предателей». Характерно, что главком был пьян, но приказа о расстреле работников ЦИК не отдавал»[310].

Заканчил запись рассказа Джафарова капитан Орлов такими словами:

«То, что произошло в Пятигорске, я расцениваю как перст судьбы. Большевики рубят сук, на котором сидят. Ну, да, в общем-то, удивляться нечему. К этому они с удивительным упорством шли целый год.

Любая революция кончает тем, что рубит головы своим героям. Так произошло и с Сорокиным»[311].

О том, что подбросивший ему «улики» о причастности членов ЦИК и ЧК к заговору против него и армии – белогвардейский офицер, Сорокин так и не узнал, но очевидно сохранил эти документы и собирался предъявить их съезду. Очевидно также, что тот документ, о котором Крайний по секрету говорил С.В. Петренко, когда опасался, что он может попасть в руки Сорокина, тоже был изобретением Джафаровых, и после расстрела Крайнего, так же попал в руки Сорокина, как еще одно доказательство «предательства» последнего.

На следующий день после расстрела членов ЦИК и ЧК – 22 октября 1918 г. за подписью Сорокина была подготовлена и

выпущена листовка-воззвание, которая называлась «Заговор против советской власти в Пятигорске». В ней говорилось:

«К товарищам красноармейцам и гражданам Северо-Кавказской Социалистической Республики.

Обращаюсь к вам со следующим печальным фактом. 21 октября раскрыт заговор против Советской власти, армии и трудового народа, устроенный членами Центрального Исполнительного Комитета: Рубиным, Крайним, Рожанским, Дунаевским, которые расстреляны мною как предатели. Найденные у них при обыске документы при этом, объявляю в копии, за исключением тех из них, которые по стратегическим соображениям не могут быть объявлены во всеобщее сведение, как, например, условные сигналы...»

Дальше в листовке приводились сами документы. Вот содержание первого:

«Господин Шнейдерман! Посылаю вам человека, которому вы можете довериться на всякий случай: опрос тот же. Информируйте его, сообщите 00 744 о зако 40.53.11. А.Ю.Ф. Надеюсь, что скоро соединимся, разбив большевистские банды народных угнетателей. Положение у нас прочное. Патроны и снаряды получаем. С. 508. Ч. 7Е. Х. В. 7. 17. Я. 561. А. И. 646.

Сейчас еду в Севастополь. Очень хочет вас видеть Левандовский. Место встречи прежнее. До свидания. Прапорщик Линский 14-Х-1918 г. Привет господину Рубину. При сем прилагаю условные знаки № 14».

Дальше следовало содержание расписки, которая, по мнению Сорокина, окончательно изобличала Крайнего как предателя. Вот она:

«Дана сия господину Шнейдерману на получение от него 500 руб. в качестве аванса по организации Б. Террористов. В чем и подписуюсь (так в документе. – *Н.К.*)

Иващенко. Г. Пятигорск, 16-10-1918».

Заканчивалось воззвание главкома так:

«В тяжелую минуту, когда на карту истории был поставлен вопрос вам, революционным бойцам, не раз разбившим черную банду капиталистов и помещиков, быть или не быть, – я принял командование Северо-Кавказскими Социалистическими Революционными войсками. Я знал, что безвыходное положение в социальном мире не существует, с твердой верой полагал, что при вашей помощи, честные революционные бойцы, можно спасти республику Северного Кавказа.

В этот тяжелый момент для нас, те лица, которым мы должны верить больше всего, оказались на стороне врагов трудящегося народа, невзирая на то, что они были избраны этим народом. Призываю всех революционных бойцов еще более сплотиться для беспощадной борьбы с кадетскими бандами и предателями трудового народа, с втершимися в наши ряды, и не поддаваться провокаторам, которые будут пытаться расстроить наши ряды. Всех провокаторов арестовывать и представлять в штаб Реввоенсовета. Смерть всем предателям и врагам трудового народа, советской власти и социальной революции.

Да здравствует Рабоче-крестьянская армия, да здравствует советская власть, да здравствуют наши вожди Ленин и Троцкий!

Командующий войсками Северного Кавказа
Член РВС Сорокин»[312].

Затем появилось новое сообщение под названием «Чудовищное преступление» (Заговор против советской власти). В нем говорилось:

«В нашей газете уже сообщалось о раскрытии чудовищного заговора против советской власти на Севером Кавказе и против целого ряда советских деятелей.

Заговор ликвидируется. Нити этого ужаснейшего преступления против трудового народа, как видно из показаний, помещенных ниже, вели из высшего органа советской власти на Северном Кавказе.

Из этих показаний видно, что к советской власти примазались думавшие не о благе трудового народа, а о собственной шкуре. В то время как доблестные солдаты революции проливали свою драгоценную кровь за лучшую участь трудящихся, боролись с капиталистами, буржуями и врагами трудовых масс, эти шкурники запасались материалами на костюмы, пальто, из помещенной ниже описи вещей, найденных в комнатах заговорщиков, читатели увидят до какой предусмотрительности дошли эти шкурники. Чего только нет у них про запас, вплоть до керосина и веревок!»

Дальше следовало признание младшего брата Шнейдермана, Абрама.

«Я, Абрам Израилевич Шнейдерман (Крайний), брат председ<ателя> Крайкома Крайнего, дал следующее показание: недели две тому назад в номер брата зашел Рубин с Рожанским. Я слышал, как они вели разговор совместно с братом о каком-то неизвестном для меня офицере, которому должны были передать какие-то документы, которые носили очень серьезный

и секретный характер для наших войск. Офицер, о котором говорили Рубин, Рожанский и мой брат Шнейдерман, принадлежал к кадетским войскам. После этого, дня через три было вновь собрание, на котором присутствовали мой брат, Рубин, Рожанский, Дунаевский, Равикович и Турецкий.

Начало собрания я не захватил и пришел почти под конец. Из всего слышанного мною я заключил, что они вели разговор против революции. Говорили о том, что если расстроить транспорт, а также если бы удалось уничтожить некоторых вождей революции, в том числе и Сорокина, то наше дело можно было бы считать законченным. Дня четыре тому назад я сказал брату: Что мне «очень подозрительны ваши конспиративные совещания, также, насколько я понимаю, вы устраиваете заговор против советской власти». На это он мне ответил: «Ты еще мальчик и ничего не понимаешь. Дело революции все равно погибло и надо придумать, как спасти свою жизнь». Также добавил, что у нас не сегодня-завтра должны произойти колоссальные перевороты. Между прочим, сказал, что партия террористов должна уничтожить: Сорокина, Мансурова, Атарбекова, Гайченца, Одарюка и еще некоторых лиц, фамилии которых я не помню. При этом добавил: «Лишь бы удался наш план, и тода наше дело будет в шляпе».

Знаю также, что в терроре должны принять участие: Ульрих, Острецов, Борис Миньков, а также лицо, приехавшее неделю тому назад с важным поручением от кадетов, фамилии его я не помню. Лица и внешности также не могу описать, а потому, что я его видел мельком, когда он говорил с братом. Известно мне, что брат должен был ему в день ареста передать вечером какую-то диспозицию. Больше мне ничего не известно. Сам же я никакого участия в заговоре не принимал, и все узнавал через брата или подслушивал, притворяясь спящим в номере брата, куда я приходил только на ночлег. В чем и подписуюсь

Абрам Израилевич Шнейдерман.
23 октября 1918 г. Пятигорск»[313].

В этой же газете было опубликовано еще одно сообщение под заголовком «Получение жалования без несения служебных обязанностей».

В нем говорилось:

«Абрам Шнейдеман дал следующую подписку: «Я числился в Чрезвычайном отделе при Реввоенсовете секретарем, получал 650 руб. в месяц. Вместе с тем никаких служебных обязанностей не исполнял»[314].

Чтобы понять всю сложность ситуации, которая сложилась в связи с появлением разоблачительных документов, обнаруженных контрразведчиками Богданова при аресте Рубина, надо иметь в виду и пояснения Анджиевского. После смерти своего начальника М.Ф. Власова он возглавил ЧК Северокавказской республики и уже после гибели и самого Сорокина издал приказ, в котором, в частности, говорилось:

«Между прочим, в числе других сфальсифицированных документов, будто бы уличающих расстрелянных им (Сорокиным. – *Н.К.*) наших вождей, он опубликовал условные кадетские знаки, которыми как будто пользовались т. Крайний и другие его товарищи. На самом деле эти условные кадетские знаки обнаружены нами, членами ЧК, при аресте кадетского штаба в Пятигорске и Ессентуках и были переданы т. Крайнему, как члену Реввоенсовета для использования им в военных целях.

[...] Лица, у которых ЧК обнаружили эти кадетские условные знаки, были следующие расстрелянные нами за два–три дня до совершения этого чудовищного преступления [...]

1. Начальник Пятигорского кадетского штаба полковник гвардии Случерский.

2. Начальник Есентукского кадетского штаба член Петербургской организации партии кадетов – Волков.

3. Члены тех же штабов: полковник Шульгин, полковник Попов, корнеты Кошкоданов, Шафаретов, капитан Касперский, юнкер Назаров и др. кадетские разведчики – 20 человек, фамилии которых будут опубликованы особо.

Эти контрреволюционные штабы осведомляли кадетов о продвижении наших войск и вообще о положении на фронтах. Они ставили своей целью взорвать патронный завод и лишить лучших вождей революции тт. Рубина, Крайнего, Анджиевского и членов ЧК, и вообще всеми мерами старались задушить Советскую власть на Северном Кавказе»[315].

А между тем работа обезглавленного ВЦИК была парализована. Не имея достаточно своих войск, его члены ничего не могли противопоставить Сорокину. Часть видных работников скрылась в подполье, другие просто разбежались. Остальные же начали переговоры с главкомом о созыве съезда Советов Северного Кавказа. Сорокин понимал, что на нем придется объяснить свои действия, но уступил и дал согласие, при условии, что съезд будет проходить в Пятигорске. Он полагал, что в этом случае получит поддержку своего штаба и расположенных в городе войск.

Однако по инициативе комиссара колонны Кочергина – Ш.М. Аскурава в Армавире состоялось совещание командиров и политработников, недовольных действиями Сорокина. На нем было принято решение без согласия главкома провести съезд непосредственно вблизи фронта в Невинномысске, а для его охраны снять с фронта две дивизии. Нужно сказать, это была не лишняя с их стороны предосторожность. Исстрадавшаяся от непрерывного нахождения в боях, лишенная оружия и боеприпасов армия поверила, что виновники всех несчастий наконец найдены и наказаны главкомом.

Бежавшие из Пятигорска партийные и советские работники собрались в Георгиевске, где началась подготовка проектов решений, которые предполагалось вынести на обсуждение съезда. Речь, прежде всего, шла об объявлении Сорокина вне закона, как изменника делу Октябрьской революции, о реабилитации расстрелянных им партийных и советских руководителей. Дальше члены этой инициативной группы, посчитав, видимо, что в борьбе с Сорокиным все средства хороши, не дождавшись объяснений главкома, не проведя обсуждения своих предложений, еще за сутки до открытия съезда, 27-го октября направило в войска телеграмму о его решении, – якобы уже принятых, полагаемых свершившимся фактом.

А что же Власов, какова была его дальнейшая судьба?

После экстренного совещания некоторые оставшиеся в живых члены ЦИК на всякий случай решили скрыться. Михаил Власов понимал, что в случае ареста, шансов выжить у него практически нет. Поэтому он бежал в Минеральные воды и стал скрываться в доме преданного ему председателя Минераловодского Совета Иосифа Побегайло. Через него он начал устанавливать связь с единомышленниками. Главное, чего естественно хотел Власов – это отомстить Сорокину. Поэтому, как пишет сестра Власова Капитолина Богоявленская: «Проследив выезд Сорокина в Невинномысскую на съезд, Власов с группой товарищей решили организовать крушение поезда и помешать приезду Сорокина в Невинномысскую. Штыком и руками отвинчивали они туго забитые гайки (так в тексте. – *Н.К.*). Путь был испорчен, поезд остановлен. Продолжали путь на лошадях, Сорокин опоздал к открытию съезда»[316].

Богоявленская пишет также, что высказывалось еще одно предложение – вообще взорвать гостиницу «Бристоль» вместе со штабом Сорокина, а тех, кто останется в живых – расстрелять. Но это предложение отвергли председатель Пятигорского окружкома РКП(б)

Г.Г. Анджиевский и член ЦИК С.Г. Мансуров. Но не потому, что им было жаль кого-то взрывать, а потому, что сил для этого не хватало.

Власов не решился прибыть на съезд, но всю информацию о его подготовке получал от Иосифа Побегайло. Однако поиски председателя ЧК продолжались, и вскоре командир отряда Воробьев узнал, где он скрывается. Дом был окружен, Власов арестован и тут же расстрелян.

Успей Сорокин на съезд в Невинномысскую, он наверняка попытался бы объяснить свои действия. Претензий к крайкому и лично к Рубину, Крайнему, Власову, Рожанскому и Дунаевскому у него было больше чем достаточно. Как вспоминает И.Л. Хижняк, Сорокин называл Рубина миллионером, считал, что он и его помощники довели армию до полного истощения и деморализации. Он возлагал на них всю вину за то, что бойцы голые, без патронов, месяцами не получают жалованье. Центральный Исполнительный Комитет не давал средств на покупку оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия и фуража.

Кстати сказать, тот же Хижняк сообщал, что после всех трагических событий было проведено по этому поводу следствие, и на железнодорожных путях в тупиках было найдено много спрятанных, заставленных выведенными из стороя составами вагонов с обмундированием и оружием.

Сорокин вез на съезд в Невинномысскую папку с серьезными материалами. Он говорил, что в ней находятся документы, которые раскроют глаза делегатам съезда на многие дела расстрелянных. Эта папка после смерти И.Л. Сорокина осталась в руках его адъютанта по особым поручениям Ф.Ф. Крутоголова, он передал ее жене Ивана Лукича – Лидии Дмитриевне, а она, боясь, что ее отберут, отдала командиру 10-й колонны Красной Армии Северного Кавказа Зоненко. Дальше следы этих документов теряются.

Есть некоторые косвенные данные о том, что злополучная папка Сорокина не исчезла бесследно. Она какими-то путями вновь вернулась к Лидии Дмитриевне и тщательно была спрятана ею. Когда она бежала из Петропавловской и работала в Мацесте, то папка была спрятана где-то там, а потом осталась в Грузии, где и находится сейчас на особом хранении.

Итак, Сорокин на съезд не попал. Трудно сказать, что послужило главной причиной этому, разобранные железнодорожные пути, о которых пишет К.Богоявленская, или то, что уже в поезде он

получил приказ, написанный организаторами 2-го Чрезвычайного съезда Советов Северного Кавказа и представителей Красной Армии, в то время, когда он сам, как и многие делегаты, еще только собирались в Невинномысскую. Скорее всего, Сорокин понял, что его опередили, собрали съезд без его согласия не в Пятигорске, а в Невинномысской, и от имени еще не открывшегося форума объявили главкома вне закона. Он теперь не без оснований полагал, что на съезде может произойти обыкновенная расправа над ним.

В документе, который ему попал, говорилось:

«Военная срочная. Из Невинки.

Всем, всем Революционным войскам, Совдепам и гражданам.

ПРИКАЗ

2-й Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа и представителей революционной Красной Армии бывшего главкома и его штаб, Богданова, Гайченца, Черного, Гриненко, Рябова, Щербину, Троцевского, Масловича, Пихтерева и командира черкесского полка Котова объявляет вне закона и приказывает немедленно арестовать и доставить в Невинномысскую для гласного народного суда. Почте и телеграфу не выполнять никаких приказов Сорокина и лиц, здесь поименованных. Второй Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа»[317].

Одновременно с этой телеграммой был подготовлен и разослан уже непосредственно в войска и приказ ЦИК Северо-Кавказской республики (№ 181 от 27 октября 1918 г.). В нем говорилось:

«Съезд объявляет бывшего командующего Сорокина вне закона, как изменника и предателя Советской власти и революции... Съезд назначает на место Сорокина временно Главнокомандующим Революционными войсками Сев. Кавказа тов. Федько, которому предписывается ЦИКом немедленно вступить в свои обязанности сего 27 октября. Все приказы, издаваемые по революционным войскам из Реввоенсовета, исполнять, проводить в жизнь только за подписью следующих членов: Председателя Реввоенсовета тов. Полуяна и Главкома тов. Федько»[318].

При этом очень важно еще раз подчеркнуть, что 2-й Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа начал работу только на следующий день, 28 октября 1918 г.

В пути на съезд Сорокина сопровождал инженерный батальон и часть личного конвоя. Общим числом 350 человек. Указанные приказы он получил 27 октября на станции Курсавка. Прочтя их, главком принял решение на съезд не ехать, сошел с поезда и вмес-

те с конвоем, всего около 80 человек, походным порядком направился в Ставрополь. С какой целью он направился именно туда можно легко объяснить. Во-первых, в боях за этот город его войска только что добились крупных успехов. Сам главком принимал личное участие в организации боевых действий, и поэтому вполне мог рассчитывать на поддержку войск. Успех был налицо, армия взяла Ставрополь.

Однако полной уверенности в том, что таманцы, все еще приписывавшие Сорокину расстрел своего командующего И. Матвеева, не арестуют его, у главкома, конечно, не было. Поэтому у него, скорее всего, был и запасной вариант действий. В случае, если бы он почувствовал опасность, то отправился бы дальше, в Астрахань, к уполномоченному РВС Южного фронта Н.А. Анисимову. Тот хорошо знал Сорокина, и мог бы, если не взять его под защиту, то хотя бы попытаться принципиально разобраться во всем.

Нужно также иметь в виду, что в боях за Ставрополь случилось еще одно, пусть не очень заметное, но еще больше подрывавшее авторитет Сорокина у таманцев, событие. Его в своих воспоминаниях описал П.Г. Сечкин. А дело было так.

Во время боев за Ставрополь Сечкин успешно командовал 3-м Таманским полком и потом был назначен комендантом штаба армии и города. По его словам в одном из последних боев красноармеец Грезин связкой гранат подбил броневик белых. Экипаж броневика – 4 казака и шофер были убиты, а подъесаула, командира машины, красные раненным взяли в плен.

Как пишет П.Г. Сечкин:

> «...раненый подъесаул [...] рассказал, что Врангель заканчивает формирование корпуса, который готовится на разгром нашей армии, он заявил, что к Сорокину несколько раз ездил его брат подполковник. Он командир полка у белых, получал от Сорокина приказания и по нем (так в документе. – *И.К.*) получал транспорты с патронами и обмундированием»[319].

Приведенный фрагмент воспоминаний Сечкина можно понять двояко, то ли Сорокин получал помощь от брата, то ли брат от него. Но дальнейшие события показали, что признания раненого подъесаула истолковали не в пользу Сорокина. Скорее всего, этот хитрый ход тоже сделали ОСВАГ и деникинская контрразведка, но об этом Сорокину узнать было уже не суждено.

Итак, Сорокин принял решение прибыть в Ставрополь и разместиться там. Об этом он заблаговременно, через своего комен-

данта, предупредил уже упоминавшегося только что коменданта города и гарнизона П.Г.Сечкина, который так описал эти события:

«Ко мне в кабинет вошел мой помощник т. Компаниец Тимофей и сообщил, что прибыл комендант штаба Сорокина и хочет видеть меня в штабе армии.

Мною было дано указание первому моему заместителю Компанийцу подняться в штаб армии, предупредить Батурина Г.Н. и Смирнова М.В., что я приведу коменданта Сорокина, а второму заместителю Ярошенко сказал, просите коменданта ко мне. В это время уже была получена телеграмма со съезда Советов, в которой говорилось, что б<ывший> командир 11 а<рмии> Сорокин объявлен вне закона и что каждый красногвардеец имеет право застрелить Сорокина. Мною было сказано, не делать вида, что мы знаем об этой телеграмме.

Когда комендант вошел в кабинет, вооруженный гранатами, маузером, саблей и карабином, я спросил, кто вы будете? Он подал больной мандат, подписанный главкомом Сорокиным. Я спросил, чем могу, как комендант штаба армии и города, служить, и получил ответ — нужна штаб-квартира Сорокину и его охране. Сорокин в 15 верстах от Ставрополя отдыхает. Тогда я попросил его следовать за собой на второй этаж. Это было в доме губернатора. Когда вошли в кабинет временно командующего Таманской армией тов. Смирнова М.В. там сидел начальник штаба армии тов. Батурин Г.Н. После краткого разговора тов. Батурин спросил меня, где можно разместить, я ответил, недалеко от арсенала интендантства есть свободные дома. Было дано задание показать, а коменданту сказано, передайте командующему, что мы встретим, выполним воинский долг перед командармом»[320].

Дальше по описанию Сечкина было решено разыграть спектакль. При въезде в город выстроить находившиеся в городе 1-й и 2-й кавалерийские полки с оркестрами, под музыку которых Смирнов отдаст рапорт главкому, а когда тот заедет в штаб, немедленно арестовать его. Поначалу все так и было. Но когда подъехали к штабу армии, и Смирнов пригласил Сорокина к себе, тот неожиданно отказался и, сидя в тачанке, приказал, чтобы дальше его никто не сопровождал. Он якобы собирается объехать город и посмотреть, в каком он состоянии после недавних боев. Когда Сорокин передвигался по Ставрополю к нему периодически подъезжал один из его адъютантов и что-то сообщал. Можно предположить, что главкому доложили о том, что за ним ведется наблюдение и готовится арест.

Смирнов действительно приказал командирам полков Осипьянцу и Олефиренко отслеживать все передвижения Сорокина и информировать штаб армии. Одновременно по телефону на фронт в штаб 1-й Таманской дивизии ее командиру Полякову-Викторову было передано приказание через каждые 5 минут сообщать, не прибыл ли Сорокин, и если будет замечено его появление, установить на машине пулемет и лично заместителю командира дивизии Шляхову открыть огонь на поражение.

Как пишет дальше комендант Сечкин:

«Примерно через час после отъезда Сорокина Поляков и Олефиренко сообщили, что Сорокин вышел за город и уходит по направлению Надежки. Тогда было дано указание срочно послать гонца, в пакете написать т. Сорокину, остановитесь, над вами самосуда не будет. Гонец догнал тачанку, держа в руке пакет. Сорокин прочитал и приказал пустить лошадей вскачь. В это время оба кавполка были пущены лавой, с приказанием взять Сорокина живым, так как уже были связаны со съездом, и оттуда было приказано Сорокина доставить на съезд Советов.

Чтобы остановить бегство, за лесок была выслана автомашина, и как только из-за леска вышла тачанка, тов. Шляхов дал очередь вверх, и Сорокин остановился, и его охрана, несмотря на то, что на знамени было написано: «Смерть тому, кто поднимет руку на тов. Сорокина!». Однако, видя такую силу, они сдались без единого выстрела»[321].

Так Сорокин был арестован и сутки провел в Ставропольской тюрьме. Как вспоминает дальше Сечкин:

«На второй день прибыл представитель съезда Советов за Сорокиным. Помню на его правой руке не было указательного пальца. Фамилию забыл, но как будто Киселев.

Мне было приказано отправить штаб Сорокина на съезд Советов. Было дано 3 фаэтона, два эскадрона, и решил с ними ехать комиссар 1-й Таманской дивизии тов. Зимин Я. Когда Сорокина привезли в Татарку, там на формировании была бригада тов. Решетняка, и получили телеграмму, переданную в штаб нашей армии. Помню ее содержание: «Вследствие того, что наши войска не удержали Армавир и отступают, съезд Советов разъезжается. Сорокина судите чрезвычайным судом»[322].

На самом деле съезд работал еще не менее суток, и его руководство таким вот образом вынесло приговор Сорокину. Приговор смертельный, так как твердо были уверены, из Таманской армии он живым уже не вернется.

Так и случилось. Сечкин подробно описал дальнейшие события, связанные с самосудом над главкомом Сорокиным. В его воспоминаниях читаем (в тексте сохранена авторская орфография. – *Н.К.*):

«Когда Сорокина возвратили в штаб армии тов. Батурин спросил, кто начальник тюрьмы. За меня ответил зам. нач. штаба армии тов. Фалюн А.И. – там темрюкский рыбак член партии тов. Великой, а я дополнил, а охрана со второй роты 3-го Таманского полка. Мне было приказано сдать Сорокина в тюрьму, посадить по одиночкам. Тов. Батурин говорит, а я затем проверю. [...]

Когда мною штаб Сорокина был доставлен в канцелярию тюрьмы, в это время комиссар третьего Таманского полка Высланко Иван Тихонович, он же исполнял обязанности комполка, так как Белогубец был ранен, подъезжая к стоящим эскадронам, спросил, чего стоите? Ему ответили – привезли Сорокина, он ответил, что с ним предателем возятся, спросил, где он, ему нач. караула тов. Иванчук Семен ответил, Сечкин повел в канцелярию и пустили Высланко во двор. Он подошел к двери и только открыл дверь, смотрел не долго, выхватив наган из-за пояса, выпустил три пули. Одной попал в лоб и двумя в грудь Сорокина. Я крикнул: Ваня, что ты делаешь. Он ответил, я выполнил решение Чрезвычайного съезда Советов, расстрелял бандита, предателя, который расстрелял нашего любимого командующего тов. Матвеева, членов Северо-Кавказского ЦК нашей партии Крайнего и Рубина и председателя ЧК. Поворачиваясь уходить, я сказал, – Ваня обожди, в штаб вместе поедем. Он ответил, – я сам приду и ушел. Труп Сорокина вытащили с канцелярии, остальных штабных мы посадили в камеры и когда мною было доложено о случившемся, со штаба армии был отдан приказ арестовать комиссара Высланко, но через несколько часов комиссары дивизий, бригад потребовали немедленно отмены приказа. Приказ был отменен, а на второй день Высланко был тяжело ранен и скончался»[323].

Кто отомстил убийце главкома, неизвестно. На этот счет существует несколько версий. По одной все произошло случайно и Высланко действительно пал в бою. По другой, и на ней настаивает автор хроникально-документальной повести о Сорокине М.А.Сакке, убийца пал от рук земляков полководца. Но было предположение и о том, что это сделано по приказу брата Ивана Лукича – Григория, а возможно, Высланко убрали организаторы расправы над Сорокиным, и таким образом закрыли проблему с гибелью главкома навсегда.

Здесь же необходимо подчеркнуть еще один немаловажный факт. После гибели И.Л. Сорокина всем друзьям и недругам еще раз стала очевидной его честность и порядочность, непричастность ни к каким махинациям с деньгами, которые иногда выделялись на армию. Он совершенно не готовил себя к обеспеченной жизни после ухода со своего поста. Во время проведенного обыска на его теле, а также среди вещей и в вагоне, в котором он жил, никаких денег не было обнаружено вообще. Только у жены нашли 15 рублей серебром.

Приведенные выше воспоминания Сечкина, пожалуй, являются тем документом, в котором наиболее подробно и объективно описаны события, связанные с убийством главкома Сорокина. Существуют и другие документы, но они могут служить только дополнением к тому, о чем писал Сечкин. Из них же видна характерная деталь. Почти каждый, кто потом писал об этих событиях как очевидец и участник их, выпячивал свою личную роль в аресте Сорокина. Так, например, временно командовавший Таманской армией Смирнов представил в Северо-Кавказский ЦИК донесение, в котором писал, что когда ему не удалось заманить Сорокина в штаб армии он:

«[...] с полком кавалерии бросился в погоню за Сорокиным, который быстро удалялся по направлению села Сергеевского. В 15 верстах от Ставрополя, — пишет Смирнов, — мне удалось догнать Сорокина, и здесь я объявил ему и Гайченцу и их штабу, что они мною на основании распоряжения 2-го Чрезвычайного съезда Советов и представителей Красной Армии временно задержаны и предложил им следовать за мной. На мой вопрос Сорокину, почему он бежал от меня — он заявил: — «боясь самосуда из-за мести за смерть бывшего командующего Таманской армии товарища Матвеева». По приходе в штаб Советской Таманской армии, всем задержанным было предложено сдать оружие, что и было исполнено. Далее, я передал всех задержанных в распоряжение представителей 2-го Чрезвычайного съезда Советов и представителей Красной Армии тт. Маштова, Дергачева и под караулом одного эскадрона отправил в станицу Невинномысскую. Мною задержаны и переданы в распоряжение товарища Дергачева и Маштова следующие лица: бывший командующий Сев. Кавказа тов. Сорокин, бывший член ЦИК Гайченец, помощник начальника штаба революционного совета Драцевский, адъютант Сорокина Кляпторный и помощник коменданта Колесников. Документы отобраны и переданы тт. Маштову и Дергачеву»[324].

Свою версию ареста и убийства Сорокина имел и начальник штаба Таманской армии Г.Н. Батурин. В своих воспоминаниях он утверждает, что организатором поимки Сорокина был не Смирнов, а он – Батурин. По воспоминаниям последнего, он, узнав, что через город следует Сорокин в сопровождении личного эскадрона, решил заманить его в штаб. Чтобы у Сорокина не возникло подозрения, что его хотят арестовать, он написал записку, в которой называл его просто по имени и приглашал объясниться по важному вопросу. Сорокина догнали, вручили записку, и он неожиданно легко согласился прибыть в штаб Таманской армии. Дальше, пишет Батурин:

> «Сорокину было объявлено постановление съезда, о котором, понятно, он уже и сам был осведомлен. На другой день, 2-го ноября, Сорокин был препровожден в тюрьму. Там уже были размещены и его приближенные. Отряд Сорокина был расформирован. 3-го ноября уполномоченные Реввоенсовета, приехавшие в Ставрополь за Сорокиным, отправились в тюрьму, и, вызвав его в караульное помещение, объявили ему, что он должен перевозиться в Пятигорск в распоряжение Реввоенсовета. В это время, по недосмотру караула, в помещение ворвался и[сполняющий] д[ела] командира 3-го Таманского полка тов. Высланко, который со словами: «Чего с ним разговаривать – он вне закона и каждый может его убить» – выстрелил в Сорокина 2 раза. Обе раны в шею и грудь оказались смертельными. Сорокина зарыли тут же на тюремном дворе. Высланко был арестован, но освобожден, так как передать должность командира было некому, а на другой день он был убит в бою»[325].

Без суда и следствия был убит и боевой соратник Сорокина Иван Иванович Гайченец. После ареста он телеграммой на имя съезда сообщил, что просит дать ему возможность предоставить документы, оправдывающие его и Сорокина действия. Его отправили в Невинномысскую под охраной отряда анархистски настроенных матросов. Отъехав недалеко от Ставрополя, они подняли И.И. Гайченца на штыки. Так был отрезан еще один путь для достоверного раскрытия трагических событий в Пятигорске.

Со временем, когда страсти улеглись, а живых участников тех событий становилось все меньше, в печати стали появляться публикации, где их авторы, уже не стесняясь, наперекор очевидным фактам стали говорить о том, что Сорокин в своем штабе пригрел полковников и генералов, которые вредили армии. Хотя доподлинно известно, что ни тех ни других Сорокин к себе в помощь никог-

да не привлекал. Особенно активизировалась эта работа в 10-ю годовщину трагических событий в Пятигорске. Была даже сделана попытка как-то связать Сорокина с белым подпольем на Северном Кавказе. В газете «Терек», например, 21 октября 1928 г. была опубликована статья Федора Пащенко, где говорилось: «...он (Сорокин. – *Н.К.*) был пойман в Ставрополе и одним из командиров Таманской армии был зарублен. Так кончилась бесславная авантюра белогвардейских наймитов «Союза спасения Терека», куда входила махровая белогвардейщина из генералов и полковников»[326].

О последствиях убийства главкома И.Л.Сорокина, расстрела представителей его штаба лучше всего говорят события, последовавшие за этим. Обезглавленная армия первое время еще успешно сражалась на направлениях, намеченных Сорокиным и его штабом. Но постепенно наступление войск Красной Армии Северного Кавказа все больше теряло темп и, наконец, захлебнулось вовсе, инициатива в боевых действиях перешла к белому командованию. Особенно тяжело пришлось ставропольской группировке. Здесь создалась угроза полного окружения противником самого г. Ставрополя, заполненного тыловыми частями, госпиталями, обозами Таманской армии. Назначенный вместо Сорокина новый главком И.Ф.Федько прибыл на этот фронт только 20 ноября.

Вместо налаживания четкого взаимодействия войск он начал проводить реорганизацию соединений и частей. Это была уже третья по счету реорганизация, а вся пагубность ее была в том, что проводилась она в ходе непрекращающихся боев с конницей противника, когда обстановка менялась по нескольку раз в день. Благодаря усилиям Сорокина, в его армии к этому времени было уже свыше 10 тысяч конников, чем не могла похвастать ни одна армия Южного или Восточного советских фронтов. Однако кавалерийские дивизии сделали придатками стрелковых, они были рассредоточены по всему фронту, получали свои задачи от стрелковых соединений и в соответствии с обстановкой, складывающейся именно на их участке. В результатате армейское командование, передоверив этот ценнейший род войск пехотным начальникам, отказалось от массированного использования кавалерии на главных направлениях. В это же время Деникин создал конный корпус Врангеля, который стал активно применяться для ввода в прорывы между флангами красных войск.

Кольцо вокруг советских войск сжималось все больше. 12 ноября противник подошел к предместьям Ставрополя, захватил го-

ловные сооружения водопровода. Белые прекратили подачу воды в осажденный город. Положение спасли только 2-я бригада под командованием П.П. Плескачева 1-й Ставропольской дивизии и 1-й кавалерийский полк И.В. Селиванова. Они прорвались к Надежде, заняли ее и, расширив потом прорыв, дали возможность эвакуировать Ставрополь. Город пал. Боевые действия, успешно начатые Сорокиным под городом, ставшим местом его гибели в конце октября, завершились в ноябре крупным поражением красных войск. Они вынуждены были отойти на 150–200 км с большими потерями.

В результате талантливо задуманная Сорокиным операция в виду ее бездарного осуществления его убийцами закончилась полным поражением. А ведь так хорошо все начиналось. Сами противники потом почувствовали настолько легче им стало воевать с красными, как только те уничтожили своего командующего, не скупились на высокие оценки Сорокину.

«Не могу забыть их удара под Ставрополем, — записал в своем дневнике командир стрелковой роты деникинской армии капитан Орлов. — Степь стонала под сотнями копыт. У большевиков не было патронов, снарядов. У нас было все. Но по плану Сорокина и вопреки всем военным и логическим обоснованиям, не мы их побили тогда, а они нас, разнесли и растоптали вемятку, от моей роты уцелела треть. Я самым позорным образом боюсь сорокинских казаков — это зверье, которое не дает и не просит пощады. Под Ставрополем я потерял управление людьми, едва увидел эту лаву на буграх, озаренных луной, слышал, как они воют, когда скачут в атаку. И, едва мы бежали из Ставрополя, вдруг узнаем, что Сорокин объявлен вне закона, арестован и убит. Полки кричали «ура» — сейчас мы гоним отребье, в которое превратилась бывшая Одиннадцатая армия, потерявшая всего лишь одного человека — своего главкома»[327].

Вскоре был упразднен пресловутый Северокавказский ЦИК, а вместо него образован Исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов. Он тоже пытался влиять на ситуацию в войсках, но обстановка была такой, что сделать что-либо существенное уже не удавалось.

Хорошо началась и 2-я операция, намеченная штабом Сорокина – наступление Георгиевского и Свято-Крестовского боевых участков. Она заключалась в том, чтобы разгромить и уничтожить мятежные войска братьев-осетин Г.Ф. и Л.Ф. Бичераховых[328],

соединиться с советскими войсками, действовавшими под Владикавказом, освободить Моздок, затем Грозный и Кизляр, войти в соприкосновение с войсками 12-й армии, восстановить железнодорожную связь с Астраханью через Кизляр. Уже 6 ноября красные части создали угрозу окружения войск белого генерала Агоева, и вынудили их к паническому отступлению. Противник с большими потерями отступал к Прохладной. Вскоре и эта станица была в руках у красных, а потом они очистили от противника все станицы по Тереку до самого Моздока. 23 ноября был взят и сам Моздок. Советская власть во всей Терской области была восстановлена. Однако пройдет меньше месяца, как и эта группировка Красной Армии Северного Кавказа начнет нести большие потери, вынуждена будет прекратить наступление и отступать в направлении на Моздок–Святой Крест.

Здесь нет нобходимости описывать весь дальнейший ход боевых действий армии, у истоков которой стояли А.И.Автономов и И.Л.Сорокин. Важен итог. А он более чем печальный. Примерно три месяца спустя после убийства Сорокина 11-я армия тоже погибла. В желающих указать причины гибели армии недостатка не было. Но почти все они, особенно те, кто как раз и привел армию к такому концу, как одну из главных причин поражения называли некомпетентность Сорокина, неправильно спланировавшего боевые действия своей армии.

Безусловно, право анализоровать, высказывать свое мнение имеет каждый, тем более из числа участников тех событий. Но быть объективными, в силу своей заинтересованности, могут далеко не все. Поэтому имеет смысл прислушаться к тому, что написали по этому поводу два человека, чье мнение, авторитет и та роль, которую они сыграли во время Гражданской войны на Юге России, позволяют им делать выводы, которые можно считать решающими. Один из них – Чрезвычайный комиссар Юга России Г.К.Орджоникидзе, а второй – главнокомандующий Добровольческой армией генерал А.И.Деникин.

Вот мнение Г.К.Орджоникидзе. В июле 1919 г. он представил доклад Председатделю Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И.Ленину о борьбе Красной Армии Северного Кавказа и ее роли в Гражданской войне. В этом докладе он писал:

> «XI армии в России не знают. Не знают ее наши партийные товарищи, и, что печальнее всего, не знают даже руководители военного ведомства нашей XI армии. Принято вообще ругать XI армию

как сброд всевозможных партизан и бандитов. Лично я никогда не был поклонником ее, я видел все ее недостатки и недостаточную организованность. Но Советская Россия должна знать, что XI армия в продолжение целого года, как раз в тот момент, когда у Советской России не было еще организованной армии, когда на нее напирали Краснов, чехословаки и Колчак, и когда нашим с большим трудом удалось задержать наступление Краснова в прошлом году, в то самое время, когда напирала самая сильная, самая организованная, сплоченная дисциплиной контрреволюционная Добровольческая армия во главе с Алексеевым, Деникиным, Покровским и др., имевшая несколько всевозможных офицерских полков, насчитывающих каждый по 5 тыс. офицеров, — XI армия приковывала к себе внимание Добровольческой армии, и вела с ней смертельный бой. По заявлению самого Деникина на заседании Кубанской рады 1 ноября прошлого года, в борьбе с XI армией он потерял только убитыми 30 тыс. человек»[329].

Пройдет еще три месяца и Орджоникидзе, будучи уже на Западном фронте, написал специальный очерк «О причинах нашего поражения на Северном Кавказе», в котором опроверг утверждения о том, что 11-я армия потерпела поражение из-за своей партизанщины, пренебрежения к уставам, неиспользования спецов. Он заявлял:

«Борьба за Кубань и Северный Кавказ продолжалась ровно год. [...] Северокавказским войскам приходилось защищаться на четырех фронтах при наличии ряда внутренних фронтов восставших казаков. Отрезаные от России, терпели нужду во всем — и в вооружении, и в снаряжении, и в обмундировании, и в медикаментах, и в деньгах. Противники же имели все. [...] Патронов не было, снарядов не было. Полкам, имеющим патроны, отдавались приказы идти в бой, и они не смели отказываться и шли при наличности 5—10 патронов на бойца. Не отказываясь выполнять боевой приказ, они выражали свой протест довольно оригинально. Выстроенный полк, получив приказ идти в бой, в продолжение нескольких минут кричал: «патроны, патроны, патроны!»[330]

В подтверждение этих слов Г.К.Орджоникидзе можно привести записку, которую во время боев за Ставрополь написал Е.И.Ковтюху начальник 1-й Таманской дивизии Пимоненко:

«Дорогой батько! Прошу принять меры как можно скорейшим временем погнать все кухни, продуктовые фуры, а также как можно скорей, скорей патрон, патрон, патрон!!!»[331]

Дальше Г.К.Орджоникидзе писал:

«Мы знали, что наша XI армия, грозная своей численностью, боеспособностью... раздета и разута, что у нее нет патронов и снарядов, знали также, что она не так организована, как это было желательно. Это и заставляло товарищей посылать гонцов за гонцами в Москву. Так, были посланы тт. Киров, Лещиньский, Яковлев и др. Но не оказалось возможным получить вовремя вооружение и обмундирование. И вот, с началом зимы нашу армию начинает косить тиф... К концу декабря зарегистрировано 50 тысяч тифозных... Наша же раздетая, разутая и наполовину больная тифом армия остается без патронов и снарядов. Писалось обо всем этом в Астрахань, писалось в Москву, но что же сделать, — ни Москва, ни Астрахань не смогли своевременно прислать просимое. Не была в достаточной степени учтена деникинская опасность, которая не могла быть реальностью, пока жила и боролась наша северокавказская «партизанская» армия, но которая стала реальностью после разгрома последней»[332].

А теперь отношение к «вражеской» - 11-й армии и ее командующему, которое высказал генерал Деникин.

«Стотысячная армия Северо-Кавказского фронта, — писал он, — перестала существовать. Она оставила в наших руках 50000 пленных, не считая больных и раненых, 150 орудий, 350 пулеметов и огромное количество всякого военного имущества. Она усеяла своими трупами Ставропольские поля и предгорья Кавказа во имя чуждых ей идей и непонятных целей. В течение 7,5 месяцев она отвлекала на себя почти все Добровольческие силы Юга и хоть за это должна получить некоторое признание со стороны московских правителей. Но, они вбили в могилу ее осиновый кол и написали на нем бранную надпись. И мне — врагу, приходится заступиться за память погибшей армии перед историей»[333].

При жизни Иван Лукич и его военный талант не были удостоены похвалы от «высоких инстанций». Да и были эти «инстанции» далеко за линией фронта его сражающейся в окружении армии. Но этот «пробел» можно восполнить мнением его противников, которым резона зря хвалить главкома не было. Тот же командующий Вооруженными Силами Юга России генерал А.И.Деникин, будучи уже в эмиграции писал о Сорокине и его армии:

«Военный дух ее, невзирая на отсутствие непосредственного управления с центра [...] был несравненно выше, чем в других Красных Армиях. [...] Победить нам ее было труднее, чем другие. Борьба с ней стоила нам огромных потерь. И не раз разгромлен-

ная, казалось, до основания, она снова возрождалась и давала решительный отпор нашим добровольцам.

И надо отдать долг полководческому таланту Сорокина. И если бы главком не был «повязан» с партийными лидерами, не вступал с ними, а они с ним в конфликты, то сорокинская армия могла бы одержать верх»[334].

В своих воспоминаниях генерал Деникин еще не раз обращался к личности И.Л. Сорокина. По поводу своего поражения под Екатеринодаром летом 1918 г., он, например, писал:

«Сведения разведки о движении большевиков из Тимашевской на Екатеринодар имели некоторые основания: туда текли обозы, беженцы, дезертиры, мелкие отряды, отколовшиеся от Сорокина. Главные силы оставались, однако, в районе Тимашевской, приводились в порядок, и пополнялись по пути мобилизованными. Силы эти насчитывали, как оказалось, не менее 20–30 тысяч. На основании согласных показаний пленных Сорокин принял решение – выставить против Покровского заслон из лучшей своей дивизии, которая должна была впоследствии отступать на Тамань и Новороссийск, самому пробиться через Кореновскую на Усть-Лабу, с целью уйти за Кубань. Вероятно, только легкость овладения Кореновской и создавшаяся благоприятная обстановка побудили его использовать свое положение и попытаться разгромить Добровольческую армию. Во всяком случае, весь план свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих – Сорокина или его штаба. Но если идейное руководство в стратегии и тактике за время Северо-Кавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка Советская Россия потеряла крупного военачальника»[335].

Можно и дальше приводить оценки, которые Деникин давал И.Л. Сорокину, но ограничимся только еще одной:

«Пройдя через горнило двух войн, наверное, Сорокин лучше многих иных военачальников разбирался в боевых операциях и как стратег, и как теоретик. Будь поумнее и посильнее его помощники, он бы наверняка мог командовать более мощной по масштабам армией»[336].

Своей смертью Сорокин доказал, что предателем он никогда не был. Уходя от ареста в Ставрополе или еще до этого, он неоднократно имел возможность легко перейти к белым. Сплошной линии фронта не было, а противник находился рядом. Там по достоинству оценили бы этот шаг главкома. Но он не сделал его, до

последнего момента искал возможность попасть на чрезвычайный съезд Советов, объяснить свои действия, но ему не дали такой возможности. В одном из последних приказов по армии он писал:

> «Я знаю, что про меня болтают, когда я объезжал фронты Армавирский и Кавказский: уже нашлись «друзья», которые говорили, что я перебежал. Мне эти разговоры не обидны, но они мешают исполнять святое и тяжелое дело защиты наших прав трудящихся»[336].

И.Л. Сорокин действительно не мог пойти на предательство, и об этом со всей определенностью высказался Г.К. Орджоникидзе. В июле 1918 г. в докладе Совнаркому РСФСР, где говорил:

> «После взятия Прохладной мы узнали о состоянии XI армии и о тех ужасах, которые произошли в Пятигорске, о расстреле наших лучших товарищей Сорокиным, о расстреле Сорокина в Ставрополе. Здесь я считаю своим долгом заявить, что, несмотря на всю необузданность Сорокина, несмотря на его преступление, совершенное по отношению к нашим товарищам, с контрреволюцией он никаких связей не имел. Сорокинская история создалась на почве отступления Кубанской армии и недоверия между Сорокиным и руководителями Кубанской Советской власти»[337].

Многие из тех, кто занимался исследованием военных событий на Юге России в 1918 «сумели» вообще обойти тему Сорокина. Поэтому еще и сегодня в некоторых справочниках, посвященных Гражданской войне и в музеях истории 11-й армии начинают с того времени, когда ею начал командовать Федько. Практически нет ни одного музея в стране, где бы говорилось о Юго-Восточной революционной армии и Красной Армии Северного Кавказа, их командующих А.И. Автономове и И.Л. Сорокине. Но это все-таки лучше, чем клеветать на них, не разобравшись в их непростой судьбе.

Особенно удивляет вывод о том, что будто бы после расстрела работников Северокавказского ЦИК Сорокин пусть ненадолго, но все же совершил захват всей власти в республике, к чему он все время стремился. И здесь в очередной раз трудно не согласиться с логикой рассуждения, с характеристикой Сорокина, которую дал ему С.В. Петренко, когда в конце своих воспоминаний писал:

> «Мое мнение в то время о Сорокине, как и сейчас таково: этот человек выше всего считал военное дело, и стремился быть неограниченным властителем в военной сфере... Но к захвату гражданского управления он никогда не стремился, так как был доста-

точно умен, чтобы ясно понимать невозможность справиться с таким громоздким делом»[338].

Вполне закономерен вопрос: а как армия отнеслась к убийству своего главкома? На этот счет в разных источниках существуют разные мнения. Причем прямо противоположные. Одни сообщают, что армия как бы «вздохнула свободно, освободившись, наконец, от «авантюриста». Другие пишут, что, наоборот, только напряженная боевая обстановка помешала некоторым частям крайне негативно отреагировать на смерть легендарного полководца, и только Кочубей, возмущенный убийством Сорокина поднял мятеж своей бригады.

Есть и третье мнение, его высказал все тот же С.В.Петренко.

«Войска, — пишет он, — отнеслись совершенно сознательно к происшедшему, и если в начале голоса раздавались и за Сорокина, то после нескольких митингов и разъяснений все совершенно успокоилось. Дивизия, бывшая армия Сорокина, без всяких колебаний и сомнений двинулась вперед, разбивая на своем пути банды Серебряковцев и Бичераховцев, освобождая Терек от последних остатков контрреволюции. Начальник колонны, в которую входила эта дивизия, — тов. Мироненко говорил мне, что солдаты и командиры сразу поняли, что если съезд высказался определенно против Сорокина, то так и должно было быть. И хотя все уважали Сорокина как вождя и бойца, но никто не выступил в его защиту»[339].

Закончил свои воспоминания бывший начальник штаба армии Сорокина и член Реввоенсовета Красной Армии Северного Кавказа такими словами:

«Жаль погибших безвинно хороших товарищей и работников, но жаль и погибшего нелепо лучшего бойца Кубани — Сорокина, наши товарищи красноармейцы говорят: если бы у Сорокина гайка в голове в другую сторону крутилась, не было бы на Кубани лучшего революционера. Лучше бы он погиб от кадетской пули где-нибудь на полях Кубани, лучше бы ему раньше лечь в могилу в красном гробу, как честному бойцу, чем теперь лежать в яме во дворе Ставропольской тюрьмы»[340].

Совершенно очевидно, что в самый критический момент его жизни рядом не оказалось личности, равной ему по силе характера, но более дальновидного и рассудительного, но что поделаешь - не у каждого Чапаева был свой Фурманов.

Заключение

После Гражданской войны тема Сорокина долгое время была закрыта, а потому принародно, даже у него на родине, никогда не обсуждалась. Было время, когда открыто имя И.Л.Сорокина в станице боялись упоминать. Если же отмечалась очередная годовщина Октябрьского переворота или день Советской Армии и Военно-Морского флота, то на торжественных собраниях иногда докладчики вспоминали имя Ивана Лукича, но редко кто из них решался назвать его «предателем революции». Намерения властей, да и не только их, обвинить Сорокина в несуществующих грехах, естественно, вызывало у многих из них недовольство, чувство протеста. Земляки Сорокина как раньше так и теперь очень обижены на писателя Алексея Толстого - автора знаменитой трилогии о Гражданской войне. В книге «1918 год», изданной огромным тиражом, он со свойственной ему талантливостью нарисовал образ вымышленного Сорокина, наделив его многими отрицательными качествами. В 1958 г. на экраны страны вышел кинофильм режиссера Ю.Н.Озерова «Кочубей», который подхватил «эстафету» А.Н.Толстого и не менее талантливо бросил свою ложку дегтя на память о казачьем полководце. Делалось все - чтобы, выражаясь современным языком, выполнить официальный «заказ» на создание образа авантюриста и предателя.

В свое время с этой проблемой столкнулся и М.И.Шолохов, но поступил более осторожно. В первом издании своего романа «Тихий Дон» он описал события на Верхнем Дону, связанные с восстанием казаков против Советской власти. При этом в нескольких местах упомянул имя командира красного казачьего полка, Ф.К.Миронова, успешно действовавшего в той сложнейшей обстановке. Однако в изданиях после 1933 г. Шолохов везде, где раньше упоминал фамилию Миронова, тщательно вычеркнул ее. Причина та же. Ставший к концу Гражданской войны командующим 2-й Конной армией Миронов затем был оклеветан завистниками и недоброжелателями, арестован и как Сорокин убит в тюрьме.

Сказать, что на Кубани И.Л.Сорокина все почитали или, наоборот, осуждали, было бы неверно. Нужно иметь в виду, что Сорокин был красным командиром, а его станица, как и вся Кубань в свое время, разделилась на красных и белых. Сегодня невозможно подсчитать, кого в ней было больше тех или других. Можно только сослаться на общие пропорции по Кубани на период Гражданской войны. А они говорят о том, что в белых войсках воевало 90% казаков, а в Красной Армии только 10%. Однако в Красной Армии были не только казаки, но и иногородние, а накануне революции их на Кубани было почти столько же, столько и казаков. Поэтому в красных и белых войсках земляков И.Л.Сорокина было примерно поровну.

Однако потом эти пропорции были нарушены. В марте 1920 г. многие находившиеся в белой армии кубанцы бежали через Новороссийск в Крым и там воевали в войсках Врангеля до исхода на чужбину. Другие, в апреле-мае, (их насчитывалось до 30 тысяч, а среди них были и петропавловцы. - *Н.К.*), были прижаты к грузинской границе на Черноморском побережье и сдались красным. Всех их разоружили, большинству выдали на фуражки и папахи красные звезды, зачислили в Красную Армию и отправили на Польский фронт. Те из них, кто не погиб в боях с поляками и врангелевцами, вернулись после Гражданской войны домой. Многие же сгинули в лагерях и тюрьмах. По понятным причинам бывшие белоказаки Сорокина не любили. Да и оставалось их в станице не так уж много. Большинство среди петропавловцев после революции составляли все-таки те, кто признал Советскую власть, боролся за нее и, несмотря на официальное отношение к Сорокину, они хотя и скрытно, но все же гордились тем, что являются его земляками.

В Петропавловской и сегодня с уважением говорят о той оценке, которую И.Л.Сорокину дал бывший командарм 1-й Конной С.М.Буденный. С Сорокиным они не встречались, так как расцвет славы Буденного приходится на то время, когда И.Л.Сорокина уже не было в живых. Но многие конники, воевавшие под командованием И.Л.Сорокина, потом пришли в конармию С.М.Буденного и конечно сохранили память о своем главнокомандующем. Осенью 1941 г. маршал С.М.Буденный побывал на родине И.Л.Сорокина в станице Петропавловской. Там временно находился штаб Южного фронта, а при нем представители казачьих частей, позднее они вольются в прославленный Четвертый

Кубанский казачий кавалерийский корпус. Буденный встретился с теми, кто воевал с ним в Первой конной армии и на вопрос, как он относится к И.Л.Сорокину, сказал:

«Храбрым, бесстрашным был главком. И по-праву красноармейцы называли его казачьим полководцем. Жизнь оборвалась в расцвете лет. Подвели его и собственный характер, и горячность. Боролся за правду, но она идет не всегда в согласии с реальной жизнью»[341].

После 1992 г. происшедшие в стране премены дали возможность землякам Сорокина открыто и по сути дела единогласно высказать его памяти внимание, достойное казачьего полководца, о чем свидельствуе его бюст, установленный ими в центре станицы, рядом с другим героем, только уже Великой Отечественной войны – Н. Куликовым.

Многие из тех, кому сегодня не безразлична правда о Сорокине, рассчитывают на то, что он будет реабилитирован. Однако, обращение автора в Главную военную прокуратуру по этому поводу оптимизма не прибавило. В ответе, в частности, сообщалось следующее:

«Нами проведена проверка, в ходе которой направлены запросы о привлечении указанного лица (Сорокина И.Л. – *Н.К.*) к уголовной ответственности в оперативно-справочный отдел ГИАЦ МВД РФ, Центральный архив ФСБ РФ, Центральный архив МВД РФ, Государственный архив Российской Федерации, а также в другие архивные органы, в том числе в справочные службы Управлений ФСБ и МВД по Ставропольскому и Краснодарскому краям.

Из названных архивных органов поступили сообщения об отсутствии документальных сведений, подтверждающих факт привлечения Сорокина И.Л. к уголовной ответственности и применения к нему репрессий по политическим мотивам, а также о наличии в отношении него уголовного дела.

Главная военная прокуратура указанными сведениям также не располагает»[342].

Из этого письма следует два вывода.

Во-первых, никаким судом, а только он может назвать человека преступником, И.Л.Сорокин никогда таковым не признавался. Второй вывод вытекает из первого – отпадает вопрос о реабилитации И.Л.Сорокина. О ней можно вести речь только в том случае, когда человек был репрессирован на основании суда. Как

такового суда не было. И.Л.Сорокина арестовали на основании решения общественного органа – 2-го Чрезвычайного Съезда Советов Северного Кавказа, к тому же принятого с нарушением общепринятых норм. Затем над ним был свершен самосуд. Никакого следствия по этому поводу не проводилось, а поскольку репрессии не было, невозможна и реабилитация.

* * *

История не только свидетельствует, но и заставляет делать выводы. Но по поводу описанных событий на юге России и Гражданской войны вообще, они, чем дальше, тем получаются все противоречивей.

После установления Советской власти подавляющее большинство нашего народа не сомневалось в том, что жертвы, принесенные Красной Армией и мирным населением страны, не были напрасными. Что страна получила самый передовой строй, который способен обеспечить народу светлое будущее. Следовательно, те, кто потерпел поражение в Гражданской войне, проливали свою кровь и отдавали жизни напрасно.

Но проходит 75 лет после Октябрьского переворота и в России снова произошли перемены, которые можно характеризовать как возврат к старому, к капитализму. Причем произошло это с минимальными жертвами, а значит с молчаливого согласия большинства народа. Это может означать только одно – народ в массе своей созрел для кардинальных перемен и пусть без особого ликования, но согласился с ними. И тогда логично сделать другой вывод – не белые, а красные зря клали свои головы и проливали кровь в Гражданской войне. Власть, которая манила народ всеобщим и скорым благоденствием не выдержала проверки временем. «Светлое будущее» не приближалось, а все отдалялось, и уже никто не мог сказать, какое же из грядущих поколений будет жить при коммунизме.

Однако утверждать сегодня, что и это окончательный выбор народа было бы опрометчиво. Он, народ, имел возможность жить при социализме, теперь получает практику жизни при капитализме, причем далеко не лучшем его варианте, а значит, не может не сравнивать какой же строй ему более подходит. Власти предержащие снова обещают борьбу с бедностью, проводят реформы, а простые люди в это время начинают делать вывод, что в матери-

альном плане они, пожалуй, потеряли больше, чем выиграли, и тогда логичен следующий вывод, что и белые и красные в Гражданскую войну воевали и гибли напрасно.

Никто не знает, что будет с нашей страной в отдаленной перспективе, какие силы, партии и движения станут руководить ею, какие лозунги выдвинут, какие программы при этом предложат. Поэтому сегодня в очередной раз приходится согласиться со старой как мир истиной, что правда находится где-то посередине. Нынешнее поколение не вправе судить своих предков, ни белых, ни красных за их политические пристрастия. Это их проблемы, они возникли в конкретных исторических условиях, решались теми путями и мерами, которые им подсказывала обстановка, уровень развития тогдашнего общества и классового сознания. Неизменно одно – осуждения достойны только варварство, бандитизм, мародерство и другие «попутчики» любой Гражданской войны.

Сорокин боролся с тем, другим и третьим, сражался с нецами, поскольку на определенном этапе считал их главнам противником, воевал с белыми, так как был уверен, что они борются за те порядки, которые противоречат его представлениям о счастье для простого народа, не важно, кто они казаки, рабочие или крестьяне. Изучение его жизненного пути, характера и убеждений, настолько это было возможным, дают основание предполагать, что если бы его не убили, то после победы сразу же или со временем он стал бы противником и для большевиков, так как его не устраивали те методы работы, которые они применяли, провозгласив хорошие в общем-то цели. Он терпел их власть над собой только до той поры, пока чаша терпения не переполнилась. Главную свою задачу он незадолго до своей гибели высказал четко: «Я Кубань спасти хочу!».

Примечания

[1] Название крестьян и других категорий неказачьего населения, переселившихся на казачьи земли после отмены крепостного права (1861). Они покупали или арендовали землю у казаков, работали батраками. См.: Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. С. 499.

[2] Одна из земских повинностей. Она заключалась в бесплатном предоставлении подвод для земских, полицейских и судебно-следственных поездок, а также для доставки почты и передвижения рассыльных. Денежное вознаграждение выплачивалось владельцам подвод только если они использовались в интересах войск. Подводы представлялись поочередно всеми жителями станицы, а в станичном правлении для этого велся специальный учет. См.: Брокгауз и Эфрон. – СПб., 1904. Т. 47. С. 54

[3] Повинность, налагаемая станичным правлением, заключавшаяся в распределении между дворами (хозяйствами) мест для постоя нижних чинов и командного состава во время передвижения войск.

[4] Казаки Черноморского войска, созданного в 1787 г. на Южной Украине из бывших запорожцев. В 90-х гг. XVIII в. они были переселены на Кубань, обороняли Кавказскую укрепленную линию от устья р. Кубани до р. Лабы. В 1860 г. вошли в состав Кубанского казачьего войска, но по традиции именовались «черноморцами» (Советский энциклопедический словарь. С. 1501).

[5] *Поляков Ю.А.* Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. – М.: «Политиздат», 1988. С. 80.) Если же считать по методике одного из крупнейших наших экономистов и статистиков академика С.Г. Струмилина, который предлагал считать не только тех, кто погиб, но и не родился у погибших жителей страны, то потери составили 21–25 млн человек. (Указ. соч. С. 468.).

[6] Там же. С. 468.

[7] Торговцы, возчики, которые на своих волах направлялись к Черному или Азовскому морям, закупали соль или рыбу и развозили их по южным ярмаркам, занимались также доставкой других попутных товаров. Более подробно см.: Брокгауз и Эфрон. – СПб., 1904. Т. 77. С. 57.

[8] *Сакке М.А.* Станичный храм истории. – Станица Петропавловская, 1998. С. 39.

[9] Воспоминания П.С.Гуменного. Правда о Сорокине // ГАКК. Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

[10] См.: Энциклопедический словарь военной медицины. – М., 1948. Т. 5. С. 720–724.

[11] Кантонистские школы были военно-учебными заведениями низшего звена. Они готовили своих воспитанников для военной службы, давали минимум общеобразовательных знаний. См.: Советский энциклопедический словарь. С. 545.

[12] *Солодухин Г.* Жизнь и судьба одного казака. – Нью-Йорк, 1962. С. 27.

[13] Лица, добровольно поступившие на воинскую службу после получения высшего или среднего, в отдельных случаях незаконченного среднего образования. Имевшие высшее образование назывались вольноопределяющимися 1 разряда и обязаны были прослужить один год. Остальные имели 2-й разряд и служили два года. Вольноопределяющиеся, по сравнению с прочим рядовым составом, имели ряд льгот. В частности, им был положен сокращенный срок выслуги в чинах, право жить на собственные средства и вне казарм. Вольноопределяющиеся после окончания службы держали экзамен на звание младшего офицера (прапорщика) запаса.

[14] История XX века / Пер. с франц. под редакцией профессоров Лависа и Рамбо. 2-е изд. – М.: ОГИЗ, 1938. С. 374-375.

[15] *Ключевский В.О.* Курс Русской истории. Ч. 5. – М.: «Мысль», 1989. С. 179.

[16] *Галушко Ю.* Казачьи войска России. – М., 1993. С. 86.

[17] *Воронович Н.В.* Русско-Японская война. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1952. С. 64-66.

[18] *Знаменский А.* Красные дни. – Госкомиздат, 1989. Ч. 1. С. 11.

[19] *Воронович Н.В.* Указ. соч. С. 68.

[20] *Знаменский А.* Указ. соч. С. 10.

[21] Цит. по: *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. – Краснодар, 1990. С. 106–107.

[22] См.: Там же. С. 155.

[23] РГВИА. Послужной список прапорщика И.Л.Сорокина. Оп. 232. Л. 208–211.

[24] Там же.

[25] Журнал военных действий 3-го Урупского Казачьего линейного полка. РГВИА. Ф. 5175. Оп 1. Д. 2. Л. 1.

[26] Звание Войскового наказного атамана соответствовало званию генерал-губернатора, а наказного атамана (кроме Донского и Сибирского казачьих войск) званию военного губернатора. Этим самым в одном лице соединялось военное и государственное управление.

[27] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

[28] *Энвер-паша* (22.11.1881–4.8.1922) один из 3-х лидеров партии младотурок, участвовал в проведении младотурецкого переворота и низложении султана Абдул-Гамида 2-го в 1908 г, один из идеологов панисламизма. Участник Балканских войн (1912–13), был начальником штаба и фактически командиром 10 АК, защищавшего Адрианополь. 23-го января 1913 произвел военный переворот, свергнув кабинет Киамиля паши, хотевшего заключить мир, и стал начальником генерального штаба. В январе 1914 г. женился на племяннице султана, и в фев-

рале был назначен военным министром. В этом качестве взял обязательство выступить в войне против России на стороне Германии. Во время войны был помощником главнокомандующего турецкими вооруженными силами, но фактически возглавлял их. После разгрома 3 турецкой армии на Кавказском фронте покинул войска и уехал в Константинополь, а после поражения Турции в войне против России бежал за границу, был заочно приговорен к смертной казни. В 1919 г. из Германии, по приглашению К.Радека переехал в Россию. После неудачной попытки проникнуть в Турцию и организовать там борьбу против Мустафы-Кемаль-паши осенью 1921 уехал в Туркестан, где создал подпольный «Комитет национального объединения». Переехав в Восточную Бухару, работал над организацией сближения между Россией и Турцией, Афганистаном и Персией, имея целью создания союза против Великобритании. В 1922 возглавил банды басмачей, действовавших на территории России и поддерживаемых Великобританией. В начале 1922 захватил Душанбе и организовал поход на Бухару. В одной из стычек его отряд был разбит, а сам Энвер-паша погиб.

[29] *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. – Париж, 1933. С. 42.

[30] Там же. С. 27.

[31] Там же. С. 44.

[32] РГВИА. Ф.15134. Д. 6. Л. 4 об.

[33] Цит. по: *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. – Берлин: «Слово», 1924. С. 271.

[34] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1 Д. 2. Л. 3.

[35] Там же. Л. 74.

[36] Там же. Л. 8.

[37] Там же.

[38] *Юденич Николай Николаевич* (18.7.1862–5.10.1933) генерал от инфантерии. Из дворян Минской губернии. Военное образование получил в 3-м Александровском училище и Николаевской академии Генштаба. До начала Русско-японской войны (1904–05) служил при штабе Варшавского ВО, обер-офицером для поручений при штабе 14 АК., а также в различных штабных должностях в Туркестанском ВО. Во время Русско-японской войны командовал дивизией, был тяжело ранен, награжден золотым оружием. С началом I Мировой войны – начальник штаба Кавказской армии, внес значительный вклад в планирование и организацию операций по разгрому турецкой армии, был во главе Кавказского фронта. В ноябре 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Эстонию. В мае 1919 г. по настоянию А.В. Колчака вступил в единоличное командование белыми войсками Северо-Запада. После поражения его армии отступил с ней в Эстонию, затем переехал в Великобританию. В эмиграции активной роли не играл.

[39] РГВИА. Ф. 575. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

[40] *Семина Х.Д.* Трагедия Русской армии. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1. – Нью-Мексико, 1963. С. 28.

[41] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 2. Л. 136.
[42] *Семина Х.Д.* Указ. соч. С. 143, 144.
[43] Там же. С.187.
[44] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 1. Л. 137.
[45] Там же.
[46] *Семина Х.Д.* Указ. соч. С. 136–137.
[47] РГВИА Ф. 5175. Оп. 1. Д. 2. Л. 508.
[48] Там же.
[49] Там же. Л. 6.
[50] Там же. Л. 30.
[51] Там же. Л. 37.
[52] Цит. по: «Летопись войны», № 48 от 18 июля 1915 г. С. 96.
[53] Там же.
[54] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.
[55] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 43. Л. 31.
[56] Там же. Л. 34.
[57] Там же.
[58] Там же. Д. 44. Л. 4.
[59] Там же. Л. 12.
[60] Там же. Л. 50.
[61] Там же. Л. 5.
[62] Там же. Л. 50.
[63] Там же. Л. 18.
[64] Полевая книжка прапорщика И.Л.Сорокина. РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 57. Л. 1-3.
[65] Там же. Л. 5,6.
[66] Там же. Л. 11.
[68] Цит. по: *Масловский Е.В.* Указ. соч. С. 231.
[69] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 57. Л. 12.
[70] Там же. Л. 13.
[71] Цит. по: «Летопись войны 1914–1917 гг.», № 78, 13.02.16. С. 1242.
[72] Там же. № 84. 26.03.16. С. 145.
[73] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 57. Л. 13.
[74] Там же. Д. 43. Л. 47.
[75] Там же. Л. 51.
[76] Там же.
[77] Там же. Л. 68
[78] РГВИА Ф. 5175. Оп. 1. Д. 57. Л. 19.
[79] *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. – М.: «Воениздат», 2001. С. 153–154.
[80] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 57. Л. 21.
[81] Там же. Л. 34.
[82] Там же. Л. 35.
[83] Там же. Л. 39.
[84] «Летопись войны 1914–1917 гг.», № 103. 6 августа 1916 г. С. 117.
[85] См.: *Елисеев Ф.И.* Указ. соч. С. 87.
[86] *Масловский Е.В.* Указ. соч. С. 370.
[87] РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 30. Л. 27.
[88] *Кузнецов А.* Награды. – М.: «Современник», 1998. С. 70–71.
[89] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 73. Л. 46.
[90] Там же. Л. 51.
[91] *Медведев Р.А., Стариков С.П.* Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. – М.: «Патриот», 1988. С. 34.
[92] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1 Д. 73. Л. 61.
[93] Там же. Л. 51.
[94] Там же.
[95] Там же.
[96] Там же.
[97] Цит. по: *Капельгородский Ф.И.* Шурган. Роман-хроника. Пер. с украинского. – М.: «Советский писатель», 1964. С. 210.

[98] РГВИА. Ф. 175. Оп. 1. Д. 73. Л. 49.
[99] РГВИА. Ф. 5175. Д. 77. Л. 22.
[100] Там же. Л. 28.
[101] Там же. Л. 25.
[102] Там же. Л. 46.
[103] Там же. Л. 65.
[104] Там же. Л. 89 об.
[105] Там же. Л. 102.
[106] Там же. Л. 106.
[107] *Футорянский Л.И.* Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март–октябрь 1917 г.). – Оренбург, 1972. С. 28, 40, 43, 47, 97.
[108] РГВИА. Ф. 5175. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.
[109] РГВИА. Ф. 5189. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–2.
[110] Там же. Д. 80. Л. 18.
[111] РГВИА, Ф. 2262. Оп. 8. Д. 18. Л. 7, 100.
[112] Создана 4 (17) марта 1917 г. в Киеве на заседании Совета Украинской партии социалистов-федералистов с участием: Украинской социал-демократической рабочей партии и Украинской партии социалистов-революционеров. Рада заняла враждебную СНК РФ позицию. Использовав, сформированные ею националистические части она 31 октября (13 ноября) 1917 г. захватила г. Киев. 7 (20 ноября) в своем 3-м Универсале объявила себя верховным органом Украинской Народной Республики в составе России, а 24 января 1918 г. провозгласила независимость республики. Состоявшийся в Харькове Всеукраинский съезд советов в декабре 1917 г. объявил Раду вне закона. Под ударами Красной гвардии, отрядов солдат и революционных матросов, Рада 26 января с остатками своих войск бежала на Волынь – сначала в Житомир, а потом в Сарны. 27 января (9 февраля) ею был подписан договор с Германией и Австро-Венгрией. Вместе с их войсками Рада 1-го марта вернулась в Киев. 29 апреля 1918 г. германское командование, стремившееся установить на Украине режим военной диктатуры, разогнало Центральную Раду и заменило ее «правительством» гетмана Скоропадского. Рада стала создавать свои национальные полки. Три дня на улицах города шли выяснения отношений между этими формированиями и красногвардейскими отрядами. Они закончились тем, что в город стали входить сразу несколько украинских, находящихся под влиянием националистов полков, которые и взяли власть в свои руки 20-го ноября 1917 г.
[113] *Антонов-Овсеенко, Владимир Александрович* (1883–1939) – член РСДРП с 1903 г. Из семьи офицера. Окончил юнкерское училище (1904). В октябре 1917 г. секретарь Петроградского ВРК, один из руководителей штурма Зимнего дворца и ареста Временного правительства. Нарком в 1-м СНК – член Комитета по военным и морским делам. В ноябре–декабре 1917 г. командующий Петроградским ВО. В декабре 1917– марте 1918 гг. командующий советскими войсками про-

тив войск Каледина, украинской Центральной рады, германских оккупантов; в марте–мае Верховный главнокомандующий советскими войсками Юга России. В дальнейшем командовал группами войск Восточного фронта, Советской Армией Украины. С октября 1919 г. на партийной и дипломатической работе. Подробнее см.: Гражданская война и военная интервенция. Энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1987. С. 39.

[114] РГВИА Ф. 2007. Оп. 1 Д. 88. Л. 207.

[115] *Духонин, Николай Николаевич* (1876–1917) генерал-лейтенант. С 3 (16) ноября 1917 г. главковерх. Решением Совета Народных Комиссаров 9 (22) ноября отстранен от должноти за то, что своим решением отпустил из Быховской тюрьмы арестованных генералов Деникина, Корнилова, Романовского, Маркова и др. После занятия Ставки революционными войсками убит солдатами.

[116] *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о Гражданской войне. – М., 1924. Т. 1. С. 115.

[117] Первоначальная форма нарождавшейся казачьей федерации, заложенной 20 октября 1917 г. Тогда на 2-й конференции, при участии представителей Дона, Кубани, Терека, уполномоченных от Северо-кавказских горцев, Дагестана, Астраханских и Уральских казаков был подписан союзный договор. Однако прошло еще более 2-х лет, прежде чем идеи Союза вылились в конкретные решения по его деятельности. Перед самым разгромом ВСЮР, 11-го января 1920 г. Верховный Круг Дона, Кубани и Терека окончательно утвердил союзную конституцию.

[118] В понятии казаков это присужденное Богом их историческое право владеть Старым полем, берегами рек Дона и Донца от их истоков до устья и наоборот. (См.: Казачий словарь-справочник. Т. 2. – Сан-Ансельмо (Калифорния, США), 1968. С. 40).

[119] *Куценко И.Я.* Указ. соч. С. 303.

[120] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 81. Д. 3 Л. 1.

[121] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 3. Д. 31. Л. 17,121,123.

[122] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 47. Л. 409.

[123] РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1149. Л. 180, 208.

[124] Военно-революционные комитеты – боевые органы, создававшиеся по инициативе большевиков при Советах рабочих и солдатских депутатов, а там, где Советы возглавлялись меньшевиками и эсерами – при комитетах РСДРП (б). Они сыграли важную роль в руководстве борьбой за установление Советской власти в октябре 1917 – марте 1918 гг., затем чрезвычайными органами власти Советов. По мере организации Советского государственного аппарата деятельность ВРК прекращалась, вся полнота власти сосредоточивалась в руках Советов. Опыт организации и деятельности ВРК был использован при создании ревкомов.

[125] Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 гг. – М.,

1977. С. 579, 649.

[126] Цит. по: «Вольный Дон», 1917, № 121.

[127] Там же.

[128] Борьба за власть Советов на Дону: сборник документов. – Ростов-н/Д., 1957. С. 236–237.

[129] *Антонов-Овсеенко В.А.* Указ. соч. С. 116.

[130] *Горлов В.П.* Героический поход. Военно-исторический очерк боевого пути Таманской армии. 2-е изд. – Воениздат 1967. С. 23.

[131] Там же.

[132] *Ковтюх Епифан Иович* (1890–1938) – командир Красной Армии. Член коммунист. партии с 1918. Из батраков. Окончил школу прапорщиков (1916). Участник I Мировой войны, штабс-капитан, награжден двумя Георгиевскими крестами. После указанных событий на Тамани в октябре-декабре 1918 командовал Таманской армией. В сентябре-ноябре 1918 г. начальник 48-й, а затем 50-й стрелковыми дивизиями. Одновременно в декабре 1919 – начале 1920 гг. командующий Царевской группой войск 11-й армии, в январе 1920 – командир 7-го сводного корпуса. За освобождение Царицына и станции Тихорецкая награжден орденом Красного Знамени (1921). В августе-сентябре 1920 г. начальник гарнизона Екатеринодара, командир экспедиционного десантного отряда, действовавшего против Улагаевского десанта, награжден вторым орденом Красного Знамени (1922). В 1926 награжден третьим орденом Красного знамени за бои в 1918 при освобождении Армавира. В дальнейшем был на командных должностях, комкор. Член ВЦИК.

[133] *Батурин Григорий Николаевич* (1880–1925). Из дворян. Член коммунистической партии с 1917 г. Окончил кадетский корпус. Участник 1-й Мировой войны, штабс-капитан. В Красной армии с мая-июня 1918 г. сотрудник Орготдела Комиссариата по военным делам Северо-кавказского Военного округа. В июле военком по формированию частей Красной Армии на Кубани. В августе-ноябре начальник штаба начальник штаба Таманской армии. В декабре 1918 – начале февраля 1919 г. начальник 3-й Таманской стрелковой, а впоследствии некоторых других дивизий на Северном Кавказе. В августе 1920 г. начальник штаба Екатеринодарского укрепрайона. С сентября 1920 г. по июль 1921 г. начальник гарнизона Екатеринодара. В дальнейшем находился на военно-административной работе.

[134] *Вишнякова Прасковья Ивановна* (1887–1967) партийный и государственный деятель. Член коммунистической партии с 1903 г. Из крестьян. Работница. В 1917 член Кубанобкома РСДРП(б), с декабря член Новороссийского ВРК. В бою против казаков 20.10.1918 на полустанке Энеем заменила двух погибших командиров красногвардейских отрядов из Новороссийска и Крымской. С осени 1918 – в партийном подполье Севастополя, Екатеринослава. Весной 1919 – член ревкома Нижнеднепровского райо-

на, председатель райсовета, с осени работала в политотделе Юго-Восточного фронта. С 1920 председатель Донского военно-революционного трибунала, член Кубано-Черноморского обкома РКПБ (б) и облисполкома. За заслуги в Гражданскйй войне награждена орденом Красного знамени (1928).

[135] *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана. – Буэнос-Айрес: «Сеятель», 1961. С. 230.

[136] Система оперативных объединений, состоявших из отдельных отрядов, в условиях начального периода организации Красной Армии в 1918 г. Они были созданы Высшим военным советом для обороны демаркационной линии, установленной после Брестского мира в марте 1918 г., и прикрытия главных операционных направлений, ведущим к центрам страны от возможных вторжений германских войск. Завеса состояла из участков, в которые входили все красногвардейские, красноармейские, партизанские и повстанческие отряды, действовавшие в их полосе. Приказом РВСР от 11 сентября 1918 г. завесы были расформированы, на смену им пришли фронты.

[137] *Полуян Я.В.* Очерки Гражданской войны на Кубани. – Краснодар: Изд. газ. «Красное знамя», 1921. С. 8.

[138] См.: *Сакке М.А.* Казачий полководец. Правда о Сорокине. – Курганинск, 1995. С. 102–103.

[139] *Берлизов Александр Евгеньевич* (1953–1992) – окончил исторический факультет Кубанского госуниверситета, офицер внутренних войск, работал корреспондентом газет «Комсомолец Кубани» и «Освобождение». Талантливый публицист, автор множества статей и книги «На сажень быстрее ветра». Был одержим идеей возрождения казачества и за свою короткую жизнь многое успел на этом пути – стал сопредседателем 1-го Казачьего клуба в Краснодаре, членом патриотической организации Кубанская казачья Рада и оргкомитета по созыву 1-го съезда казаков Кубани. Добровольно вступил в отряд казаков, принимавших участие в защите Приднестровской республики. В одном из боев 31-го марта 1992 г. погиб в расцвете творческих сил. В 1995 г. опубликован его неоконченный роман «Дорога чести», который он посвятил казакам Кубани – белым и красным, среди них революционные идеалисты А.И.Автономов и И.Л.Сорокин.

[140] См.: *Берлизов А.Е.* Дорога чести. – Краснодар: «Советская Кубань», 1995. С. 362.

[141] Там же.

[142] «Пролетарская революция на Дону», М.–Л., 1924. № 4. С. 195.

[143] *Петренко С.В.* Правда о Сорокине, командующем вооруженными силами Северного Кавказа. 1918 // ЦМВС. Документальный фонд. Ед. хр. 5008. 1918. Л.1, машинопись.

[144] ГАКК. Ф.р. 411. Оп. 2. Д. 472. Л. 8.

[145] *Орджоникидзе Г.К.* Избранные статьи и речи. – М.: «Политиздат». Т. 1. С. 51.

[146] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 61. Л. 6–7.

[147] *Хижняк И.Л.* Годы боевые. – М.: «Воениздат». С. 102.

[148] *Клавинг В.* Белые армии. – М.: «АСТ», 2003. С.182.

[149] Цит. по: *Белизов А.Е.* Дорога чести. – Краснодар, «Советская Кубань», 1995. С. 88.

[150] *Сухоруков В.Т.* 11-я армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918–1920 гг. – М.: «Воениздат», 1961. С. 25.

[151] «Известия» Кубано-Черноморского ЦИК, 8.03.1918 г.

[152] Там же, 10.03.1918 г.

[153] Там же.

[154] Там же.

[155] Цит. по: *Борисенко И.П.* Авантюристы в Гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. – Ростов-на/Д.: Издат-во Ростовского университета, 1991. С. 14.

[156] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82, Д. 6. П. 1. Л. 6–8.

[157] *Рузский Николай Владимирович* (6.3.1854 -18.10.1918) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник русско-турецкой (1877–78 гг.) и русско-японской (1904–05 гг.) войн. Автор полевого устава 1912 г. С началом 1-й Мировой войны был назначен командующим 3-й армией Юго-Западного фронта. Его войска заняли г. Львов, за что 23 августа 1914 г. был сразу награжден орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степени; был первым кавалером этого ордена в 1-ю Мировую войну. За Галицийскую битву 25.10 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. В дальнейшем, несмотря на некоторые достигнутые тактические успехи, его армия понесла потери, в 3 раза превышавшие потери германских войск. 18.08.1915 г. назначен командующим Северного фронта, прикрывавшего Петроград. Принял активное участие в давлении на Николая II, чтобы побудить его отречься от престола. Когда начался распад армии, покинул пост и уехал лечиться в г. Кисловодск. В сентябре 1918 г. расстрелян красными в г. Пятигорске.

[158] *Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич* (24.9.1859–18.10.1918), настоящее имя Радко Русков Дмитриев – болгарин, участник национально-освободительного движения Болгарии от турецкой зависимости, воевал в составе русского полка лейб гвардии. После обретения Болгарией независимости окончил военное училище в Софии и Николаевскую военную академию в Петербурге (1884). Принадлежал к прорусско-настроенной части офицеров болгарской армии, активно участвовал в свержении с престола князя Александра I Буттенберга. Командовал дивизией, был начальником генштаба Болгарской армии. Успешно командовал армиями в 1-ю и 2-ю Балканские войны, состоял болгарским посланником в Петербурге. После вступления Болгарии в I Мировую войну на стороне Германии принял российское подданство и вступил в армию в чине генерал-лейтенанта, получил в командование 8-й корпус 8 Армии. За успешные действия был

повышен в должности – сменил генерала Н.В.Рузского на посту командующего 3 Армии. Его армия с переменным успехом вела боевые действия под Перемышлем, на р. Сан, в Карпатах, брала Краков. За понесенные большие потери своей армией под Ригой 20.07.1917 г. снят с должности и уехал на лечение в Пятигорск. В сентябре 1918 г. расстрелян красными.

[159] *Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич* (1887–1947) – генерал-лейтенант, казак станицы Баталпашинской. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1907). Во время 1-й Мировой войны сформировал Кубанский конный отряд особого назначения для действий в тылу на Германском фронте. В 1917 командовал отрядом на Кавказском фронте в корпусе генерала Н.Н.Баратова в Персии. Весной 1918 организовал партизанский отряд в районе г. Кисловодска, летом дивизию, с которой вступил в Добровольческую Армию. В этой армии командовал дивизией, корпусом, Кубанской армией. Во время отступления белых войск к Новороссийску сдал должность ген. Улагаю. В Русской армии генерала П.Н. Врангеля особо себя не проявил, уволился со службы и эмигрировал из Крыма в Европу. В эмиграции работал цирковым наездником. В годы 2-й Мировой войны принимал активное участие в формировании антисоветских казачьих частей. В мае 1945 г. был выдан командованием оккупационных английских войск советскому командованию. 16.01.1947 казнен.

[160] *Шкуро А.Г.* Указ. соч. С.70.

[161] Там же.

[162] Там же. С.72

[163] Там же.

[164] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты (далее – ОРС). – Берлин: «Слово», 1924. Т. 3. С.194.

[165] Там же.

[166] Цит. по: *Борисенко И.П.* Указ. соч. С. 17.

[167] ГАКК. Ф. р-1512, Оп. 1. Д. 2. Л. 42–43, 50–56. Ф. р. 411. Оп. 2. Д. 295. Л. 35. р-1634. Оп. 1. Д. 136. Л. 8–10.

[168] См.: *Берлизов А.Е.* Указ. соч. С. 207–219.

[169] Там же. С. 382.

[170] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 6(1). Л. 8.

[171] ГАКК. Ф. р-1512. Оп. 1. Д. 2.

[172] «Известия» Кубанского областного Исполнительного Комитета № 55. 25 мая 1918г. г. Екатеринодар.

[173] ГАКК. Ф.-р.411. Оп. 2. Д. 294. 4.2. Л. 146.

[174] Там же.

[175] *Разгон И.* Сорокинщина // Орджоникидзе и Киров и борьба за власть советов на Северном Кавказе. (1917–1920 гг.) – Госполитиздат, 1941. С. 145.

[176] *Орджоникидзе Г.К.* Путь большевика. – Госкомиздат, 1956. С. 211.

[177] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 12, Д. 24. Ч. 1. Л. 155.

[178] ЦАМО РФ. Ф. 118. Д. 950. Л. 13.

[179] Директивы Главного командования Красной Армии 1917–1920 – М.: Воениздат. 1969. С. 350.

[180] *Борисенко И.П.* Указ. соч. С. 70.
[181] *Ковтюх Е.И.* Железный поток в военном изложении. – М.: Госвоениздат, 1931. С. 25.
[182] Там же.
[183] Там же. С. 35.
[184] Цит. по: *Разгон И.* Указ. соч. С. 166.
[185] ЦГВМА. Ф. 29. Д. 77. Л. 6.
[186] Там же. С. 167.
[187] *Тихменев Александр Иванович* (1878–1959) – контр-адмирал. По прибытии в столицу и после неудавшейся встречи с В.И.Лениным был арестован, но отпущен матросами и бежал за границу. В начале 1919 г. прибыл в Добровольческую армию и находился в распоряжении начальника Морского управления штаба ВСЮР. В 1920 г. находился в распоряжении Морского управления в правительстве генерала П.Н.Врангеля. 17 октября 1920 г. заменил контр-адмирала Евдокимова на посту начальника Морского управления и вместе с адмиралом Кедровым готовил и проводил эвакуацию Русской армии и беженцев из Крыма. С переходом флота в Константинополь был назначен начальником штаба Русской эскадры и продолжал занимать этот пост после прибытия эскадры в Бизерту. Проживал в Тунисе до своей кончины 25 апреля 1959 г.
[188] ЦГВМА. Ф. 29. Д. 77. Л. 8.
[189] *Кукель-Краевский Владимир Андреевич* (1885–1940). После потопления кораблей Черноморского флота в районе Новороссийска, с августа 1918 г. служил в Военном флоте Астраханского края, затем в штабе Астрахано-Каспийской флотилии. С ноября 1918 г. начальник Южного отряда судов флотилии. В январе–мае 1919 г. командовал крейсером «Богатырь» на Балтийском флоте. С июня 1919 г. – начальник штаба Астрахано-Каспийской, а с августа Волжско-Каспийской флотилии. За занятие форта Александровский награжден орденом Красного Знамени (1920).
[190] ЦГВМА. Ф. 342. Д.9 2. Л. 215.
[191] Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). – М.: Воениздат. 1969. С. 87–88.
[192] ЦАМО РФ. Ф. 25896. Оп. 9. д. 19. Л. 27–28.
[193] ЦАМО РФ. Ф. 25896. Оп. 1. Д. 50. Л. 190.
[194] См.: Борьба за советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. – Краснодар, 1957. С. 267.
[195] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 2.
[196] Там же.
[197] Там же. Л. 1–2.
[198] Там же. Л. 1.
[199] Там же.
[200] Там же. Л. 1–3.
[201] Там же.
[202] См.: *Берлизов А.В.* Указ. соч. С. 108.
[203] *Деникин А.И.* ОРС. – Париж, 1922. С. 145–146.
[204] *Деникин А.И.* ОРС. – Берлин. Т. 3. С. 174.
[205] ГАКК. Ф. р-4634. Оп. 1. Д. 100. Л. 4.
[206] ГАКК. Ф.р-411, Оп. 2. Д. 306. Л.193.
[207] См.: *Сухоруков В.Т.* Указ. соч.
[208] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 4.
[209] Там же.

[210] *Ковтюх Е.И.* Указ. соч. С. 32.
[211] *Деникин А.И.* ОРС. - Берлин. Т. 3. С. 193.
[212] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 4.
[213] *Деникин А.И.* ОРС. - Берлин. Т. 3. С. 153.
[214] ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
[215] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 5.
[216] Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве (далее - СГКМ). Ф. 523. Ед. хр. 2. Л. 74.
[217] *Крутоголов Ф.Ф.* Правда о Сорокине. ГАКК. Ф.р. 1634. Д. 100. Оп. 1. Л. 3,11,12. Д. 13. Л. 5. Д. 75. Л. 1.
[218] ГАКК. Там же. Ф. р-1634. Оп. 1. Д. 100. Л. 11.
[219] *Шкуро А.Г.* Указ. соч. С. 218-219.
[220] Тот, кто перешел в христианство из другой религии. См.: Словарь русского языка. Т. 1. - М.: «Русский язык», 1981. С. 262.
[221] ГАКК. Ф.р. 512. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
[222] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 5.
[223] ГАКК. Ф. Р. 1634. Оп.1 Д. 100. Л.7.
[224] ГАКК. Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 51. Л. 11-12.
[225] *Деникин А.И.* ОРС. - Берлин. Т. 3. С. 207.
[226] ГАКК. Ф. р. 1634. Оп. 1. Д. 164. Л. 9.
[227] Цит. по: *Берлизов А.Е.* Указ. соч. С. 437.
[228] *Ковтюх Е.И.* Указ. соч. С. 48.
[229] ГАКК. Ф. р. 1638. Оп. 1. Д. 164. Л. 3-4.
[230] ГАКК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 203. Л. 55.
[231] *Батурин Г.Н.* Красная Таманская армия. - Краснодар, 1940. С. 10.
[232] Там же. С. 11.
[233] Там же. С. 16.
[234] *Горлов В.П.* Указ. соч. С. 88-89.
[235] *Батурин Г.Н.* Указ. Соч. С. 17.
[236] Цит. по: *Разгон И.* Указ. соч. С. 243.
[237] *Сухоруков В.Т.* Указ. соч. С. 99.
[238] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 6.
[239] Там же.
[240] Там же. Л. 6.
[241] Цит. по: *Берлизов А.Е.* Указ. соч. С. 440.
[242] Там же. С. 163.
[243] *Ковтюх Е.И.* Указ. соч. С. 79.
[244] *Батурин Г.Н.* Указ. соч. С. 21.
[245] ЦАМО РФ. Ф. 25896. Оп. 10. Д. 4. Л. 103-105.
[246] Там же.
[247] Документы по истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 240.
[248] *Петренко С.В.* Указ. соч Л. 6.
[249] Там же. Л. 6-7.
[250] ЦАМО РФ. Ф. 25896, Оп. 1. Д. 4. Л. 89.
[251] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 8.
[252] Цит. по: *Поликарпов В.Д.* Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. Тринадцать бесед. - М.: Политиздат, 1988. С. 62.
[253] Там же.
[254] Там же.
[255] Цит. по: *Поликарпов В.Д.* Указ. соч. С. 61.
[256] *Окулов Алексей Иванович* (1880-1939) - партийный деятель, член Коммунистической партии с 1903 г. Из семьи золотопромышленника. В 1917 г. председатель исполкома Енисейского губернского совета, член Средне-сибирского областного бюро и Енисейского губкома РСДРП(б). Член ВЦИК 2-го созыва. В январе-мае

1918 г. член президиума ВЦИК, особоуполномоченный ВЦИК по формированию частей Красной Армии в Сибири. В мае–июне 1918 – председатель, в июле – военком Военно-оперативного штаба Западной Сибири, один из руководителей обороны г. Омска и Тюмени от белочехов, в октябре-декабре член РВС Южного фронта, одновременно член РВС 10 Армии. После разрешения указанного в книге конфликта был членом Революционного военного трибунала республики, членом РВС Западного и Южного фронтов, чрезвычайным уполномоченным по инспектированию воинских частей на Украине, командующим войсками Восточной Сибири. С 1923 г. находился на партийной и Советской работе, Член ВЦИК.

[257] *Поликарпов В.Д.* Указ. соч. С. 61.

[258] ЦАМО РФ.Ф. 586. Оп. 9. Д. 730. Л. 28.

[259] Документы о героической обороне Царицына в 1918 г. – Госполитиздат, 1942. С. 167

[260] «Известия ВЦИК», 23 августа 1919 г., № 160.

[261] Цит. по: *Деникин А.И.* ОРС. – Берлин, 1925. Т. 4. С. 113.

[262] ЦАМО РФ. Ф. 33504. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–10.

[263] ЦАМО РФ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–7.

[264] *Сухоруков В.Т.* Указ. соч. С. 90.

[265] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 7.

[266] Там же.

[267] Там же. Л. 8

[268] Там же.

[269] Там же.

[270] Там же. Л. 10.

[271] Там же.

[272] Там же.

[273] *Вацетис Иоаким Иоакимович* (1873–1938) – происходил из крестьян. Окончил академию Генерального штаба (1909), участник 1-й Мировой войны, полковник. Командуя 5-м латышским Земгальским стрелковым полком перешел в октябре 1917 на сторону Советской власти. Был начальником оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке в декабре 1917, в январе 1918 руководил подавлением мятежа польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого. С апреля 1918 – нач. Латышской стрелковой дивизии; один из руководителей подавления левоэсеровского мятежа в Москве (июль 1918). В июле–сентябре 1918. командующий Восточным фронтом. В сентябре 1918 – июле 1919 гг. главнокомандующий Вооруженными силами Республики и член РВСР; в январе–марте 1919 г. одновременно командовал армией Советской Латвии. С августа 1919 работал в РВСР. С 1921 на преподавательской работе в Военной академии РККА, командарм 2 р.

[274] *Кочергин Г.А.* Неопубликованные воспоминания // Материалы секретариата Главной редакции «Истории Гражданской войны в СССР». С. 39–40.

[275] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 12.

[276] Цит. по: *Борисенко И.П.* Указ. соч. С. 49.

[277] *Батурин Г.Н.* Указ. соч. С. 29.

[278] *Полуян Я.В.* Указ. соч. С. 9.

[279] *Батурин Г.Н.* Указ. соч. С. 29.

[280] *Ковтюх Е.И.* Указ. соч. С. 16

[281] *Разгон И.* Указ. соч. С. 245.
[282] *Полуян Я.В.* Указ. соч. 1921. С. 11.
[283] *Ковтюх Е.И.* Указ. соч. Приложение № 2.
[284] Цит. по: *Деникин А.И.* ОРС. - Берлин. Т. 3. С. 217.
[285] Там же. С. 187
[286] Биографические сведения об И.П.Борисенко на основании имеющихся документов о нем, подготовлены в СГКМ научным сотрудником музея М.В. Беляевой в 2001 г.
[287] Цит. по: *Борисенко И.П.* Указ. соч. С. 36-37.
[288] СГКМ. Ф. 523. Ед. хр. 2. Л. 82.
[289] ГАКК. Ф. р. 1511. Оп. 1. д. 50. Л. 8-9.
[290] СГКМ. Ф. 523. Ед. хр. 2. Л. 74.
[291] Там же. Л. 76.
[292] Там же. Л. 77.
[293] См.: Советский энциклопедический словарь. С. 11.
[294] «Правда», № 190, 4.09.1918.
[295] Архив ФСБ по Краснодарскому краю. Справка о смерти М.Ф. Богоявленского-Власова. Ф. 5, гр. 1, арх. № 1033. л. 2-3.
[296] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 13.
[297] Там же. Л. 11.
[298] Там же. Л. 13.
[299] *Никитин И.К.* Страницы истории. Борьба за власть Советов в Пятигорском округе (1917-1920). - Ставрополь. 1957. С. 57.
[300] Там же.
[301] *Петренко С.В.* Указ. соч.. Л. 15.
[302] Там же. Л. 17.
[303] См.: *Берлизов А.Е.* Указ. соч. С. 445.
[304] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 17-18.
[305] СГКМ. Ф. 523. Ед. хр. 2. Л. 9.
[306] Осведомительное агентство. Создано летом 1918 г. при верховном руководителе Добровольческой армии генерале Алексееве для распространения среди населения захваченных белыми территорий и бойцов Красной Армии идей Белого движения. В феврале 1919 г. преобразовано в Отдел пропаганды при правительстве Деникина. Готовило фальшивые номера советских газет. Фальсифицированные декреты Советской власти, ложные приказы командования Красной Армии и др. Подробнее см.: «Гражданская война и военная интервенция в СССР». М. Советская энциклопедия. 1987. С. 423-424.
[307] Цит. по: *Сакке М.А.* Казачий полководец. С. 202.
[308] См.: *Берлизов А.Е.* Указ. соч. С. 162-163.
[309] Там же. С. 163-164.
[310] Там же.
[311] Там же.
[312] Краснодарский Крайпартархив. Ф. 2830.
[313] Там же.
[314] Там же.
[315] «Известия», № 157, 2 ноября 1918 г.
[316] Архив УФСБ РФ по Краснодарскому краю. Справка о смерти М.Ф. Богоявленского-Власова на 9 л. Ф. 5, гр. 1, арх. № 10331.
[317] Краснодарский Крайпартархив, Ф. 2830.
[318] Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917-1920 гг. С. 299.
[319] СГКМ. Ф. 429. Ед. хр. 124. Л. 15.
[320] Там же. Л. 15.
[321] Там же.
[322] Там же.
[323] Там же. Л. 15-18.

[324] Там же.

[325] *Батурин Г.Н.* Указ. соч. С. 32.

[326] «Терек» (Орган Терекркома ВКП(б) Окрисполкома, Окрсовпрофа и Горсовета), от 21 октября 1928 г., № 245/2017.

[327] Цит по: *Берлизов А.Е.* Указ. соч. С. 163.

[328] *Бичерахов Георгий Федорович* (гг. рождения и смерти неизвестны) – инженер, меньшевик. Организатор антисоветского мятежа белоказаков на Тереке летом–осенью 1918 г. Свои действия согласовывал с Деникиным и английской миссией во Владикавказе. Возглавлял контрреволюционный «Терский казаче-крестьянский совет», а затем «Временное народное правительство Терского края». После ликвидации мятежа в ноябре 1918 г. бежал в Петровск-Порт (Махачкала), где присоединился к отряду брата. *Бичерахов Лазарь Федорович* (1882–1934) – полковник Терского казачьего войска. Участник I Мировой войны. В начале 1918 г. находился в Иране во главе отряда терских казаков. В июне отошел в Энзели, где 27 июня заключил соглашение английским генералом Л.Денстервилем о совместных действиях. 1 июня высадился в 35 км от Баку, заявив о желании сотрудничать с Советской властью. 30 июля умышленно открыл занимаемый им участок обороны Баку английским войскам, сам с отрядом ушел в Дагестан. После захвата Баку англичанами был награжден 2 высшими орденами Великобритании, получил чин генерала английской армии. С августа 1918 г. командовал войсками «Диктатуры Центрокаспия». Захватил Дербент, Петровск-Порт, установил связь с Колчаком и Деникиным; создал эсеро-меньшевистское «Союзное кавказско-каспийское правительство». В ноябре перебазировался со своими частями из Петровск-Порта в Баку, где в начале 1919 г. англичане расформировали их, затем выехал в Великобританию. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. – М.: «Советская энциклопедия», 1987. С. 68.

[329] *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. – М.: «Политиздат». Т. 1. С. 91.

[330] Там же.

[331] ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 36. Л. 648.

[332] Там же.

[333] *Деникин А.И.* ОРС. – Берлин. Т. 4. С. 113.

[334] Цит. по: *Сакке М.А.* Казачий полководец. С. 206.

[335] *Деникин А.И.* ОРС. – Берлин. Т. 3. С. 192.

[336] Цит по: *Деникин А.И.* ОРС. – Париж. С. 217.

[337] *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. Т. 1. С. 182.

[338] *Петренко С.В.* Указ. соч. Л. 10–11.

[339] Там же. Л. 18.

[340] Там же.

[341] Цит по: *Сакке М.А.* Станичный храм истории. С. 29.

[342] См.: ответ Главной военной прокуратуры РФ на запрос ЦМВС по поводу репрессий к командующему 11-й армии И.Л. Сорокину БА № 130960 от 19.12. 2005 г.

Именной указатель

Абациев Д.К. 57, 64
Абдул-Гамид 379
Абраменко 187
Аверин 61, 62
Автономов А.И. 30, 146, 147, 157, 160, 169, 170, 173–179, 182, 185, 187, 188, 193, 194, 204–220, 222, 223, 224, 230, 232, 238, 242, 243, 245, 272, 330, 333, 334, 338, 342, 367, 371, 385
Автономов С.И. 182, 347
Автономова Е.И. 182
Агеев 146
Агоев В.К. 367
Азаренко 18
Акулов 18
Александр I Буттенберг 386
Александр II 79
Александров 331
Алексеев М.В. 128, 156–158, 169, 185, 212, 261, 330, 368, 391
Алехин М.Н. 254
Аманула Мирза 63
Амасинский, генерал 93
Анджиевский Г.Г. 355, 357
Андреев Н.А. 337
Анисимов Н.А. 292, 293, 359
Антонов. *См. ниже*
Антонов-Овсеенко В.А. 147, 158, 169, 174, 175, 183, 382–384
Апрелов, генерал 162
Асаульченко П.В. 182
Аскурава Ш.М. 315, 356
Астахов А.П. 17
Атарбеков 344, 354
Ахмет-Изет, тур. маршал 121

Бабаев, подъесаул 119
Бабич М.П. 50, 54
Балабин 215, 252
Балахонов Я.Ф. 181, 296, 321
Балис 214, 217
Барановский, п-ник 95
Баратов Н.Н. 61, 77, 159
Батлук 192
Батурин Г.Н. 164, 278–281, 291, 318, 319, 326, 360, 362, 364, 384, 389, 390, 392
Безкровный, генерал 36
Бекович (Бекович-Черкасский) Александр 35
Беленкович 300
Белизов А.Е. 386
Беликов 249
Беликов И.Н. 223
Белогубец 362
Белоцерковский А.А. 22
Беляева М.В. 391
Берия Л.П. 329
Берлизов А.Е. 174, 192, 214, 274, 289, 347, 348, 351, 385, 387–389, 391, 392
Берхман Г.Э. 55, 66, 68, 72, 75
Бибер, подъесаул 61
Бичерахов Г.Ф. 366, 372, 392
Бичерахов Л.Ф. 366, 392
Блюмкин Я.Г. 337
Богаевский А.П. 146
Богаевский М.П. 170
Богданов, нач. к/разв. 11-й армии 343, 345, 349, 355, 358
Богоявленская К.Ф. 336, 339, 356, 357
Богоявленский-Власов М.Ф. 391
Болдырева Е.Л. 19
Болотов 18
Больдт, подъесаул 82, 85, 86
Бондарев, хорунж. 95
Бондаренко, хорунж. 92
Борисенко И.П. 226, 265, 307, 328–331, 333, 342, 348, 386–388, 390, 391
Боровский А.А. 250, 321–324
Бронсар-Шелендорф 67
Бруневич, генерал 304
Брусилевский 296
Брусилов А.А. 156
Бублик П., приказн. 114
Буденный С.М. 16, 21, 374, 375
Букретов Н.А. 69, 75
Булгаков, урядн. 12
Бушко-Жук М.И. 180, 181
Бычков И.В. 49, 51, 148
Вакулин, прапорщ. 111, 132

Валуев А.М. 156
Варнавин 188
Вахиб-паша 121
Вахрамеев И.И. 232
Вацетис И.И. 312, 390
Ведерников Н.Н. 21
Великой 362
Вендин П.Ф. 17, 22
Веревкин Н.А. 36
Веретельников А., урядник 118
Верецкая-Полуян Е. 172
Верховский А.И. 156
Веселовзоров Б.П. 93
Весита 349
Витте С.О. 49
Вишнякова П.И. 165, 172, 384
Власов (Богоявленский) М.Ф. 315–317, 335, 336, 339, 342–344, 355, 356, 357
Влохин, п-ник 332
Волик Ф.Я. 166
Волков, кадет 355
Волкогонов К.В. 48
Волобуев, ряд. 113
Воловик 166
Воробьев 357
Воробьев К. 135
Воробьев Ф. 135
Воронов 192, 257
Воронович Н.В. 46, 379
Воронцов-Дашков И.И. 57, 67, 70
Воронцова-Дашкова В.Д., графиня 60, 348
Ворошилов К.Е. 292, 295, 297–299, 301, 304, 312
Врангель П.Н. 321, 327, 365, 374, 387, 388
Выгриянов 213, 217
Высланко И.Т. 278, 362
Гайченец И.И. 191, 205, 312, 340, 346, 347, 349, 354, 358, 363, 364
Галушко Ю.А. 379
Гаркуша А. 348
Гвоздев К.А. 127
Гейман А.А. 285
Георгиев, прапорщ. 113
Гербиев, прапорщ. 106
Гернштейн Л.Я. 239
Глебов-Авилов Н.П. 232, 234
Гоголь Н.В. 16, 202
Голуб 225, 226
Голубов, войск. старш. 146, 157, 169, 171, 330
Голубовский В.С. 322
Гончаров М.А. 91
Горлов А.Н. 22
Горлов В.П. 280, 384, 389
Горлов И.Н. 22, 287
Грезин 359
Гриненко 347, 349, 358
Гудков И.П. 181, 307, 321, 324
Гулыга И.Е. 63
Гулый, есаул 226
Гуменный П.С. 23, 30, 147, 178–217, 269, 271, 378
Гутор А.Е. 80
Гучков А.И. 129, 136
Гюзе 101

Даль В.И. 335
Данилов, ген., атаман Майкопского отд. 135
Данилов Ю.Н. 380
Датиев 210, 211
Демус М.Н. 227, 256, 327
Демченко Ф.С. 18
Деникин А.И. 185, 188, 192, 193, 206, 211, 212, 216, 239, 248, 250, 252, 258, 261, 262, 270, 272, 276, 281, 282, 289, 290, 302, 303, 322, 324, 340, 343, 348, 365, 367–370, 387–392
Денстервиль Л. 392
Дергачев 363
Детков П.И. 324
Джамфаров Весита 349, 351
Джамфаров Селим 348, 350, 351
Джандиего, п-ник 120
Диденко А., урядн. 118
Дмитриева А.С. 18
Довбор-Мусницкий И.Р. 390
Долженко Н.И. 22
Дроздовский М.Г. 258, 273, 321
Дубенцов Б.Ф. 110
Думенко Б.М. 211
Дунаевский С.А. 269, 333, 347, 352, 354, 357
Дунин 213
Духонин Н.Н. 149, 153, 383
Дьячевский Д., сотник 117
Дьяченко 206

Евдокимов, к.-адм. 388
Ежов Н.И. 329
Елисеев Ф.И. 116, 123, 381
Елисеев, Ф.И. 123
Еськов С., мл. урядн. 114

Жаглин М.Ф. 22
Жаров 166
Жидков А., мл. урядн.

114
Жидков В.М. 21
Жлоба Д.П. 188, 211, 249, 252, 262, 273, 283, 293–295, 297, 299–301, 307, 315
Журавлев Н., приказной 114

Заонегин Г.З. 143
Захарьин, рядовой 113
Зверев 255
Зимин Я 361
Знаменский А. 379
Золотарев 180, 182, 193–195, 199–201, 205, 311, 330
Золотов П.Н. 332
Золотухин Д.П. 332
Зоненко П.К. 180, 250, 258, 321, 324, 326, 357
Зорько 269, 333
Зотолокин, атаман 162
Зубков 166

Иваненко В.П. 21
Иваненко П.Ф. 21
Иваненков И., изд. 281
Иванов Б.Н. 213, 214, 217, 219, 220, 272
Иванов, полковник 65, 82, 85, 86
Иванченко 166
Иванчук С. 362
Ивахненко 344
Иващенко 352
Ивницкий Л.В. 213, 217, 326
Игнатенко, хорунж. 73, 82, 84, 90
Игнатович, шт.-кап. 69
Ильин 192
Ипатов П.М. 322
Истомин Н.М. 66
Исхан-паша 75
Ищенко К.М. 161

Казанович Б.И. 258, 273, 321
Казбек 220, 272
Каледин А.М. 145, 147, 155–159, 383
Калнин (Калниньш) К.И. 223, 230, 238–240, 242, 248, 250, 253, 257, 293, 297, 300
Калюжный 111, 114
Каминков, п-ник 119
Капельгородский Ф.И. 381
Караулов, кап. ГШ 69
Карпузи А.Д. 163
Карякин М.М. 166
Касперский, кап. 355
Катханов Назир 347
Кауфман (фон) К.П. 36
Квитко 166
Кедров, адмирал 388
Келеч Гирей 161
Керенский А.Ф. 149, 150, 153, 155, 156, 338
Киамиль-паша, Махмуд 101, 121, 379
Кига Н.К. 279, 281
Киров С.М. 369
Киселев 361
Кислов 307
Клавинг В.В. 386
Клевцов А. 21
Клембовский В.Н. 156
Клово С. 230, 239
Клюкин 77
Ключевский В.О. 36, 379
Кляшторный 363
Кнерцер (фон) 211
Кнорус С.С. 231
Кобозев П.А. 256
Ковалев М.П. 250, 273, 276
Ковтюх Г.И. 164
Ковтюх Е.И. 164, 226, 227, 229, 256–258, 260, 262, 272, 274, 275, 277, 278, 281, 282, 284, 285, 289–291, 319, 320, 324, 368, 384, 388–391
Колесников 363
Колесников И.Н. 121
Колесников, купец 270
Колесникова М.Д. *См.* Сорокина М.Д.
Коломиец А.Н. 331
Колчак А.В. 368, 380
Колышко 229
Конарев В.С. 17
Конарев Г.В. 17
Конарев И.В. 17
Конарева А.В. 17
Конарева В.М. 17
Конарева О.В. 17
Корганов Г.Н. 154
Корнилов К. 205
Корнилов Л.Г. 38, 141, 146, 156, 157, 169, 185–189, 191, 192, 197, 198, 203, 210, 266, 272, 330
Коробкин 213
Коробнев, генерал 120
Коротыч М.Ф. 22
Корякин М.М. 182
Костенко 291
Косякин А.П. 50
Котов 349, 351, 358
Кочергин Г.А. 254, 258, 289, 291, 314–316, 321, 339, 356, 390
Кочубей И.А. 16, 177, 178, 191, 192, 264, 266, 274, 296, 330, 372
Кошкоданов, корнет 355
Кравцов, хорунж. 111, 112

Кравченко, п-ник 62, 63, 74
Крайний (Шнейдерман) М.И. 252, 269, 289, 312, 315–317, 339–342, 345, 347–351, 353, 355, 357, 362
Красников 269, 333
Красников А.Г. 16, 18, 22
Краснов П.Н. 234, 293, 298, 302, 338, 368
Крутоголов Ф.Ф. 192, 253, 265, 267, 349, 389
Крымов А.М. 156
Кудрявцев 213, 348
Кузнецов А. 92, 114, 381
Куйбышев В.В. 329
Куйбышев Н.В. 329
Кукель-Краевский В.А. 235, 388
Куликов Н.И. 19, 20, 375
Курганов А.С. 49–51
Курочкин А.Н. 20
Кутателадзе, п-ник 66
Кутепов А.П. 152
Кутузов М.И. 24
Куценко И.Я. 151, 379, 383
Кучапов, войск. старш. 153
Кучеров С.П. 54, 55, 61–63, 82, 89–91, 93, 95, 103, 109, 110, 112, 134

Лавис (Лависс) Э. 379
Ларин, комиссар 171
Ларионов И. 86
Лацман 269, 333
Левандовский Г.Н. 352
Левицкий, п/поручик 80
Лемещенко 276
Ленин В.И. 162, 223, 232, 242, 264, 293, 298, 299, 353, 367, 388
Леонтьев Ив. 138
Леонтьев Игнат 138
Лермонтов М.Ю. 12
Лехно Е.Д. 252, 272, 330, 344
Лещиньский Ю. 369
Лиманский А.А. 166, 182
Линский 352
Лисевицкий, прапорщ. 86
Лисконог 286, 321, 327
Литвиненко 310, 311
Лобов, есаул 97
Лобода П.И. 22
Логачев Е.Д. 332
Любченко П.П. 30
Люлька, войск. старш. 134

Майборода, подъесаул 61, 62, 64, 89
Маковкин, вахмистр 48
Малов, подхорунж. 112
Мальцев, прапорщ. 93, 216
Мандельштам 239
Мансуров С.Г. 350, 354, 357
Маньшин Н.В. 22
Марков С.Л. 191, 258
Маркс К. 194
Масарик Т.Г. 146
Маслович 358
Масловский Д.Ф. 59
Масловский Е.В. 102, 380, 381
Матвеев Е.С. 266
Матвеев И.И. 164, 171, 227, 276, 278–282, 285, 289, 290, 314, 315, 317–319, 350, 359, 362
Мацилецкий С.К. 213, 215
Маштов 363
Мдивани З.А. 91
Медведев, есаул 108
Медведев Р.А. 381
Меденюк 166
Мейер Г.Л. 108
Меллер-Закомельский А.Н. 47
Мельников 255
Мехоношин К.А. 298
Мигузов Д.А. 114
Минин С.К. 292, 297–299
Миньков Б. 354
Мирбах В. 337
Мироненко Г.И. 191, 192, 289, 321, 343, 372
Миронов Е.М. 191
Миронов Ф.К. 46, 128, 373, 381
Михаил Александрович, великий князь 128
Мишков 18
Мищенко П.И. 43, 162
Мокроусов А.В. 207, 255, 258, 260
Морозов 16
Муравьев М.М. 337
Мустафа-Кемаль-паша 380
Мышляевский А.З. 68, 71, 72, 153

Наджи-бей 60
Назарбеков Ф.И. 96
Назаров Ф.Д. 169, 170
Назаров, юнкер 355
Нартов И. 135
Невзоров А.П. 178, 180, 349
Неголяев, приказн. 119
Неростов 344
Нестеров 344
Никитенко 225

Никитин И.К. 391
Николаев, п-ник 66
Николай II 109, 386
Николай Николаевич, вел. кн. 102, 108
Николенко А.И. 22
Николенко А.К. 323
Новиков Коля 24

Одарюк С.Д. 181, 339, 340, 346, 349, 354
Озеров Ю.Н. 266, 373
Озовский И.С. 278
Ойцев 229, 230, 274, 275
Окулов А.И. 298, 389
Олефиренко 361
Орановский Н.А. 142
Орджоникидзе Г.К. 30, 179, 206, 221–224, 269, 295, 328, 344, 345, 367, 368, 371, 385, 387, 392
Орлов 14, 349, 351
Орлов, капитан 289, 366
Орловский П.Т. 80
Осипьянц 361
Остерман 269, 333
Острецов 354
Островский 269, 333

Павлюченко 216
Пащенко И., приказной 114
Пащенко Ф. 365
Певнев, генерал 108
Перепеловский, полковник 36
Перов С. 171
Петинов В.С. 16, 22
Петинов С.С. 17
Петраш, полковник 120
Петренко С.В. 178, 221, 243–246, 255, 261, 263, 271, 286, 287, 288, 294, 296, 304–310, 312, 317, 340, 342, 345–347, 349, 351, 371, 372, 385, 388–392
Петровский Г.И 338
Пимоненко 368
Пирумов (Пирумян) Даниел бек 107
Пихтерев 358
Плескачев П.П. 366
Побегайло И.П. 356, 357
Подвойский И.И. 256
Подгорный, есаул 226, 249
Покровский В.Л. 16, 165, 172, 173, 182, 188, 224, 270, 282, 284, 290, 327, 337, 368
Поликарпов В.Д. 389, 390
Положишников Д.О. 322
Полуян В.М. 48
Полуян Д.В. 184
Полуян Я.В. 166, 172, 179, 182, 184, 205, 213, 217, 271, 312, 318, 319, 342, 351, 358, 385, 390, 391
Полуян-Верецкая, сестра Я.В. 184, 216
Поляков(-Викторов) Ю.А. 6, 378
Попов А.П. 169
Попов В.Н. 355
Поссельт (фон), п-ник герм. армии 104
Потапов Н.А. 136
Пржевальский М.А. 58, 61, 71, 72, 74, 153, 154
Придтин, приказной 119
Прокоповы 17
Пронников И. 181, 321
Прусс 239
Пулин, прапорщ. 92, 110
Пулин, хорунж. 132
Пустовойт В.С. 12, 21, 39
Пухляков, студент 171

Равикович 354
Радек К.Б. 380
Радко-Дмитриев Р.Д. 208, 210, 211, 212, 386
Разгон И.М. 319, 387, 388, 391
Рамбо 379
Редутов 206
Ренненкампф П.К. 47
Рогатов 248
Рогачев 180, 188, 226, 227, 228, 229, 257, 272, 273
Родионов 245, 302
Родионов П.Г. 207
Родно 166
Рожанский (Берушь-Рожанский) Б. 269, 342, 345, 347, 352, 353, 357
Рожественский З.П. 42
Романенко А.А. 165, 180, 227, 228
Ромащук, полицмейстер 49
Рубин А.И. 184, 233, 234, 252, 253, 269, 289, 345, 346, 347, 348, 350, 352, 353, 355, 357, 362
Рузский Н.В. 208, 210, 212, 386, 387
Рыбников А., казак 114
Рыльский К.М. 250
Рябов 308, 349, 358

Саблин М.П. 231, 232, 234
Савицкий И.В. 100
Сакке М.А. 17, 21, 173,

362, 378, 385, 391, 392
Салтыков, подъесаул 48
Саморядов, урядн. 91
Сапельников, урядн. 112
Сафаров, хорунж. 125
Сафонов 278
Сачко Г. 199, 200
Свердлов Я.М. 298
Сверчков 216
Селиванов А.Н. 45
Селиванов И.В. 366
Селиверстов Н.И. 21
Селянинов, ст. врач 62
Семин А. 73
Семина Х.Д. 73, 76, 380, 381
Серадзе И.А. 172
Серафимович А.С. 277
Сергиенко И.П. 185, 344
Серебряков Л.П. 372
Сечкин П.Г. 359, 360, 363
Сиверс Р.Ф. 152, 158, 187
Сиденко, казак 261
Сидоренко, подхорунж. 92, 93
Силичев А.С. 253
Симоненко 206
Синецкие 17
Синчило П. 143
Скворцов Л. 205
Скляренко Я.В. 17
Скобелев М.Д. 36
Скобелев М.И. 127
Скоропадский И.И. 382
Слащов (Слащев) Я.А. 210- 212
Смирнов М.В. 289, 326, 360, 363, 364
Смыков В.Р. 22
Снесарев А.Е. 220, 235, 236, 298
Соколов К.М. 143
Соколов С.В. 223
Соловьев, врач 65
Солодухин Г. 28, 379
Соломко, п-ник 112
Сорокин Г.Л. 23, 24, 28, 39, 40, 51, 52, 173, 287, 337, 362
Сорокин И.В. 294
Сорокин И.Л. 7-9, 14, 16, 17, 19-26, 28-38, 40-44, 47-49, 51, 53, 54, 58, 61, 62, 65, 67, 70, 72, 73, 77, 80-82, 84, 85, 86, 90-93, 95, 96, 99, 106, 108-110, 112-120, 124-126, 128, 132-134, 136-138, 140, 142-147, 153, 157, 160, 169-171, 173, 175-179, 182, 184, 187, 189, 191, 192, 194-197, 199, 201-207, 210-216, 227, 230, 232, 233, 238, 239, 242-246, 250-254, 256-258, 260, 262, 264-272, 274, 276, 278, 280-283, 285, 286, 288-297, 299-319, 321, 326-328, 330-332, 334, 335, 337-342, 343-349, 351, 353-361, 364-367, 369-371, 373-379, 381, 385, 392
Сорокин Леонид Иванович 17, 18
Сорокин Лука Илларионович 14, 23, 27, 29, 40, 52, 134
Сорокина Д.Ф. 23, 40, 52
Сорокина Е.И. 52, 134, 245, 330
Сорокина Е.Л. 17, 23
Сорокина Л.Д. 15, 17, 18, 21, 51, 114, 134, 270, 357
Сорокина М.Д. 357
Сосницкий 253
Софонов 229
Сталин И.В. 18, 234, 292, 293, 295, 297-299, 301, 304, 312, 320, 329
Станкевич А.В. 322, 324, 326
Стариков С.П. 381
Старк, п/п-ник 64
Степанов В.Л. 224
Степанов Н.А. 142
Стражев, подъесаул 97
Струмилин С.Г. 7, 378
Ступников А.Т. 80
Суворов А.В. 24
Суворов А.М. 25
Сухоруков В.Т. 285, 304, 307, 342, 386, 388, 389, 390
Сытин П.П. 298, 299, 312

Тарасов 302
Тбилели В. 197, 199, 201, 203
Терек П., мл. урядн. 114
Термен, п-ник 74
Тимофеев 166
Титов 286
Титов Д.Я. 162
Тихменев А.И. 234, 235, 388
Ткалун Р.П. 30
Ткачев В.М. 162
Ткачев И. 55
Ткачев, подъесаул 144
Толкачев М.Ф. 161
Толмачев, войсковой старшина 134
Толстой А.Н. 373
Толстой Л.Н. 12
Томашевский, ген. 140
Торский, комиссар 308,

309
Трифонов 215, 218, 220
Троцевский А.С. 178, 257, 260, 358
Троценко А.Ф. 125, 140
Троцкий Л.Д. 301–303, 353
Трунов К.А. 322
Труфановы 18
Тулинов 327
Турецкий 219, 220, 221, 354

Уваров И.Н. 15, 22, 332
Улагай С.Г. 16, 322, 324
Уласенко, унтер-оф. 55
Ульрих В.В. 354

Фалюн А.И. 362
Фарафонов 319, 344
Федоринов А. 143
Федоров Я.А. 49
Федосеев В., вахм. 118
Федько И.Ф. 238, 250, 262, 289, 320–323, 327, 358, 365, 371
Федяев И. 138
Филимонов А.П. 149, 165, 172, 182
Филимонов Д.А. 80
Филиппов 187
Фильчиков К. 198
Фурманов Д.А. 372
Футорянский Л.И. 382

Хижняк И.Л. 181, 250, 357, 386
Хубиев 23, 24

Цациков, кол. ас. 61
Цибульский 249

Чапаев В.И. 372
Чащевой, прапорщ. 97
Черемухин, анархист 206
Чернобаев, приказной 111, 114
Чернов П. 135
Чернозубов П.А. 57
Черный В. 205, 306, 307, 310, 311, 343, 349, 351, 358
Чернявский 255
Черняев 62, 89, 91, 93, 94, 95, 125
Черняев М.Г. 36
Чикасов 257
Чистов 180, 300
Чичерин Г.Я. 242
Чумак М.И. 322
Чумаков, корнет 116

Шаповал 133
Шарпиньи, генерал 91
Шатохин И. 138
Шафаретов, корнет 355
Шевцов И.Р. 283
Шеин 192, 194
Ширяев 294
Шкуро (Шкура) А.Г. 16, 28, 166, 210–212, 268, 385, 387, 389
Шляхов 361
Шнейдер М. 194, 206
Шнейдерман (Крайний) А.И. 353, 354. *См. также* Крайний М.И.
Шовгенов М. 205
Шолохов М.И. 373
Шрамко, фельдшер 93
Штегман 344
Штейфон, п/п-ник 102
Штригель, п-ник 134, 142
Шульга 249
Шульгин, п-ник 355
Шумаков Н.П. 49, 51

Щербаков Е.М. 17
Щербина П. 269, 305, 308, 309, 347, 351, 358
Щорс Н.А. 30

Энвер-паша 57, 67, 72, 78, 379, 380
Эрдели И.Г. 192, 273

Юденич Н.Н. 65, 68, 69, 70, 71, 75, 85, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 108, 120, 121, 122, 380
Юдин 273
Юрий, внук И.Л.Сорокина 18, 19

Ягодка Я.З. 22
Яковлев А. 171
Яковлев Г.С. 22
Яковлев Я.А. 369
Янковский И.И. 166, 182

ОБ АВТОРЕ

Карпов Николай Дмитриевич родился в 1939 г. в селе Круглом Азовского района Ростовской области. Окончил Горьковское военное училище связи и Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Служил в армии на различных командных и политических должностях, полковник в отставке, старший научный сотрудник Центрального музея вооруженных сил и методист музейного сектора ЦДТ «Южнопортовый». Автор ряда публикаций по истории казачества в России. В 2000–2002 гг. в журнале «Военно-исторический архив» печатались его материалы и исследования по истории Белого движения. В 2006 г. в сборнике научных материалов Института российской истории РАН опубликована работа автора «А.И. Деникин и П.Н. Врангель. От несогласия к антагонизму». Вышли в свет также две монографии Н.Д. Карпова: «Крым–Галлиполи–Балканы» (М., 2002) и «Трагедия Белого Юга» (М., 2005)). Научные исследования автора основаны на богатом документальном материале, с использованием редких архивных источников и неопубликованных ранее воспоминаний участников описываемых событий.

Николай Дмитриевич КАРПОВ

МЯТЕЖ ГЛАВКОМА СОРОКИНА

Правда и вымыслы

Редакционная коллегия серии «СТРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»:
В.В.Дегоев, В.А.Захаров, И.А.Настенко, В.В.Фомин, Ю.В.Яшнев

Художественное оформление и редактирование *Ю.В.Тихонова*.
Техническое редактирование *О.Е.Пугачевой*. Макет SPSL.

НП ИД «Русская панорама». Изд. лиц/ ЛР №030734 от 29.04.1997.
109028, Москва, Серебряническая наб., 27, оф. 103. Тел.: (495) 9175983, 9177094. E-mail: in@rus-pan.ru.

Подп. в печать 1.10.2006. Формат 84x108/32. Гарнитура SPSL-Dutch. Печать офс. 25 п/л+0,5 (вкл.). Бумага офсетная № 1. Тираж 2000 экз. Заказ № 5272.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Книга русского военного историка Н.Д.Карпова повествует о трагической судьбе легендарного полководца периода Гражданской войны И.Л.Сорокина. Имя главкома Красной Армии Северного Кавказа на многие десятилетия было вычеркнуто из памяти соотечественников, а если и упоминалось, то в самом уничижительном виде – мол, был такой авантюрист и бесшабашный командир, которого расстреляли… Между тем, исторические документы и свидетельства даже его врагов, руководителей Белого движения на Кубани, говорят об обратном: участник трех войн, честный и смелый человек, И.Л.Сорокин проявил себя как талантливый военачальник и умелый организатор.

ISBN 5-93165-152-7